BIBLIOTHECA HUNGARICA

Липот СОНДИ

СУДЬБОАНАЛИЗ

МОСКВА «ТРИ КВАДРАТА» 2007

BIBLIOTHECA HUNGARICA

Имре КЕРТЕС
Язык в изгнании

Иштван БИБО
О смысле европейского развития *и другие работы*

Петер НАДАШ
Тренинги свободы

Иштван БИБО
Еврейский вопрос в Венгрии после 1944

Аттила ЙОЖЕФ
Край заброшенных наделов

Дердь ЛУКАЧ
Политические тексты

Липот Сонди

Судьбоанализ

«Три квадрата» Москва
2007

УДК 159.964.2.072+1(439)(092)Сонди Л.
ББК 87.3(4Вен)-5+88в644+88.1(4Вен)6-79Сонди Л.
С62

Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и культуры Венгерской республики и Венгерского культурного, научного и информационного центра при Институте им. Баланта Балашши

Издатель серии: С.В. Митурич
Редакционная коллегия: В.А. Ермолаев, А.И. Ложкин, А.В. Смирнов, А.В. Тихомиров
Переводы с немецкого: А.В.Тихомиров, редактор О.З. Дьяченко

Сонди, Липот.
Судьбоанализ / Липот Сонди ; [статьи; пер. с нем. А. В.Тихомиров]. – М. : Три квадрата, 2007. – 480 с. – (*bibliotheca hungarica* ; вып. 8). – ISBN 978-5-94607-080-5

Книга «Судьбоанализ» является восьмым выпуском серии «*bibliotheca hungarica*». Издание посвящено венгерскому психологу, философу, продолжателю дела З. Фрейда и К. Юнга, основателю концепции Судьбоанализа Липоту (Леопольду) Сонди. Сюда включены работы самого Сонди и его западных и российских коллег, в том числе статьи екатеринбургских ученых, представляющих общество последователей Сонди в России.

© Stiftung Szondi-Institut
© Тихомиров А.В., *перевод с немецкого*, 2007
© Смирнов А.В., 2007
© Ложкин А.И., 2007
© «Три квадрата», 2007

ISBN 978-5-94607-080-5

От издательства

Книга «Судьбоанализ» является восьмым изданием в серии «*biblioteca hungarica*», выходящей при поддержке Венгерского культурного, научного и информационного центра в Москве. Этот томик посвящен венгерскому психологу, философу, продолжателю дела З. Фрейда и К. Юнга, основателю концепции Судьбоанализа Липоту (Леопольду) Сонди.

В издание включены в себя как статьи самого Л. Сонди и его коллег, так и материалы уральских ученых, представляющих общество последователей Сонди в России. Созданное в Екатеринбурге «Русское судьбоаналитическое общество» объединяет целый ряд специалистов, занимающихся развитием и продвижением концепции Судьбоанализа.

Книга является результатом плодотворного научного сотрудничества исследователей российской и европейской школ судьбоанализа. Основная ее задача – познакомить широкий круг читателей с биографией и научным наследием будапештского мыслителя. В книге особое внимание уделяется становлению личности Липота Сонди, определившему его научную деятельность и ставшему своеобразным фундаментом для создания концепции Судьбоанализа.

Судьбоанализ как самостоятельное учение представляет собой одно из направлений глубинной психологии, изучающее родовое бессознательное. Концепция

Липота Сонди является соединительным звеном между психоанализом З. Фрейда (личное бессознательное) и аналитической психологией К.Юнга (коллективное бессознательное). Все три школы составляют базу классической глубинной психологии. Оригинальным вкладом Сонди в развитие психологи-ческой науки стало привлечение к исследованию большого массива генеалогических и статистических данных, связанных с субъектом анализа, что привело к возможности предвидения вариантов его жизненной судьбы.

Интервью с основателем Судьбоанализа, вошедшие в эту книгу, раскрывают Сонди как тонкого и интересного собеседника, с одной стороны, а с другой – затрагивают важнейшие аспекты судьбоаналитической диагностики.

1
Личность и жизненный путь Липота Сонди

А.В. Смирнов

Липот Сонди: биографический очерк

На просторах Австро-Венгерской империи в захолустном городке Нитра, жители которого большей частью принадлежали к национальному меньшинству – словакам, 11 марта 1893 года в семье сапожника Абрахама Зонненшайна родился сын, которого назвали Липотом.

Казалось, судьба не сулила ничего хорошего этому ребенку, жизнь должна была проходить серо и обыденно. Его мать, Тереза Кон, была неграмотной, постоянно болеющей женщиной, всецело поглощенной заботами о детях и пасынках, движимая во всех своих поступках сильными материнскими чувствами. Выйдя замуж за вдовца, уже имевшего четырех детей от первого брака, она родила еще девятерых. Липот был уже двенадцатым ребенком в этом многочисленном семействе. Как и во всякой семье, где много детей, они постоянно соперничали между собой, и каждый хотел получать больше родительской любви, чем остальные. Поэтому отношения между детьми были очень не простыми. Любовь и ревность, зависть и холодность, долг и страсть всегда шли рука об руку и проживались в этом семействе искренне и глубоко. Все это многократно усиливалось большой разницей в возрасте между сводными братьями и сестрами и связанной с ней эмоциональной разобщенностью. Должно быть,

именно поэтому столь рано и столь сильно у Липота развилось глубокое и обостренное чувство справедливости. Упрямство и замкнутость также были чертами его характера. Неспроста в зрелые годы своей научной деятельности Липот много внимания уделял изучению внутреннего мира эпилептиков, которых отличают именно эти черты. Позже, возможно, именно упорство (сестра упрямства) и осознание того, что всего на свете он должен добиваться только своими силами, побудили Липота оставаться в оккупированной фашистами Венгрии и продолжать начатые до войны генетические исследования близнецов.

Абрахам Зонненшайн совсем не был успешным и предприимчивым, его дела шли скорее в убыток. Этим он сильно отличался от других глав семейств еврейского квартала, где жили довольно зажиточные и преуспевающие коммерсанты. Дети досадовали на отца из-за отсутствия у него настоящей деловой хватки. Глубокая религиозность Абрахама приходила в противоречие с жизненными принципами более успешных соседей. Возможно, это и служило причиной их бедности. Семья действительно жила бедно. Только благодаря старшим детям, проживающим в Будапеште, семья Липота не умирала с голоду, поскольку они оказывали существенную материальную помощь. Сводные братья давно стали самостоятельными и хотели жить независимо от отца, тем более, что его второй брак сильно отдалил их от него. Однако они оказывали постоянную финансовую поддержку своему неудачливому отцу.

В конце концов, когда дела пошли совсем плохо, именно старшие дети помогли в 1898 году всем перебраться в Будапешт, где продолжали содержать это многодетное семейство. Особо стоит отметить одного из старших братьев, тоже Абрахама, от первого отцовского брака, достигшего прочного финансового положе-

ния в Будапеште, на чьи деньги, позже, Липот получил образование – тогда единственный доступный для еврейских детей путь построить карьеру.

Переезд никак не изменил положение семьи. Уехав с насиженного места, мать начала болеть еще чаще, так, что одной из старших сестер, живущей отдельно от родителей, пришлось вести их домашнее хозяйство. От проблем и невзгод Абрахам-старший находил утешение в иудаизме. Будучи глубоко верующим, он совсем оторвался от жизни и, отстранившись от нужд семьи, углубился в изучение еврейских религиозных книг, принимаясь за их чтение еще до восхода солнца. Он тщательно и ревностно соблюдал все обряды. По большим праздникам он проводил службу в синагоге, выполняя обязанности служки раввина. У прихожан он снискал глубокое уважение, многие считали его примером для подражания.

Однако дома он всех «держал в кулаке». Для домочадцев отец был домашним тираном, жестоко наказывающим тех, кто нарушал строгие иудейские правила быта. Наказания следовали за любой пустяк, который приходился не по нраву главе семейства. Переменчивый и вспыльчивый Абрахам всех держал в постоянном напряжении. Конечно, это отдаляло детей от отца. Они спешили вырваться из родительского дома. Конфликт «отцов и детей» очень напоминал отношения в семье братьев Карамазовых – литературных героев Ф.М. Достоевского, из романа, который был любимым произведением Липота со времен гимназии[1]. Дети ждали, что отец поможет им встать на ноги, но этого не происходило. Они сбегали от него, рано и поспешно вступая в брак, не слишком вникая в выбор супругов. Липот был единственным из детей, кто оставался с отцом до самой его кончины и помогал ему в исполнении его религиозных обязанностей. Дети, получая независимость, стано-

вились успешными в делах[2], но их поспешность, подогреваемая крутым характером отца, играла с ними «дурную шутку» – все их браки были несчастливы. Судьба сводных и родных братьев Липота, известная ему в деталях, в будущем явилась для него одной из отправных точек в создании научного судьбоанализа [42]. Кроме того, опыт старших научил молодого Липота очень осторожно относиться к собственному решению вступать в брак – женился он довольно поздно – в возрасте 33 лет.

Ни религиозность, ни строгость праведного и своенравного Абрахама не приносили достатка семье, и будущее малолетних детей было наполнено сплошной неопределенностью. Уже стареющий, покидаемый детьми отец, чувствуя вину, находит себе оправдание в заботе о Липоте. В младшеньком он видит единственного и надежного наследника. Он ничего не может дать сыну, кроме веры, приносящей ему утешение, и поэтому отец старательно воспитывает в Липоте религиозность. Он заставляет его изучать венгерский язык, осознавая, как трудно будет жить еврейскому мальчику, говорящему на словацком[3]. Все это ведет к сильному и глубокому сближению отца и сына.

Липот старательно впитывал все, чему его учил отец. Благодаря отцу Липот знакомится с ритуалами и Священным Писанием, без сомнения, гораздо более глубоко и основательно, чем того требовал обычай. Вечерами отец объяснял Липоту сложные иносказательные сюжеты Ветхого Завета, и это научило Липота видеть «невидимое», развило утонченное понимание скрытых и явных мотивов человеческих поступков. Он стал пытлив умом. Постоянное участие в религиозных обрядах и следование строгим правилам способствовало формированию аккуратности, тщательности в делах, вдумчивому и внимательному отношению к фактам и событи-

ям, стремлению к целостности и завершенности. Все это, несомненно, очень пригодилось, когда Сонди, став ученым, занимался научными исследованиями, требующими системности, методичности и кропотливости.

Религиозность, взращенная отцом, способствовала укреплению характера и развила способность стойко переносить все невзгоды жизни. Но самым главным было развитие у Липота веры и способности видеть в происходящих жизненных перипетиях Божий промысел. Сонди именно благодаря отцу стал и всю жизнь был верующим человеком [35]. Вера не раз спасала его. Она помогла ему, как и отцу, преодолевать трудности и пережить самые страшные периоды его жизни – заключение в концентрационном лагере, самоубийство сына и смерть дочери. Пережитый целительный для него религиозный опыт был положен Сонди в основу судьбоаналитической психотерапии, где центральная роль отводится функции веры.

Тонкий мир отношений отца и сына в какой-то мере контрастировал с тем, что Липот встретил в начальной школе, где царила атмосфера муштры и зубрежки и где учителя даже не стремились увидеть индивидуальность детей – для них все были одинаковы. Поэтому в школе Липот не отличался ни успехами, ни прилежанием, зато хорошо показал свой характер, и здесь вновь проявилось его стремление к справедливости.

Однажды учитель залепил такую сильную пощёчину одному наглому ученику, что у того лопнула барабанная перепонка. Родители мальчика настояли на проведении расследования, чтобы выяснить, что именно произошло. Пришла комиссия. Опросили детей. Никто не осмелился сказать что-то против учителя. Единственный, кто на это отважился, был Липот. В отместку учитель проставил ему в свидетельство очень низкие оценки.

Но Липот не опустил руки, он пошел к директору и пожаловался на учителя, который был вынужден выставить после этого адекватные оценки [14, с. 11].

Все годы обучения в начальной школе Липот жил в семье старшего брата [35]. Возможно, что именно в это время отношения между отцом и сыном дали первую трещину – отец фактически отдалил от себя крепко привязавшегося к нему сына.

После окончания начальной школы, когда Липоту исполнилось 11 лет, он поступает в гимназию, где встречает доброжелательных и чутких преподавателей, которые считали необходимым развитие индивидуальных способностей учеников, поэтому часто персонально и безвозмездно занимались с ними даже во внеурочное время. Думается, что такое отношение учителей напоминало Липоту отношения с его отцом. Вероятно поэтому в гимназии Липот становится одним из лучших учеников.

Однако деньги на обучение и на покупку книг Липот вынужден зарабатывать самостоятельно, давая частные уроки отстающим в учебе однокашникам. Отец не оказывает ему никакой материальной помощи, да и откуда ей было взяться. Ведь отец не умел, да и не хотел работать, и вся семья жила на деньги от субсидий преуспевающих братьев. Из этих денег Липот не получал ни кроны на свое обучение. Судьба братьев повторялась и у Липота. Подростку пришлось самому заботиться о себе. В это время латынь и древнегреческий становятся его любимыми предметами. Вероятно, это было следствием постепенно нарастающих противоречивых и неприятных для Липота чувств к отцу, ведь занятия «мертвыми языками» хорошо помогали ему уйти от действительности и не замечать ее. Постепенно Липот все больше привязывается к своему сводному брату Вильхельму и именно его профессию – профессию вра-

ча – он выбирает для себя перед окончанием гимназии [35]. Это было верным знаком возникшего конфликта между Липотом и отцом, который так и не был им полностью разрешен до конца жизни. Свидетельством тому может служить тот факт, что когда в год окончания гимназии в 1911 году у него временно умирает отец, восемнадцатилетний Липот меняет свое имя и фамилию и становится Леопольдом Сонди[1]. Этим шагом Леопольд вероятно хотел уйти от Судьбы, которая навязывалась ему отцом. С другой стороны, и это следует подчеркнуть, после смерти отца, Сонди, единственный из всех детей, придерживаясь ортодоксальной еврейской традиции, находился в трауре по умершему в течение года. По окончании траура он продолжал считать себя верующим иудеем, но больше никогда не соблюдал религиозных традиций.

Конечно, это был тяжелый период его жизни, сопровождавшийся противоречивыми чувствами. Он вспоминал отца, свое детство. В памяти всплывали уже пережитые, но хорошо запечатленные детской памятью разные события и сцены человеческих отношений в их семье. Должно быть, тогда он впервые задумался над тем, почему так, а не иначе сложилась судьба его родителей, братьев и сестер. Зачем отец женился второй раз, ведь у него уже была до этого другая семья? Почему он дал жизнь еще девятерым детям, неужели ему не хватало детей от первого брака? Разве было не ясно, что он обрекает их на полуголодное существование? Почему в жены он выбрал именно мать, а не какую-то другую женщину? А почему братья выбирали в жены именно этих женщин, с которыми потом жизнь совсем не складывалась? Должно быть, тогда он впервые задумался и над своей судьбой. Его начали волновать вопросы, на которые многие пытались ответить и до него – почему все

происходит так, а не иначе? Что такое судьба? Что движет ей? В поисках ответов он много читал и... *о, судьба...* творчество русского писателя Ф.М. Достоевского оказалось тем, что направило его мысли в верное русло. Позже Сонди вспоминал:

> «Проблема выбора полностью и окончательно захватила меня после окончания гимназии (1911). Я читал произведения Достоевского и задавался вопросом, почему в качестве главных героев своих рассказов он, как правило, выбирает убийц и «святых». По-моему, Достоевский знал и настойчиво стремился художественно описывать внутренний мир убийц (Раскольников, братья Карамазовы) и святых (Отец Зосима), потому что сам нес в себе (как скрытую родовую наследственность) и убийцу, и святого. Много лет спустя Генри Трой полностью подтвердил эту точку зрения времен моей юности, записав в биографии писателя, что среди родственников Достоевского были обнаружены и убийцы и святые» [33, p. 27-28].

Сонди уже тогда хотел получить ответы на все свои вопросы. Сразу же после окончания гимназии он погрузился в обучение на медицинском факультете университета Пацмани-Питера (Pazmani-Peter University) в Будапеште, чтобы стать врачом. Но поняв, что профессия «чистого» медика не поможет ему ответить на терзавшие его вопросы, меняет решение. На третьем курсе он решает посвятить себя медицинской психологии. Он хочет быть невропатологом и психиатром.

Он заинтересовался бурно развивающейся в те времена экспериментальной психологией, ведь он был уверен, что психология – наука, тогда только «набиравшая обороты», действительно поможет ему в его личном «расследовании». Поэтому Леопольд начинает работать в качестве стажера под руководство профессора

неврологии и психиатрии *Поля Раншбурга* в психологической лаборатории лечебно-вспомогательной школы, созданной при этом же университете[5].

Сонди становится ярым читателем трудов ставшего к этому времени знаменитым *Фрейда*. И в период 1912– 1913 годов он прошел персональный психоанализ у *Адольфа Ноймана*, ученика *Шандора Ференци*, который в свою очередь был учеником Фрейда, чтобы изучить аналитическую работу с ассоциациями и сновидениями.

Когда Леопольд был на четвертом курсе, его как студента-медика отправили в составе германо-австрийских частей на Восточный фронт, причем не в тыловые роты, а на передовую, где он провел все четыре года Первой мировой. Все, что он пережил на войне, оказалось очень важным для его будущего.

Его жизнь постоянно подвергалась опасностям, но он всегда был там, где было опаснее всего. Он работал непосредственно на передовой как санитар, вытаскивая раненых из-под обстрела и делая им перевязки прямо во время атаки, чаще всего по ночам. Особый ужас на него и его однополчан наводили русские атаки и артобстрелы. Русские довольно часто прорывали линию обороны, и австрийцам приходилось спасаться бегством, делая это порою по несколько раз в день[6].

После одного такого обстрела в 1916 году Сонди обнаружил, что один шрапнельный осколок, попав в заплечный ранец, застрял в книге «Толкование сновидений» З. Фрейда. Психология в буквальном смысле слова спасла ему жизнь. Он решил, что должен знать психоанализ и все научные достижения его основателя. Позже этот случай натолкнул его на мысль об объединении всех школ глубинной психологии в единую глубинную психологию.

В другой раз, и в этом же 1916 году, его жизнь спасает приказ прибыть в другую воинскую часть. Как только Леопольд ушел из своей санчасти, которую он оборудовал вместе с другими студентами-медиками, туда попала граната. Вернувшись вечером, он узнал, что оба студента погибли.

Эти случаи позволили Леопольду понять, что судьба не является набором случайных, не связанных между собой событий. В ней всегда прослеживаются определенные, неосознаваемые человеком закономерности, наличие которых Сонди потом подтвердил в пяти важнейших сферах, формирующих судьбу человека, – любовь и брак, выбор друзей, выбор болезни, выбор способа смерти и выбор профессии.

До войны Сонди, по его собственным воспоминаниям, почти каждый день переживал сильные приступы страха смерти. Он ужасно боялся умереть. Этот страх начал преследовать его после конфликта с отцом, когда он почувствовал себя одиноким и никому не нужным. Сейчас, на фронте, смерть была рядом, и он привык к ней, она перестала его пугать. Он понял, что смерть не настолько ужасна, как ему казалось раньше. На войне он примирился со смертью, ведь на войне убивают, и страх исчез. Это была еще одна метаморфоза, которую произвела в нем война.

Но было и еще одно важное открытие, сделанное им на войне. Он понял, что ему уготовано что-то большее по сравнению с остальными людьми. Он понял, что он, должен совершить нечто такое, что может сделать только он один, и поэтому Бог хранит его от смерти на этой войне, ведь он был и оставался верующим человеком. На фронте его вера укреплялась еще больше, и чем крепче становилась она, тем более бесстрашным становился он, тем больше крепла в нем уверенность в том, что он должен совершить какое-то открытие, ко-

торое даст ответы на волновавшие его вопросы о скрытых закономерностях судьбы.

Даже на войне Леопольд не забывал о своем большом семействе, и родня скоро напомнила о себе. После расформирования остатков австро-венгерских частей в 1916 году Сонди тяжело заболел и был отправлен в Вену в военный госпиталь. Там он влюбился в медсестру-блондинку, которая была учительницей иностранного языка, христианкой, родом из Саксонии. И вот однажды он видит сон, в котором родители обсуждают судьбу его старшего брата. Тридцать лет назад брат изучал в Вене медицину и также был влюблен в учительницу иностранного языка, христианку, блондинку родом из Саксонии. Брат женился на ней, но брак был несчастливым. Проснувшись, Сонди понял, что бессознательно намеревается повторить судьбу своего сводного брата [14, с. 13]. Вот когда Леопольду пригодились плоды долгих бесед с Адольфом Нойманом. Сонди решил сопротивляться такой навязываемой судьбе. Утром он объявил, что совершенно здоров, и фактически сбежав из госпиталя, возвратился в свою часть. И Леопольд действительно не повторил судьбу своего брата. Совершив этот поступок, он фактически выбрал новую судьбу и понял, что она не является фатальной до конца – благодаря волевому выбору можно превращать навязанную судьбу в свободно выбранную.

Хотя обучение Сонди было прервано войной, он, тем не менее, завершил его, вернувшись в Будапешт в 1919 году. На следующий год он открыл практику в качестве невропатолога и эндокринолога, работая ассистентом в отделении неврологии и психиатрии в поликлинике Апони. Однако практиковал он не более двух-трех дней в неделю. Все остальное время он проводил в лаборатории, которую возглавлял заведующий отделением неврологии и психиатрии в этой же поликлинике уже извест-

ный нам Поль Раншбург [5]. Образованная еще до войны, теперь она стала называться Лабораторией лечебно-педагогической и экспериментальной психологии.

Да, да, Леопольд вернулся именно к нему, поскольку в этот период его жизни именно Раншбург стал его наставником, в чем-то олицетворяя для Сонди образ отца, к которому Леопольд был так привязан. С 1923 года под руководством Раншбурга, снискавшего почет и уважение в научных кругах, Сонди начал свою научную карьеру. В поликлинике Апони он оборудовал первую в Будапеште амбулаторию эндокринологии и конституциональной патологии. Вместе со своими коллегами Сонди составлял кадастры (генеалогические деревья) семей, в которых рождались дети с различными видами патологии. При этом велась летопись семьи каждого ребенка, включавшая не менее двух ее поколений. Эти сведения дополнялись данными клинических, биохимических, эндокринологических и рентгенологических исследований [14, с. 16–17].

Сотрудничество с Раншбургом было значимым не только в связи с «обретением отца», но также и потому, что профессор занимался психологическим тестированием больных и использовал статистические методы обработки данных, чему, кстати, заставлял учиться и Леопольда. Кроме того, опытный профессор научил Сонди методологии психологических исследований. Благодаря этому свои первые шаги в разработке своего знаменитейшего теста – Теста Сонди – начинающий ученый сделал в правильном направлении.

К сотрудничеству с Раншбургом у Сонди был и глубокий личный мотив. «В то время, по разным причинам, я был озабочен изучением истории жизни нескольких сотен семей, имеющих особых родственников, – эти субъекты были умственно отсталыми, с задержкой психического и физического развития, психически больными,

эпилептиками, глухими, слепыми, преступниками, а еще талантливыми и так называемыми «нормальными», обыденными людьми» [33, p. 30]. Одной из этих «разных причин» было стремление иметь возможность для проведения «расследования» тех давних вопросов, которые Сонди поставил перед собой еще в юности. Думается, что работа в клинике и лаборатории, где имелись хорошие условия для получения нужной информации, вполне подходили для этого.

Высоко оценивая Раншбурга как ученого, Сонди, однако, не испытывает к нему личной симпатии – вот они, следы неразрешенного конфликта с отцом – Сонди бессознательно ассоциирует с ним Раншбурга. К 1926 году между ними начались серьезные трения. Упрямый и непокладистый Сонди решительно порывает отношения с 56-летним профессором и уходит и из лаборатории, и из поликлиники Апони [14, с. 15].

Подобно своим братьям, Сонди, разрывая отношения с «отцом-наставником» в образе стареющего профессора Раншбурга, женится в этом же 1926 году. Женился он на *Лили Радвани*. Она родилась 15 апреля 1902 года в интеллигентной семье родителей, имевших хорошее образование. Кстати сказать, в ее роду было несколько раввинов. До замужества она вела очень активный образ жизни, преподавая язык и литературу в частной школе. Выйдя замуж, ради Леопольда оставила работу и стала добровольной помощницей и секретарем в делах мужа. Кто знает, как бы развивалось научное творчество Сонди без этой добровольной «жертвы своей свободой». Гении, как известно, могут творить и созидать, только если хорошо устроен их быт. В 1928 году у них родилась дочь Вера – будущий психиатр, а в 1929 – сын Петер – будущий филолог. После рождения детей Лили занималась детьми и помогала мужу в его работе.

В этом же 1926 году, после отставки Йоля Раншбурга, руководимая им Лаборатория лечебно-педагогической и экспериментальной психологии была реорганизована в Венгерский Королевский государственный лечебно-педагогический институт[7].

В 1927 году при этом институте по инициативе министра культуры и образования Венгрии *Куно фон Клебельсберга* была образована Лаборатория психопатологии и психотерапии. Министр предложил возглавить руководство лабораторией 34-летнему Леопольду Сонди [5; 35]. Сонди не отказывается от этого государственного поста. Он принимает предложение, и одновременно ему присуждается звание профессора психопатологии и психотерапии.

Деятельность лаборатории курировалась и финансировалась правительством, поэтому здесь были созданы все условия для академических и прикладных научных исследований. В распоряжении лаборатории были клиники по всей стране, поставлявшие бесценные, «живые» данные своих пациентов. Лаборатория располагала современным оборудованием. Сонди руководил лучшими в своем деле специалистами. Началась интенсивная, интересная, многообещающая работа. Для Сонди ее личным, скрытым от всех и, наверное, самым главным мотивом был поиск научно обоснованного ответа на свои вопросы о механизмах судьбы, сведших в родственную связь его родителей и двенадцать братьев и сестер. Теперь благодаря имеющимся условиям он от отдельных клинических случаев перешел к системному, методически и методологически выверенному научному исследованию, обладая гораздо большими ресурсами.

Первоначально целью работы лаборатории был поиск внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов развития той или иной патологии, а также определение соответствующих методов лечения, коррек-

ции и профилактики патологии. В духе времени исследования сосредоточились в русле медицинской генетики. Поскольку тогда этой наукой наиболее хорошо была изучена только одна группа наследственных заболеваний – *генные болезни*[8] – Сонди сосредоточил свои усилия в этом направлении. Опираясь на генетическую модель *Г. Менделя*[9] и генеалогический метод, которые и сегодня остаются методологической и методической основой медицинской генетики, Сонди выдвинул рабочую гипотезу о том, что действие латентно-рецессивных генов не прекращается, а реализуется в развитии патологии.

Почему же изучение наследственного генеза различных форм патологии становится для него основным интересом на этот период времени? Думается, что для этого, так же как в других случаях, был и глубокий личный мотив. Известно, что в роду Сонди были люди, страдающие наследственной депрессией; указывается, что мать часто болела, однако практически нигде почему-то не упоминается чем именно. Среди двенадцати братьев и сестер Леопольда наверняка были родственники с психическими отклонениями. Основными видами патологии, которые Сонди лично исследует, были слабоумие, тугоухость, слепота, расстройства речи и социальные фобии. Возможно, что кто-то из его родственников страдал каким-то из этих заболеваний. Разве это не причина с головой окунуться в работу?!

До 1933 года, исследуя наследственную патологию и типы наследования генных заболеваний в семейных и партнерских союзах, он собрал огромное количество случаев, подтверждающих роль рецессивных генов в патогенезе. Один из таких случаев сильно впечатлил его. Речь идет о коммивояжере, совершавшем постоянные переезды из города в город и находящегося в любовных связях сразу с несколькими женщинами. Однако одна

женщина вызывала у него больше симпатии, чем остальные, и к ней он приезжал чаще, а вскоре вступил с ней в брак. От этого брака родился глухонемой ребенок, хотя оба родителя были совершенно здоровы. Анализ генеалогических деревьев родителей ребенка показал, что и по его и по ее линии среди родственников было немало глухонемых людей.

Почему же это впечатлило Сонди? Благодаря этому случаю он осознал, что люди, вступающие в брак, частенько не ведают, что в их семьях встречаются одни и те же заболевания. И этот факт, возможно, заложил «первый камень» в стремление Сонди «оправдать» отца и его повторный брак, ведь мать Леопольда, как помнится, была очень болезненной женщиной.

Интересно отметить, что многое из того, что обнаружил, систематизировал и анализировал Сонди, лишь спустя многие годы признавалось или вновь открывалось генетиками в качестве очевидных фактов[10]. Более того, первенство многих открытий, совершенных Сонди, сейчас почему-то отдается другим авторам[11]. Это можно объяснить только тем, что Леопольд Сонди опережал свое время. Он видел дальше, чем другие современники, для которых идеи Сонди казались полным нонсенсом.

Однако занятие чистой медицинской генетикой уводило его от вопросов, которые были для него животрепещущими. Он постоянно продолжает задавать их себе в ходе проводимых исследований, вольно или невольно ассоциируя жизни своих подопечных с жизнью всего семейства Зонненшайнов.

> «Здоровая девушка выходит замуж за почти глухого мужчину. Наследственный генуинный характер этого дефекта становится понятным, когда обнаруживается, что его сестра и старшие братья полностью глухи с рождения.

От этого брака рождаются двое детей: мальчик – с выраженным поражением слуха и девочка с нормальным слухом, которая выходит замуж и рожает дочь. Этой дочери сейчас 10 лет. Она почти глухая и может общаться с людьми, только читая с губ. Как же могло так случиться, что здоровая женщина, все прекрасно осознавая, выходит замуж за глухого мужчину и передает наследственную глухоту мужа одному из своих детей и даже внукам?..» [43, s. 13].

В 1933 году происходит событие, которое не только в корне изменило исследовательские задачи всей лаборатории, но и оказалось буквально судьбоносным. Сам Сонди так описал его:

«...в моем кабинете появилась молодая женщина в сопровождении мужа. Сначала она пожаловалась на нервозность, нарушение сна, головные боли и страх окружения. Потом упомянула, что за несколько лет до этого консультировалась у психиатра по поводу невротических навязчивостей: во время письма ее рука сильно напрягалась, и она не могла писать определенные буквы, в особенности букву «к».

В период лечения появилось облегчение, и пациентка смогла возвратиться к себе на родину. Однако навязчивости вскоре вернулись, хотя в несколько иной форме. Ее маленькая дочь постоянно болела, и когда женщина наливала дочери лекарство из бутылочки, ее охватывала мучительная убежденность, что она отравит своего ребенка. Женщина вообще не могла избавиться от навязчивой мысли, что ей суждено отравить кого-то. Давала ли она конфеты дочери или что-то другое мужу или гостям, ее одолевала все та же мысль. Она прекрасно понимала, что все это «чепуха», но не могла выбросить ее из головы. Со слезами на глазах она спросила ме-

ня: «Вы встречали когда-нибудь людей, которых одолевали такие же дурацкие мысли?»

Год назад – ответил я – шикарная пожилая дама из вашей же страны регулярно приезжала для встречи со мной, при этом страдая от почти таких же мыслей об отравлении, более того, она рассказывала об этом почти теми же словами, что и вы.

Муж пациентки, который до этого молча сидел на стуле, неожиданно вскрикнул: «Доктор! Я ее знаю, это моя мать!»

Это заявление произвело на меня сильное впечатление. Я нашел заметки, которые делал в отношении пожилой дамы, и прочитал следующее.

72-летняя женщина, мать четырех детей, вдова. Была нервозной с самого детства, хотя в настоящее время проявляются лишь некоторые признаки инсомнии12. Симптомы навязчивости появились только после смерти мужа во время венгерской контрреволюции. Когда один офицер квартировал в ее поместье, произошли трагические события. Любовница офицера отравила себя прямо у него в комнате. С этого момента пациентку начала преследовать навязчивая идея, что это именно она отравила женщину, потому что оставила в комнате емкость с ядом и забыла про нее. Теперь, если она оставляла на столике бутылочки с лекарствами, тут же делала вывод, что намеревается отравить своих детей и внуков. Однажды во дворе она пролила крысиный яд, после этого ее замучила мысль, что она хочет отравить все поместье. Она чувствует то же самое всякий раз, когда предлагает конфеты или лакомства детям или гостям. Она боится выезжать куда-нибудь из поместья, потому что уверена, что кого-нибудь отравит.

Время от времени в саду на землю с деревьев падали зрелые фрукты, и ее немедленно охватывала тревога,

что фрукты отравлены водой, которой их поливают. Всякий раз, когда в поместье кто-нибудь умирает, ее посещает ужасная мысль, что смерть случилась из-за муки, которую она продала несколько лет назад (семейство занималось хлеботорговлей).

Вот такая история. Я спросил у супругов о том, как они полюбили друг друга и решили вступить в брак, и узнал следующее. Они знали друг друга с самого детства и были дальними родственниками. Отец нынешнего мужа и ее дядя были двоюродными братьями. Дядя во что бы то ни стало хотел свести их вместе, потому что – как он говорил – они созданы друг для друга. Казалось, они могли избежать своей судьбы, но девушка, как раз достигшая 18-ти лет, решила извлечь выгоду из брачного предложения. Однако союз был расторгнут через несколько месяцев, и молодая жена вернулась к родителям. Вскоре после этого она лучше узнала своего мужа, они полюбили друг друга и вступили в брак. Уже на пятом году их супружеской жизни появились навязчивые мысли об отравлении. Она сказала, что прежде их у нее не было.

Судьба этих людей впервые заставила меня задаться вопросом: почему именно этот мужчина влюбился именно в эту, а не в какую-то другую женщину – женщину, у которой проявлялись те же навязчивости, что и у его матери? Я прекрасно понимал, что «официальные» представители психологии и психиатрии опишут то, что для меня является свидетельством «роковой судьбы», как чистую случайность, а проблему как ненаучную. Я был убежден в обратном. Я спросил себя, а что если трагическую судьбу этих трех людей рассмотреть на основе генетических исследований.

В этой связи мне пришло в голову, что те же самые или взаимно связанные регрессивные элементы получе-

ны ими от своих предков – или, как называют их генетики, «рецессивные гены» – являются изначальным источником рокового сближения матери, сына и невестки. Мыслимо ли, что эти три человека являются «генетической родней», чьи судьбы определяются одними и теми же «наследственными факторами»? Возможно, что те же самые гены у матери и невестки проявили себя в одинаковых неврозах. Нельзя отрицать, что сын несет те же самые или схожие гены, и даже если они не манифестируют, они находятся в латентном состоянии. Вполне может быть, что эти самые гены, полученные от предков, скрытые и подавленные, представляют «руку судьбы», которая вела ничего не подозревающего мужчину именно к этой, а не к другой женщине.

Поднятые вопросы возникали вновь и вновь всякий раз, когда мои исследования сталкивали меня лицом к лицу с брачными или любовными историями членов этих семей, и не важно, были они больными или нет.

Я спрашивал себя снова и снова, что могут представлять собой повторяющиеся время от времени латентные генетические тенденции, которые сближают партнеров вместе в браке или любовной связи? Почему каждый из них выбирает именно этого, а не другого человека в качестве объекта своей любви? Почему человек выбирает себе в друзья именно этого человека, а не другого? Почему люди выбирают себе именно эту профессию? Ответы на эти вопросы имели важное значение для практической психиатрической и психотерапевтической деятельности13. Именно так, от сухого как пыль исследования наследственности, я пришел к удивительно интересному и всепоглощающему изучению судьбоносных ситуаций, таких как любовные взаимоотношения, брак, выбор друзей и профессии. Я стал «аналитиком судьбы» [33, p. 28–30].

Это высказывание Сонди может выступить в качестве новой точки отсчета в его работе. С этого момента начинается рождение *Научного Судьбоанализа.* Начав исследования как врач, он продолжает их уже как психолог. Исследования по клинической генетике сменяются изучением «феномена не случайности выбора объекта любви». Эта тема становится актуальным лейтмотивом его дальнейшей научной работы.

Браки могут заключаться по самым разнообразным причинам, например из материальной выгоды, по воле родителей, традиции и т.п. Тем не менее, хорошо систематизированный и объемный материал, собранный Сонди, говорил, что такие представления не отражают истинного положения дел. Действительно, зачем здоровому мужчине жениться на девушке с депрессией, чтобы потом произвести на свет четверых детей, всех страдающих аналогичным расстройством. При этом анализ генеалогического дерева мужчины показывал, что бабушка и две его сестры также страдали эндогенной депрессией [3, с. 85]. Наблюдаемые в ходе исследований явления нельзя объяснить на основе традиционных точек зрения. Сонди выдвигает гипотезу о неслучайности браков.

Эта идея не была новой. Еще в 1926 году датский генетик *Вильгельм Йоханнсен*[14] высказал следующее мнение: «Действительно правдой является то, что сознательное или бессознательное взаимное предпочтение друг другом генетически схожих между собой индивидов имеет силу...» Йоханнсен высказал мнение, что браки между такими людьми не являются случайностью, но не смог объяснить, почему это происходит. [37, p. 19].

Воодушевленный этими сведениями, Сонди поставил задачу обнаружить не только скрытые «наследственные факторы», которые определяют бессознательный выбор партнера, но и объяснить механизм этого выбора в любви.

На основе анализа сведений о большом количестве брачных пар и экспериментальных данных он устанавливает, что брачные предпочтения у здоровых и больных людей имеют бессознательное, генно-детерминированное происхождение и определяются генетической схожестью партнеров или супругов [3, с. 90–91]. Сонди создает «*Теорию наследственного выбора объекта любви*». Согласно ей, брачные партнеры фактически тянутся друг к другу на основании уникальной генетической «схожести». «Хотя и невидимая, эта схожесть существует в латентных рецессивных генах, которые инстинктивно и бессознательно направляют наш выбор в любви, и возможно даже в других биологических актах...» [43, p. 26].

Постулируя теорию выбора, опираясь на генетическую модель Менделя, Сонди отмечает, что действие рецессивного гена не прекращается. Реализация его потенциала происходит «обходным путем» – в возникновении симпатии и аттрактивного поведения к индивидам с аналогичным или схожим рецессивным геном в генотипе. То есть глубинной основой сближения людей является именно их «генное сходство». Так Сонди вводит понятие *либидотропизма* – генетически детерминированный выбор брачного или полового партнера.

Для него это было несомненное открытие, ведь он, по существу, ответил на самый злободневный для себя вопрос – почему люди выбирают друг друга (почему мать выбрала отца, а он ее)?

Однако это открытие, как и связанные с ним методические и теоретические разработки, Сонди тщательно скрывал от научной общественности и даже от своих сотрудников в лаборатории. Он так организовал их работу, что, собирая материал для него, они думали, что ведут медико-генетические исследования, не подозревая, что их руководитель работает уже в другом направлении.

Должно быть, здесь не обошлось без манипуляций со стороны Сонди. Хотя причин для этого у него, говоря по правде, было предостаточно.

Сонди не имел весомых аргументов в поддержку своей концепции, пока в 1933 году *Т.Морган* не получил Нобелевскую премию за *хромосомную теорию наследственности*. До этого момента Сонди рисковал прийти в противоречие с генетиками.

Другой причиной было то, что работа Сонди приходила в полное противоречие с официальными задачами лаборатории, поставленными перед ней правительством Венгрии, которое курировало и финансировало ее деятельность. Стоит ли говорить, сколько возникло бы проблем, если бы обнаружилась такая «подпольная деятельность» ее руководителя.

Свою теорию Сонди созидал во времена расцвета психоанализа. Он хорошо ориентировался в психоаналитических работах, посвященных выбору объекта любви, и прекрасно понимал, с какими сильными оппонентами ему придется столкнуться в научном споре. По всей вероятности, он не хотел этого спора, поскольку за несколько месяцев до непосредственной официальной публикации своей концепции в 1937 году материалы своей работы он отправляет *З. Фрейду* для отзыва. Отец психоанализа внимательно ознакомился с концепцией Сонди. Его ответ был сдержанным, но вполне доброжелательным. Отметив глубину и масштабность концепции Сонди, он заметил, что генетический аспект выбора объекта любви для него слишком чуждая тема, и он вряд ли может чем-то помочь. Однако по-отечески предупредил Сонди о необходимости максимально дополнить доказательную базу в отношении генно-биологического аспекта его теории, как бы предупреждая о предстоящих дебатах. При этом, верный себе, подчеркнул, что его

психоанализ и без того основательно изучил и представил науке механизмы выбора объекта в любви. Завершая свой ответ, Фрейд резюмировал, что генный фактор в выборе объекта любви, на который обратил внимание Сонди, может играть свою роль в ряду многих других факторов, не являясь ни отдельным, ни основным [5].

Мнение Фрейда было и всегда оставалось очень важным для Сонди, поскольку это письмо он хранил до конца своих дней[15]. Он ждал от отца психоанализа – «отцовской фигуры» – не просто поддержки и помощи, а защиты от «братьев» – таких же, как он, ученых, но выступающих для него оппонентами и конкурентами. Он ждал разрешения на публикацию, подобно сыну, спрашивающего позволения у отца высказать мнение, противоположное отцовскому или ставящее под сомнение правоту отца. И этот личный мотив тоже побуждал его скрывать до поры всю проводимую работу. Сонди очень ценил и уважал Фрейда, причем настолько, что не побоялся дать ему все свои материалы – он верил, что тот «не выдаст» – хорошо известно, что огласка идеи означает практически потерю первенства – фактор чрезвычайно значимый для любого ученого. Однако Фрейд своим письмом не сказал ни «да», ни «нет», а ведь одно его слово в одночасье могло дать импульс для развития судьбоанализа.

Не получив ожидаемой поддержки от Фрейда, опасаясь за судьбу своей концепции и при этом не желая вступать в явный конфликт ни с генетиками, ни с психоаналитиками, Сонди публикует концепцию либидотропизма в своей первой фундаментальной работе по судьбоанализу: «*Научные достижения по судьбоанализу брачных союзов. Пробная теория выбора в любви*»[16], которая издается в Гааге (Нидерланды) в 1937 году, причем на английском языке. В Нидерландах – «медвежьем углу» тогдашней Европы – психоаналитическая школа была слаба, если во-

обще была, ведь наиболее мощными центрами психоанализа были, по европейским меркам далекие от Гааги, немецко-говорящие Австрия, Германия и Швейцария. Это обстоятельство позволяло Сонди более-менее свободно опубликовать свои взгляды. Не имея единомышленников и находясь в полном «психоаналитическом окружении», он прекрасно понимал, что «братья-психоаналитики» на корню задушат его концепцию, поэтому он искал сторонников. Понятно, что на английском читают и пишут гораздо больше людей, чем на немецком, а это значит, что вероятность найти сторонников тоже возрастала. Он искал сторонников, но не тщеславия ради, а потому, что действительно до конца не был уверен в правильности своей концепции. Будь это не так, он бы не дал своей работе такое осторожное название[17]. Уверенный в своей правоте ученый будет утверждать, а не говорить о том, что только пытается.

Помня о предостережении Фрейда, Сонди продолжил свою работу. Ему нужен был фактический материал и некоторый пересмотр своей концепции в ключе хромосомной теории наследственности – он был вынужден опять повернуться лицом к чистой генетике. Поэтому как руководитель он по-новому организует работу своей лаборатории, предварительно ошарашив изумленных сотрудников фактом своей публикации в Нидерландах. Именно из нее они и узнали, что лаборатория работает в судьбоаналитическом направлении [35]. Огласка «для своих» стала просто необходимой, так как сейчас требовалось собрать гораздо большее количество информации.

Сюрпризы на этом не закончились. Сонди предал огласке и свой знаменитый тест с фотопортретами. К 1937 году он был полностью готов в том виде, каким его знают сегодня. Оказывается, работу над своим тестом Сонди начал еще в 1925 году, когда был в лаборато-

рии Раншбурга. Как-то раз, встретившись с близнецами – детьми его хороших друзей, Сонди показал им фотопортреты каких-то людей. Дети искренне выразили свою симпатию и антипатию к людям на этих фотопортретах. В следующий раз Сонди принес другие фотографии и спросил: «Кто тебе больше нравится? А кто неприятен?» Это повторилось еще несколько раз. Всякий раз к одним портретам дети выражали симпатию, а к другим антипатию. Свой эксперимент Сонди перенес в клинику и начал предъявлять эти фотопортреты своим пациентам. Для чистоты эксперимента он дополнял портреты другими фотографиями с изображениями людей (но не лицами). Постепенно начали определяться конкретные фотопортреты, на которые пациенты с тем или иным диагнозом давали схожие реакции симпатии и антипатии – начали проявляться закономерности. Вот тогда-то и потребовались уроки психодиагностики и тестологии, методологии и статистики у Раншбурга – закономерности нужно было точнее ухватить и объяснить. Сонди понял, что на конкретный фотопортрет, пациенты – носители конкретного диагноза – давали либо реакцию симпатии, либо антипатии. Чьи это были фотопортреты? Ответ очевиден – фотопортреты его сводных и родных братьев и сестер. Как говорится: «Мне повезло, так как я был в курсе того, как выбираются профессии, болезни и разные типы смерти двенадцатью братьями и сестрами (Сонди)» [42]. После началась систематическая работа по созданию теста. Как гений, Сонди действовал больше по наитию, чем на основе расчетов. Он сначала создал тест, а уж потом, после Второй мировой войны его ученики и соратники начали работу по статистической стандартизации теста[18]. Самому Сонди не нужно было доказывать надежность результатов. Для него все и так было очевидно – «Подобное радуется подобному, подобное ищет подоб-

ное». В своей частной переписке с коллегами он просил присылать ему фотопортреты различных пациентов, диагноз, анамнез и судьба которых были известны в деталях. Из нескольких тысяч фотографий Сонди отобрал лишь 48, которые и сегодня составляют аппарат теста. Кто знает, может быть среди них есть фотографии братьев и сестер Сонди?

После публикации в Нидерландах в лаборатории уже открыто велись интенсивные судьбоаналитические исследования семей с обязательным тестированием на Сонди-тесте, который первоначально использовался для изучения роли рецессивных генов в явлении либидотропизма[19]. Сонди торопился, ведь идея стала известна многим, а часто только этого достаточно, чтобы потерять лавры первенства. Конкуренты были, и их число увеличивалось. Уже были работы *В. Йоханнсена, Т. Моргана*, уже выходили в свет статьи *Г. Меллера*, начавшего развивать «*Теорию генетического бремени*» [1, с. 98–112][20]. Сонди основательно изучает работы генетиков и согласовывает свои исследования с их открытиями.

Но появились и сторонники. Начиная с 1938 года, у себя на квартире Сонди стал организовывать и проводить ежемесячные семинары. На них делались очередные сообщения и доклады, а после следовали обсуждения и дискуссии. Кроме сотрудников лаборатории, частыми гостями на них были члены психоаналитического общества. Они же в свою очередь приглашали Сонди на свои семинары. Там он познакомился с *Анной Фрейд*. Иногда семинары посещал и известный мифолог Карл Кереньи. Еще позже эти семинары начали посещать и сотрудники *К.Г. Юнга* [5].

В этот напряженный период проявился крутой нрав Сонди, унаследованный им от отца. Введя правила жесткой дисциплины, он заставлял практически круглосу-

точно работать тридцать своих сотрудников и ассистентов, говорят, не взирая на лица, возраст и не стесняясь в выражениях [33]. Все работали для него, на него и ради него, а он руководил, командовал и распоряжался, интегрируя новое содержание своей концепции.

В 1939 году в своем докладе на первом Международном конгрессе по лечебной педагогике в Женеве Сонди сделал заявление о том, что, изучив больше тысячи семейных пар, нашел ответ на проблему выбора в любви. Теория выбора объекта, изложенная им в 1937 году, теперь предстала в следующем виде:

> «Выбор объекта является генетически детерминированным, биологическим побудительным процессом. Взаимная привлекательность партнеров обусловлена наличием у обоих партнеров тех же самых или схожих латентных рецессивных генов. Это до настоящего времени неизвестная биологическая реальность действия латентных, рецессивных генов называется генотропизмом» [37, p. 18; 44].

Он вводит центральное понятие в новую редакцию своей концепции – генотропизм – заложенная в латентно-рецессивных генах сила, которая притягивает друг к другу людей на основе их генетического родства [31, с. 15]. Этот доклад был его победой. Ведь теперь он знал и понимал, почему отец выбрал мать, почему такой несчастливый выбор в любви совершали его братья и сестры. Теперь он ответил на вопросы, которые сопровождали его все эти годы, начиная с юных лет.

Повторилась и удивительная скрытая тенденция, которую Сонди унаследовал от своих предков и которая уже не раз проявлялась и у него и у его братьев – стремление решительно и внезапно рвать связи и отношения. Как братья стремились прочь из отеческого дома, как когда-то сам Липот Зонненшайн стал Леопольдом Сонди, так и сейчас, не дождавшись поддержки от «отца пси-

хоанализа» Фрейда, Сонди заявляет о собственном, самостоятельно сделанном открытии генотропизма, оставив в тени благозвучное для психоаналитиков слово либидотропизм. Интересен факт, что конференция проходила 24–26 июля 1939 года [44], когда уже тяжелобольной и умирающий Фрейд находился в Лондоне, до его смерти оставалось ровно два месяца[21]. Сонди «бросил отца», не оказавшего должной поддержки. Судьба повторялась.

С этого момента научные работы, достижения и открытия становятся широко известными. Леопольд Сонди окончательно стал ученым с мировым именем. С ним близко знакомится *Карл Юнг*, который сыграет в судьбе Сонди важную роль во время грядущей войны, которая грянула менее чем через два месяца.

Венгрия стала союзницей Германии, но ее фактический правитель адмирал Хорти не спешил следовать гитлеровской кампании по «окончательному решению еврейского вопроса». Венгерских евреев значительно ущемили в правах в соответствии с законами, подобным «Законам об управлении евреями» в Германии [12], но вопрос о высылке их в концентрационные лагеря постоянно откладывался под различными предлогами со стороны правительства Венгрии. Более того, венгерские евреи имели право и возможности эмигрировать вплоть до марта 1944 года [8; 29].

Сонди продолжал работать в своей лаборатории вместе со своими сотрудниками, совершая очередные научные открытия до 1941 года. Ответив для себя на вопрос, почему люди выбирают друг друга, Сонди обнаружил, что генотропизм может распространяться не только на сферу любви и брака, но и другие области человеческой жизни. Данные генеалогических исследований показывали удивительную преемственность и повторяемость не только брачных выборов или заболеваний, но и профессий. Сре-

ди представителей одного рода прослеживалась связь и в способах смерти (естественная от старости, смерть от болезни, смерть от несчастного случая или самоубийство). Наблюдались явные предпочтения в отношении выбора увлечений и друзей, причем часто с аналогичной судьбой. Эти сведения послужили стимулом к пересмотру первоначальных представлений о генотропизме.

Сонди постулирует: «Хотя рецессивные гены не проявляются в фенотипе, они сохраняют свое действие. Они бессознательно направляют наш выбор в любви, дружбе, выборе профессии, болезни и способе смерти» [43, p. 18]. «...С точки зрения судьбоанализа, ген манифестирует генотропически, если он проявляется как бы обходными путями, направляя носителя гена при выборах в сфере любви, дружбы, идеалов, профессии, коллег по работе, к таким индивидам, которые сами являются носителями того же гена» [31, с. 16]. В соответствии с новой редакцией концепции Сонди генотропизм может проявляться в пяти вариациях:

Либидотропизм – выбор брачного или полового партнера, который детерминируется их «генетической схожестью» [19; 26].

Социотропизм – выбор друзей – тяготение к людям со схожими рецессивными генами, с последующим возникновением дружбы между такими людьми [27].

Оперотропизм – выбор профессии или хобби – тяготение к определенным видам профессиональной деятельности и определенной профессиональной среде, в которой через профессиональную деятельность соответствующего содержания проявляется влияние рецессивного гена [19; 20; 21; 22; 23].

Морботропизм – выбор болезни – возможность заболеть только определенным типом заболеваний или конкретным заболеванием, как психическим, так и сомати-

ческим, из всей совокупности заболеваний, которые имеются в линии рода индивида [24; 25].

Танатотропизм – выбор способа смерти – различные причины наступления смерти (естественная, в результате болезни, в результате насилия или убийства, самоубийства, от несчастного случая, в результате катастроф, военных действий, стихии) как повторения судьбы предка [45].

Гены связывают нас с предками. Борьба доминантных и латентно-рецессивных генов в генотипе человека – это «борьба предков». «Предок» стремится прожить еще одну жизнь – в потомке. Пять генотропических путей и выступают как форма и способы, которые «использует предок», чтобы проявиться в жизни потомка.

Однако вновь возникала масса вопросов. Почему у одних это проявляется в выборе партнера или супруга, а у других в выборе болезни? Почему одни счастливо выбирают профессию и становятся высококлассными профессионалами, а другие кончают жизнь самоубийством? Почему в череде душевнобольных потомков появляется совершенно здоровый и талантливый родственник? Вопросы, вопросы, вопросы... Их значимость усиливалась ассоциациями с собственной родней Леопольда Сонди, изнутри побуждая его искать ответы. Так начался новый этап научной работы – разработка судьбоаналитического учения.

В объяснении этих удивительных проявлений генотропизма Сонди обращается к уже известной концепции генетического груза (генетического бремени) Г. Меллера. Сонди отметил, что с точки зрения судьбоанализа генетический груз можно рассматривать как «Родовое бремя», в котором сокрыты негативный и позитивный потенциал развития конкретного представителя рода [37, p. 21]. Связь родового бремени с генотропизмом

оказывается, таким образом, весьма очевидной. Генотропизм можно рассматривать как формы реализации генетического потенциала «подавленного предка» в борьбе с «доминантным предком».

Сонди акцентирует внимание на том, что адаптивные формы поведения передаются по наследству и младенец уже в генотипе имеет набор приспособительных реакций. И именно они детерминируют развитие психики индивида в определенном направлении, заданном его предками [8, с. 66]. Эти приспособительные реакции представляют собой глубинные экзистенциальные потребности, характерные для всех людей, но их специфика, сила, формы удовлетворения определяются у конкретного индивида особенностями каждого конкретного рода. Так, в область глубинной психологии Леопольд Сонди вводит понятие *«родового бессознательного»* – своеобразную форму притязаний предка на то, чтобы полностью повториться в жизни своего потомка «...в той же самой форме экзистенции, в которой она один или несколько раз проявляла себя в линии всего рода» [1, с. 29]. То есть, генотропические проявления можно рассматривать как формы проявления притязаний предка повториться в жизни потомка.

Уже полностью готовый тест Сонди становится основным инструментом изучения скрытых закономерностей родового бессознательного и дает начало новому повороту в работе Сонди – *Экспериментальной диагностике побуждений.*

Совершая эти уникальные открытия, Сонди и не подозревал, что за раскрытие секретов судьбы она начнет мстить ему и одновременно окажется к нему благосклонной. Вновь начала ярко проявляться характерная для Сонди экзистенция перехода из крайности в крайность: «то победа – то поражение, то потеря – то обретение, то жизнь – то смерть».

В начале 1941 года *Давид Раппопорт*, известный ученый, живущий в США, предлагает Сонди опубликовать материалы по работе с тестом. Однако генно-биологический базис этого инструмента на фоне «расовой теории Розенберга» отпугивает научную общественность, а сам Раппопорт вскоре скоропостижно умирает [36].

С декабря 1941 года Сонди заставили оставить занимаемые им государственные должности, профессорство и руководство лабораторией. Она прекратила свое существование, и весь ее штат сбежал от возможных преследований в США и другие нейтральные страны. Сонди остается, продолжая работу дома в одиночку. Он остается, потому что упрям, потому что не боится ни войны, ни смерти, ведь он уже знает, что это такое. Остается, потому что верит в Промысел Божий, не раз спасавший ему жизнь. Остается, потому что новое направление работы находилось в самой интенсивной стадии развития. Покидая Будапешт, материалы исследований пришлось бы оставить[22]. Итоги работы Сонди обобщил в своем фундаментальном труде «*Судьбоанализ. Выбор в любви, в дружбе, профессии, болезни и смерти*» [45]. Рукопись была готова к 1942 году. Личный друг Сонди, Карл Юнг, живущий в нейтральной Швейцарии и имевший большие возможности[23], предложил свои услуги в публикации «Судьбоанализа».

Однако Сонди, будучи занудой, многократно редактировал и проверял научную корректность материалов и поэтому затянул их отправку вплоть до первых чисел марта 1944 года. Усилиями Юнга книга издается в этом же 1944 году в издательстве «Benno & Schwabe» в Базеле.

Наступает 19 марта 1944 года, немецкие войска входят в Венгрию[24]. Под предлогом борьбы с «террористическими отрядами евреев» [29; 9] начинается их депортация в концентрационные лагеря. Руководство

этой акцией поручают оберштурмбанфюреру СС (подполковнику) Адольфу Эйхману, а осуществляют ее венгерские фашисты из партии «Скрещенные стрелы».

С этого дня судьба Леопольда Сонди и его семьи делает новый крутой поворот, полный интриг, опасностей и тайн, полностью не разгаданных и по сей день. Для выяснения судьбы всего семейства Липота Сонди нужно обратиться к событиям, изначально кажущимися абсолютно не связанными с ними, но уготовляющих их судьбу без их ведома. Эти события относятся к той скрытой части судьбы, которая может быть названа промыслом Божьим, пути которого всегда неисповедимы.

5 сентября 1939 года Председатель «Всемирной сионистской организации – WZO»[25] Хайм Вайцман, находясь в Лондоне, призвал всех евреев мира бороться в поддержку Великобритании и использовать все ресурсы для вооруженной борьбы против нацизма [29]. Этот призыв услышали не только патриоты, но и разного рода экстремисты, которых война и вообще опасность генотропично звали за собой и побуждали к активным действиям.

Одним из таких людей был выходец из Литвы Гиллель Кук (он же Петер Бергсон). Еще в начале 30-х годов он вступил в террористическую сионистскую организацию «Иргун Цваи Леуми» (ИЗЛ), которая методами террора стремилась принудить Великобританию отдать евреям подконтрольную ей территорию по обоим берегам реки Иордан для того, чтобы установить еврейское военное управление в Палестине с последующим созданием здесь автономного еврейского государства [39].

В 1939 году Кук вербовал для боевых отрядов «ИЗЛ» молодежь в Польше. Здесь он находит своего союзника, вдохновителя идеи переселения евреев в Палестину, видного лидера международного сионистского движе-

ния, урожденного одессита Зеэва (Владимира) Жаботинского. С началом войны они поспешили переместиться в более безопасные страны, а в январе 1940 перебираются в США для создания здесь военно-экономической инфраструктуры для спасения европейских евреев от геноцида. После скоропостижной смерти Жаботинского в августе 1940 года Гиллель Кук принимает псевдоним Петер Бергсон, дистанцируясь от террористического прошлого, и берет дело в свои руки [16]. Сейчас на фоне событий в Европе создание еврейского государства в Палестине может стать реальностью. Евреи, переправленные в Палестину из Европы, создадут там такую «критическую массу» вооруженного для самообороны населения, которая заставит Великобританию пойти на уступки. Идея спасения и идея государственности слились в единое целое.

Бергсон развил неутомимую деятельность. Благодаря митинговому эпатажу, ошарашивающей манере поведения, прямой агитации с 1940 по 1944 он создает сеть внешне независимых, но реально взаимосвязанных организаций[26], имеющих филиалы во многих нейтральных и оккупированных Германией странах. Их официальными целями было спасение евреев от уничтожения любыми средствами, вывоз европейских евреев под любым предлогом в Палестину для создания самостоятельного государства.

Первоначально его активность встречала сопротивление[27]. Однако по мере вовлечения США в войну ситуация изменилась [16]. Бергсон нашел ценного союзника в лице голливудского сценариста Бена Хечта, имеющего связи с правительством США. Они добились поддержки со стороны военного и военно-морского министров, верховного судьи и многих конгрессменов. Подобно тому, как декабристы разбудили Герцена, Берг-

сону удалось «достучаться» до политико-экономической верхушки американского еврейства, включая его неформального лидера, министра финансов и личного друга Рузвельта – Генри Моргентау [16]. По мере продвижения советских войск к Берлину их сторонниками становились Гарри Трумэн, Герберт Гувер, министр внутренних дел США Гарольд Икес [39].

Активное спасение евреев началось с 1943 года, когда это стало выгодно всем участвующим сторонам. Пытаясь подготовить почву для ведения сепаратных переговоров и одновременно обеспечить поступление валютных средств на закупку военных материалов, Гиммлер весной 1943 года приказал начать на оккупированных территориях поиск евреев, имеющих «влиятельных покровителей в США». Поиск осуществлялся по спискам, предоставляемым филиалами «Комитета по спасению». Было принято решение помещать всех «привилегированных» евреев в лагерь Берген-Бельзен[28] с последующей их отправкой в Швейцарию и Палестину [15][29]. На деньги, вырученные за интернированных лиц, Германия закупала военные материалы, сырье и технику у таинственных поставщиков по запутанной цепочке подставных фирм и использовала их только на Восточном фронте. Так, деньги, вложенные в дело спасения евреев, совершив оборот, возвращались к невидимым вкладчикам, поддерживая Германию в ее войне с Советами, усиление которых очень тревожило мировой капитал. И весь этот «просто бизнес» прикрывался идеей спасения евреев от геноцида, которых действительно убивали.

С момента оккупации Венгрии немецкими войсками, прекратилась и свободная эмиграция евреев. В дело вступил «ВААД» – Будапештский филиал «Комитета по спасению». Его руководители Рудольф Кастнер[30] и Ио-

эль Бранд через доверенных лиц в абвере обратились к шефу СД в Венгрии гауптштурмфюреру СС (капитану) Отто Клагесу с предложением начать переговоры о поставках в обмен на освобождение евреев военных материалов для снабжения войск СС. Клагес немедленно сообщил об этом Гиммлеру, который приказал Адольфу Эйхману вступить в переговоры с «ваадовцами» [28].

25 апреля 1944 года Эйхман пригласил к себе Бранда и предложил предоставить свободу 100 тыс. венгерским евреям в обмен на военные материалы – 10 тыс. военных грузовых машин, 2 млн ящиков мыла, 200 т чая и 200 т кофе[31]. Эйхман предложил Бранду выехать в Турцию и провести там переговоры с представителями «Всемирной еврейской организации» относительно осуществления сделки [9; 13; 17; 28].

17 мая 1944 года Бранд выезжает в Стамбул и начинает переговоры. Об этом узнает советская разведка и передает сведения британцам. Англичане арестовывают Бранда, объявив его «германским шпионом» [28; 30]. Сделка сорвалась, Эйхман не выполнил приказ, а «ваадовцы» ударили в грязь лицом перед своими заокеанскими товарищами по общему делу [9]. Судьба «списочных» евреев становилась трагической.

Поэтому «ваадовцы» активизировали свою деятельность. Через своих людей они выходят на еще одного подполковника СС Курта Бехера, занимавшегося вопросами поставки материалов и снаряжения для войск СС с предложением об обмене. В конце июня 1944 года Бехер вылетел к Гиммлеру и получил указание вступить в контакт с представителями «ВААДа» вместо Эйхмана. Возвратившись, он вплотную занялся этим проектом, потребовав выплаты 2 тыс. долларов за каждого выезжавшего еврея из списка и по 25 тыс. долларов за каждого члена семьи. Общая сумма выкупа достигала 8 млн франков. Ка-

стнер дал свое согласие, и 30 июня поезд с 1684 евреями выехал из Будапешта в Берген-Бельзен [6; 28].

У Сонди не было «богатых покровителей в Америке», но он и вся его семья попали в список. Есть основания полагать, что К.Г. Юнг, находясь в Цюрихе, посетил отделение «Еврейского агентства»[32] и настоял, чтобы семейство Сонди также было включено в список «избранных» [33].

Месяцы в Берген-Бельзене были для Сонди очень горьким и унизительным испытанием, о котором долгие годы он не хотел говорить даже с самыми близкими коллегами. Переговоры о дальнейшей судьбе «избранных евреев» вновь затянулись. Их будущее вновь стало очень неопределенным. Все материалы, которые Сонди собирал в Венгрии, были потеряны. Однако Леопольд мужественно встретил это испытание.

> «Все мы, дети, Вера и Питер, моя жена страшно похудели – до костей. Жизнь в концлагере психологически многому меня научила. С утра и до темноты я брал на себя роль «священника». Моей «консультационной комнатой» было пространство шириной в тридцать сантиметров. Справа, слева и над нами лежали люди на соломенных тюфяках, но ничто не могло помешать тем, кто пытался отыскать в работе со мной душевное спокойствие. Это были совершенно необычные переживания. В лагере в течение всех пяти месяцев я проводил семинар для 8–10 человек, вводящий в судьбоанализ. Два человека и сегодня продолжают свое судьбоаналитическое образование. А из элиты я сформировал гуманистический кружок; там мы, голодные и дрожащие, за закрытыми дверями читали в кромешной тьме доклады, тогда как в нескольких метрах от нас ходили взад-вперед солдаты СС. Это столь сильные переживания, что их влияние неизбежно скажется на моих будущих работах... Мы уже стали верить в то, что умрем

от голода, как вдруг нашу группу погрузили в железнодорожный вагон и 7 декабря 1944 года переправили в Швейцарию» [35; 42].

Только к декабрю 1944 года представители «Еврейского агентства» в Цюрихе достигли успеха в переговорах с немцами по обмену, в результате которых 1365 узников лагеря, Сонди и его семья в их числе, были отправлены в Швейцарию [28; 33].

Швейцария достаточно холодно приняла его. В этом же 1944 году Сонди вынудили сменить издателя. Все последующие работы Сонди выпускались издательством Ганса Губера (Hans Huber Verlag), ставшего его легитимным издателем. Вероятно, это стало платой за освобождение. Коллеги по цеху не спешили помочь профессору с мировым именем, ведь в ту пору в Швейцарии оказалось много вынужденных эмигрантов, которые на чужбине всегда остаются чужаками. Сонди вновь остается один на один со своими проблемами.

Однако мир не без добрых людей. Сонди принимает предложение Оскара-Луиса Фореля[33] начать работу в его санатории «Les Rives de Prangins». Он занимался нарушениями психики у детей эмигрантов. Здесь он вновь приходит к убеждению о необходимости развивать религиозную психотерапию [5].

Этой работы, однако, было явно недостаточно, чтобы прокормить семью. Как когда-то в детстве, Сонди начинает сам зарабатывать деньги, не ожидая помощи. Он путешествует по Швейцарии, читая лекции и доклады. С апреля 1945 года Сонди начинает читать курс лекций по экспериментальной диагностике побуждений в Институте прикладной психологии, приезжая в Цюрих раз в неделю [5]. В помещении буфета Лозаннского вокзала Сонди провел семинар «Введение в экспериментальную диагностику побуждений» [35].

Деятельность эмигранта Сонди не остается незамеченной. Зимой 1945 года Карл Кереньи[34] прочитал в Институте Прикладной Психологии доклад «Введение в судьбоаналитический тест доктора Сонди», прокладывая этим путь для признания в Швейцарии судьбоанализа [35].

В марте 1946 года все семейство переехало в Цюрих на постоянное место жительства [35], К. Г. Юнг помог им обрести жилье, но молчал об этом всю жизнь [33]. Однако по швейцарским законам иностранный врач не имеет права заниматься медицинской практикой. Даже на частную практику наложен запрет [5].

Положение несколько изменилось к 1947 году, когда в издательстве Ганса Губера вышел в свет *«Учебник экспериментальной диагностики побуждений» (ЭДП)*[35], в котором излагались учение о глубинных потребностях и основы работы с тестом Сонди. Полностью пересмотренное 2-е издание вышло в 1960, третье в 1972. Эта работа Сонди сделала ему имя в широких кругах, но прежде всего среди психологов и психиатров по всему миру. Так начался еще один период активной творческой деятельности, подобный тридцатым и сороковым годам в Будапеште.

В Институте прикладной психологии Сонди читал различные курсы: «Побуждения и характер» (1946), «Побуждения и воспитание» (1946–1947), «Введение в судьбоанализ» (1948–1949), «Психология и патология» (1951), сопровождавшиеся упражнениями с Сонди-тестом [35]. Дома Сонди проводил частные семинары, на которых иногда участвовали гости из Америки, Голландии, Дании и Франции. Вскоре в Цюрихе и Базеле образовались группы заинтересовавшихся судьбоанализом специалистов – *Мартин Ахтних, Эвальд Бом, Генри Элленбергер, Ульрих Мозер, Эрнст Шнайдер, Тереза Вагнер-Симон, Армин Беели, Густав Балли, Оскар Пфистер, Леон Вурмсер* и

другие [35]. В 1951 году Швейцарское Психологическое Общество создало «Комитет по судьбоанализу». В задачи комитета входило развитие метода экспериментальной диагностики побуждений, создание научного архива и программы обучения судьбоаналитиков [35].

Помимо учебника по ЭДП, в «Цюрихский период» Сонди написал свои основные труды, которые составили «судьбоаналитическую пятерку».

«Патология побуждений: часть I»[36] появилась в 1952 году. В ней анализировались и описывались психические болезни. Была также приведена первая версия индекса сексуальности, определяющего в рамках теста Сонди соотношение маскулинности и феминности личности.

В 1956 выходит *«Патология побуждений, часть II: Анализ-Я»*[37] книга, которую Сонди определил как свою основную работу: «Здесь я внес в глубинную психологию что-то совершенно новое» (из беседы Борга и Сонди на рубеже 1969–1970 года). «Чем-то новым» Сонди обозначил специфически элементарные функции Я – проекцию, инфляцию, интроекцию и негацию – по мнению Сонди, имеющие динамический порядок развития. Эта книга представляет собой синтез различных аспектов глубинной психологии, которую он назвал «общей глубинной психологией» и которая достигает высшей точки в главе, посвященной религиозным функциям. Ясно, что развитие личности остается незавершенным без этих компонентов – точка зрения Сонди, которая, как и у Юнга, ушла далеко от той, что была высказана Фрейдом. Что касается веры, то можно было ожидать, что человек с личным опытом концентрационного лагеря скажет мало хорошего об этой стороне нашей жизни, и все же именно этот человек сказал! Сонди подчеркивает, что важнейшей, но трудной задачей человеческого «Я» является соединение противоречий, с которыми сталкивается лич-

ность. «Я» должно выступить как «pontifex oppositorum»[38] [33]. Однако соединить все противоречия можно только путем развития подлинной религиозной веры.

В 1963 году вышла в свет *«Судьбоаналитическая терапия»*[39]. Книга является ответом Сонди на вопрос Фрейда о незавершенном анализе, т.е. почему в некоторых случаях анализ затягивается на неопределенно длительное время, пациент время от времени меняет терапевта, но никаких сколько-нибудь заметных положительных перемен не происходит. С точки зрения Сонди, в таких случаях прогресс может быть достигнут прежде всего посредством судьбоанализа. Необходимо полностью исследовать генеалогию пациента, и там, где это необходимо терапевт должен более активно, чем это требуется в обычном анализе, вмешаться – этим Сонди достигает цели: привести пациента к новому восприятию и выбору его судьбы.

Эти пять книг были, по мнению Сонди, основными работами по теории судьбы. Однако была и шестая книга, вышедшая в 1980 году под названием *«Разделение побуждений»* («Die Triebentmischten»), написанную Сонди уже в возрасте 87 лет. Эту работу можно добавить к «большой пятерке», потому что она также привносит новое, а именно теорию агрессии, представленную в обращении к участникам коллоквиума в Памплоне в 1978 году. Школа Сонди проводит эти коллоквиумы каждые три года, начиная с 1958.

С 1963 года судьбоаналитическая школа, которая быстро получила международное признание, начинает выпускать собственный журнал *«Szondiana»*.

Институт Сонди был основан в Цюрихе в 1972 с целью обучения специалистов психотерапии и работе с психодиагностическими техниками. Его полное название *Учебный и научно-исследовательский институт судьбопсихологии и прикладной глубинной психологии*[40] передает од-

ну из основных идей Сонди – соединение различных сфер глубинной психологии в одну общую науку, основные разделы которой включили бы психоанализ Фрейда (личное бессознательное), судьбоанализ Сонди (родовое бессознательное) и аналитическую психологию Юнга (коллективное бессознательное). Только в соединении этих основных частей можно охватить целостную область бессознательного. Постепенно Институт превратился в центр, объединивший всех судьбоаналитиков мира. Со дня его основания и до дня своей смерти им руководил Леопольд Сонди.

Вслед за потерями и поражениями, казалось, вновь наступил благоприятный период жизни для Леопольда Сонди и всего его семейства. Научное творчество было на подъеме. Он стал известным ученым, и у него было много учеников. Жена, Лили, оставалась преданным секретарем и «менеджером», она была верна делу своего мужа и осознавала важность задач, которые он поставил перед собой. Вера Сонди оставалась «папиной дочкой». Получив образование врача-психиатра, принимала участие в работе своего отца, исследуя суицид. Петер Сонди стал видным ученым в области литературы, профессором филологии Берлинского Свободного университета[41].

Однако за этим внешним благополучием просматривалась уже известная нам экзистенция перехода из крайности в крайность.

Ученики оставались преданными ему только до тех пор, пока не начинали зарабатывать много денег, набравшись опыта в институте [35]. За успешностью скрывалось одиночество и тоска, ведь они были эмигрантами, которых вынудили покинуть родину. Сам Леопольд Сонди отмечал, что он всегда чувствовал себя эмигрантом, пока не был занят написанием книг. Этот процесс отождествлялся для него с путешествием на родину [35]. Чем сильнее

была тоска, тем он больше писал и углублялся в науку. Вместе с тоской приходила глубокая досада и злость из-за того, что в силу неподвластных обстоятельств, злой воли других ему, его жене и детям приходится жить навязанной судьбой на чужбине. Кто же эти люди, которые заставили их так страдать? Кто ответит за все мучения и унижения?! Будучи религиозным, Сонди не мог злобно мстить, но так сложилось, что он получил ответы на вопросы и, не ведая того, воздал должное своим гонителям.

Еще в 1961 году Сонди попросили сделать психологический анализ личности одного подследственного – «50-летнего мужчины N» по результатам диагностики Сонди-тестом. Для чистоты экспертного заключения Леопольду Сонди не сообщили, кто этот человек, но передали все материалы, собранные о нем доктором И.С. Кульгсаром (Израиль) в ходе проводимого им психолого-психиатрического исследования этого мужчины [15, с. 24]. Изучая его биографию и данные психодиагностики, Сонди обнаружил множество сходств между судьбой мужчины и своей собственной. Как и Сонди, этот человек был рожден от второго брака отца и состоял в родстве с восемью сводными и родными братьями и сестрой. Как и у Сонди, между ними были противоречивые отношения и соперничество за родительскую любовь. Как и у Леопольда, у него был строгий, своенравный отец, которого он почитал и к которому был также сильно привязан. Отец мужчины также пользовался почетом и уважением окружающих. Как и в родительской семье Сонди, дети противились жестким порядкам отца. Как и сам Сонди, этот мужчина жестко и решительно заявил о своей независимости от отца. Как и Сонди, он имел взрывной характер [15, с. 18–20]. Сонди просто узнал в нем себя. Однако анализ результатов диагностики показывал, что «...мужчина является преступником с неукротимой смер-

тоносной ментальностью Каина» [15, с. 29]. Заключение Сонди повлияло на окончательный приговор обвиняемому в военных преступлениях.

Каково же было изумление Сонди, когда он много позже узнал, что этим мужчиной был не кто иной, как тот самый Адольф Эйхман, который был казнен в Израиле. Этот случай имел глубокие последствия и для самого Сонди, и его Судьбоанализа.

Сонди был поражен тем, как много сходства было между ним и Эйхманом. Сонди понял, что Эйхман — это его «Черный человек», его теневая сторона, Каин, который прячется в нем самом, его «генотропичный брат». Однако их судьба определилась в конечном итоге не генами и наследственностью, а их выбором – Эйхман, порывая с отцом, становится на путь национал-социалистической идеологии. Сонди, отказываясь от навязанной отцом судьбы, становится на путь религиозной веры. И хотя генотропизм заставил их пересечься, судьбы у них были разные. Тогда-то и появилось знаменитое выражение Сонди – «выбор делает судьбу». Думается, что именно случай с Эйхманом побудил Сонди впоследствии развивать тезис о необходимости соединения противоречий и «сплавлении побуждений» посредством религиозной веры и психотерапии.

Несомненно, Сонди был потрясен фактом того, что невольно, но отомстил Эйхману, а в его лице и всем тем, кто «разорил и дом, и дело» Сонди в Венгрии. Однако вслед за этим пришло и чувство вины, ведь Сонди, хоть и не злонамеренно, но поставил последнюю точку в вынесении судьями смертного приговора Эйхману. Поэтому, возможно оправдывая себя, с 60-х годов Сонди с особой тщательностью и щепетильностью развивает одно из направлений своей работы – изучение современных каинитов[42]. Писал он о них не тенденциозно, а объек-

тивно, тонко чувствуя и понимая оттенки их внутреннего мира, ведь они были его «братьями».

Открыв одну свою тайну, судьба наносит родителям два страшных удара. Смерть, от которой Сонди уходил практически всю жизнь, настигла его детей.

Еще с детства Петер испытывал сильный недостаток эмоциональной близости с отцом, который был постоянно занят наукой и не уделял достаточного внимания сыну [5]. Это дало почву для постепенного развития чувства одиночества. События, пережитые Петером в концентрационном лагере, пришлись на самый ранимый подростковый возраст и явились психотравмирующими для юного человека. Они запустили механизм развития эндогенной депрессии, которую Петер унаследовал от своей бабушки по отцовской линии.

Травма концентрационного лагеря стала давать знать о себе, когда Петеру исполнилось 30 лет. В период этого возрастного кризиса он начал жаловаться на приступы душевной боли, парализующие его волю и творчество. Она сопровождалась тревогой, унынием и чувством опустошенности. В письмах к родным Петер писал, что нигде – ни в Будапеште, ни в Цюрихе, у своих родителей, ни в Берлине, он не чувствовал себя дома, ему было одиноко [5]. Его мучило чувство бесперспективности будущего, а прошлая жизнь казалась мерзкой, пошлой, полной предательства и коварства. Настоящее же было наполнено чувством вины и страдания, от которых хотелось, но невозможно было избавиться. Ему недоставало поддержки отца, с которым у него развился серьезный конфликт. Петер считал, что отец смалодушничал, сменив свою фамилию так, чтобы она звучала как христианская, и говорил ему об этом с горечью. Он обвинял отца, что тот думает только о себе и о науке, оставаясь холодным и равнодушным человеком [5].

Переживая одиночество, отчужденный и погруженный в мрачные мысли, Петер находит отдохновение в литературном творчестве своего друга писателя Пауля Целана, который так же как Петер пережил ужасы гетто. Произведения страдающего депрессией после потери близких Целана, наполненные глубокой скорбью и чувством вины перед погибшими родителями и суицидальностью [7], нашли живой отклик в душе Петера. Пауль стал для него «Alter Ego». Погруженный в глубокую депрессию, Целан кончает жизнь самоубийством 20 апреля 1970 года в Париже, бросившись в Сену [5; 7]. Это явилось последней каплей для Петера. В этот момент никого не оказалось рядом, и он в порыве отчаяния повторяет поступок своего друга – 18 октября 1971 года он утонул в Берлинском озере.

Известие о смерти сына вызвало у Леопольда Сонди взрыв раздражения и агрессии [5]. Сонди считал, что человека побуждает жить желание совершать нечто великое, значимое, например в науке и вера в Бога. Сонди-отец следовал своему принципу не потому, что был жесток и холоден, а потому, что в научном творчестве и религиозной Вере обрел опору и смысл жизни, сейчас так же, как сын, спасаясь от одиночества и неприкаянности на чужбине. Поэтому-то он и ушел в науку и Веру с головой, ничего не замечая вокруг[43]. Сын же видел другое – занятого своей наукой, ставшего чужим, отца. Отец считал сына безвольным и слабым атеистом, а сын отца – жестоким эгоистом. Кто знает, как сложилась бы судьба Петера, если бы отец и сын были вместе – душевно и духовно, если бы их не разделяла пропасть классического конфликта отца и сына. Умнейший и опытнейший врач и психолог, спасающий чужих детей, не смог разглядеть опасности для собственного сына – судьба!

Дочь Вера тоже несла на себе родовое бремя многих поколений семейства Зонненшайн. С детства, как и ее бабка, Вера была слабым, болезненным, замкнутым ребенком. Она была сильно привязана к отцу и считалась, как уже говорилось, «папиной дочкой». Отец очень любил ее и баловал. Постоянно проживая с родителями в Цюрихе, Вера получила медицинское образование и начала активно помогать отцу в его научной работе. Областью ее интересов стал суицид! По этой теме Вера защитила диссертацию[44]. В ней она дала обстоятельный анализ психопатологическим механизмам, приводящим человека к самоубийству. Как когда-то отец задавал себе многие «почему?» и искал ответа в науке, так и его дочь, Вера, своей диссертацией пыталась ответить на вопрос, почему брат покончил с собой. И она нашла свой ответ: «Экспериментальное исследование глубинных побуждений позволяет установить, что в депрессивной фазе меланхолик ищет утраченный или не существующий реально объект, который представляет для него наивысшую жизненную ценность. Осознавая невозможность его найти, он испытывает глубокое разочарование во всех ценностях и идеалах окружающего мира, заодно обесценивая и свое существование» [46, s. 24–25]. Можно сказать, что таким объектом бытийной мощи для Петера был его родной отец, конфликт с которым, возможно, и послужил почвой для губительного самообесценивания Петера.

После защиты диссертации Вера работала в архиве института своего отца [46] и, казалось, ничего не предвещало беды. Однако смерть брата, подростковая травма концентрационного лагеря, так же, как и у Петера, послужили для Веры пусковым механизмом к развитию депрессии на фоне эндокринного заболевания. Интерес дочери к изучению суицида уже должен был стать для родителей сигналом. Но вновь никто ничего не заметил.

Летом 1978 года родители уехали на отдых, а когда вернулись – нашли Веру мертвой. Она скончалась за несколько дней до их возвращения [5]. Предполагают, что она так же, как брат, покончила с собой [34]. Заболев, она не лечилась, хотя как доктор прекрасно понимала, чем это может кончиться [33]. Она приближала свою смерть.

Вот такую непомерно высокую цену суждено было заплатить за раскрытие секретов и закономерностей Судьбы основателю Судьбоанализа. Только благодаря Вере в Бога супруги Сонди смогли пережить обрушившийся на них удар.

Смерть детей вплотную подвела Леопольда Сонди к мысли, что отсутствие религиозной веры заставляет человека становиться атеистом, одолеваемым страхом смерти, депрессией и ипохондрией, потому, что не выдерживает груза Бытия. Цель бытия, по Сонди, – это не приближение к смерти, а становление гуманизирующегося человека, свободно выбирающего свою судьбу, способного диалектически объединить противоречия добра и зла, сознательного и бессознательного, материального и духовного, рационального и иррационального. Способность строить такие мосты между противоречиями возможна только при наличии религиозной веры и развитии партиципации с Богом. Если же этого не происходит – возникает страх смерти, чувство конечности и бессмысленности существования.

Стремление совершить что-то значимое для человечества и вера продлевали жизнь Сонди. Он умер лишь тогда, когда ему уже нечего было писать: «Я оставляю после себя судьбоанализ. Он уже больше меня не интересует. Если вдруг появится что-то новое...» [5]. Умер Леопольд Сонди 24 января 1986 года, не дожив полтора месяца до своего 93-летия. Лили Сонди, которая никогда не разлучалась с ним, воссоединилась с мужем и деть-

ми 18 августа 1986 года, после непродолжительной болезни в возрасте 83 лет. Вся семья Сонди вновь встретилась, теперь уже в неземном мире.

В послесловии к своей последней книге «Разделение побуждений» Сонди пишет: «Я заканчиваю серию книг о человеческой судьбе. Продолжать исследовать судьбу будут мои ученики. Естественно, что мне в восьми книгах судьбоанализа не удалось прояснить некоторые важные проблемы, например «судьба и разум (или интеллект)», «судьба и возраст», «судьба и пол», «судьба и национальность», «судьба и климат», «формы судьбы» и ещё многие другие вопросы. Несмотря на это я доволен. Моя долгая жизнь позволила представить в восьми книгах основы судьбы человека» [35].

Да, он сумел «*перебросить мост» между генетикой и психологией*. Он раскрыл секреты человеческого выбора в пяти судьбоформирующих сферах жизни человека. Он стал единственным, кто смог создать научные основания для изучения и объяснения «мистического» феномена судьбы человека. Ему удалось ответить на вопрос, что такое судьба. И именно Сонди подарил преимущественно атеистическому миру научное обоснование религиозной веры как инструмента, как формы и содержания человеческого становления.

А.В. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Как потом оказалось, великий русский писатель Ф.М.Достоевский и его творчество сыграли важную роль в становлении великого венгерского ученого Л.Сонди.

2 Один из братьев Сонди владел продовольственным магазином, другой успешно торговал одеждой, третий был директором универмага, еще один – директором школы. Самый значимый для Липота, сводный брат Вильхельм, был врачом и вообще перешел в другую веру [35].

3 Венгерскому суждено было стать тем языком, на котором впоследствии говорили в собственной семье Сонди.

4 Часто можно слышать неправильное произношение его новой фамилии – Сцонди, Цонди, Шонди и даже Сшонди или Сцшонди. Мы обсудили этот вопрос с нашими зарубежными коллегами. Специалисты из института Сонди в Цюрихе отметили, что фамилию Szondi следует произносить как Зонди. Это правило распространяется на все языки, кроме венгерского, где она произносится как Сонди.

5 Эта лаборатория была первой в Венгрии психологической и психофизиологической лабораторией, основанной именно Полем Раншбургом, который вошел в историю мировой психологии еще и как первооткрыватель эффекта, названного его именем (эффект Раншбурга) – затруднения воспроизведения и узнавания при увеличении сходства заучиваемого материала.

6 Леопольд Сонди служил на Юго-Западном фронте, протянувшемся от города Люблин на севере и до Черновцов на юге. Обстановка на этом фронте была такова, что начиная с августа 1914 года русские войска наносили методичные удары по группировке австро-венгерских войск, вплоть до ее полного разгрома. Воспоминания Сонди относятся к событиям, произошедшим на этом участке общего Восточного фронта, которые вошли в историю под названием «Галицийских сражений». Первое из них происходило 5–18 августа 1914 на территории между Вислой и Днестром. С обеих сторон участвовали до 2 млн человек. Русские войска разгромили 400-тысячную Австро-Венгерскую группировку и продвинулись на 280–300 км. 8–12 сентября заняли города Львов и Галич и 27 сентября вступили на территорию Австро-Венгрии, удерживая линию фронта. До мая 1916 года на этом участке фронта велась позиционная война – войска не ходили в атаку, но вели интенсивные артобстрелы. Только в мае 1916 года объединенные германо-австро-венгер-

ские войска предприняли контрнаступление, но были полностью разгромлены к июлю 1916 года. Русские несли минимальные потери благодаря таланту командующего генерала А.А.Брусилова. Активным участником военных действий был будущий маршал Финляндии и противник Советской власти К.Г.Маннергейм. Кстати сказать, именно этот участок Восточного фронта явился судьбоносным для участи коалиции Германия – Австро-Венгрия – после этого поражения она фактически перестала существовать.

7 Надо отметить, что Венгрия была первой в мире страной, где было создано такое учебное и научно-исследовательское лечебное учреждение для разработки и внедрения методов лечения и социальной реабилитации лиц, которых в те времена называли «социальными деградантами» – умственно отсталые, психически больные, лица с тяжелыми формами врожденных физических уродств, лица с выраженным девиантным поведением и преступники, а также алкоголики, лица, уклоняющиеся от работы и проститутки. Стоит подчеркнуть, что в остальных странах к этим слоям населения применялись меры социальной сегрегации, изоляции, действовали законы принудительной стерилизации – в США такой закон действовал с 1907 года, в Канаде, Швеции, Норвегии, Финляндии, Франции и Японии подобные законы начали приниматься с 1923 года, в нацистской Германии в 1933 году. Все они были результатом евгенического течения в генетике и порожденного им социал-дарвинизма, подхваченного интеллигенцией в тяжелый период экономических кризисов после окончания войны [11; 32, p. 891–898]. К чести венгерской общественности скажем, что она была единственной, которая категорически не приняла и не поддержала такой закон.

8 Генные болезни – разнородная по клиническим проявлениям, патогенезу и этиологии группа заболеваний, наследуемых и развивающихся по законам Г. Менделя. В основе этих заболеваний лежит генная мутация одного гена, поэтому такие заболевания называются *моногенными, монофакторными или менделирующими*. К ним относятся заболевания обмена веществ, патология соматического развития, различные виды нарушений интеллектуального развития, нарушения психомоторного развития и сенсорных систем организма [1, с. 142; 4, с. 61–64].

9 Подробно ознакомиться с генетической моделью Г. Менделя и сформулированными им законами (правилами) наследования можно в любом учебнике по медицинской генетике, например [1, с. 142; 4, с. 60–65].

10 Например, явление гетерозиса, отмеченное Сонди, только в 1946 году было экспериментально подтверждено шведским генетиком Аке Густафссоном [4]. Именно Сонди первым отметил, что латентно-рецессивный ген не прекращает своего действия, оно лишь маскируется активностью доминантного гена, но генетиками это подтверждено лишь недавно [4]. Рабочая гипотеза Сонди о роли рецессивного гена в развитии патологии была фактически подтверждена в 1966 выходом в свет книги В.Мак-Кьюсика «Менделевское наследование у человека: каталог аутосомно-доминантных, аутосомно-рецессивных и Х-сцепленных фенотипов», в которой были собраны сведения о различных нормальных и патологических состояниях человека, где прослеживается менделевское наследование [4]. Идею «больного гена» также высказал Сонди. И лишь с 2000 года благодаря проекту «HUGO» медицинская генетика начала располагать сведениями о патологичных и нормальных генах, обуславливающих в ряде случаев возникновение огромного количества соматических и психических заболеваний [4]. Также смотрите http://www.ncbi.nml.nih.gov/Omim/

11 Детальное исследование этого вопроса представлено в работе: *Смирнов А.В.* Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди. Учебное пособие. – Екатеринбург: изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. – 256 с.

12 Инсомния – нарушения сна, проявляющиеся в различных формах.

13 Да, действительно ответы были важны для науки, но на самом деле больше всего они нужны были самому Сонди – этот мотив был сильнее научного интереса.

14 Вильгельм Йоханнсен (1857–1927) ввел в генетику понятия гена, генотипа и фенотипа, а также доказал, что средовая адаптация организмов не наследуется.

15 Оно хранится и сейчас в музее института Сонди.

16 Contributions to Fate-Analysis of Marriage. An Attempt at Theory of choice in Love. – Acta Psichologica. Vol. 3 (1) The Hague, Martius Nijhoff, 1937.

17 Attemp (*англ.*) – попытка, проба, наметка.

18 Первые работы по академической проверке валидности и надежности теста появились только с 1950–1952 годов (см. [40; 41]).

19 Отсюда и его первое название – «Генотест Сонди».

20 Содержание этой концепции можно раскрыть следующим образом. В связи с интенсивной миграцией человека возникают си-

туации, когда сочетания нормальных генов, полезные в одних условиях, становится основой для патологии с наследственной предрасположенностью в новых условиях обитания. Специфика человеческой эволюции состоит в том, что у человека может сохраняться то, что в животном мире отметается, и отметаться то, что в животном мире приобретается. Человек платит за свое сознание и разумность накоплением патологических мутаций. Но генетический груз, с другой стороны, представляет собой и «резервуар» и потенциально позитивных мутаций при изменяемости условий обитания.

21 Зигмунд Фрейд скончался 23 сентября 1939 года.

22 Они представляли собой огромный архив собранного и систематизированного материала, где наиболее ценными были материалы по близнецовым исследованиям, окончательно доказывающим научную правоту судьбоаналитического учения и его ценность для науки.

23 В 1933 году К.Г. Юнга уговорили стать президентом Международного Психотерапевтического Общества в связи с потерей доверия общественности к этой организации, где доминировали психотерапевты из Германии. Предполагалось, что нейтральный швейцарец, имеющий вес в науке, изменит ситуацию к лучшему. По этой же причине с 1934 года Юнг возглавляет международное отделение редакции журнала «Zentralblatt fur Psychotherapie» в Цюрихе. Он решает вопросы о публикации материалов. Немецкая версия этого журнала цензурируется Германом Геррингом в Берлине для «выявления соответствия материалов публикаций нацистской идеологии». Будучи бюрократом и карьеристом, Геринг в одном из первых редакторских обращений к немецким читателям сказал, что всякий уважающий себя психотерапевт должен в своей работе ссылаться на «Mein Kampf» как на основной первоисточник. С целью повышения авторитетности этого мнения под обращением была поставлена подпись Юнга. Так был положен первый кирпичик в миф о симпатии Юнга к нацистам [38].

24 К январю 1944 года стало ясно, что Германия войну проиграла. Хорти хотел вывести страну из войны, дабы спасти свою Родину от разорения. Разумеется, он бы с большей охотой вступил в контакт с западными странами, но те были далеко, а Красная Армия уже стояла у границ Венгрии. С января года адмирал начал секретные переговоры с представителями Советской Армии. Немецкая разведка сообщает об этом в Берлин. Не желая

иметь у себя в тылу «пятую колонну», Германия, согласно плану «Маргарита», осуществляет ввод в Венгрию немецких регулярных частей, а вместе с ними и войск СС.

25 Всемирная сионистская организация (WZO) и ее Конгресс были основаны в 1897 году Теодором Герцлем, когда он собрал в Базеле около 200 еврейских лидеров со всего мира, чтобы обсудить положение еврейского народа. Собирающаяся на Конгресс каждые четыре года в Иерусалиме, Всемирная сионистская организация стояла во главе движения за образование Еврейского государства в Палестине.

26 1941 – «Комитет по созданию Еврейской Армии из евреев без гражданства и евреев Палестины». 1942 – «Американская Лига Свободной Палестины». 1943 – «Чрезвычайный Комитет по спасению еврейского народа в Европе» (кратко – «Комитет по спасению»). 1944 – «Еврейский Комитет по национальному Освобождению», «Американский Комитет по делам беженцев» [39].

27 Она приходила в прямое противоречие с позицией Великобритании в вопросе о Палестине и американской политикой невмешательства.

28 Лагерь находился в глубоком тылу в самой Германии (посередине между Ганновером и Бременом) и слыл «тифозным», где от голода и тифа умерли 18 тысяч советских военнопленных, поэтому туда не заглядывали никакие комиссии из ведомств, конкурирующих с ведомством Гиммлера.

29 «Простые» евреи оставались вне списка и отправлялись в другие лагеря, такие, например, как Аушвиц (Освенцим).

30 Он же Режё Кастнер, он же Рецо Кастнер, он же Израэль Кастнер.

31 Шла подготовка к Балатонской операции. Немцы готовились встретить русское наступление.

32 Название и основные функции Еврейского Агентства (ЕА) были впервые установлены в британском мандате на Палестину, утвержденном в июле 1922 «...поощрять совместное густое заселение земель евреями...» Вскоре ЕА стало исполнительным органом Всемирной сионистской организации. После прихода к власти ЕА осуществляло легальную репатриацию евреев из Германии и захваченных ею территорий в Палестину. Проводило борьбу за возвращение еврейской собственности, конфискованной в различных европейских странах в годы Второй мировой войны, а также предприняло немало усилий, чтобы заставить швейцарские банки вы-

платить компенсации за средства, вложенные евреями накануне войны, и за деньги и ценности, награбленные нацистами у евреев и помещенные в швейцарские банки.

33 Швейцарский психиатр, руководитель известного на весь мир роскошно обставленного санатория, в котором впервые стали проводить инсулиновую терапию.

34 Профессор филологии, всемирно известный теолог, специализирующийся на греческой мифологии, сотрудник К.Г. Юнга.

35 *Szondi L.* Experimentelle Triebdiagnostik. Tiefenpsychologische Diagnostik im Dienste der Psychopathologie, Kriminal- und Berufspsychologie, Charakterologie und Pädagogik. Band I: Testband; Band II: Textband. – Bern: Hans Huber.

36 *Szondi L.* Triebpathologie. Bd.I. – Bern: Hans Huber.

37 *Szondi L.* Triebpathologie II: Ich-Analyse. Die Grundlage zur Vereinigung der Tiefenpsychologie.

38 «Соединяющий, интегрирующий противоречия» (*лат.*). Неслучайно образ моста является общим, международно-признанным символом судьбоаналитической школы.

39 *Szondi L.* Schicksalsanalytische Therapie. Ein Lehrbuch der passiven und aktiven analytischen Psychotherapie. – Bern: Hans Huber.

40 Lehr- und Forschungsinstitut für Schicksalspsychologie und allgemeine Tiefenpsychologie.

41 В настоящее время при Берлинском Свободном университете действует Институт общего и сравнительного литературоведения имени Петера Сонди. Его труды по герменевтике литературы, теории современной драмы, философии трагического, исследования философии немецких романтиков, неоднократно переизданные в Германии, переведены на русский, английский, французский, испанский, португальский, итальянский, шведский, норвежский, финский, чешский, венгерский, хорватский и другие языки.

42 *Szondi L.* Thanatos and Cain. In: American Imago, 1964. №21, s. 52–63.

Szondi L. Thanatos und Kain. Zu den Anfängen der Kultur. In: Neue Zürcher Zeitung (NZZ), Nr. 1865 (48), Sonntagsausgabe vom 2.5/ 1965, Blatt 4.

Szondi L. Zur Psychologie der Wahl, Teil I. In: Neue Zürcher Zeitung (NZZ), Nr. 2373 (61), 29. Mai 1966, Blatt 4 (Literatur und Kunst).

Kulcsar I. S., Kulcsar S., Szondi, L. Adolf Eichmann an the Third Reich.

In: *Slovenko R.*: Crime, Law and Corrections, 16–52. Springfield (Illinois). – 1967.

Szondi L. Kain, Gestalten des Bösen. – Bern: Hans Huber. – 1969.

Szondi L. Moses, Antwort auf Kain. – Bern: Hans Huber. – 1973.

43 Как когда-то и его отец.

44 *Szondi E.V.* Selbstmord bei Melancholikern und Schizophrenen im Lichte der Psychoanalyse, der Schicksalsanalyse und der Daseinsanalyse. – Zürich: Hans-Huber Verlag. – 1975.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Альтенвергер А., Бюрги-Майер К., Крамер М., Берньe-Хюрбин А. Юттнер Ф.* Судьбоанализ Леопольда Зонди. // «Психология судьбы» / Сборник статей по глубинной психологии. / 2-е издание, исправленное и дополненное./ Под общ. ред. д. ф. н. проф. *Куликова В.Б.* – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1994. № 1. – С. 23.

2. *Асанов А.Ю.* и др. Основы генетики и наследственные нарушения развития у детей: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия». – 2003.

3. *Берешкей Т.* Биологическая эволюция, генотропизм, психопатология: новая интерпретация психоаналитической теории. // Психология судьбы. / Под ред. д-ра филос. наук, проф. *Куликова В. Б.* – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1996. № 3.

4. *Гинтер Е.К.* Медицинская генетика. – М.: «Медицина». – 2003.

5. *Джос В.В.* Леопольд Зонди: явление и человек // http://www.psy.su/files

6. *Кастнер Рудольф* // www.wikipedia.ru

7. *Кротков А.* Небожитель на грешной земле // http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/celan

8. *Куксин И.* Опасная дипломатия // Вестник Online № 24 (283) от 20 ноября 2001 г.

9. *Ланг Иохен.* Протоколы Эйхмана / часть пятая // http://jhistory.nfurman.com/shoa/eihman08.htm

10. *Ложкин А.И.* Диагностика побуждений. // «Психология судьбы». – 1994. № 1. – С. 61.

11. *Малых С.Б.* История психогенетики// www.humanities.edu.ru

12. Нацистский геноцид в документах // http://his.1september.ru

13. *Нехама Ш.* Опьянение насилием // http://world.lib.ru

14. Психология судьбы / Сборник статей по глубинной психологии. / 2-е издание, исправленное и дополненное./ Под общ. ред. д. ф. н. проф. *Куликова В.Б.* - Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1994. № 1.

15. Психология судьбы / Сборник статей. / Под общ. ред. д. ф. н. проф. *Куликова В.Б.* – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1996. № 3.

16. *Нурер Н.* «Спецлагерь» для иностранных евреев //http://www.jew. spb.ru

17. *Риман А.* Евреи по три доллара за штуку, Или как демократическая Америка спасала узников гитлеровских концлагерей в годы холокоста //http://www.zionet.co.il

18. *Смирнов А.В.* Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди, Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та. – 2005. – 256 с.

19. *Сонди Л.* Пароксизмальный круг профессий // ПЕРСОНАЛ-PROFY. – Екатеринбург. – 2000. № 2. Часть 1. С. 18.

20. *Сонди Л.* Аномальный круг профессий // ПЕРСОНАЛ-PROFY. – Екатеринбург. – 2000. № 2. Часть 1. С. 38.

21. *Сонди Л.* Циркулярный круг профессий // ПЕРСОНАЛ-PROFY. – Екатеринбург. – 2000. № 3. С. 41.

22. *Сонди Л.* Профессии шизоформного круга побуждений // ПЕРСОНАЛ-PROFY. – Екатеринбург. – 2001. № 4. С. 24.

23. *Сонди Л.* Профессии сексуального круга побуждений // ПЕРСОНАЛ- PROFY. – Екатеринбург. – 2001. № 5. С.16.

24. *Сонди Л.* Выбор болезни как судьба // ПЕРСОНАЛ- PROFY. – Екатеринбург. – 2002. № 7. С. 51.

25. *Сонди Л.* Выбор супруга как судьба // ПЕРСОНАЛ- PROFY. – Екатеринбург. – 2003. № 11. С. 20.

26. *Сонди Л.* О любви // ПЕРСОНАЛ-PROFY. – Екатеринбург. – 2003. № 11. С. 43.

27. *Сонди Л.* Социотропизм: выбор дружбы как судьба // ПЕРСОНАЛ-PROFY. – Екатеринбург. – 2003. № 10. С. 16.

28. *Хене Х.* Черный орден СС: история охранных отрядов / глава 16 // http://www.allk.ru/book/712/6939.html

29. *Цундель Э.* Шесть миллионов – потеряны и найдены //http://www.hrono.ru/libris/cundel.html

30. Электронная еврейская энциклопедия //www.eleven.co.il

31. *Ютнер Ф.* Судьбоанализ в выводах. Обзор пяти основных книг Леопольда Зонди / Пер. с нем. А.В.Тихомиров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. – 2002.

32. *Barondess J.A.* Care of the medical ethos: reflections on social Darwinism, racial hygiene and the holocaust. Ann. Intern. Med. – 1998. [1] 129, pp. 891-898. (также на http://www.mediasphera.ru)

33. *Borg J.G.* Szondi's Personality Theory in the Year 2000. – Tampere: «MC-Pilot». – 2000.

34. *Burgi-Meyer K.* Erinnerungen an die Familie Szondi. // Szondiana – 1.– 1994.

35. *Burgi-Meyer K.* Leopold Szondi. Eine biographische Skizze – Zurich: Hans-Huber Verlag. – 2000.

36. *Deri S.* Introduction au test de Szondi. Traduit de l'anglais par J. Mélon. Bruxelles: De Boeck. – 1991.

37. *Hughes R.A.* Return to Ancestor. American University Studies, series VII: Theology and Religion, vol. 129, New-York: Peter Lang Publishing inc. – 1992.

38. *Ledweth M.* Jung and the Nazis //http://www.sfu.ca

39. *Peter Bergson* // http://ushmm.org

40. *Rabin A.* Szondi's pictures: Identification of diagnosis. // Journ. Abnorm. Psychol. – 1950.

41. *Rabin A.* The Szondi-Test. // Anderson H.H.& Anderson G.L. An Introduction to Projective Techniques. New-York, Engliwood Clifs: Plentice Hall inc. – 1952.

42. *Szondi L.* Schicksalsanalyse – eine Selbstdarstellung // L. Pongratz Psychotherapie in Selbstdarstellungen. – Hans-Huber Verlag. – 1973.

43. *Szondi L.* Contributions to Fate-Analysis of Marriage. An Attempt at Theory of choice in Love. – Acta Psichologica. Vol. 3 (1) The Hague, Martius Nijhoff. – 1937.

44. *Szondi L.* Heilpädagogik in der Prophylaxe der Nerven- und Geisteskrankheiten. In: *Hanselmann, H., Simon Therese.* Bericht über den I. Internationalen Kongress für Heilpädagogik. Geneve, 24–26. Juli 1939, 24–61. Zürich: Verlag AG. Gtbr. Leemann & Co.

45. *Szondi L.* Schicksalsanalyse: Wahl in Liebe, Freundschaft, Beruf, Krankheit und Tod. – Basel: Benno & Schwabe. – 1944.

46. *Szondi E.V.* Selbstmord bei Melancholikern und Schizophrenen im Lichte der Psychoanalyse, der Schicksalsanalyse und der Daseinsanalyse. – Zürich: Hans-Huber Verlag. – 1975.

Ф. Юттнер

ШЕСТЬ ВОПРОСОВ ЛИПОТУ СОНДИ

Предисловие

Студенты, обучавшиеся в Институте Сонди третий семестр (1981), обратились с пожеланием увидеть Липота Сонди в качестве преподавателя или докладчика. Они составили к этой встрече перечень вопросов, которые я отправил ему представленным ниже письмом.

Доктор Сонди пришел на лекцию 15 декабря 1981 г. со школьной тетрадкой, в которую иногда поглядывал.

Магнитофонная запись его выступления была переведена в письменную форму Вереной Штампфли, сотрудницей Института Сонди, и находится в архиве Института.

Думаю, что все студенты, которые присутствовали на этой лекции, с благодарностью вспоминают встречу с 88-летним профессором Сонди и с удовольствием прочтут этот текст.

Ф. Юттнер, сентябрь 1998

***

Уважаемый доктор Сонди!

Большое спасибо за вашу готовность выступить с ответами на вопросы 15. 12. в 16.00 на семинаре перед студентами, обучающимися в Институте.

Мы предлагаем следующие темы, но, разумеется, за Вами сохраняется полная «свобода выбора».

1. Каким Вы видите прошлое, настоящее и будущее судьбоанализа?

2. Можно ли оперировать понятиями «мужской» и «женский» в современной психологии? Не потерял ли свое значение в этой связи индекс Dur –Moll?

3. Что Вы понимаете под индексом социальности? Могут ли гомосексуалисты быть причислены к асоциальным типам?

4. Судьбоаналитики проводят «слепое» толкование профилей теста Сонди. Считаете ли Вы это допустимым?

5. Видите ли Вы какие-либо возможности для включения в судьбоанализ гуманистических форм терапии?

6. Верите ли Вы в возможность интеграции глубинно-психологических школ и в то, что судьбоанализ сыграет здесь решающую роль в качестве «моста»?

Это был весь перечень вопросов.

С дружеским приветом,

Фридъюнг Юттнер,
26 ноября 1981

* * *

Л. Сонди. Я уже давно говорил доктору Юттнеру, что было бы неплохо провести подобную встречу. За время учебы у вас наверняка накопилось множество вопросов, на которые здесь пока никто не ответил (*смеется*). Я спросил Фридъюнга, что вас больше всего интересует, и он представил мне шесть вопросов, на которые вы хотели бы получить ответы.

Ф. Юттнер. Вопросы были предложены самими участниками семинара, я их только сформулировал. Итак, «*Каким Вы видите прошлое, настоящее и будущее судьбоанализа?*»

Л. Сонди. Этот вопрос задают мне довольно часто. Поразительный факт, но франкоговорящие страны восприняли судьбоанализ с большим энтузиазмом, чем немецкоязычные. Почему, даже не знаю. Во Франции я сделал всего несколько докладов, т.е. значительно меньше, чем в Германии. Французы вообще понимают судьбу скорее мистически. Немцы же более критичны, тяготеют к философии, и возможно, видят в понятии «судьба» нечто иное. Поэтому я хотел бы сначала точно определить, что мы понимаем под судьбой. Итак...

«*Судьба* – это совокупность всех возможностей экзистенции, среди которых индивид может выбирать, но не всегда, а в наиболее благоприятных случаях».

Эта возможность выбора судьбы, видимо, и привлекает французов, но отталкивает немцев. Вероятно, им также не нравится, что я занимаюсь «лечением» судьбы, словно это орган вроде печени, селезенки или сердца. Другими словами, я исследую судьбу при помощи точных диагностических методов. Полагаю также, что форма экзистенции, т.е. форма существования человека, может сообщить очень многое о его судьбе.

Распространение судьбоанализа вообще идет очень медленно. Тем не менее, в нашей последней конференции приняли участие представители более тринадцати стран, выступившие с очень интересными докладами.

Итак, я хотел бы сказать следующее.

Наиболее широкое распространение судьбоанализ получил в Бельгии. Вероятно, потому, что я довольно часто там бывал и сделал немало докладов, благодаря профессору Шотте, который в течение трех лет изучал судьбоанализ в Цюрихе, а затем перенес его на бельгийскую почву. Правда, должен сразу же признать, что этот «перенос» создал свои проблемы. Дело в том, что бельгийская школа в большей степени ориентирована на философию, для нее вообще типичен философский способ мышления. Поэтому, когда судьбоанализ попал туда, он превратился в нечто такое, в чем я и сам перестал что-либо понимать.

Я вовсе не рад, что из судьбоанализа сделали философию. Сам я рассматриваю судьбу, – как уже говорил, – скорее биологически, как печень или почки, как некий «орган». И методы, которыми я пользуюсь для ее исследования, – это точные методы.

Замечательных специалистов можно найти во Франции. Прежде всего, это профессор ван Рин, который преподает глубинную психологию в университете и в рамках курса знакомит слушателей с экспериментальной диагностикой побуждений.

Далее – Югославия, где профессор Настович подготовил очень хороший компендиум по судьбоанализу. В этой стране немало успешных судьбоаналитиков.

В Северной Америке ситуация долгое время оставалась неясной. Но в последние годы один профессор теологии изучил судьбоанализ и читает соответствующий курс лекций. Сейчас он издал книгу по судьбоанализу, и

таким образом, открыл его для англоязычного ученого сообщества. И это тем более любопытно, что в самой Англии к судьбоанализу вообще нет интереса. Впрочем, у меня там есть ученик, который занимается судьбоаналитическим консультированием.

В Америке живет моя венгерская ученица Сьюзан Дери, которая сделала очень много для популяризации судьбоанализа. Но в последнее время для решения финансовых проблем сама практикует психоанализ, так как ей нужно чем-то кормить своих детей (*смеется*). А по судьбоанализу у нее гораздо меньше пациентов...

В Северной Америке работает еще один мой бывший ученик, швейцарец профессор Блюмер, который постоянно читает лекции по судьбоанализу.

В Южной Америке, в частности в Аргентине, многие занимаются проблемами судьбоанализа. Там живет еще один мой ученик, доктор Петер Балаж, который имеет собственную школу, доктор Мюллер и другие. Еще один швейцарец, доктор Бухер, регулярно читает здесь лекции по судьбоанализу.

В Испании два-три года назад Фернандо Мартинесом был организован собственный институт Сонди, почти такой же, как в Цюрихе. Профессор Сото также уже более тридцати лет занимается проблемами судьбоанализа и написал на эту тему несколько книг.

В Финляндии работает замечательный ученый доктор Бьорг. Он очень часто бывал у нас в гостях и распространил судьбоанализ в Финляндии.

А в Норвергии проживает профессор Годэва, которая также принимала деятельное участие в одной из конференций.

В Германии – Мюнхен и Гамбург. В Мюнхене работает доктор Гут – очень хороший психиатр и судьбоаналитик, опубликовавший множество теоретических статей

по судьбоанализу. В Гамбурге живет доктор Кребик, который занимается очень интересной научно-исследовательской деятельностью, а именно ведет поиск судьбоаналитических закономерностей при физических аномалиях, например при расщеплении губы. Интересно, что генотропические закономерности выявить у таких людей значительно легче, чем у «нормальных». Например, человек с заячьей губой часто находит брачного партнера, имеющего аналогичную аномалию развития или одного из родителей (мать) с такой же патологией.

В Люксембурге живет доктор Штумпер, который является автором книги об экспериментальной диагностике побуждений, возможно, лучшей из всего написанного до сих пор.

А теперь поговорим о Японии... Эта страна является для меня полной загадкой! Японцы провели невероятное количество судьбоаналитических исследований. Почему, я даже не представляю... И почему именно японцы? Китайцы, например, тестом вообще не интересуются. Профессор Сатаке из Токио, доктор Тогаши и его коллеги приезжали к нам группами по 4-5 человек, жили по два месяца и больше, возвращались в Японию и занимались судьбоаналитическим тестированием.

Должен отметить, что исследования за рубежом всегда проходят гораздо интенсивнее, чем здесь, в Швейцарии. Почему это так, может быть, вы мне сами как-нибудь объясните? (*Смеется*). В Швейцарии проводится сравнительно немного научных исследований по судьбоанализу.

Таким образом, тест предоставляет диагносту точные данные относительно экзистенциальных возможностей личности, но диагностика – это еще не судьбоанализ. Судьбоанализ – это терапия, прежде всего, глубинно-психологическая, как психоанализ или юнгианский анализ.

И это длительная терапия... Она продолжается долго, потому что здесь на первое место ставится анализ предков (т.е. генеалогическое дерево), и успех анализа зависит от того, насколько хорошо пациент знает свою родословную. Без анализа предков вообще нельзя проводить судьбоанализ. Почему? По этому вопросу могу сказать только одно: потому, что я включил в глубинную психологию учение о наследовании. Так обстоят дела... Поэтому необходимо заниматься анализом родословной пациента. Кроме того, я считаю, что предки способны «возвращаться», так как гены бессмертны, и их сочетания могут появляться снова и снова. Значит, анализ предков нужно проводить настолько глубоко, насколько это возможно.

Мы считаем, что нужна информация хотя бы о двух поколениях по вертикали вверх и об одном-двух поколениях (если они есть) – вниз, а также по горизонтали (т.е. о родителях, бабушках и дедушках, дядях и тетях, обо всех родных и двоюродных братьях и сестрах и вообще обо всех известных родственниках пациента). Лучше всего, если этот анализ проводится на основе карты больничного осмотра. К сожалению, в Швейцарии это сделать довольно трудно, так как здесь историю болезни выдают на руки пациенту только с согласия его родных, что сильно затрудняет проведение судьбоанализа. Мне приходится постоянно выпрашивать у своих учеников из клиник истории болезни пациентов и их родственников, потому что без них нельзя провести судьбоанализ. Это одна из причин того, что в качестве терапии судьбоанализ так плохо работает в нашей стране. Мало кто сегодня занимается судьботерапией... Например, Адольф Шюрх и (*смотрит на доктора Фридъюнга Юттнера*), возмóжно, Вы? Нет?..

Ф. Юттнер. Только если располагаю историями болезней.

Л. Сонди. Трудно собрать весь материал, на основе которого действительно можно провести судьбоанализ. А без анализа предков он вообще невозможен.

Ф. Юттнер. Позвольте Вас перебить... Разве нельзя сказать, что сновидения также предоставляют нужный материал?

Л. Сонди: Да, конечно...

Ф. Юттнер: И что именно поэтому необходимы истории болезни или генеалогическое дерево?

Л. Сонди. Да-да, верно... Но еще чаще бывает, что кому-то снится, будто бы он переживает эпилептический припадок. При этом сам сновидец не эпилептик, но в его семье мы обязательно такого найдем. С этим я довольно часто сталкивался. Кроме того, нужно иметь представление о взаимосвязях между различными заболеваниями. Например, мигрень имеет отношение к эпилепсии, заикание связано с эпилепсией и мигренью, экзема и астма относятся к этому же кругу заболеваний.

Для проведения судьбоанализа нужно хорошо знать этот круг болезней, так как далеко не в каждой семье встречается эпилепсия. Но есть семьи, в которых часто наблюдается мигрень, или заикающиеся люди, или больные энурезом. И об этих взаимосвязях нужно знать!

Не хочу вас отпугивать от судьбоанализа, но должен заметить, что нужно много знать, например генетические закономерности, круги заболеваний, в которые объединяются болезни пароксизмального круга, а именно эпилепсия, мигрень, заикание, энурез и так далее. Разумеется, следует знать и о других кругах наследственных заболеваний; например, шизофрения находится в совершенно определенной взаимосвязи с туберкулезом, а маниакально-депрессивный психоз – с диабетом.

Эти связи между болезнями, или круги заболеваний, нужно знать. Но нельзя забывать и о некоторых эквива-

лентах, например у кого-то не бывает эпилептических припадков, но случаются фуги, и он бегает туда-сюда.

У меня был пациент, который в состоянии транса совершал путешествия из Будапешта в Прессбург или в Вену всегда на одном и том же поезде, в одно и то же время. Бродил по городу день-другой, делал совершенно невообразимые заказы и наконец возвращался домой. Через некоторое время ему приходили по почте вещи, которые он заказывал во время своих абсансов, но ничего о них не помнил.

Итак, так называемые *эпилептоидные эквиваленты*, (например, внезапные побеги) очень часто являются «заменителями» судорог.

Разумеется, все это касается и взаимосвязей между профессиями и материалами генеалогического дерева. Назову только два примера: первый связан с *садистами*, а второй – с *эпилептиками*.

Садисты очень часто являются выходцами из семей мясников и хирургов. Это – «социализированные садисты», если вам угодно (*смеется*). Или другая взаимосвязь: профессия *пожарного и эпилепсия*. Там, где в семье встречаются пожарные, можно найти в десятки раз больший процент эпилептиков, чем в нормальных средних популяциях. Итак, огонь и профессия пожарного имеют самое прямое отношение к эпилепсии.

Все это можно выяснить, разумеется, не только путем опроса родителей, братьев и сестер, а иногда дедушек и бабушек, но и посредством ассоциаций тестируемого. Для этих целей я модифицировал аналитический ассоциативный метод, который используется как «*техника ударами молота*». Суть его заключается в том, что я повторяю определенное слово с высокой частотой (*отбивает такт*), по меньшей мере, двадцать раз, в таком темпе, который шокирует пациента.

Ф. Юттнер. А пациент молчит? Или он что-то говорит во время сеанса?

Л. Сонди. Пациент говорит: «Доктор, вы в своем уме?» (*Смеется*). Но нам-то нужно работать дальше (*отбивает такт*). Поэтому я и называю это «ударами молота». При использовании такого энергичного и императивного метода – а это, должен признаться, весьма нелегкая задача, – можно выявить невероятные вещи. Приведу один пример...

Один мужчина, торговец фруктами, пришел ко мне на прием и сказал: «С девяти лет я страдаю стенокардией, обошел всех врачей и побывал почти во всех городах...»

В этом случае я применил свой метод. В одном из его сновидений встречался *утопленник*. И вот... на протяжении четверти часа я повторял слово «*утопленник*» до тех пор, пока он не сказал: «Утопленник – это моя мать. Я хотел убить свою мать». Затем он поведал мне следующую историю.

Ему было четыре года, когда мать оставила его на месяц на попечении одного священника. Малыш пошел в сад и нашел там игрушечный автомобильчик. Он его взял и стал играть, а когда вернулся в дом, то узнал, что мать уехала, даже не попрощавшись с ним. Между тем в его отсутствие в машинку забралась кошка. Мальчик покатил ее, но она выпрыгнула. Он снова посадил ее в машинку, и она снова оттуда сбежала. Так повторялось несколько раз. Наконец он пришел в ярость, схватил животное и бросил в бочку с водой. Громко мяукая, кошка пыталась выбраться из бочки, но не смогла и утонула.

Далее мы выяснили, что кошка в действительности символизировала мать пациента, которую он хотел убить за то, что она оставила его одного.

Когда мужчина это осознал, его болезнь прошла. У него больше не было приступов стенокардии. Когда он

приезжает из Америки, то всякий раз подтверждает, что вот уже пятнадцать лет здоров, с тех пор как понял, что хотел убить не кошку, а собственную мать.

Таким образом, с помощью психошокового метода можно выяснить очень многое и о семье, и о том, что происходит с самим человеком.

С каждым пациентом, проходящим курс судьбоанализа, нужно проводить составление генеалогического дерева и экспериментальную диагностику побуждений. Сначала внимательно изучается генеалогическое дерево, все родственники пациента, а затем проводится тестирование. Нужно получить максимально полную информацию обо всей семье. Генеалогическое дерево показывает нам ситуацию в семье и все возможные формы экзистенции для пациента. А результаты теста говорят о том, что с ним происходит в действительности. Разумеется, бывают случаи, когда сделать это невозможно, но тогда не стоит проводить судьбоанализ.

Метод терапии «ударами молота» очень часто приводит к психошоковому возбуждению. Пациент может начать плакать, что я часто наблюдаю у женщин. Они бывают по-настоящему шокированы. Поэтому метод и называется «терапией молотом» или «психошоковым». (*Пауза*).

Ф. Юттнер: *Итак, дальше... Можем ли мы говорить о мужском и о женском...*

Л. Сонди: Ага... (*Смотрит в бумаги*). Можно ли оперировать понятиями *«мужской»* и *«женский»* в современной психологии? Да, конечно, и не только в современной, но и в любой. Этими понятиями можно оперировать до тех пор, пока существуют половые различия. Конечно, женщины сегодня носят брюки, но ведь это касается только внешности. Вот если бы они научились рожать детей без помощи мужчин, то было бы действительно

плохо (*смеется*). К счастью, до этого пока не дошло...

Вопрос из зала. Но Вы сегодня делаете акцент на «физическом» и «психическом». Допустимо ли подобное деление?

Л. Сонди. По моему мнению, физические задатки являются даже более важными, чем психические.

В моем тесте есть фотокарточка одного молодого человека из Будапешта, которого в возрасте тринадцати или четырнадцати лет привела на консультацию его мать. «С моей дочерью что-то не так», – заявила она. После обследования выяснилось, что клитор у девочки значительно больших размеров, чем обычно. Тогда я сказал матери: «Подождем пару лет». Когда через два года она снова пришла на прием со своим ребенком, клитор уже превратился в пенис. Таким образом, появившись на свет девочкой, этот человек постепенно превратился в юношу.

Мать привела ребенка на консультацию, потому что, сидя в школе рядом с девочками, он испытывал эрекцию, чего очень стеснялся, а признаться в этом учителю и матери было стыдно. Впоследствии мне удалось выправить ему мужские документы. Сейчас это юноша. Он носит мужской костюм, и его фото есть в стимульном материале моего теста.

Когда я снова тестировал этого молодого человека, и он увидел свое фото, оно стало его самым первым положительным выбором. Итак, нарциссизм у него сохранился, несмотря на мужские половые органы.

Ф. Юттнер. Вы хотите сказать, что физические половые различия обусловливают и определенные психические различия?

Л. Сонди. Без физических изменений редко наблюдаются психические. Только анатомические особенности обычно не исследуют. Или, может быть, Вы встречали

психоаналитика, который бы анализировал обнаженных людей?

Ф. Юттнер. Возможно, где-то это имеет место!.. (*Смех*).

Л. Сонди: Но это уже совсем другое дело. Я знаю только одного аналитика, который консультировал обнаженных людей. Идея, конечно, неплохая...

Ф. Юттнер. Для кого?..

Л. Сонди. Для обоих. (*Смех*). Но я все-таки против (*смеется*). Полагаю, что эти различия (мужское, женское, телесное) являются генетически обусловленными, и они будут всегда. Я не верю, что наступит время, когда на земле останутся только мужчины или только женщины. Другое дело – психологическая трансформация, когда мужчина чувствует себя женщиной, а женщина – мужчиной, несмотря на анатомическую принадлежность к другому полу. Но ведь гормоны нельзя так просто исключить из жизни!

Яички производят мужские половые гормоны, а яичники – женские, которые приводят к различию между полами как у животных, так и у людей. Всегда будут существовать психические особенности, которые называются мужскими, – например, рациональность. Кто-то же должен быть рациональным! А женщины будут эмоциональными...

Однако, по моему мнению, это не столь существенно, как различия в строении мужских и женских половых органов. Я считаю, что физическая конституция является самым важным аспектом в психологии полов.

Ф. Юттнер. Но в проблематике индекса Dur – Moll рассматриваются именно психические особенности...

Л. Сонди. Проблематика Dur – Moll показывает, в каком приблизительном соотношении мужские качества находятся по отношению к женским. Например, однаж-

ды я консультировал мальчика, который до двенадцати лет бегал в девчачьих платьях, что, разумеется, не могло не сказаться на его психике. Но это было результатом внешнего влияния и не имело никакой генетической подоплеки. А тот генетический фундамент, благодаря которому люди имеют разное строение половых органов, отрицать просто глупо... *(Пауза)*

Вы спрашиваете дальше, является ли *индекс социальности* действительным для современной психологии?

Разумеется, он вполне пригоден. Но нельзя забывать, что общественные отношения постоянно меняются и в каждую социальную эпоху они различны. Я составил значения индекса социальности для современной мне эпохи...

(Конец первой стороны аудиокассеты)

* * *

(Вторая сторона аудиокассеты)

Л. Сонди: *(Листает бумаги.)* Вы спрашиваете о «слепом» методе толкования. Это очень трудный вопрос (*смеется*).

Результаты тестирования можно толковать вслепую, и мне это хорошо известно из собственного опыта. Не так давно я получил от доктора Кульгсара из Израиля профили тестирования пятидесятилетнего мужчины, которого я охарактеризовал как чудовищного преступника. Впоследствии оказалось, что это был известный нацистский преступник Адольф Эйхман. Таким образом, «слепым» методом интерпретацию проводить можно, но это рискованное занятие.

Я всегда настоятельно рекомендую моим ученикам по возможности избегать такой диагностики. Почему? Да из-за сублимации... Можно иметь перед собой про-

филь, который полностью соответствует убийце, но речь будет идти всего лишь о полицейском, то есть о «сублимированном убийце». Поэтому нужно всячески избегать диагностики «слепым» методом. Следует также знать, сколько лет клиенту, откуда он родом, состоит ли в браке, кто он по профессии и многое другое.

Как-то раз доктор Мозер провел «слепую» диагностику по двадцати протоколам психически больных людей, которые ему прислал доктор Блейер с предложением определить, идет ли здесь речь о шизофрении, маниакально-депрессивном психозе или эпилепсии и т.д. И вот результат – примерно 80% его интерпретаций оказались точными. Но ведь это же доктор Мозер! Для этого надо быть психологом, который проинтерпретировал очень много профилей, имеет хорошую память, знания, интуицию... Подобным опытом обладает далеко не каждый. И пока вы не достигли такого уровня мастерства, по моему мнению, лучше не заниматься диагностикой вслепую.

Другой пример: [факторная реакция] e+! Это может быть священник, но в равной мере и заключенный, демонстрирующий примерное поведение, чтобы его поскорее выпустили на свободу.

Слишком уж велика здесь опасность ошибки... Следовательно, диагностикой «слепым» методом лучше не пользоваться. *(Смотрит в бумаги.)*

Сейчас вопрос о *гуманистических формах терапии*... А что, собственно, имеется в виду?

Ф. Юттнер. Лео, ты разъяснишь нам свой вопрос?

Студент. Все методы, что вышли из психоанализа. Например, гештальттерапия, биоэнергетика...

Ф. Юттнер. Трансактный анализ...

Л. Сонди. Понятно... Судьбоаналитическая терапия ближе всего к гештальттерапии Перлза. Мне довелось

познакомиться с работой одного из его учеников, который проводил анализ предков так же, как мы, не имея ни малейшего представления о судьбоанализе. Тем не менее, он делал это очень точно. Должен добавить, что судьбоаналитическая терапия может заключаться в том, чтобы на протяжении долгих месяцев заниматься одним психоанализом, то есть перерабатывать пережитое человеком на протяжении всей жизни. Но, если этот анализ буксует, нет никакого движения вперед, клиент не рассказывает своих сновидений и молчит, молчит и молчит, – только тогда можно приступать к судьбоанализу.

Итак, мы всегда начинаем с психоаналитического метода. Конечно, есть клиенты, которые сразу же начинают разговор о своих предках. В таком случае ничего не остается, как заняться анализом судьбы, и только после него – психоанализом. Такой судьбоанализ будет очень длительным и трудным.

Нужно хорошо знать психоанализ и в то же время иметь представление об архетипах. Ведь многие пациенты мыслят архетипически, особенно когда сообщают о своих сновидениях. Конечно, я не требую, чтобы вы сначала проводили психоанализ, затем «юнгианский» анализ и только потом судьбоанализ. Но хотя бы читайте соответствующую литературу! Это просто необходимо...

В судьбоаналитической терапии я различаю следующие три фазы. На первом месте психоаналитическая фаза, затем судьбоанализ предков с его «терапией молотом» и, наконец, социализация патологических побуждений, под которой понимается прежде всего выбор подходящей профессии. Часто нужно просто поменять профессию – это гораздо легче, чем кажется!

В качестве примера напомню историю моего пациента, больного стенокардией, который спустя четыре месяца после окончания терапии спросил меня: «Доктор,

а я смогу стать врачом или аналитиком?» (Как я говорил, он был торговцем фруктами). Я ответил: «Разумеется, можете... Но для этого нужно сначала сдать вступительные экзамены в институт, затем шесть лет изучать медицину, и только потом можно заниматься психоанализом и судьбоанализом».

Мужчина так и поступил. В тридцать восемь лет он подготовился к сдаче вступительных экзаменов, изучил медицину и теперь является очень успешным аналитиком в Америке. Кстати, это и есть «убийца кошек»! (Он сам себя так назвал.) Недавно он пришел в Институт, подошел к доктору Хунцигер (секретарю) и представился: «Я – тот самый «кошачий киллер»! (*Смеется.*)

Ф. Юттнер. Последний вопрос касается интеграции глубинно-психологических школ.

Л. Сонди. Интеграция школ – это проклятие глубинной психологии. К сожалению, школы невозможно интегрировать в том смысле, как, например, восемь побудительных факторов в единую систему побуждений. Поэтому мы рекомендуем изучить все подходы, которые считаются наиболее важными. Это необходимо, чтобы знать, что из них можно позаимствовать, и какого пациента я могу направить к судьбоаналитику, а какого – к представителю другой школы. Выбор метода является всегда строго индивидуальным.

За двенадцать лет работы мне приходилось встречать людей, по которым сразу видно, что они станут психоаналитиками в смысле Фрейда, чуть меньше «юнгианцев» и еще меньше судьбоаналитиков. Настоящих, «чистокровных» судьбоаналитиков совсем мало. Например, Шюрх – породистый скакун... (*Смеется.*)

Ф. Юттнер. Кюрштайнер...

Л. Сонди. Да, конечно, Кюрштайнер из Берна. Он написал прекрасную книгу об анализе предков... Наиболь-

шее значение здесь имеет индивидуальная склонность к той или иной школе. Собственно, для нас не так важно, станете вы психоаналитиками, «юнгианцами» или судьбоаналитиками. Поэтому я построил учебный процесс в Институте таким образом, чтобы курсы читались по всем трем направлениям...

Теперь, когда я ответил на все ваши вопросы, полагаю, время нашего разговора подошло к концу?

Ф. Юттнер. Да... Прежде всего, я хотел бы сердечно поблагодарить Вас за выступление.

Л. Сонди. Пожалуйста...

(*Аплодисменты.*)

Ф. Юттнер. Может быть, у кого-нибудь появились еще вопросы? У Вас еще есть время, доктор Сонди?

Л. Сонди. Спрашивайте... Только, пожалуйста, говорите погромче. Я не очень хорошо слышу.

Студентка. При ответе на второй и третий вопросы ничего не прозвучало об исторических аспектах индекса Dur – Moll и индекса социальности. Всем известно, что существует биологическое различие между мужчинами и женщинами, которое оказывает влияние на психику. Но в процессе исторического развития происходят культурные и социальные сдвиги, которые, по-видимому, вносят некоторые поправки в наши критерии. Вот это я и хотела бы как-то прояснить.

Ф. Юттнер. Вы хотите сказать, что индекс социальности должен пересматриваться примерно каждые десять лет?

Студентка. Доктор Сонди говорил о другом, а именно, что двадцатилетний молодой человек должен иметь другой социальный индекс, чем пятидесятилетний мужчина. Но мы рассматриваем эту проблему с историчес-

кой и культурной точки зрения. Например, для женщин и в сфере выбора профессий сегодня более актуальны другие ценности, чем пятьдесят лет назад.

Ф. Юттнер. Пятидесятилетний мужчина получил воспитание в совершенно другой культурной среде. Сегодняшняя среда накладывает свой отпечаток, но и она постоянно изменяется.

Студент. Приведенные Вами критерии социального и асоциального являются разными в различные общественно-исторические эпохи. То, что мы называем «социальным», в другой культуре или обществе может считаться асоциальным. Вероятно, этого не избежать...

Студентка. Я полагаю, речь здесь идет не столько о религии, сколько о ходе исторического развития нашего общества.

Л. Сонди. Ну, для этого я слишком старый... А вы – молодая девушка, поэтому и должны подготовить доклад о новом социальном и психосексуальном индексе. В то же время я убежден, что индекс Dur – Moll еще вполне пригоден, потому что мужчина и женщина фундаментально не изменились. Перемены могут быть в психике, но не в структуре мозга. Думаю, если Вы были девочкой в десять лет, то и в тридцать лет не станете мужчиной. Здесь ничего не происходит. Мужчина всегда имеет одну X- и одну Y-хромосому; а женщина – две X-хромосомы. Хромосомная структура пола не подвержена изменениям. Или Вы так не считаете?

Социальная же ситуация, напротив, находится в постоянном движении, и индекс социальности со временем может стать другим.

Студентка. Я полагаю, что мы говорим о разных вещах. Я имею в виду содержание психики, но Вы судите о психике по значению индекса Dur – Moll. А ведь содержание психики может меняться...

Л. Сонди. Поэтому-то я и ставлю на первое место физические параметры, которые не подвержены изменениям. То, о чем вы сказали, вторично. Разумеется, с точки зрения содержаний психики современная женщина более маскулинна, чем пятьдесят лет назад. Это касается и одежды, и прически. Но все это лишь внешние признаки.

Ф. Юттнер. Возможно, лучше говорить не о мужском и женском, а просто о показателях Dur и Moll. А они фундаментально не изменяются. И разумеется, почти не меняются их нормативные значения для мужчин и для женщин.

Л. Сонди. Я намеренно выбрал Dur и Moll для обозначения грубых и нежных психических качеств.

Ф. Юттнер. И звучит это не так провокационно... Если у женщины обнаруживают мужские качества и говорят, что у нее мужской характер, она может просто обидеться. Если же говорить о Dur и Moll, то будет гораздо меньше проблем.

Л. Сонди. А тест обмануть нельзя! Однажды ко мне пришел мужчина и сказал: «Пожалуйста, тщательно протестируйте меня и сообщите мне результат, а для чего, я расскажу вам позже». Я получил десять тестовых профилей этого человека и объявил ему: «У вас выраженные гомосексуальные склонности». – «Спасибо! Именно это я и хотел узнать», – просиял пациент.

При помощи индекса социальности я не смог бы поставить диагноз, потому что социальные отношения и социальные оценки на протяжении десяти лет могут стать другими, но оценка пола не изменится. Вы навсегда останетесь женщиной, даже если будете постоянно носить мужскую одежду.

Другая студентка. У меня есть еще один вопрос. Как Вы объясняете, что при женском гомосексуализме встречается очень высокий индекс Dur –Moll?

Л. Сонди. Женщинам свойственен Moll, у них никогда не бывает 100% Dur...

Студентка. Нет... Например, 75% Dur и 25% Moll. О таком случае я прочитала в Вашей книге.

Л. Сонди. Это может быть...

Студентка. А как Вы объясняете с биологической точки зрения сущность гомосексуализма?

Л. Сонди. Исходя из содержаний психики лиц разного пола. Трудно даже представить, насколько точно их воспринимает тест. Честно говоря, иногда мне даже страшно, насколько он чувствителен к изменениям содержаний психики... *(Пауза.)*

У вас есть еще вопросы, господа? Тогда я вам очень признателен за то, что вы согласились меня выслушать. Очень рад был с вами встретиться.

Ф. Юттнер. Нам тоже было очень приятно.

Л. Сонди. К сожалению, я так много занимаюсь работой над книгами, статьями и прочими подобными вещами, что не могу часто приходить в Институт и читать лекции, хотя раньше имел такое обыкновение. Ну что ж, тогда – до свидания.

(*Аплодисменты.*)

Корнелиус Х. ван Рин

РАЗГОВОР С ЛИПОТОМ СОНДИ

В 1971 году Корнелиус Х. ван Рин провел беседу в Институте Сонди (Цюрих) с Липотом Сонди, которая была записана на магнитофон. Сотрудница Института Верена Штампфли перевела ее в письменную форму, за что мы выражаем ей глубокую признательность.

***

Поводом к нашей встрече с Липотом Сонди послужила моя многолетняя работа над более широкой интерпретацией его теста. Я догадывался о невероятных возможностях теста в диагностике и терапии уже в процессе своего обучения на невропатолога. Постепенно я убедился в том, что экспериментальный комплементарный профиль, описанный Сонди, мог бы иметь еще более глубокое и широкое толкование. В процессе моей работы с тестом было выдвинуто предположение о необходимости глубинной работы с профилями «А» и «Б», о чем я подробно писал в «Szondiana» (1993, № 1).

Разумеется, меня очень интересовало мнение мэтра судьбоанализа относительно полученных результатов, и после некоторых колебаний я отправился в Швейцарию для разговора с самим Сонди.

Обо всем, что там произошло, вы можете прочитать в сообщении, сделанном на основе магнитофонной записи во время нашего разговора.

Всех, кто заинтересуется этой тематикой, прошу мне об этом написать.

Корнелиус Х. ван Рин

***

Л. Сонди: У Вас есть визитная карточка?

Корнелиус Х. ван Рин: *Да, конечно... И, возможно, в качестве дополнения к ней: «Невропатолог, врач и психотерапевт».*

Л. Сонди: Ага... Ваше лицо кажется мне знакомым. В Вас есть что-то пасторское...

Совершенно верно. Я родился в семье пастора. Мой дедушка был пастором и занимался преимущественно Ветхим Заветом.

Вот оно что... Так он был экзегетом?

Экзегетом. Вероятно, он находил Старый Завет столь же интересным для себя, как и трактаты о Моисее, Каине и Авеле.

Так, интересно...

Он умер в 1916 году, так что я его не знал. Но интерес к теологии я унаследовал именно от него.

Да, конечно... Отсюда Ваше лицо. Это был Ваш дедушка с материнской стороны?

С отцовской.

Ага.

Мой дядя тоже был профессором теологии.

В самом деле? Ах, просто чудесно (*смеется*). И это тоже можно увидеть в Вашем лице.

Мой дедушка со стороны матери был коммерсантом, директором одной фирмы.

Ага... А как Вы пришли к судьбоанализу?

Корнелиус ван Рин: *Впервые я познакомился с Вашим тестом в 1947 году, когда работал ассистентом у профессора Рюмке в Утрехте. У нас тогда не было единого мнения относительно этой методики. Рюмке сказал: «Для работы нужны глаза, интуиция, эмпатия и способность чувствовать, а не тесты». И это был наш первый и последний разговор на эту тему.*

Л. Сонди: Так, так... (*смеется*).

Несмотря на запрет, я начал заниматься экспериментальной диагностикой побуждений в клинике и поликлинике, что вызывало сильные споры. Будто бы методика не дает нам целостной психологической картины и ставит каких-то психологов выше наших психиатров. Тем временем я закончил изучение неврологии и взял на себя руководство мужским отделением в психиатрической клинике, где постоянно проводил экспериментальную диагностику побуждений и занимался ее усовершенствованием. С 1953 по 1960 год мы получали десятипрофильные серии от всех пациентов, страдающих алкоголизмом.

Все десять профилей?

Да. Мы хотели выяснить, возможно ли долгосрочное прогнозирование, и констатировали, что для алкоголиков диагноз по десятикратному тестированию остается верным в течение примерно пяти лет.

Ах, вот как? Очень хорошо. Это нечто новое для меня.

В отдельных случаях можно говорить даже о десяти годах. В 1966 году я решил заняться частной практикой в Эншеде и уже не имел достаточно времени для получения десяти профилей, поэтому проводил только одноразовое тестирование, т.е. интерпретацию профиля «А» и переработанного мною экспериментального комплементарного профиля, или профиля «Б». Я хочу написать об этом статью, чтобы практикующие специалисты могли использовать этот метод в работе с каждым новым пациентом. Таким образом, в течение 20 минут получаются необходимые результаты, которых вполне достаточно для начала психо-

терапии. Спустя один, два или три месяца можно провести контрольный замер, чтобы проследить, как психотерапия повлияла на различные векторы.

Да, на [векторы] S, P, Sch, C. И вы уже закончили эту работу?

Да, я захватил с собой все материалы. Разумеется, они напечатаны на голландском языке, следовательно, их будет не так-то легко прочитать, но, тем не менее, полагаю, что они вызовут большой интерес.

У Вас есть оглавление?

Нет (шелестит бумагами). Начало вот здесь.

Ммм... Тут?

Да.

Речь идет о мужчинах.

Ага.

[Векторная картина] (S + –). Это женщины?

Нет. Здесь только мужчины.

Мужчины, так. Мне это интересно. Сейчас я как раз работаю именно с этим диагональным расщеплением. А вот это женщины?

Да... Возможно, здесь имеют место последствия комплекса Эдипа?

Именно так... В отношении этой сексуальной картины я хотел бы поделиться с Вами некоторыми предположениями, если позволите.

Конечно, пожалуйста...

Итак, с одной стороны, здесь [векторная картина] (S + –), т.е. диагональное расщепление, а с другой стороны – амбивалентность в [факторе] s, так что речь идет, скорее всего, о садомазохистской нежности. Интересно, что серьезные сексуальные расстройства проявляются при диагональном расщеплении, т.е. [векторной картине] (S + –) с восклицательными знаками или (S – +). Но самое важное здесь то, что отдельные тенденции

максимально усиливаются только при диагональном расщеплении. Итак, при сплавлении тоже может иметь место интенсификация побуждений. Однако если сплавление сопровождается диагональным расщеплением, например [векторной картиной] (S + –) или (S – +), то эти тенденции очень часто... (*непонятное слово*), так как только сплавление может привести к уравновешиванию.

Корнелиус ван Рин: *Да, понимаю...*

Л. Сонди: Или, иными словами... «Я» – тот самый вектор, который производит сплавление, то есть приводит в равновесие противоположности отдельных потребностей. И если появляется [векторная реакция] (+ –), значит, с «Я» что-то явно не в порядке. Эти исследования мы сегодня проводим на основании десяти тысяч профилей при помощи компьютера.

Десять тысяч профилей!..

Вернее, десять тысяч двести сорок два профиля, которые мы храним в компьютере. Этим занимается сегодня господин Штудер.

Я хотел бы задать ему несколько вопросов относительно возможностей...

Тогда я приглашу его к нам на беседу.

Благодарю... Я слышал, что Вы против того, чтобы составлять тестовые рекомендации при помощи компьютера.

Да...

К этому я потом еще кое-что добавлю, но сначала мне хотелось бы сказать о другом.

О чем?

Это обобщение показывает, что не все картины означают одно и то же для мужчин и для женщин. Посмотрите вот на эту картину.

Мужчина [факторная реакция] (s+)...

У мужчин (S + –) означает комплекс Эдипа, а у женщин – нечто совсем иное.

Ага, так, так... Я, кажется, догадываюсь.

И это верно также для (S + −).

Очень интересно. А для (S + 0)?

Толкование картины (S + 0) у мужчин и женщин сильно различается.

Итак, Вы обратили внимание главным образом на половые различия.

Я установил, что в сексуальных векторных картинах важно то, дает ли женщина или мужчина [реакцию] (− +) или, соответственно, (+ −).

Итак, женщины с (S − +) являются агрессивными?

Да... Именно так. И они очень хотят быть независимыми и делать профессиональную карьеру.

Они были нормальными, абсолютно нормальными?

Да... но, конечно, невротиками. У меня имеются результаты тестирования примерно двух тысяч пациентов, среди которых около четырехсот криминальных психопатов и триста алкоголиков. Остальные − невротики, которых направили к нам на лечение.

Так... (*листает бумаги*). Это очень трудная картина, так как ее толкование зависит от [картины] «Я».

Согласен...

Сама по себе она... Нельзя сказать, что это гуманистическая картина.

Я всегда спрашиваю, в какой период жизни произошел окончательный разрыв отношений с родителями или же отрыв от них. У мужчин речь чаще идет о внезапном отрыве.

От родителей?

Именно так.

Любопытно...

Теперь двинемся дальше.

А здесь? Тоже никакой разницы?

Почти... Здесь − мужчины, здесь − женщины. Не очень большие различия...

Л. Сонди: Да, ничего особенного (*листает бумаги, что-то бормочет*). Было бы очень интересно знать, откуда берут начало эти [векторные картины] (± –), (± ±). Но этого мы еще не знаем.

Корнелиус Х. ван Рин: *Не совсем так... Когда я спрашиваю мужчину, как он ведет себя по отношению к супруге или к женщинам вообще, или по отношению к своей матери, то всегда имеет место амбивалентность. Однако это только у мужчин. У женщин подобная картина означает амбивалентную установку по отношению к собственной женственности, к самой себе.*

Очень интересно. Вы об этом напишете?

Да...

Вы уже начали свою книгу?

Этот материал как раз для нее. Я уже разговаривал с издательством «Ганс Губер», и мне было рекомендовано издать книгу сперва в Голландии, на голландском языке. Затем они понаблюдают, вызовет ли она интерес, и только потом рассмотрят возможность перевода на немецкий, который, скорее всего, не составит большого труда.

Не знаю. Для этого нужно достаточно хорошо знать и немецкий, и голландский язык (*смеется*).

Некоторые из моих пациентов жили в Германии, а затем переехали в Голландию. Вероятно, они смогут справиться.

Да, возможно.

Конечно, будет не так просто...

Так-так... А вот это весьма любопытная картина. Тоже нежность... Но в ней есть что-то навязчивое. Я как раз пишу книгу о распаде побуждений, мне интересно знать, как возникают подобные картины. Но сначала я должен окончательно разобраться в [векторных картинах] (– +) и (+ –) и только потом двигаться дальше. Это очень трудное дело, но, возможно, я с ним справлюсь.

Однажды я повстречался в Дании с психиатром Мартинсоном Ларсоном, и он мне сказал, что заболевания, связанные

с побудительными расстройствами у детей, чаще всего ведут свое происхождение от бабушек и дедушек. «Всегда обращайте внимание на бабушек и дедушек», – сказал он мне.

Потому что это является рецессивным.

Да. Вполне может быть, что это признак рецессивности.

А это что – агрессия?

Да... У мужчины это признак внутреннего желания действительно быть или стать мужчиной, прежде всего посредством агрессии. А у женщины – признак того, что она освобождается от отца, чтобы стать самостоятельной. То есть у этих женщин сильно доминирует комплекс отца.

Занятно... Подобной постановкой вопроса еще никто не занимался.

Женщина с такой картиной очень хотела бы «быть мужчиной», быть самостоятельной, но ее агрессивность имеет только вербальную направленность.

Ага... [Векторная картина] (0 –)... Мазохизм?

Для мужчин она означает мазохистские тенденции, и у многих молодых людей сегодня [векторная картина] S (0 –). Это – курильщики марихуаны, пацифисты, нигилисты или анархисты, которые не признают никаких авторитетов, орут «Долой войну!» или нечто подобное. Женщинам с такой картиной лучше не выходить замуж, так как они не переносят мужчин.

Это нечто новенькое для меня... Никогда еще об этом не слышал.

Толкование этой картины различно для мужчин и женщин.

Ваши размышления действительно чрезвычайно интересны. Впрочем, я часто наблюдаю эту картину и при латентной гомосексуальности.

Да, и очень часто при алкоголизме.

Так... А [векторная картина] (S 0 0)?

Чаще всего встречается у бесплодных женщин, а также после удаления матки, яичников и у импотентных мужчин...

(Л. Сонди показывает на следующий раздел рукописи.)

Корнелиус Х. ван Рин: *Затем следует мой анализ* [факторных реакций] *(е+) и (е-).*

Л. Сонди: Злость...

Да, это злость. Но с анализом злости я еще не совсем разобрался. Предполагаю, что [факторная реакция] (е+) имеет некоторое отношение к будущему. Однако не понимаю почему. Пока не вижу. Моисей ведь тоже был человеком, направленным в будущее?

Да.

Я еще не понимаю, почему в факторе «е» будущее играет такую большую роль?

Спонтанным объяснением могло быть то, что [фактор] «е» является по своей сути пароксизмальным.

Да, но почему-то (е+)-человек всегда ищет в будущем свою правоту, а (е–)-человек – свою месть. [Фактор] «е» всегда както связан с будущим.

... потому что он направлен на процесс становления. Да, Вы здесь раскопали немало новенького (*смеется*).

Да? Я полагал, что Вы, вероятно, знаете, почему будущее играет такую большую роль в факторе «е»?

Говоря популярно, [фактор] «е» означает все этическое. А этическое содержит одновременно и неэтичное. Таким образом, здесь не бывает однозначной картины «или – или». Нет... Всегда есть и то, и другое. [Реакция] (е+) подразумевает (е–), а [реакция] (е–) – (е+). Вероятно, будущее выражается в том, что люди способны изменяться.

Да, я с Вами согласен.

И потому, если они ожидают этих перемен, то они – quasi «homo futurus».

Да, это надежда...

Я протестировал огромное количество убийц, имевших [реакцию] (е–!) и даже (е–!!). Но это были не насто-

ящие убийцы по страсти, а убийцы в состоянии аффекта, которые надеются благодаря своему раскаянию обрести Бога. В образе Моисея я представил совершенно классический случай. Верю, что поиск Бога является указанием на будущее. Именно это является характерным: поиск Бога! Все они были злыми людьми, эти убийцы, и Моисей тоже, однако постепенно изменили себя, так как постоянно искали Бога. Собственно, это и является кардинальным различием между [реакциями] (s–) и (s+), (e+) и (e–). Я поручил господину Штудеру сопоставить между собой экстремально сильные [факторные реакции] (s+) и (s–) и экстремально сильные [факторные реакции] (e+) и (e–), а это разные реакции. Злость и агрессия – не одно и то же.

Нет, конечно же, нет...

И это очень важно. Я как раз пишу о том, что злость имеет два экстремальных свойства. Во-первых, акцентирование на таких аффектах, как ярость, ненависть, гнев и месть. Во-вторых, все злые люди имеют стремление к возмездию. Таким образом, возмездие уже само по себе и есть их будущее.

Возмездие – это будущее. И месть – это тоже одна из форм расплаты?

Да.

А достижение справедливости – это тоже расплата или возмездие?

Разумеется...

И если человек верит в Бога, то это ...

... Это уже искупление. Поэтому я пишу, что, если отсутствует возмездие, то всегда возникает сомнение, действительно ли речь идет о злом человеке, а не о том, кто просто получает удовольствие от причинения зла, об агрессивном или деструктивном человеке (например, с деструктивным «Я»). Но сейчас мы знаем, почему буду-

щее является столь важным. Именно потому, что будущая расплата – это непременное условие для злости.

Корнелиус Х. ван Рин: *Да... И месть, и правота получают здесь свое завершение.*

Л. Сонди: Поэтому я называю [факторную реакцию] (e+) не добротой, а справедливостью. Я пишу не о «добре» и «зле», а о справедливых и злых. Злой – несправедлив.

Совершенно верно... [Факторная реакция] *(e+!) может означать, что человек жаждет справедливости. И он возмущен...*

Да, очень возмущен. Это весьма интересно... Вы привезли с собой удивительные вещи (*смеется*).

А вот тут возникает вопрос, не является ли это каким-нибудь эксгибиционизмом, спектаклем или чем-то подобным. Но мы слишком мало знаем о [факторной реакции] (e–). Да, слишком мало...

Вот над этим я должен еще как следует поразмыслить.

Да... Злости тут вообще нет, здесь есть только [векторная картина] (P + +). Я всегда говорил, что эта картина (P + +) означает, собственно, только накопление аффектов. Верно?

Да, верно... И это всегда связано с чувством справедливости и с будущим, с тем, что можно перенести посредством собственного желания на внешний мир.

Ага, это всегда так?

Да, всегда. Это также люди, которые постоянно стремятся к тому, чтобы все понимать и управлять своими аффектами.

Значит, это справедливые, но не добрые люди.

Вот именно... Для психологии темпераментов наверняка будет небезынтересно, что Рюмке называл таких людей полупроницаемыми. Многое входит в их глаза и уши, но очень немногое выходит. Так и возникает накопление аффектов, которое может привести к психастенической реакции, например к сензитивному бреду отношений, что при такой картине вполне реально.

Да, разумеется...

Перенапряжение и сензитивный бред отношений.

(*Листает.*) Хмм.., типичный распад.

Да, это мягкие, дружелюбные люди, но не сильные и не ловкие.

Могу я вам кое-что показать в связи с вопросом о распаде? Почему реакции распада так часто встречаются у больных людей? Мы обнаружили, что при диагональном расщеплении, то есть там, где нет сплавления и амбивалентности, диалектика является максимальной.

Возьмем к примеру «Я», [векторная реакция] (k+ p–). Это аутизм. А [векторная реакция] (k– p+), как правило, говорит о задержке. С психиатрической точки зрения это означает, что шизофрения начинается с задержки, которая зачастую длится годами, а затем происходит аутический шуб, и после него – снова задержка.

Здесь имеет место напряженность тенденций, так как эти [факторные реакции] (k+) и (p–) противоположно направлены. Это диалектика отклонения от нормы, столкновения друг с другом. Но, кроме того, на заднем-то плане находятся [факторные реакции] (k–) и (p+). А это задержка. Таким образом, задержка и аутизм находятся в борьбе, и это диалектическое напряжение в «Я» обуславливает расстройство в [факторе] «е». Вероятно, и в других векторах происходит то же, например в аффектах или в контактах.

Да, совершенно верно.

То-то и оно... Поэтому эти случаи нозологически столь трудны.

Я попытался это проработать во второй части своей статьи. Вот здесь экспериментальный комплементарный профиль. Он – красный. Тут все начинается.

Ага, уже вижу. Конечно...

Вот это – «нормальный» профиль. А этот красный профиль является не теоретическим, а экспериментальным ком-

плементарным профилем.

Л. Сонди: Красное и черное... Любопытно! Оури, замечательный французский психиатр, который руководит клиникой в Южной Франции, установил, что во всех своих проявлениях психоз выражается именно в теоретическом профиле...

Корнелиус Х. ван Рин: *А кто это?*

Оури (*пишет имя по буквам*). Южная Франция, город Ле Бурже. Замечательный человек. Он был в Париже, когда мы проводили там конференцию... Я вспомнил об одном важном событии. У Вас есть приглашение в Церизу?

Пока еще нет. Но я что-то слышал об этом.

Мне бы хотелось, чтобы Вы туда попали.

В Памплона?

Нет... Памплона будет в следующем году. А сейчас состоится десятидневная конференция, а именно с 20 по 30 августа, в Церизе, это в Нормандии.

Во Франции (Делает пометки.)

Да... Я сейчас узнаю, остались ли еще приглашения. (*Делает звонок.*) Есть ли у нас еще приглашения в Церизу? – Что? Больше не осталось? Сделайте мне одну фотокопию, хорошо? – Да, приглашения... Благодарю вас. (*Кладет трубку.*) Итак, у нас было слишком мало приглашений, но вы обязательно получите копию.

Очень мило...

Вы обязательно должны быть в Церизе, так как являетесь знатоком и теста, и судьбоанализа. На этой конференции будут доклады и дискуссии, кроме того, там можно будет хорошо отдохнуть. Это в пятнадцати километрах от моря. Проживание в прекрасном замке и сравнительно недорого – всего сто французских франков.

Очень дешево для замка.

Там теперь культурный центр. Как я уже говорил, конференция продлится десять дней, и очень важно, чтобы Вы туда попали.

Я там буду. Непременно... Конференция состоится только в этом году или в следующем тоже?

Не знаю, но вряд ли такое возможно. Место это слишком популярное, а конференции всегда продолжаются по десять дней. В замке только восемьдесят мест. Но при желании можно пожить и в деревне. Я бы очень хотел, чтобы Вы туда поехали.

Охотно.

(Показывает на следующую векторную картину.)

Так... А здесь что?

Истериоформное возмущение, мстительность, суицид и безудержность, взрывчатость.

Да, напряжение тут большое. Это злость, Каин?

Да... Я истолковал это как наступление негативной жизненной позиции: он замышляет месть, возмездие. Унижая соперника, он выстраивает персональную идею самовосхваления, а это, по моим ощущениям, Каин. Каин – это всегда негативная жизненная позиция... Его экзистенциальное ощущение является негативным.

Разумеется...

Но он хотел бы сделать нечто особенное.

Ага... Показать всем, кто он.

Да, что он собой представляет...

А это – паника?

Да. Конечно... Я назвал бы эту картину также страхом перед жизнью.

Страхом перед жизнью?

Страхом совершить ошибку.

Ага.

Недавно я заметил, что пожилые люди с [векторной картиной] (P– –), рассказывая какой-нибудь эпизод из своего дет-

ства, почти всегда сообщают о соперничестве со своими родителями. Таким образом, экзистенциальный страх берет свое начало в их семейных взаимоотношениях с родителями. На первичный экзистенциальный страх я обратил внимание гораздо позднее. Восприятие жизни является также негативным.

Л. Сонди: Да, это очень важно. (*Листает.*) – А как Вы объясняете вот эту картину?

Корнелиус Х. ван Рин: *Чаще всего как негативное восприятие жизни, но с вероятностью его переработки при помощи [факторной реакции] (hy+).*

Ага.

Здесь никогда не обходится без психосоматики. Мигрень, язва желудка, астма... [Векторная картина] (P – –) свидетельствует о негативном восприятии жизни, но вот этот плюс (hy+) приводит уже к образованию психосоматического расстройства.

Да, я тоже считаю, что [факторную реакцию] (hy+) надо толковать как образование симптомов.

Разумеется... Что я всегда чувствую в [факторной реакции] (+), так это движение, которое хотело бы начаться; в то время как [факторная реакция] (–) говорит, скорее, о стабильном состоянии.

Но все же я еще не знаю, в чем различие между [векторными картинами] (P + –), (P – +) и (P – 0)... *(Пишет.)* Потому что этот ноль может толковаться различно, например означать манифестацию, взрыв, где все указывает на мстительность, ярость. Впрочем, не знаю, только ли на это...

Чаще всего я толкую все нулевые реакции человека вместе. Если в его профиле больше двух или трех нулевых реакций, то я говорю о симптоматике неустойчивости.

Да, да... Это так, верно.

[Векторные картины] (+ 0), (– 0). Здесь три нулевые реакции.

Это то, что я называю вентилем. Не правда ли, люди, имеющие много вентилей, не страдают задержкой? (*Листает бумаги.*) – Это, собственно, Каин, который стремится стать хорошим.

Именно так.

Итак, это злой человек, который пытается показать себя праведником.

Да, чаще всего это соответствует действительности.

Неделю назад я разговаривал с одним преступником, который десять лет провел в тюрьме во Франции, в Париже, и пять из них – в одиночной камере, таким свирепым он был! И вот что он мне сказал: «Не верьте, что я злой человек. Я очень люблю людей. Я – гуманист!» Так прямо и сказал... (*Смеется.*)

Прекрасно... (*Оба смеются.*)

«Я – гуманист...» (*Продолжает смеяться.*)

Убийца...

Да, забавно... Но тут, скорее, нужно плакать. Слишком уж все трагично.

(*Конец первой стороны аудиокассеты.*)

***

(*Вторая сторона аудиокассеты.*)

Корнелиус Х. ван Рин: *... как правило, указывает на то, что чаще всего людям «мешает» реакция (– –) в векторе Р.*

Секретарша *(входит с документами): Вот ксерокопия приглашения.*

Л. Сонди: Большое спасибо.

Корнелиус Х. ван Рин: *(Разглядывает приглашение.) Ах, да... Центр международной культуры. L' analyse du destin.*

Слышали о таком?

Да. И какой основной язык конференции? Французский?

Французский...

Корнелиус Х. ван Рин: *Все на французском?*

Л. Сонди: Они хотели, чтобы все было на французском, только голосование на другом языке, например на немецком или английском.

А я не могу участвовать в дискуссии как раз на французском языке.

Я тоже... Очень плохо понимаю по-французски, но, тем не менее, бываю там, хоть и не всегда. (Смеется.)

Не во время дискуссии. (Тоже смеется.)

Да... Я всегда говорил, что дискуссия должна проходить во время приема пищи, так как едим мы все вместе. И гуляем также вместе. Это – прекрасно.

Да, это очень хорошо. Вернемся к нашим вопросам?

Ага...

(Показывает на следующую векторную картину.)

Итак, вот здесь самое главное – неуверенность в жизни.

Неуверенность в жизни, страх сделать ошибку и экзистенциальный страх. Страх перед будущим, но с возможностью его преодоления с помощью межличностного взаимодействия.

А-а-а... Поведение.

Поведение, да.

И что?

Двойная экзистенция. Тут я не вижу ничего окончательного, так как понимаю в этом слишком мало. Видите ли, я мало что могу из этого извлечь. Один из моих алкоголиков выдал такую картину.

Так... Алкоголик.

Алкоголик, который был отвергнут своими родителями.

Так-так... [Векторная картина] (P ± 0)?

Да... Инфантильное восприятие экзистенции. Полагаю, что это инфантильный человек: какая-то ювенильная лабильность, сомнения в будущем, глобальные сомнения относительно смысла и пользы своей работы, этические сомнения и сомнения в Боге...

В общем, скептик!

Вот именно, скептик. Он находится на распутье между бунтом, ювенильным протестом против авторитетов и возможностью жить в мире и дружбе с отцом и Богом. Именно поэтому у таких людей происходит задержка. Налицо признаки навязчивости, лживость, вспышки злобы, а также бред, страхи, отсутствие связей. Возможно, утрата друзей или членов семьи.

Ага, а [векторная картина] (Р 0 +)?

Да, люди с [векторной картиной] (Р 0 +)... Я пытался изучать их семьи. Чаще всего встречается тенденция к интенсивной семейной креативности, как у членов семьи, так и у самих пациентов, зачастую с задержкой из-за этого нуля (0). Сдержанная креативность. Это всегда очень плохо. Ничего хорошего в том, что креативность сдерживается.

Да, так... Это приводит к сензитивному страху отношений.

Совершенно верно. Я часто встречал его у моих пациентов. Это расстройство самоприятия. Полагаю, что три четверти моих пациентов имеют в [векторе] Р [реакции] (0 –). Бесперспективная экзистенция, 0.

Алкоголики?

Алкоголики, невротики и чрезмерно переутомленные люди – все они имеют [векторную картину] (Р 0 –). Никакой возможности для самореализации, воспринимают себя крайне негативно, подозрительны в отношениях с другими людьми, всегда обеспокоены тем, что о них думают окружающие.

Да, верно. А здесь у нас [реакция] (Р 0 ±).

Это картина скептика. Слишком сильно относится к «Я». Здесь проблемы самоприятия, жалость к себе, драматизация, инфантильность...

Знаете, что было бы хорошо? Если бы Вы каждую такую картину соотносили с «Я».

Все будет во второй части. Здесь все картины из первой части, по начальной букве профиля – «А». Итак, если Вы посмо-

трите на вторую часть, то это и будет экспериментальный комплементарный профиль, т.е. «Б». Еще нагляднее это видно на картинке. Вот это – так называемый профиль А, а это – оставшийся, второй, профиль Б.

Л. Сонди: Интересно...

Корнелиус Х. ван Рин: *Затем вводятся данные, и здесь мы получаем профиль А, а здесь – профиль Б. Далее я провожу еще два тестирования по методикам Беро и Люшера. Вы знаете психолога Флесса?*

Да, конечно...

Итак, еще тест Флесса, тест Роршаха, усовершенствованный Бомом, и, наконец, цветовой тест Люшера.

Недавно 50 моих пациентов подверглись комплексному тестированию, которое показало, что все они являются алкоголиками. И теперь я могу излечить этих алкоголиков иглой корреляции.

Ага, вместо компьютера!

Да. (Смеется.) Да, да... Это и есть мой маленький компьютер. Теперь мы можем сказать, сколько из этих алкоголиков имеет [реакцию] (h+). Итак, у 60–65 процентов их них [реакция] (h+). А у скольких [реакция] (h–)? Приблизительно у трети. Остальные – это тяжелые случаи. Я думал обсудить с Вами, можно ли ввести эти данные в Ваш компьютер.

Это мы можем сделать, хотя и не все фотокарточки. Разумеется, хорошо бы Вы мне поскорее выслали это на немецком языке, чтобы я мог все проверить, возможно, при помощи компьютера.

Да, конечно...

Вы, вероятно, слышали о господине Долларе? Он работает в Йельском университете в Америке. Он и его школа выражают необычную точку зрения, согласно которой всякая агрессия берет свое начало во фрустрации. Мы со Штудером проследили взаимосвязь [реакции] (m+!) с [реакциями] (s+!) и (s–!) и выяснили, что корре-

ляция является минимальной. Если бы господин Доллар был прав, мы обнаружили бы сильную корреляцию.

Скорее всего, это так. Фрустрации имеются у всех, но не у всех случаются пароксизмы.

Да... Я даже сравнивал и перепроверял с помощью компьютера взаимосвязь [реакции] (s–!), т.е. аутоагрессии, и [реакции] (m+!). Результат был всего 15–17%, так что с этой проблематикой все ясно. Не знаю, как это получилось у господина Доллара. Вероятно, речь идет об отдельных случаях, при которых такая взаимосвязь проявляется. Но он утверждает, что всякая агрессия происходит из фрустрации, а это не всегда так.

Не так, нет... Я тоже в это не верю. Действительно не верю...

Хорошо... Когда примерно должна выйти Ваша книга на немецком языке? Или хотя бы рукопись, а не книга?

Я должен предложить ее сначала психологическому издательству в Голландии, в Амстердаме. Ее может напечатать издательство Швертца и Цайтлингера.

Они уже в курсе?

Нет, пока еще нет.

Итак, могу сказать одно: это первая работа, которая двигает вперед диагностику побуждений. Для нас это – просто клад! Чудесно... Я Вас поздравляю!

Благодарю...

Сейчас мы находимся в серьезном кризисе, так что издательство Ганса Губера может отказаться от заказа. В настоящее время планируется выпуск только трех книг по нашей тематике, в то время как раньше они издавали все, что им предлагалось. Скоро выйдет книга по депрессии и еще одна – по судьбоанализу. Это большой труд, написанный на немецком языке доктором Гутом, замечательным психиатром и судьбоаналитиком из Мюнхена. Вы его знаете?

Нет, мне знакомо только имя.

Л. Сонди: Затем появится очень интересная книга по сновидениям предков, но, скорее всего, только в конце 1978 года. У меня есть ученик, который недавно стал доцентом, собравший огромное количество сновидений тяжелых алкоголиков, самоубийц и преступников. У него есть собственная амбулатория (с диагностическим и терапевтическим отделением), в качестве руководителя которой он знакомится с тяжелейшими случаями, и уже собрал огромное количество *сновидений предков.* Подобные сновидения я уже описывал в «Судьбоаналитической терапии». Но того, что есть у него, ни у кого больше нет.

Итак, выйдут эти три книги. Затем будет выпущено второе издание «Патологии побуждений» и второе издание «Свободы и навязанности в судьбе индивида». Хотя издательство Ганса Губера занимает сегодня весьма сдержанную позицию.

Корнелиус Х. ван Рин: *Это я уже заметил.*

Да, весьма сдержанную... Но я верю, что Ваша книга будет иметь успех в Нидерландах и обязательно появится в издательстве Ганса Губера. Если Вы пришлете мне ее вариант на немецком языке, то я, конечно же, смогу переговорить с его руководством и, возможно, переубедить.

Да, мне там сказали: «Сначала опубликуйте ее на голландском языке. У Вас не будет трудностей с переводом и дополнительных расходов. Затем мы посмотрим, как на нее отреагирует рынок».

Полагаю, так и надо поступить. Как я уже говорил, эта работа позволяет всей нашей диагностике сделать гигантский скачок. Вы сделали очень много характерологических находок.

Да, верно, это так.

И биографических.

И их тоже...

А это еще не делалось при помощи теста. В Париже я

говорил о взаимосвязях между [реакциями с] восклицательным знаком и психическими заболеваниями в семье. Там, где много восклицательных знаков, например в [факторе] «h», в семье должны быть гомосексуалисты. Где появляется очень много восклицательных знаков в [факторе] «p», в семье будут встречаться параноики. Это я смог вывести статистически, но дальше не пошел. Верю, что в этом основа всей нормальной характерологии. Поэтому важно, чтобы в Вашем заголовке содержалось слово «характерология».

Хорошо, я это сделаю.

Например, «Характер и структура побуждений»...

И, возможно, также «личность». Или это слово уже не имеет смысла? Говорят ли здесь, в Германии, еще о личности?

В качестве подзаголовка можно выбрать, например: «Исследование личности посредством... и т.д.»

«Структура побуждений, характер и личность»...

Только «Структуру побуждений» поставьте на последнее место.

О, пожалуй... «Личность, характер и структура побуждений». Конечно... Поведение, само собой, тоже имеет для моих пациентов большое значение.

Да, но у нас нет характерологии.

Это верно. И это система, которую...

... которую Вы сделали.

У меня есть результаты тестирования более двух тысяч относительно нормальных людей, не психотиков.

Эпилептики?

Может один, два или там три, в любом случае, мало. Очень немного... Эти люди примерно на 80% нормальные (если, конечно, нормальные вообще существуют).

Чудесно...

Я хотел бы еще кое о чем спросить.

Корнелиус Х. ван Рин: Да?

Л. Сонди: *Я испытываю некоторые затруднения с фактором «т» и с маниакальными людьми. На этой неделе я еще раз просмотрел все маниакальные картины. Четыре маниакальные картины имели некоторые параноидные черты, а две – нет. В [факторе] «т» нет параноидных черт, или все-таки есть?*

Параноид означает силу инфляции у маниакального человека. Сама по себе мания – это инфлятивное заболевание.

Да, я тоже рассматриваю ее как инфляцию бессознательного. Сознание испытывает инфлятивную угрозу со стороны бессознательного, скорее даже со стороны энергии, а не мыслей.

И это давление, разумеется, зависит от того, насколько велика дистанция с депрессией. Я уже писал в 1947 году, что рассматриваю манию как продолжение депрессии.

Да, верно... Я читал об этом.

Это тяжелейшая форма депрессии, так как все теряет свой прежний смысл.

Но большинство моих алкоголиков, практически все, имеют [реакцию] (т+). И многие мои психически нормальные невротики также имеют [реакцию] (т+). Картина (С 0 +) – является ли она для них характерной?

Да.

Тут всего слишком много, и я не могу прийти ни к какому решению.

М-м-м...

Не могу понять... Возможно, это оральная фиксация... Может быть, это орально фиксированные люди, у которых [реакция] (т 0)?

... И которые слишком много едят.

И много говорят.

Очень много говорят. Но тут, собственно, и начинается расстройство акцептации, которое тем сильнее, чем больше восклицательных знаков. Это... это уже фрустрация.

Хм... [Реакция] (m+) соответствует акцептации?

Конечно, акцептации. Чем больше восклицательных знаков, тем больше расстройство акцептации. И на это расстройство акцептации можно реагировать по-разному. Например, в начале невроза акцептации люди выдают [векторную реакцию] + + с одним восклицательным знаком, затем [векторную реакцию] + + с двумя восклицательными знаками, и далее [векторную реакцию] 0 + с двумя или тремя восклицательными знаками.

Это всегда невроз акцептации?

Это тяжелые формы невроза акцептации, которые очень часто носят параноидные черты.

Да, верно...

Но здесь первично не расстройство «Я», а нарушение контактов. Они и хотели бы прикрепиться к кому-либо, но не могут. Они слишком были обделены любовью, возможно, еще с детства.

Пожалуй, это соответствует подобной картине. Им не хватало того, чем матери обычно кормят своих детей?

Да, детского питания. У матери было слишком мало молока.

Такая же картина часто встречается и у алкоголиков. Значит, алкоголь выступает у них в качестве суррогата материнского молока?

Очень хорошо, именно так.

Я выявил у них также преобладание определенных потребностей: доминировать и все же искать поддержку.

Да, разумеется... Существует тяжелая форма расстройства акцептации: человек «приклеивается», но все же без принятия. Конечно, это также имеет свою причину в юности, а позднее выражается, например, в отношениях с женщинами. Это – очень тяжелая картина.

Корнелиус Х. ван Рин: *Да, Вы говорили в первый раз, что это инцестуозная картина...*

Л. Сонди: Инцестуозная, да. Она началась, когда человека «выставили» из инцестуозных отношений, и он хотел бы прикрепиться к матери.

Такой человек постоянно стремится именно к этому, однако мне не все еще ясно с [фактором] «m».

С [фактором] «m», м-м-м...

С [реакцией] «m+», а [реакция] «m–» не является проблемой. Здесь все понятно.

[Реакция] «m+», то стремление к новизне, которое мы сейчас наблюдаем все чаще, это – самодеструкция.

Да, и это самое трудное.

Могу я позвать Штудера?

Конечно... (Сонди набирает телефонный номер.) Я уже говорил с господином Штудером.

Может быть, он еще не ушел. (*Говорит по телефону.*) Здесь... сюда... мы тут... по соседству. Хорошо...

У тяжелых алкоголиков (а их у нас примерно 600 человек) важной является [реакция] (k–) с множеством восклицательных знаков, затем [реакция] (m+) с восклицательными знаками и иногда (s–), (k–). Это и есть та самая деструкция, саморазрушение. Это мы, вероятно, можем увидеть.

(*Входит доктор Штудер.*)

Штудер: Рад вас приветствовать! Итак, [векторная картина] (C 0+) имеет место у 32% алкоголиков.

Л. Сонди: [Векторная картина] C 0 + без восклицательных знаков?

Нет, со всеми восклицательными знаками, я просто говорю о реакциях. [Векторную картину] (C – +) мы имеем у 14,9%. Эти две реакции встречаются чаще других, затем идет [векторная картина] (C + +), которая встречается у 13,9%.

Итак, наиболее частой векторной картиной, собственно, является (С 0 +)?

Да.

А что в «Я»?

В «Я» у них [векторная картина] (Sch – –).

(Sch – –), но с восклицательными знаками или нет?

Да, с восклицательными... Их вообще очень много: больше всего восклицательных знаков в [реакциях] (s–) и (h+), затем – в [реакции] (m+).

А в (k–)?

Нет. В (k–) значительно меньше, чем в (m+).

В (m+) больше?

Значительно больше. Но [реакция] (k–) все-таки тоже довольно сильная.

Да... Значит, эта старая статистика еще вполне пригодна.

Именно так...

Там у нас было (s–!), (k–!), (m+!).

Корнелиус Х. ван Рин: *Да... В моей клинике для алкоголиков я тоже встречаю довольно много [факторных реакций] (k–). Но без восклицательных знаков...*

Да? А это молодые люди или пожилые?

Примерно от 30 до 50 лет.

И как долго они находились в клинике?

От одного дня до недели. Новоприбывшие... Итак, сколько там людей с (k–)? (Листает записи и считает.) Семнадцать. У 34 процентов имеется [реакция] (k–).

Нужно бы все собрать в одно место (*листает бумаги*). Если бы у нас были все эти данные, то их было бы достаточно для статистики. (*Считает.*) 11 плюс 12... 23... 33... 41... 46.

Сорок шесть – это очень много. (Объясняет Корнелиусу ван Рину.) Это тяжелые больные, с изменениями печени. Все они содержались в кантональном госпита-

ле в Люцерне.

Корнелиус Х. ван Рин: *Эти люди обычно говорят: «Я очень хочу вылечиться!» У них есть необратимые изменения в печени, но это еще не самые тяжелые больные.*

Л. Сонди: А теперь вопрос: каким образом печень связана с [фактором] «m»?

С чем связана?

С фактором «m»...

Печень?

Ну да... Было бы любопытно посмотреть на заболевание печени у психосоматических больных, а не алкоголиков.

Как Вы знаете, печень имеет некоторое отношение к сладкому, не так ли? К глюкозе... Накопление сладкого... Дети очень любят сладкое. И материнское молоко значительно слаще коровьего. Таким образом молоко, мать и печень взаимосвязаны. (Сонди смеется.) Но это, разумеется, шутка!

А ведь вполне могла быть правдой! (*Все смеются.*)

Нет, это только ради развлечения. Соль, разумеется, связана с почками. А горечь – с сердцем.

Да... Кстати, было бы весьма любопытно как-нибудь посмотреть на тест с точки зрения физиогномики. Два человека уже попытались установить связь между этими старыми фотокарточками и физиогномикой, но никто из них не был психологом. Полагаю, что там можно было бы обнаружить и физиогномические взаимосвязи. Я не физиогномист, но очень часто, взглянув на лицо, догадывался о том, что происходит в семье, как в случае с Вами, господин ван Рин.

На прошлой неделе у меня был доктор Мелон из Лютиха, это в Бельгии. Я посмотрел на него, и мне тотчас же на ум пришло лицо шахтера, стоявшего на воскресной мессе. «В вашей семье есть шахтеры?», – поинтересовался я у него. – «Да, мой дедушка был взрывником». (*Объясняет Штудеру.*) Вот этого господина, который си-

дит напротив, я спросил, не происходит ли он из церковной семьи (*смеется*). Его дедушка был пастором, и дядя тоже. Да... Вот как обстоят дела.

Здесь должно быть нечто, чем могла бы заинтересоваться действительно научно обоснованная физиогномика. Очень любопытно, что около ста лет назад некий господин Штуве занимался глубинной физиогномикой, как он ее назвал. Об этом писал в своей книге «Сумасшествие» один немец по фамилии Лейбранд. Я уже думал над тем, что собой представляет глубинная френология. Штуве понимает под этим френологию, которая заходит настолько глубоко, что посредством исследования формообразований головы и черепа может диагностировать характер и болезни. Итак, это было в те далекие времена... Сегодня то же самое называется глубинной психологией. А тогда – глубинной френологией (*смеется*). Этим можно было бы как-нибудь заняться!

Около пятидесяти лет я изучаю генеалогические деревья: смотрю на людей и на их родословные. Когда я еще занимался аналитической практикой, у меня под рукой всегда было собственное генеалогическое дерево и генеалогическое дерево пациента, лежащего на кушетке. Таким образом, могло случиться, что подобные аналогии возникли во мне бессознательно.

Да... Я тоже так считаю.

Например, я часто сразу же чувствую, какая профессия может подойти человеку.

А я сейчас вдруг понял, почему столь страстно увлекся Вашим тестом! Собственно, уже через пару недель я догадался о том, какие возможности в нем скрываются! А теперь даже знаю, почему...

Как-то раз в подростковом возрасте мне попалась одна немецкая книжка по хиромантии, и я научился читать по ли-

ниям руки. Затем я заметил, что то же самое можно делать при помощи фотографии. Можно прикрыть на фото сначала один, затем другой глаз. Сразу же видны различия! Затем рот: сначала одну, затем – другую половину...

Л. Сонди: Ага... Кажется, понимаю.

Корнелиус Х. ван Рин: *Таким образом я увидел что-то, что можно сделать при помощи хиромантии, возможно также путем «фотодиагностики». Болезни, способности, недостатки, профессиональные склонности... все это можно определить по фотографии. Тут мне в руки попал тест Сонди (Сонди смеется), и я понял, что это невероятно интересно!*

Да... Это так.

Когда мне было где-то 18, 19 или 20 лет, я мог по фотографии человека поставить ему диагноз. Затем появились эти фотокарточки, и стало возможным диагностировать с их помощью.

В Голландии было направление (не знаю, существует ли оно до сих пор), которое представляли ван Цольт и Апфельманн, еще один врач и ван дер Вельде. Так вот... Они пронумеровали фотокарточки по [фактору] «h»: h1, h2, h3 и т.д. и для каждой из них они нашли что-то свое в отношении сексуальности. Не знаю, верно ли это. Никто не проверял. Но наверняка в фотографиях можно увидеть очень многое. Я, например, замечал, что эпилептики и параноики имеют разную осевую направленность взглядов, т.е. два глаза смотрят не в одном направлении. Если Вы посмотрите на карточки эпилептиков и параноиков, то сами убедитесь в этом. Вероятно, найдутся похожие вещи и для других примеров.

(Доктор Штудер поглядывает на часы.)

Штудер: Вы позволите мне удалиться? У меня еще есть пациенты... Могу я вас покинуть, или нужно еще

что-нибудь об алкоголиках?

Нет, спасибо... Как у Вас идут дела?

Все в стадии завершения, поскольку Вы остались удовлетворены моей интерпретацией. Но мы можем переговорить об этом завтра утром.

Да, конечно... До свидания.

До свидания.

Всего хорошего... Благодарю Вас за подробные комментарии и цифры. Все было очень интересно.

Это удивительный человек.

Да... Итак, вернемся к нашему прежнему разговору. Вы хотели бы получить такой бланк?

Да, меня это интересует. Я бы его проверил.

Тогда я пришлю вам какой-нибудь пример своей обработки.

Хорошо... Но, как я уже говорил, мы сейчас все делаем при помощи компьютера. Там уже есть данные на первую тысячу человек, теперь обрабатывается вторая тысяча, а затем и эти результаты также будут введены в компьютер.

Можем ли мы провести корреляцию результатов?

Ваших и наших? Разумеется... Это очень важно. Но если Вы пришлете мне еще и пустой бланк, то это будет весьма любезно с Вашей стороны.

Обязательно пришлю. А также запись своего первого разговора с Цейтлингером об издании этих материалов.

Спасибо... Надеюсь, все получится, и немецкий перевод будет сделан достаточно быстро. Вам нужен немец, который хорошо говорит и на голландском. Вы знакомы с профессором Фельк?

Да...

Она была в Германии и собиралась провести коллоквиум в Амстердаме. Но предстоял такой объем работы, что ей пришлось отказаться. Она очень хорошо говорила по-немецки. С тех пор я больше ничего не слышал о

ней, почти ничего. Она замечательный диагност. Да... И толковый, весьма толковый ученый. Фельк работала ассистентом Гезы Левиса в Амстердаме. А Геза Левис – мой хороший друг еще со времен Будапешта. В общем, она занялась было организацией коллоквиума, но предстояло такое множество дел, что пришлось его отменить.

Корнелиус Х. ван Рин: *Я полагаю, в Голландии есть еще один такой человек, который работает в психиатрической клинике...*

Л. Сонди: И как его зовут?

(Корнелиус Х. ван Рин ищет имя.)

Вы можете мне об этом написать.

Я забыл имя. Помню только, что он часто делает подобные переводы.

Да... А относительно ван Цольта я поставлю вопросительный знак. Не знаю, сколько выдумки и сколько правды скрывается в этой истории с фотокарточками, никто это не проверял. Они проводили другое толкование профиля.

Ван Цольт?

Ван Цольт и доктор Апфельман. Тот тоже был с ним, я его знаю лично. Мне он кажется очень славным, этот Апфельман. Где он живет, не знаю.

Я его разыщу. (Записывает.)

Ван Цольт – уже довольно пожилой господин, вероятно, около семидесяти лет. А Апфельман – очень молодой. Но я до сих пор не решаюсь ничего публиковать из Голландии, так как эта история с ван Цольтом кажется мне весьма сомнительной.

У него совсем другая методика?

Он разработал совершенно другой метод толкования фотопортретов. Я был увлечен развитием этой истории, но не имел времени ее отслеживать, а у других людей не оказалось к ней никакого интереса. Не знаю, но может

оказаться, что это вполне серьезные исследователи.

Ничего о них не слышал.

По моему мнению, Апфельман вызывает гораздо больше доверия, чем ван Цольт.

Вы ведь знаете об исследованиях корреляции между тестами Роршаха, Сонди, Люшера и некоторыми другими методиками?

Конечно... Диссертации находятся в нашей библиотеке. А Вы их видели? ...

(Конец второй стороны аудиокассеты.)

2
Вера как судьба

К. Бюрги-Майер

ВЕРА КАК СУДЬБА

«Религиозная глубинная психология» по Липоту Сонди

Несколько измененная редакция доклада, прочитанного 18.04.1989 в рамках «Серии открытых докладов по судьбоанализу» в институте Сонди, Цюрих

1. Введение

Свои размышления я представляю под заголовком «Вера как судьба», который является одноименным названием доклада, прочитанного Сонди в 1954 году в цофингеровском студенческом союзе. В этом докладе Сонди определил *веру* как *via regia* («царский путь») к гуманизации людей, перефразируя З.Фрейда, представившего сновидение как «via regia» к бессознательному. Такое название обязывало его защитить выбор подобной тематики и изложить причины того, почему он, как врач и психоаналитик, проявлял интерес к *вере* своих пациентов.

«Дорожный указатель» на пути к Духу, или *функциональный вероанализ*, до сих пор вызывает недоумение многих психоаналитиков, которые уважали и поддерживали Сонди до тех пор, пока его исследования не выходили за рамки классического психоанализа и психиатрии. В то же время психиатры и психотерапевты, настроенные по отношению к Сонди вполне дружелюб-

но, были обеспокоены тем, что этот интерес может повредить его репутации авторитетного и серьезного исследователя.

Вот что писал когда-то один весьма уважаемый бернский психиатр и психоаналитик, которому Сонди был весьма признателен за популяризацию его произведений и личную презентацию в научных кругах в Швейцарии: «Я все еще настроен несколько скептически по отношению к Вашему «Духу» и вере. Прошу извинить, но у меня складывается впечатление, что здесь Вы больше напоминаете церковного батюшку, правда, очень милого и симпатичного. Мне будет очень жаль, если дальнейшее развитие того, что Вы связываете с верой, повредит Вашему грандиозному замыслу. Вспомните гениальные идеи Мальтуса, который обнаружил взаимосвязь между увеличением численности народонаселения и нехваткой продуктов питания, но в качестве лекарственного снадобья предложил чисто утопическое требование ограничения сексуальных контактов и тем самым сделал невозможной реализацию идей своего великого открытия и даже, в некотором роде, превратил себя в посмешище» (Моргенталер, 1956).

Учение о функции веры, *вероанализ*, и размышления о Божественном Духе в произведениях Сонди до сих пор вызывают острую критику со стороны коллег, работающих в области медицины, психиатрии и психоанализа. «Это уже не наука, а мировоззрение!», – возмущаются они, на что ученый отвечал им: «Горе науке, которая не имеет достаточно мужества для того, чтобы стать мировоззрением»... А затем еще добавлял: «Быть человеком – значит помогать и верить. Поэтому я переступаю границы чистой медицины и чистой психиатрии, когда ставлю человеческое становление выше науки».

В своем докладе Сонди привел небольшой пример из

своей клинической практики, который закончил следующими словами: «После этого случая я начал обследовать и лечить больных людей, наряду с традиционными психическими и соматическими методами, принимая во внимание их веру. Следует признать, что у меня не всегда получалось это сделать, но, если все-таки удавалось, судьба больного неожиданно менялась самым счастливым образом» (Сонди, 1954).

2. Вопрос о религии в приемной врача: рутина и нечто большее?

Я намеренно выделяю в подзаголовке вопрос об открытости психотерапевтических методов по отношению к религии (понятие «религиозная глубинная психология» можно найти у Л.Сонди, 1956, 22), так как психотерапевты либо полностью исключают религиозность из своего самосознания и терапевтической практики, либо рассматривают ее только в качестве пограничного феномена, который они оставляют теологам или пасторам. И в самом деле, на конференциях и семинарах по повышению квалификации встречается немало психотерапевтов, совершенно не интересующихся религиозными проблемами, соответственно некомпетентных в вопросах религии. Во всяком случае, когда заходит разговор на подобные темы, они ведут его крайне неуверенно. Они рассматривают *религию и религиозность* как коллективный невроз, образование невротического компромисса или инфантильную позицию, нуждающуюся в терапевтической интерпретации и лечении. Другие психотерапевты, в частном порядке стоящие на религиозной точке зрения, считают религию сферой профессиональной деятельности теологов и священнослужителей. Это приводит к тому, что в приемной врача

не задаются вопросы о религиозности пациента, в лучшем случае все ограничивается *сведениями о конфессиональной принадлежности.*

Разумеется, пациентам позволяется говорить о религии, если они сами с этого начинают. Но, в сравнении с сексуальностью, религия и религиозность в практической деятельности психотерапевтов занимают ничтожное место. Вы согласитесь с моей оценкой, если просмотрите психологическую и психиатрическую литературу, книги и специальные журналы. Термины «*религия*» и «*религиозность*» там присутствуют, однако чаще всего с негативным оттенком, например в психопатологическом контексте *невроза навязчивых состояний, истерии* или *бреда религиозного содержания.*

Создается впечатление, что прогрессирующая в самокритичной теологии полемика с фрейдовской критикой религии, большинством психиатров, психотерапевтов и даже психоаналитиков считается недостаточно убедительной. Поэтому они все более отчетливо идентифицируют свой взгляд на религию и религиозную практику с их непригодными формами, описанными З.Фрейдом. С другой стороны, основатель психоанализа вполне правомерно направлял свою критику на многое из того, что ему приходилось видеть и слышать о религиозной практике в своей приемной; слишком уж часто за этим скрывалась обыкновенная неискренность, злоупотребление властью, морализм и догматизм, повиновение табу, враждебность науке и прогрессу! Очевидно, почитаемые божества, наделенные амбивалентными чертами образов отца и матери, сложившихся в раннем детстве, были иллюзорной компенсацией, которая выполняла в культе и ритуалах функцию принуждения к навязчивым действиям (Кюнг, 1981).

Тем не менее, в глубинной психологии всегда были психиатры и психотерапевты, открытые по отношению к религии и видевшие в ней один из краеугольных камней своей терапевтической деятельности (К.Юнг, А.Мэйдер, Л.Сонди, проповедник и психоаналитик О.Пфистер). Они исходили из того, что *центральной человеческой потребностью является потребность в религии и духовности.* Даже Фрейд вынужден был признать, что в основе всех религий «лежат самые древние, сильные и неотъемлемые желания человечества», а сила иллюзий, к числу которых он относит и религию, «прямо пропорциональна силе этих желаний» («Будущее одной иллюзии», 1927). Вытеснение религиозной потребности приводит к серьезным, трагическим последствиям, по аналогии с вытеснением сексуальности. (Правда, это уже не Фрейд, хотя и он мог бы прийти к такому очевидному выводу.)

Л.Сонди полагал, что в каждого человека заложена потребность в партиципации с бытийным могуществом Бога и в единении с Божественным Духом. Как аналитик, он видел и чувствовал, что существуют и другие формы удовлетворения этих потребностей, представляющих собой суррогат. Кроме того, он был убежден, что следствием вытеснения и расщепления потребности в партиципации с Богом неизбежно является тяжелое психическое расстройство. Поэтому в качестве важнейшей задачи судьбоаналитиков он рассматривал оказание терапевтической помощи пациентам:

1) при осознании, активизации и восприятии духовных потребностей в единении с Богом;

2) при вытеснении потребностей в трансценденции и партиципации;

3) при установлении различий между истинной верой и такими ее искажениями, как идеология и бред.

Судьбоаналитик, игнорирующий эту задачу, совершает, по мнению Л.Сонди, грубейшую ошибку в искусстве терапии, в связи с чем он сказал: «Мы говорим, что расстройство веры – это расстройство «Я». Поэтому каждый врач и психолог должен исследовать функцию веры своих пациентов, а в случае ее нарушения (из-за ошибочного распределения бытийной силы и т.д.) попытаться расчистить путь к Духу. Только в этом случае пациенту удастся заполнить Духом свое индивидуальное и коллективное, управляемое и безопасное существование – по аналогии с аналитическим дуальным союзом. Последним этапом аналитической терапии должен стать данный «аналитический перенос» на вечный объект *веры* – Бога, который способен выдержать перенос могущества, так как и без людей является всемогущим. Невыполнение этой задачи мы считаем величайшей ошибкой, которую только можно совершить в анализе». Эти замечания легли в основу определения *веры как распределения и переноса бытийной силы на Божественный Дух.*

Свои размышления о значимости религии в приемной врача я хотел бы завершить следующей цитатой теолога Г.Кюнга (1988): «Для пациентов вовсе не безразлично, разбирается ли психиатр или медик в вопросах религии, чувствует ли он *источники духовной силы,* скрытые в ней, и способен ли привести их к таким источникам в самих себе, которые могут стать более целебными, интегрирующими и восстанавливающими, чем чисто аналитические методы терапии. В самом деле, если человек из-за отсутствия способностей или недостаточного воспитания ничего не смыслит в музыке, то он никогда не сможет правильно оценить ее целительную и мобилизующую силу. То же можно сказать и о том, кто не знаком с религией вследствие стечения индивидуальных биографических обстоятельств, философских

взглядов или социальных предрассудков. Такой человек никогда не познает тех громадных духовных ресурсов, которые могут стать решающими для достижения его благополучия. В сравнении с теми, кто обладает опытом подлинного религиозного общения, он просто более обделен».

3. Вера как судьба

Липот Сонди (1956, 1963) основал свое учение о судьбе, или судьбоанализ, на следующих фундаментальных предпосылках. Человек изначально соединен с непротиворечивым Божественным Духом и сопричастен Его всемогуществу. Трансцендентная сила существования проявляется как врожденная сила, заложенная в генах. Кстати, когда речь заходит о существовании людей, Сонди отдает предпочтение мифическому, иррациональному языку, соответственно способу выражения своих мыслей. С пробуждением «Я» человек берет на себя непростую задачу по наиболее оптимальному распределению бытийной силы в отдельных сферах своего существования. И от того, каким образом он это сделает, в значительной степени зависит его дальнейшая судьба.

Если «Я» односторонне переносит бытийную силу на свою наследственность, то человек оказывается под гнетом навязанной судьбы, что довольно часто находит свое выражение в расизме и национализме, с их подробными экскурсами в прошлое предков. Доминирование наследственно-навязанной судьбы заставляет человека слепо, без лишних вопросов, принимать на веру заветы предков и следовать их жизненным примерам, в результате чего он оказывается неспособным организовать жизнь в соответствии со своими возможностями.

Если весь жизненно-энергетический потенциал обрушивается на инстинктивную жизнь человека, то он проживает навязанную форму судьбы безудержного и импульсивно-неуправляемого характера.

Если пропорционально большую часть при распределении бытийной силы получает окружающая среда, то на долю человека выпадает судьба, связанная с неврозом социального характера. По мнению Э.Фромма, человек с рыночным характером является отчужденным от самого себя, своей работы, своих ближних и природы. Рыночные отношения и, соответственно, личностные особенности приобретают неограниченную власть над людьми.

Если «Я» уступает свою власть рассудку и интеллекту, то человек деградирует до уровня холодного рационалиста, «сомневающегося во всем, что находится за границей разума и чувственного опыта» (Сонди, 1956). Он теряет наивысшую возможность человеческого существования – способность к трансценденции. В своем сугубо рациональном мире, где учитывается только то, что можно измерить и поместить в каталог, он «усыхает подобно сухофрукту».

Если все могущество бытия отходит к миру идей, то человек лишается почвы под ногами.

Если «Я» аккумулирует всю полноту бытийной силы в самом себе, то человек раздувается от псевдобогоподобия и становится жертвой магии и чародеев.

Трагедия человека заключается в том, что с пробуждением своего «Я» он теряет единство с Божественным Духом, образующим сердцевину его сущности, и постепенно забывает об этом. Отчуждение от Божественной сущности является следствием односторонней ориентации на обыденное сознание, которое, создавая категории пространства, времени, причинности, абсолютизи-

рует рациональность и логику, а также обуславливает раскол между субъектом и объектом. Человек настолько идентифицирует себя с этим типом «бодрствующего» сознания, что уже не в состоянии понять, что его восприятие мира является лишь результатом навязанного ему обществом соглашения о том, как он должен интерпретировать свои ощущения, если хочет считать себя его полноценным членом (Тарт, 1988).

Чем более человек отчужден от своего единства с Божественным Духом, а следовательно, и от своей целостности, тем более энергично он стремится удовлетворить свой порыв к единобытию и партиципации с помощью *эрзац-объектов*. Сонди полагает, что именно *выбор этих эрзац-объектов «делает судьбу»* и выделяет следующие ее варианты.

Один ищет замену для своей потерянной целостности в наркотиках и становится *наркоманом*.

Другой находит эрзац в формировании ритуалов *невротической симптоматики*, навязчивый повтор которых делает его жизнь все более программируемой и предсказуемой. Со временем эта симптоматика становится его постоянным спутником.

Третий отрицает повседневную действительность и сооружает в фантазиях новую реальность, предоставляя своему стремлению к единобытию соответствующие объекты партиципации.

Четвертый хотя и не отрицает повседневную действительность в ее настоящем виде, но выстраивает собственный мир идей, символов и ритуалов. Такой человек становится философом, поэтом, художником или организатором религиозно-культовых ритуалов.

Сонди считает, что человек сравнительно легко овладевает только теми эрзац-объектами, которые построены при помощи его бытийной силы. Однако в конце кон-

цов эрзац становится мучительным и невыносимым, превращаясь в непреодолимую преграду для изначального и непротиворечивого единения с Божественным Духом. Впрочем, существует одна способность человека, определяющая его судьбу и способная реализовать могучий порыв к восстановлению утраченного единства и целостности. Эта наиболее приемлемая для людей форма реализации партиципативного стремления называется верой. *«Вера делает судьбу» и сама является судьбой.*

«Вера – это особенная судьба, построенная на общечеловеческих склонностях, могучий импульс которой придает вся полнота специфических наследственных задатков, а воспитательные и социальные факторы окружающей среды либо этому способствуют, либо препятствуют. Вера подвергается нападкам интеллекта, вооруженного логикой. Она получает свой объект в Духе, но существует только в «Я». Со смертью «Я» теряет свою силу и функция веры. Таким образом, духовной инстанцией, которая верит или не верит, является «Я» (Сонди, 1956). Как много сказано одной только этой цитатой! Вера как личностная потребность уходит своими корнями в человеческую сущность. Потребность в вере, то есть в единении с Божественным Духом, получает, по Сонди, самостоятельное значение только в чувственно-эмоциональной сфере человека и занимает по своему рангу, значимости и необходимости место нисколько не ниже любых физиологических потребностей.

С самого начала Фрейд рассматривал религию как результат невротического компромисса, сформированного из защиты, исполнения желаний и возврата вытесненного. Сонди, напротив, считает религиозность *наивысшей ступенью* в развитии человеческого «Я», и обращает внимание на расстройство веры и «проявление духовной недостаточности» (А.Маслоу) как прямое

следствие дробления и вытеснения человеческой потребности в вере. Таким образом, расстройство веры представляет собой тяжелейшее расстройство «Я». Принципиально позитивная оценка и ориентация на потребность в вере никак не помешала ему увидеть и невротические реакции, т.е. суррогатное удовлетворение потребности в вере.

Итак, что же понимает Липот Сонди под «верой»? Вера – это «биологически врожденная способность человека к самотрансценденции», т.е. к переходу от своего «Я» к Божественному Духу. Вера означает перенесение собственной бытийной силы на более высокую инстанцию, способность человека к партиципации с полнотой Божественного бытия, которая позволяет ему испытать особое чувство единения в «мистическом союзе» с Богом.

Молитва Клауса фон Флюе (1417–1487), попавшего под влияние немецкой мистики, прекрасно иллюстрирует то, что Сонди понимал под верой в смысле передачи Богу всего себя без остатка. «Мой Господин и мой Бог, возьми у меня все, что препятствует быть на пути к Тебе! Мой Господин и мой Бог, дай мне все, что поможет быть на пути к Тебе! Мой Господин и мой Бог, возьми же меня у меня и позволь мне посвятить себя всецело Тебе!»

Понимание веры как передачи Богу своей бытийной силы очень близко различным высказываниям Мейстера Экхарта (1260–1329), из которых я приведу лишь некоторые:

«... утвердиться в Боге совсем нетрудно, так как Он все время побуждает нас к этому...» (*проповедь 33*);

«Ты должен полностью выйти из своего бытия и слиться с Его Бытием, и твое «ты» в Его «Бытии» должно стать совершенным «Я» (*проповедь 42*);

«Я говорю вечную и непреложную истину, что Бог всеми своими возможностями полностью вливается во всех тех людей, которые опустились на самое дно» (*проповедь 43*);

«Если я воображу себя в ничто, а ничто в себе, и отвергну все, что есть во мне, то смогу переместиться в чистое Бытие Бога, которое и есть чистое Бытие Духа» (*проповедь 35*).

Передача бытийной силы и мистический союз с Богом вовсе не означают потери верующим своей сущностной основы и персональной идентичности, но говорят о его открытости той трансперсональной инстанции, которую Сонди недвусмысленно именует Богом (Сонди, 1956; 1962; Фанкхаузер, 1962). Именно в этом «мистическом» союзе проясняется неизмеримая полнота и глубина диалогичных отношений между человеком и Богом, человеком и природой, человеком и обществом, и становится пережитым опытом. Кроме того, у верующего («*homo humanis*», по Сонди) отношения с ближними всегда опосредованы через Бога, а связь с Богом – через ближних и природу. Перенесение бытийной силы на интроецированные эрзац-объекты не удовлетворяет потребности в вере, если человек продолжает оставаться в своем «Я», которое не в состоянии выдержать подобного всемогущества. А иллюзорный перенос всемогущества на собственную личность превращает человека в безумца с манией величия. Только через передачу бытийной силы Богу человек действительно способен выйти за границы собственного «Я». И только эта самостоятельная трансперсональная инстанция «выдерживает» всю полноту бытийной силы, передаваемую человеком (Сонди, 1956). Часть перенесенной на Бога силы бытия человек получает обратно в виде «жизненных задач», которые он теперь способен решить, поскольку перестал быть одиноким и соединился с Богом в Духе.

Содержательное и функциональное определение реальности Божественного Духа, постигаемой человеком через веру, Сонди передает в компетенцию теологов. Судьбоаналитики должны определять и более детально исследовать лишь психические функции, а также эмоциональные, глубинно-психологические и когнитивные установки, которые делают возможной трансценденцию человека к Богу. И все же как психолог Сонди позволяет себе следующее высказывание относительно этих функций: «Чем интегрированнее «Я» человека, тем более интегрированным будет и выбранный им объект веры, а также вероятность того, что верующий благодаря этой высшей инстанции сможет достичь истинной духовной партиципации. Под верой подразумевается пропорциональное распределение бытийной силы, при котором наследственность и глубинная связь с предками, побудительная и импульсивная природа, социальное окружение и микросреда приходят в гармонию с уровнем развития и соответствующей жизненной фазой верующего» (Сонди, 1963).

4. Расстройство веры

Способ распределения и переноса бытийной мощи, а также выбор объекта партиципации формируют те критерии, на основании которых можно различать веру и такие ее нарушения, как идеология и бред.

Идеология и *бред* являются результатом ошибочного распределения могущества, сопровождаемого ложным переносом бытийной силы на объект партиципации, который не в состоянии ее принять. Идеология и бред, так же как и вера, уходят своими корнями в общечеловеческую фундаментальную потребность в партиципации (единобытии, равенстве и родстве с другим существом)

или, другими словами, в потребность к самотрансценденции. Целью партиципации является «освобождение от невыносимого одиночества» (Сонди, 1954). Человек стремится выйти за границы собственного «Я», т.е. к трансценденции, чтобы не оставаться в одиночестве. Вера и ее расстройства являются попытками «избежать не только угрозы одиночества, но и преодоления страха смерти» (Сонди, 1956). Правда, идеология и бред с самого начала проявляют себя как иллюзорные способы преодоления страха смерти. Только вера, т.е. «переживание единобытия и мистической партиципации с Духом», выбор Бога в качестве «объекта веры» и перенос бытийной мощи на Бога, может дать человеку «спасение и защиту от смерти» (Сонди, 1954).

В чем же заключается различие между идеологом и верующим в понимании Сонди? Предлагая критерии идеологии, я ссылаюсь на работу Вернера Гута «Вера, идеология и бред», представляющую собой прямое продолжение и развитие взглядов Л.Сонди, в которой убедительно представлены возможные расстройства веры.

Итак, идеолог значительно отличается от верующего. Становясь обессиленным в результате одностороннего распределения бытийной силы на лиц из своего окружения, идеолог следует за могущественными фигурами и вождями, которых он избрал в качестве объекта партиципации. Но вскоре эти кумиры превращаются в его преследователей, и тогда идеолог спасается от них бегством. Теперь предлагаем вашему вниманию основные характеристики *идеолога.*

Действительность в его сознании получает проективное искажение. Сцены мира занимают многочисленные преследователи, а душа наполняется воинственным настроением.

Идеолог – это «ведомая личность», живущая в ригидном и слепом подчинении указаниям, не подлежащим никакому обсуждению.

На месте автономной структуры «Сверх-Я» возникает жесткая структура «повиновения авторитету». Не «голос совести», а исходящий извне страх наказания, утраты, а также зависимости регулируют поведение человека.

Моральная система идеолога легко адаптируется к социуму. Господствует «моральный реализм» (Ж.Пиаже), который препятствует взаимопониманию и подталкивает к решению конфликтов и разногласий путем агрессии.

Таким образом, идеолог концентрирует бытийную силу в себе самом. Подобно нарциссу, он обитает в крепости, а чаще всего – в бункере. Никто не может войти туда, и он постепенно теряет желание «выйти навстречу кому-нибудь с радостью, любовью и нежностью» (Сонди, 1956). Объектом партиципации идеолог делает самого себя. Нам удалось выделить следующие базовые критерии идеалогизированного человека.

– За пределами собственной референтной группы идеолог сожалеет об отсутствии отношений, которые опираются на чувство симпатии и готовность к сотрудничеству, построенных на взаимном стремлении «отдавать и получать».

– Идеолог ощущает себя в пустоте вследствие неспособности установить тесный контакт с другими людьми и, прежде всего, с лицами противоположного пола.

– Идеологам импонирует пространственно-временная отдаленность и абстрактность.

– Они акцентированы на финалах, прославляют прошлое и будущее, тяготеют к экзотике.

– Идеологи постоянно «состоят на службе» по охране безопасности собственного «Я», действуя по принципу

«разделяй и властвуй» и ловко манипулируя отношениями из страха утратить иллюзорное восприятие мира и свою идентичность с ним.

– Идеолог настаивает, чтобы человечество было разделено на две группы: а) посвященные и чистые; б) профаны и нечистые.

– Он обладает дуалистическим способом мышления по принципу «или – или» и связанной с ним контрастной черно-белой палитрой.

– Идеологическое буквоедство вырабатывает «иммунитет» против новых способов видения и ведет к сокрытию новой информации, способной привести к изменению системы.

– Идеолог склонен обобщать единичные аспекты действительности вследствие отсутствующего чувства меры.

– Сохранение внутренней чистоты «учения» и всей системы обеспечивается культом харизматического образа основоположника, а наружная чистота – акциями «чистки». Вперед выступают «хранители Чаши Грааля».

– Потребность в безопасности и замкнутости системы диктует необходимость постоянного контроля со стороны приверженцев и членов системы, а также установления институтов, законов и догм.

– Господствует «реализм языка», когда идея и слово превращаются в фетиш, а словесная шелуха становится формой изложения самых сокровенных идей школы или направления. В результате план-карта внутреннего мира путается с реальной действительностью.

– Пропагандистские речи и лозунги становятся важнее дискуссий.

– Идеологи сразу же рвут отношения со всеми, кто критикует их убеждения, и реагируют на критику со слепой яростью.

Еще одной формой расстройства веры является *бред.* Согласно Сонди, верующий и больной психозом бредообразования относятся к действительности поразному. *Верующий* принимает жизнь такой, какая она есть, со всеми ее трагическими противоречиями, многозначностью, неясностью и экзистенциальными вопросами.

Больной психозом не способен выдержать экзистенциальные, индивидуальные и общественные противоречия, а также вести с ними борьбу. Он просто отрицает их и создает собственный, бредовый иллюзорный мир, который служит ему защитой от пугающей его реальности. Формирование бредовых идей ведет к глубоким нарушениям в восприятии пространственно-временных отношений и в сфере контактов, вследствие которых исчезают различия между другом и врагом, между личной и общественной сферами жизни, размываются границы «Я» и «Ты», и человеком поистине овладевает нечто «чудовищное». Если больной психозом односторонне переносит всю свою бытийную силу на других лиц, то они приобретают могущество его врагов и преследователей, а носитель бреда превращается в беспомощную жертву. Если же он концентрирует всю силу бытия на собственном «Я», то становится сумасшедшим с манией величия.

В обоих случаях объект бреда, которым может быть или другая личность или собственное «Я» человека, не в состоянии выдержать переносимое на него всемогущество.

5. Первосвященное «Я»: освобожденный человек

По Сонди, человек является истинно верующим, если ему удалось реализовать свою врожденную способность к самотрансценденции при переносе бытийной силы на Бога. С выбором Божественного Духа в качестве получателя бытийной мощи человек освобождается от навязанной судьбы, от наследственных, вегетативных, половых, ментальных и социальных запретов. Но, чтобы стать действительно способным к переходу от своего «Я» к Богу, он должен, по словам Сонди, достичь «метафизического «Я» или «Понтифекс-Я», другими словами, «Я», способного наводить мосты между противоречивыми сущностями. Метафизическое «Я» находится в непоколебимом состоянии между противоположными полюсами и избегает отождествления с одним из полюсов диалектической пары противоположностей («полярностей»). Если бы «Понтифекс-Я» постоянно находилось только на одном из этих полюсов, мир дуализмов распался бы окончательно.

Под понятием «метафизического Я» или «Понтифекс-Я» подразумевается возвышенный идеал такого человека, который способен избавиться от терзающих его осколков дуализмов, достигая в самом себе переживания и осознания величия Духа, находящегося по ту сторону противоречий, и вечности. Такой человек испытывает мистическую связь с имманентной и в то же время трансцендентной реальностью Божественного Духа, что является наивысшим выражением его существования. При этом Сонди не забывает добавить, что подобное состояние становится возможным только «Deo concedente» (Сонди, 1954; 1956).

Понятие «Понтифекс-Я» («метафизическое «Я») является олицетворением интегрированной личности, достигшей полноты и целостности («homo humanus»,

по Сонди, 1963). Полнота и целостность личности говорят о том, что на пути своего становления человек возвратился к Божественному основанию жизни, минуя все тупики эрзац-объектов. Он научился видеть мир и самого себя через призму Божественной сущности. Ему удалось создать эмоциональные и психологические предпосылки для познания реальности Божественного Духа, соответственно Бога, к которым, по мнению Сонди, относятся:

– *способность к интеграции*, т.е. осознание расщепленных дуализмов и последующий возврат к комплементарным, взаимодополняющим отношениям противоположностей;

– *способность к трансценденции*, т.е. преодоление изначальных таких дуализмов, как субъект – объект, Бог – человек, мужское – женское, *внутренний мир – внешний мир, нечто – ничто;*

– *способность к партиципации*, т.е. объединение со своими ближними, материальными ценностями, с природой, Вселенной и в конце концов с Божественным Духом.

Для того чтобы единение с Богом стало осознаваемой реальностью, человеку необходимы следующие способности, которые Сонди называет «функциями Я»:

– *инфляция*, т.е. способность создавать символы, воодушевляться и обращаться к внутреннему опыту (p+);

– *интроекция*, т.е. способность воплощать идеи и сознательные решения в деятельности, жизненной позиции и характере (k+);

– *негация*, т.е. способность отрицать и ограничивать, говорить «нет» (k–).

Человек, способный к единобытию с Богом (для Сонди это – идеал верующего), находится и действует в повседневной реальности. Он повернут к ней лицом, не исключает иррациональных путей и открыт к полно-

ценным отношениям с окружающим миром и своими ближними. Важнейшей психологической предпосылкой для партиципативных отношений с Богом является способность «превращать помыслы злобного Каина (т.е. зависть, ревность, гнев, мстительность, ярость, ненависть и т.д.) в богоугодную ментальность Моисея» (Сонди, 1973). Судьбоанализ признает в человеке врожденную «смертоносную» (или «каинистическую») ментальность как инстинктивно-биологическую основу совести, побуждающую к осознанию своей вины. Путь веры в значительной степени определяется тем, до какой степени удалось человеку выдержать противостояние между «Каином» и «Моисеем».

В своей книге «Моисей: ответ Каину» (1973) Сонди указал на главную в формировании судьбы человека задачу, а именно: «*даже со злыми побуждениями служить Богу*».

6. Верующий на пути к целостности

Сонди называет человека, находящегося на пути личностного и человеческого становления, «*homo viator*», т.е. «путником» или «странником». На последних ступенях этого пути он открывает для себя – «Deo concedens» – целостный образ видения действительности, характеризующий его как истинно верующего. Сонди различал *посюсторонние* и *потусторонние* формы сознания, которые в ходе развития «Я» вступают в противоречие, способное привести к потере первоначальной целостности и полноты сущности человека.

Под «посюсторонним» сознанием понимается ощущение и восприятие окружающей действительности на основе понятийного, рационального (буквально: «расчленяющего») мышления, которое конструирует мир дуализмов, категории пространства и времени, а также

причинно-следственные связи, противопоставляя нам как субъектам «разделенные» объекты. Структуру этого сознания Сонди также рассматривает как способ постижения мира через «обладание» и материальное присоединение («k»-измерение).

Напротив, под «потусторонним» сознанием Сонди понимает сознание «*homo spiritualis*» («человек духовный»), в котором пространственно-временные и причинные связи либо ослаблены, либо полностью ликвидированы. В состоянии сознания, ориентированном на потустороннее, человек «обретает единство с теми вещами, которые разделены в пространственно-временном отношении и взаимосвязаны не каузально, а посредством направленности к общей цели». Сонди говорит о том, что при потусторонней ориентации сознания появляется возможность видеть партиципативную, трансреальную величину бытия, названную им «четвертым измерением». Введение в судьбоанализ *«четвертого измерения»* означает, что трехмерной, линейно-перспективной структуры мышления с ее рациональными, «расчленяющими» схемами явно недостаточно для целостного рассмотрения действительности, а значит, требуется дополнительная величина. Также А.Эйнштейн к началу XX столетия почувствовал себя обязанным ввести в физическую картину мира *время* в качестве четвертого измерения (в значении «пространственно-временного континуума») для более целостного восприятия действительности.

Четырехмерное понимание действительности является визитной карточкой интегрированного человека, которого Сонди называет «homo humanus». Что же представляет собой «четвертое измерение» при ближайшем рассмотрении? Назовем основные характеристики этой величины, которая интегрирует все структуры и параметры соответствующей формы сознания.

– Отказ от одностороннего, рационально-перспективного мышления, которое включает только отдельные части пространства и отрезки времени (перспективы!).

– Преодоление дуализмов, порожденных рациональным мышлением, таких как жизнь и смерть, субъект и объект, человек и мир, Бог и человек, душа и тело, сознательное и бессознательное, нечто и ничто, посюстороннее и потустороннее, естественные и гуманитарные науки.

– Целостное восприятие и видение сущности благодаря ограничению господства рациональных умозаключений и систематизирования.

– Свободное отношение к времени (сомнение в значимости абстрактно измеряемого и делимого «почасового» времени).

– Изменение характера и качества времени, которое в качестве интенсивности и полноты переживаний полностью гармонирует с пространственно-геометрическим, т.е. часовым фиксированным временем.

– Интенсификация сознания, которое не исключает рациональное, а прицеливается через него в невидимое иррациональное.

– Устранение резких разграничений между прошлым, настоящим и будущим (прошлое и будущее становятся настоящим).

– Отказ от патриархата.

– Поиск единственной истины, научных результатов и догм теряет свою ценность в связи со сменой позиции «или – или» на позицию «как – так и»; толерантность к одновременному сосуществованию полярных точек зрения.

– Духовное, наряду с душевным и телесным, не является сферой, полностью обособленной от мира. Трансценденция к Духу свойственна только человеку, и толь-

ко она признается в качестве основополагающей возможности существования.

– В новом четырехмерном интегральном сознании «homo futurus» просвечивает Дух, идентичный Божественному.

Четырехмерная структура сознания является типичной для интегрированного человека, движущегося по пути своего личностного становления. Но было бы неверно усматривать в понятии «*потусторонний*», которое употреблял Сонди, нечто вроде жизни после смерти. Согласно Сонди, перед человеком стоит задача развернуть в единую целостную, интегрированную, четырехмерную панораму собственное сознание, обычно разделенное на «посюстороннее и потустороннее». Если это получится, то он приобщится к «гармоническому» образу действительности. Если же ставка делается только на трехмерное посюстороннее понимание действительности с односторонним предпочтением рационализма, то человек может деградировать до «сумасшествия» и дойти до состояния сморщенного «сухофрукта».

Кто же может достичь такого холистского, четырехмерного видения действительности? По Сонди, это *интегрированный человек*, достигший полноты переживания «Понтифекс-Я». Прорыв к метафизическому ведет к той специфической непротиворечивой структуре сознания, в которой *вера* раскрывается в наиболее полном смысле слова и в котором снимаются непримиримые до сих пор противоречия и даже противоречие между всемогущим Богом и беспомощным человеком. Преодоление противоречий между Богом и человеком закладывает предпосылки для познания человеком того, насколько он близок и одновременно далек от Бога. Если человек на нелегком пути личностного становления пробивается к непротиворечивому «Понтифекс-Я», то

он постигает в себе Бога, соответственно промысел Божий относительно собственного бытия, и все его противоречия рассыпаются в прах. Бог включает человека в свою реальность, и он чувствует на себе Его благодать.

Непосредственно интуитивный опыт личностного становления в едином союзе с Богом Сонди называл мистическим. Он никогда не боялся пользоваться в своих работах понятием «*мистика*» в отличие от З.Фрейда, который реагировал на все, что имело «мистический» вид, в высшей степени аллергически. Мистика была для Фрейда тем словом-раздражителем, из-за которого он мог расстаться со своим сотрудником. В вопросах понимания Бога Сонди значительно превзошел даже позицию К.Юнга, «открыв» человеку путь к имманентной и трансцендентной реальности Божественного бытия. Хотя Г.Гут (1965) сразу же вступил в спор с идеями о «Понтифекс-Я» с юнгианских позиций, опасаясь, что это понятие вытеснит центральный архетип «Самость» и приведет к обожествлению человека или же его «Я».

Можно почувствовать, как много сил отдал Сонди, чтобы избежать философских рифов пантеистического монизма и экстремального трансцендентализма, которые оказались камнем преткновения для философии Веданты и теософии.

7. Вероанализ, или религиозная психотерапия Липота Сонди

Сонди разработал и практически применил терапевтический метод (1956; 1956, 1962, 1963), целью которого было «расчистить засыпанные пути к Духу, а также воспитать личность к трансцендированию и партиципации с Духом». Анализ функции Веры, или «функциональный

вероанализ», был не столько психоанализом, сколько психосинтезом, в значении дорожного указателя на пути к Духу и психагогике. И его вполне можно было бы включить в психоаналитическую и судьбоаналитическую фазу терапии (анализ «Я») и даже сделать «последней задачей аналитического лечения, игнорирование которой является грубейшей ошибкой врачебного искусства, которую только можно совершить» (Сонди, 1956). Однако функциональный вероанализ не ограничивается одним только психоаналитическим методом ассоциаций, но напротив, пользуется активными психагогическими методами.

Сонди смело говорил о «воспитании» или «перевоспитании» человека, который должен научиться верить, молиться и трансцендировать к Духу. И он не боялся бросить на это все свои силы, как было в случае с коммивояжером, страдавшим агорафобией (См. Сонди, 1954а).

В опубликованных работах Сонди содержатся только отрывочные сведения о том, как проводить функциональный вероанализ. Тем не менее, мы воспользуемся материалами тех статей, в которых говорится о том, как страдающие пациенты вдохновлялись на партиципативный диалог с Богом и на молитву. Как известно, Сонди вручал им произведения Романо Гвардини «Начальная школа молитвы» (1948, 1964, 1986) и «Могущество – попытка указания пути» (1951). Таким образом, Сонди практиковал разновидность «терапевтического чтения» в том же примерно виде, как Роберто Ассаджиоли в своем «Психосинтезе» и Ван Каам в «Трансцедентальной терапии» (1987). И если человек начинал постигать тайну молитвенного состояния Духа, он поощрял его к тому, чтобы двигаться по этому пути и дальше (См. Сонди, 1954).

Вследствие того, что Сонди долгое время не решался давать слушателям практические рекомендации по проведению функционального вероанализа, судьбоаналитики были вынуждены с самого начала развивать практику вероанализа самостоятельно. Но это вряд ли привело бы к взаимному обмену результатами, полученными опытным путем, поэтому я сосредоточил все свое внимание на уже существующих методах лечения, которые в наибольшей степени соответствовали требованиям функционального вероанализа.

В психосинтезе Ассаджиоли и инициальной терапии Дюркгейма я вижу ближайших родственников функционального вероанализа. Оба терапевтических метода имеют точки соприкосновения с вопросами понимания человека, положенного Сонди в основу функционального вероанализа.

Психосинтез обнаружил множество параллелей и соответствий с «религиозной глубинной психологией» и «функциональным вероанализом», которые подтверждают тот факт, что Сонди также рассматривал свой анализ «Я»и вероанализ как «психосинтез» (1963). Функциональные определения «Понтифекс-Я» поразительно совпадают с описаниями функций «трансперсонального», «сверхсознательного» «Я» (Самость), которые отражаются в «персональном» «Я» личности. Персональное и трансперсональное «Я» образуют у Ассаджиоли не два «Я», а одну реальность, которая, однако, воспринимается на двух уровнях. Сила, управляющая выбором занимающего позицию «Я» (»Понтифекс-Я»), называется в психосинтезе «волей». Ассаджиоли (1988; Феруччи, 1986) разработал техники «перемещения» и «акцептации», которые предназначены для увеличения и расширения свободы выбора человека. Они на удивление близки к концепции «управляемого фатализма» Сонди с

присущими ей психагогическими техниками «перемещения» и толкования фатальности судьбы (См. К.Бюрги-Майер, Фишер, 1986). Для усиления «Я» и его интегративных функций Ассаджиоли использовал методы, которые могли бы стать полезными и для судьботерапевтов, если необходимо соединить абстрактные функциональные определения «Понтифекс-Я» с конкретными терапевтическими действиями. Далее назовем основные терапевтические методы и техники психосинтеза: восстановление в воображении различных забытых чувств, визуализация символов, тренинг восприятия и внимания, свободное рисование, свободное и управляемое воображение, предметное созерцание, свободные телодвижения, письменные упражнения, тренировка воли, техника внутреннего диалога с самим собой, работа над представлением идеала.

Особое значение для дальнейшего развития функционального вероанализа психосинтез приобретает благодаря методам обнаружения болезненного переноса бытийной мощи на неподходящий для этого эрзац-объект. Перенос бытийной силы на эрзац-объекты имеет то же значение, что и «идентификация с парциальной личностью» в психосинтезе. Чтобы передать бытийную силу трансперсональной, универсальной Самости, т.е. спиритуальной сущности в человеке, Ассаджиоли разработал так называемый «дезидентификаторный тренинг», благодаря которому становится возможным разрушение ложной идентификации с эрзац-обьектами, включающими все, что не является трансперсональным «Я». Другие методы функционального вероанализа служат делу упрочения позиции «как... так и», а также для сведения дуализмов к полярностям и приобретения ощущения пропорций.

Посредством различения сверхсознательной, трансперсональной Самости Ассаджиоли придал пониманию

жизни «духовное» измерение. При этом он, конечно, не упустил из виду главной задачи психосинтеза, а именно активно способствовать развитию отношений человека с другими людьми и миром («интерперсональный психосинтез»). Указание пути и открытость человека к всеобъемлющему трансперсональному началу, так называемый «трансперсональный (спиритуальный) психосинтез», совпадает по целям, которые он ставит перед собой, с функциональным вероанализом, и следует за «персональным психосинтезом», который по своим задачам напоминает конечную фазу анализа «Я» в судьбоаналитической терапии. В фазе трансперсонального психосинтеза «путеводитель» к экзистенциальному религиозному и духовному опыту играет основную роль. Следует отметить, что при описании своих упражнений Ассаджиоли неизменно поднимал вопрос о показаниях и противопоказаниях, на который перед проведением функционального вероанализа необходимо также весьма добросовестно ответить.

О родстве вероанализа Сонди и инициальной терапии было написано в одной из более ранних работ (Бюрги, 1988). Конгруэнтность этих методов лечения была представлена сравнительно поверхностно. Дюркгейм, как и Сонди, видел начало становления человека и личности в первоначальной целостности.

В ходе развития «Я» и формирования сознания посредством дуалистического расхождения двух позиций сознания происходит утрата человеком первоначальной целостности. Предметное сознание (Дюркгейм) и прагматический взгляд на действительность через обладание («к»- измерение сознания по Сонди), с одной стороны, и текущее сознание по Дюркгейму, соответственно партиципативная, трансреальная ориентация сознания («р»- измерение по Сонди), с другой стороны,

вступают между собой в противоречие, причем преимущество получает, как правило, первое направление сознания. Только интеграция обеих позиций сознания характеризует человека как достигшего личностной полноты персонального «Я» (по Дюркгейму), соответственно «Понтифекс-Я» (по Сонди). Дюркгейм и Сонди считали человека верующим, если он в самом себе приобщился к познанию Божественного начала. Оба основателя этих терапевтических методов понимали свое наставничество как расчищение завалов на пути к Божественному.

Перед судьботерапевтом всегда стоит вопрос, на который он должен обязательно ответить, а именно: «В каких практических действиях он должен объединиться со своим клиентом, если хочет соединить специфические дуализмы и даже противоположности настроенности сознания, которое Сонди абстрактно назвал «постоянным пребыванием в пути между противоположными полюсами» и которое – "Deo concedente" – способно приблизить опыт его личностного становления к переживанию благодати Божественного Духа?» То же самое можно выразить и другими словами: «Какую практическую помощь может предложить судьботерапевт, чтобы человек стал сопричастен целостной, четырехмерной "картине" действительности, которая охватывает и в то же время интегрирует обе половины мира "посюстороннего" и "потустороннего"?» Судьботерапевт должен выяснить для себя, что он может сделать, чтобы наступило такое изменение сознания, которое приведет (в соответствии с концепцией Сонди о «Понтифекс-Я») к преодолению изначального дуализма между субъектом и объектом, который фундаментально утвердил возможность пребывания в мистическом союзе с Богом. Спиритуальные методы терапии (психосинтез и

инициальная терапия), приближающиеся в своих антропологиях и по своим целям к вероанализу Сонди, предлагают судьботерапевтам полную свободу действий для осуществления своих научных открытий на этом пути, чтобы определить начало изменения сознания в направлении выхода за пределы замкнутого круга неразрешимых противоречий. Такая позиция является характерной для людей, раскрывших в себе «Понтифекс-Я».

В моей собственной практике функционального вероанализа наиболее эффективными оказались терапевтические истории, метафоры и ритуалы, парадоксальные инструкции, не ограниченная ассоциациями редукционистская работа сновидения, укрепление внимания посредством тренировки «внешних» и «внутренних» чувств, практика молитвы, которая должна приобрести форму «ежедневных упражнений», работа со своим телом (например, дыхательные упражнения и упражнения на расслабление), «направляемое рисование» и раскрытие мимики своих предков (выразительные движения), познавательное и терапевтическое чтение, ощущение давно забытого состояния умиротворенности («ощущение бытия»).

Перечень возможностей для оказания практической терапевтической помощи ни в коем случае не ограничивается этим списком. Каждый конкретный функциональный вероанализ имеет свою собственную форму. Многочисленные методы, связанные с установкой дорожных указателей на пути к Духу, являются простыми и не слишком бросаются в глаза. Они настолько органично вписываются в единый терапевтический процесс, что многие наши клиенты, читающие эти строки, были бы необычайно удивлены, если бы сделали из данных рассуждений вывод, что они подвергались «функциональному вероанализу». Но, разумеется, они заметили,

что в ходе терапии я интересуюсь их религиозностью в такой же степени, как и другими центральными сферами жизни, что иногда их удивляло и поражало.

8. Выводы

Религия и религиозность занимают в теории и практике судьбоанализа такое же достойное место, как и другие формы человеческого существования (например, сексуальность). Сонди постулирует биологически врожденную фундаментальную потребность в самотрансценденции и мистическом союзе с Божественным Духом.

Отрицание и вытеснение потребности в самотрансценденции ведет к болезням, точно так же, как защита и вытеснение сексуальной потребности по Фрейду. Самым адекватным ответом на потребность в самотрансценденции, по Сонди, является вера, под которой понимается передача бытийной силы Богу и партиципативное участие в мистическом союзе с Ним.

Вера означает открытость человека трансперсональной инстанции, Богу, без потери персональной идентичности. Такие нарушения веры, как идеология и бред, имеют корни в той же потребности в самотрансценденции, что и вера. Они отличаются от веры ошибочным распределением и передачей бытийной силы объекту партиципации, который не способен выдержать всей тяжести переданного ему могущества. Кроме того, идеология и бред являются неподходящими способами для преодоления одиночества и страха смерти.

Сонди характеризует верующего как человека, пробившегося к «метафизическому» основанию своей сущности, свободного от противоречий и соединяющего между собой все противоположности, что и называется «Понтифекс-Я». Истинно верующий является челове-

ком, достигшим полноты и целостности своей личности, которому свойственно видение четырехмерной, интегрально-целостной картины действительности.

Сонди ввел в концепцию судьбоанализа некий «дорожный указатель на пути к Духу», который назвал «функциональным вероанализом».

Точки соприкосновения с «инициальной терапией» К.Дюркгейма и «психосинтезом» Р.Ассаджиоли уже были обозначены. Поскольку сам Сонди опубликовал лишь незначительные рекомендации по практике проведения функционального вероанализа, дальнейшее развитие этого метода судьбоаналитики призваны делать самостоятельно. При этом уникальный опыт родственных методов терапии мог бы оказаться весьма полезным.

Липот Сонди

ВЕРА КАК СУДЬБА

Восемь лет назад я был впервые удостоен чести прочитать доклад «О гуманизации побуждений» в цофингеровском союзе. Сегодня мне хотелось бы продолжить дальнейшее рассмотрение этого вопроса и поговорить о «царском пути», ведущим к гуманизации человечества. Этот «царский путь» (via regia) называется *верой.*

Я не священник и не теолог, поэтому вы вправе задать вопрос: «Что побудило Вас, врача и психолога, говорить на тему «веры как судьбы»? Следовательно, я должен обосновать этот выбор и изложить причины, побудившие меня заняться вопросами веры. Для этого я хочу представить вашему вниманию две конкретных причины, связанных с моим жизненным опытом.

Итак, *первая причина* обусловлена случаем из моей аналитической практики. Один из моих клиентов, 58-летний коммивояжер, на протяжении тридцати лет отправлялся в служебные поездки только в сопровождении своей жены. Он вообще не выходил без нее из дома, так как только в ее присутствии чувствовал себя свободным от страха смерти.

Вот уже тридцать лет мужчина страдает невротическим расстройством сердечной деятельности, спазмами

диафрагмы и желудка, а временами впадает в тяжелую депрессию с мыслями о самоубийстве. Анализ показал, что *его заднеплановый человек, его Тень*, представляет собой этакого супермена и всезнайку, который не терпит никаких возражений против собственного мнения. Эгоист и нарциссист, он не даст никому и ломаного гроша, бесконечно завидует любому, кто имеет больше денег, более высокий титул и положение, чем у него. Все его приступы страха возникали в состоянии ревности или ипохондрии.

В начале лечения мужчина похвалялся тем, что с юношеских лет является атеистом, и ему импонируют не Бог или Дух, а лишь законы природы.

Пришлось вступить в настоящее сражение, чтобы доступным языком объяснить этому атеисту, что причина его страха заключается именно в зацикленности на собственном «Я», в нарциссизме, «всезнайстве» и «всемогуществе». Только спустя некоторое время мы смогли убедить его в том, что человек, который переносит всемогущество на свое собственное «Я», а не на более высокую надличностную духовную инстанцию, обречен на погибель. Он в конце концов оказывается не в состоянии нести ответственность за свое будущее, а потому вынужден постоянно бороться со своим главным противником, т.е. *со смертью*. Мы пытались пробудить в нем стремление к молитве, к партиципативному диалогу с Богом, но все эти попытки клиент с негодованием отвергал. И вот однажды, после полутора лет сопротивления, он пришел на прием и сказал:

«В течение тридцати лет я отрицал существование высшей духовной силы, но только теперь, после длительных размышлений, я способен признать ее в качестве Духа, но не как Бога. Я полностью отказался от бредовой идеи стать всемогущим, и теперь могу гулять по городу без сопровождающих».

На некоторое время у него действительно исчезли страх смерти, ипохондрия и агорафобия, правда, страх смерти не вернулся к нему снова после гибели одного из родственников. И хотя ему уже около шестидесяти лет, мы не прекратим попыток его примирения с «высшей инстанцией» и побуждения к переносу могущества со своего «Я» на эту трансцендентную инстанцию. Как психотерапевты или душевные попечители, мы просто не имеем права бросить этот сизифов труд, потому что придет время, когда больной найдет в себе силы отказаться от эгоцентрического мировосприятия и перенесет свое всемогущество на Дух. И даже если мы достигнем этого результата всего лишь за час до его смерти, то и тогда наши усилия не будут напрасными.

В этом случае мы впервые реально столкнулись с тем, что *утрата функции веры может серьезно угрожать судьбе человека.* Более того, нам удалось подробно проследить путь, на котором нарушение функции веры может привести к душевному заболеванию, и сделать следующие выводы.

1. *«Я» не в состоянии выдержать всемогущество.*
2. «Я» должно перенести всемогущество на более высокую инстанцию, в противном случае оно будет вынуждено постоянно бороться со страхом смерти.
3. Атеизм возникает в случае переноса всемогущества на собственное «Я» или на природу и тесно связан с ипохондрией и страхом смерти.
4. Если врачу удается убедить атеиста перенести всемогущество на более высокую инстанцию, то у больного может исчезнуть и страх смерти.
5. Так как человек, передавший всемогущество более высокой инстанции, «направляется» свыше, он ставит перед собой задачи, которые будут ему по силам, и берет на себя ответственность, поскольку он больше не

одинок. Он стал единым с Духом. И мы назвали это единобытие «*духовной партиципацией*».

6. Судьба – это выбор и принятие задач, имеющих конечной целью *становление человека.*

7. Таким образом, вера представляет собой единобытие, вечную, мистическую, трансцендентную партиципацию с Духом – единственным, кто способен предоставить нам защищенность и спасение от страха смерти.

После этого случая я начал обследовать и лечить больных людей, наряду с традиционными психическими и соматическими методами принимая во внимание их веру. Следует признать, что у меня не всегда получалось это сделать, но если все-таки удавалось, судьба больного неожиданно менялась самым счастливым образом.

Устранение нарушения функции веры находится в компетенции врача, но не как специалиста по лечению заболеваний внутренних органов, а прежде всего как человека, так как он должен быть не только «*доктором медицинских наук*», но еще и стать «*доктором людей*». Почему? Да потому, что на койке лежит не набор больных органов, но и их хозяин – человек, обращаться с которым нужно как с человеком. Недостаточно лечить только больной орган. Человеку нужно все время помогать в его становлении, так как только на этом пути он может либо полностью вылечиться, либо примириться со своим заболеванием. Но человеческое становление означает, прежде всего, открытие в себе функции веры, а также осознание того, что человек заброшен в этот мир не случайно, а для того, чтобы взять на себя персональную, только ему предназначенную задачу, за которую он должен нести ответственность. Этой задачей является становление человека, его гуманизация.

Вторая причина интереса к вопросам веры связана с моей педагогической деятельностью. Студенты вы-

ших учебных заведений чаще других недовольны жизнью. Они враждуют с собственной судьбой, семьей и окружающим миром. Многие из них односторонне развиваются в познании *естественных наук, техники и т.д.*, замечая со временем, что им чего-то не хватает. Они чувствуют себя так, словно у них «ампутировали» половину личности, а на лекциях присутствует какая-то другая половина. Со временем молодые люди начинают ощущать внутреннюю опустошенность, которая вынуждает их либо предаваться безудержным и безмерным удовольствиям, либо впадать в отчаяние. Но ни то и ни другое не дает им внутреннего покоя, а также гармонии существования.

Одна часть этих студентов живет словно в бетонном бункере с несокрушимыми стенами. Никто не может попасть к ним, и сами они не в состоянии покинуть берлогу своего нарциссического «Я», где их души лежат как в саркофаге. Другая часть деградирует в *манию величия*. Душа такого человека восседает в собственном «Я» как в тронном зале. Некоторые из них становятся агрессивными, деструктивными, зачастую превращаясь в разрушителей своего «Я». И у всех этих молодых людей я обнаружил одно и то же нарушение: дорога к Духу, via regia, была заблокирована.

С другой стороны, бывают студенты до такой степени «одержимые духом», что они отрицают все относящееся к человеческой природе. Они парят над реальной действительностью, не чувствуя почвы под ногами. Такая позиция представляет собой лишь жалкую *пародию на подлинную духовность*, а сами они – несчастные страдальцы, которые получают удары судьбы, не видя в них никакого смысла.

На основании собственных наблюдений я пришел к следующим выводам:

1. Молодым людям нужно осознать дуальность своей природы: человек – это совокупность природы и Духа, и его задача заключается в том, чтобы навести мосты между своим телесным началом и Духом.

2. Строитель этого моста – «Я». Именно «Я» как «Понтифекс оппозиторум» соединяет между собой противоположности, распределяет бытийную силу в роли управляющего своего могущества.

3. Могущество представляет собой силу бытия, которая заключена в наследственных предпосылках, заложенных в качестве возможностей экзистенции. Каким образом человек реализует бытийную силу, зависит от его персонального «Я», которое делает выборы.

4. Поэтому мы говорим: «Судьба – это выбор, и то, что выбирает, есть «Я».

5. Высшей и, возможно, самой важной функцией этого «Я» является вера, т.е. трансценденция из посюстороннего в потустороннее. Именно эта функция нарушается чаще других из-за того, что дорога к Духу была забаррикадированной.

На этом я завершаю объяснение выбора темы. Теперь мне хотелось бы рассмотреть данную функцию веры с точки зрения лингвистики и психологии судьбы, чтобы в заключение определить факторы нарушения функции веры.

О совести и вере. Формы экзистенциальной защиты

Лекция №16 в университете Цюриха, зимний семестр 1962/1963

В предыдущих восьми лекциях (VIII–XV) вашему вниманию были представлены двенадцать важнейших *экзистенциальных опасностей*, представляющих угрозу судьбе индивида в сексуальной, аффективной сфере, в сфере «Я», а также в сфере контактов.

Не хотелось бы завершать наше «Введение в психологию судьбы», ничего не сказав о тех четырех формах экзистенции, которые смогли бы защитить человека от вышеупомянутых опасностей, а именно:

1) Страх вины, потребность признаться и подвергнуться наказанию либо стыдливо спрятаться.

2) Навязчивость как отказ от удовлетворения побуждений вследствие изменения характера и образования реакций.

3) Приспособление к социуму за счет отказа от ведущих потребностей «иметь» и «быть».

4) Человеческое становление (гуманизация) посредством веры.

Все эти четыре формы экзистенции, обеспечивающие защиту личности, можно свести к одной изначально заложенной в нас более высокой инстанции – *совести*.

Я завершаю цикл своих лекций следующими выводами. Человек не может жить без Знания и Совести. Зна-

ние (Весть) и Совесть (*со*-весть) относятся к уже готовым, законченным образованиям внешнего и внутреннего мира, прошлого и настоящего. Они являются важнейшими краеугольными камнями посюстороннего мира и человеческого бытия. Чтобы называться человеком, недостаточно только существовать, необходимо *стать* им благодаря вере.

Только вера наполняет жизнь человека ощущением вечности. Только она помогает совершить трансценденцию к Духу, к потустороннему. И только вера дает чувство защищенности благодаря утверждению вечной взаимосвязи с Богом. И только к Нему нужно стремиться всей душой. Ибо только Его нужно жаждать и горячо любить. И только с такой любовью служи Богу, ибо «Бог есть любовь». Под человеческим становлением подразумевается реализация идеи человека через увеличение радиуса действия любви.

Некоторые из вас могут подумать: но это уже не наука, а мировоззрение! На это я могу ответить только одно: «Горе науке, которая не имеет достаточного мужества для того, чтобы стать мировоззрением!»

3

Липот Сонди

«Каин: формирование злости»

КАИН И ОГОНЬ *

Многочисленные исследования генеалогических деревьев привели нас к выводам, что пароксизмально-эпилептоидные личности испытывают неодолимую тягу к первоэлементам, а именно воде, земле, воздуху и особенно огню. «Каиниты» часто выбирают профессии, связанные с огнем, и становятся пекарями, кузнецами, оружейниками, кочегарами, печниками, трубочистами, горными рабочими, асфальтоукладчиками, пожарными, пиротехниками, солдатами (огнеметчиками, минерами) и т.д. Как правило, в качестве способа самоубийства они выбирают самосожжение, падение с высоты, утопление и т.д., а самый частый способ преступления – поджог из мести.

Эти сведения совпали с размышлениями французского философа Г.Бахеларда, описавшего в своей книге «Психоанализ огня» («La Psychoanalyse du Feu», 1938) ту противоречивую природу огня, которую мы представляем здесь в виде таких противоположных символов судьбы как «Каин» и «Моисей». Вот что он пишет: «Огонь – это наиболее убедительный феномен, при по-

* Все примеры в разделе представлены из работы Липота Сонди "Каин: накопление злости" (1969).

мощи которого можно объяснить все жизненные проявления. Например, если что-то протекает медленно, мы называем это жизнью, а если очень быстро – то огнем. Огонь невероятно живуч, интимен и универсален. Он живет в наших сердцах, обитает на небесах, возникает из недр Земли и персонифицируется в образе Амура, проникает в живую материю и растворяется в ней, продолжая свое горение в виде ненависти и мести... Среди всех феноменов огонь поистине единственный, которому с одинаковой определенностью можно приписать самые противоположные качества, а именно и добро и зло... Это – и Ангел-хранитель, и наказующий перст Божий. Он противоречив... Огонь – это первоначало, имеющее универсальный смысл» [70].

Таким образом, Бахелард описывает качества огня примерно так же, как мы – изначальную природу Каина. Философ видит в огне элемент, который быстро меняется, т.е. способен к внезапным переменам, пароксизмальность, а также интимность, универсальность, любовь, ненависть и месть. Другими словами, огонь символизирует основы этики – добро и зло в одном символе.

Организация поджогов и тушение пожаров, нанесение и исцеление ран – вот те полярные тенденции побуждений, которые мы находим у пароксизмально-эпилептиформных людей с экстремальными формами поведения – у Каина, который стал Моисеем, или у Моисея, который был Каином. Как часто мы читаем в газетах сообщения о пожарных, которые тайком устраивают поджоги, если пожары случаются слишком редко. Их поклонение огненной стихии является поистине ненасытным!

ПОДЖИГАТЕЛЬНИЦА, СТАВШАЯ МЕДСЕСТРОЙ

Лина Вальдман может послужить наглядным примером того, как мстительная и злопамятная поджигательница превратилась в прилежную медицинскую сестру. Этот случай был опубликован в журнале «Szondiana» №1 (1953) нашим бывшим сотрудником Х.Элленбергером.

О семье Лины Вальдман автор узнал не очень много. Известно, что ее отец работал машинистом паровоза (пароксизмальная профессия!), постоянно был в разъездах и мало находился дома. Временами он уходил в запои, но мог остановиться, если ему угрожало увольнение. Часто впадал в гнев и даже бывал жесток. Однако имел моральные принципы и к тому же находился «под каблуком» у жены. Мы рассматриваем его как типично пароксизмального человека.

Мать представляет собой (по Элленбергеру) крайне авторитарную параноидную особу и злобную мегеру, которая сообщила о своей дочери, что «с раннего возраста Лина была ленивым, строптивым, лживым, завистливым и злым ребенком...» Далее она с отвращением добавила, что уже в десять лет ее дочь буквально зачитывалась иллюстрированными журналами, любовными романами, Шерлоком Холмсом и прочей «буль-

варной» чепухой. В семье Лина была вроде паршивой овцы. Мать и дочь ненавидели друг друга. Элленбергер считает этот садомазохистский союз двух женщин «бредом на двоих», но с зеркально-комплементарными клиническими картинами. Мы также узнали, что свой первый год жизни Лина провела у бабушки с дедушкой, много плакала и была беспокойным младенцем. Брат Лины производил впечатление шизоида, враждебно настроенного по отношению к сестре.

Учитель отмечал замкнутый характер девочки и неспособность сосредоточиться на уроках. Пастор рассказывал о ее болезненной страсти к игре со спичками. Лина чувствовала себя в семье Золушкой, тогда как старший брат, любимец матери, получал все, что только пожелает (например, его обучали музыке и рисованию), а всякое стремление Лины к возвышенному подавлялось. Девушка мечтала стать медсестрой, но это профессиональное желание было отвергнуто родителями. Тогда она пошла учиться на белошвейку, но так и не закончив учебу, устроилась домашней прислугой.

В возрасте 12 и 16 лет Лина стала очевидцем двух пожаров. Первые представления о сексе она получила в двенадцать лет из довольно грязного письма, написанного братом. Когда ей было около семнадцати, на нее в сумерках напал какой-то молодой человек, повалил на землю и изнасиловал.

Жизненный путь Лины разделяется Элленбергером на два этапа, которые подробно описываются в настоящей статье.

1. Поджигательница

В воскресный день 13 февраля 1921 года Цюрих был охвачен ликующим карнавалом. До полуночи главные улицы города, трактиры и места массовых гуляний были запружены людьми в карнавальных костюмах и просто зеваками. Повсюду царил неописуемый шум, который начал стихать только к рассвету.

В три часа послышались крики: «Пожар!» На фоне праздничного веселья это не приняли всерьез и даже высмеяли кричавших. Но это был не розыгрыш: в доме №57 по Аккерштрассе действительно бушевало пламя. Здесь проживало четыре семьи, в общей сложности 20 человек, а на первом этаже была лавка по продаже канцтоваров. Создавалось впечатление, что злая судьба специально выбрала именно этот дом: телефон, по которому хотели вызвать пожарную команду, не работал, сигнальная сирена не издала ни звука, и даже уличный фонарь напротив дома оказался разбитым. Так как спуститься по горящей лестнице было уже невозможно, большинство жильцов бросились спасаться на крышу, в отчаянии взывая о помощи.

Пожарная команда появилась на месте катастрофы только через полчаса и начала свою работу в языках пламени посреди сбежавшейся к тому времени беспокойной и подвыпившей толпы. С большим трудом удалось приставить лестницу, чтобы спасти находившихся на крыше людей, но на нее одновременно кинулись пятеро, и она рухнула под их тяжестью. Не оставалось ничего другого, как попытаться спасти оставшихся на крыше жильцов при помощи спасательного тента, несмотря на всю опасность и сложность этого предприятия. Одиннадцать человек получили ушибы различной тяжести и были доставлены в больницу, где один мальчик с тяже-

лой травмой головы вскоре скончался. Общие убытки от пожара составили около 150 тыс. франков.

Можно себе представить, какой ажиотаж вызвало это происшествие в Цюрихе. Между тем следствие однозначно указывало на поджог. Эксперты установили, что огонь вспыхнул на лестнице между первым и вторым этажами примерно в два часа ночи. Подозрение падало на нескольких человек, и, как в хорошем детективном романе, полиция сначала пошла по ложному следу. Арестовали одного из бывших жильцов, грубого и бессовестного человека, вынужденного год назад из-за ссоры с соседями переехать, пообещавшего всем кучу неприятностей и незадолго до пожара, снова угрожавшего своим бывшим соседям по телефону. Многих людей задерживали и отпускали. Вскоре все версии отпали за недоказанностью, и на протяжении семи месяцев это происшествие так и оставалось неразрешенной тайной.

В то время в городской полиции был свой «Шерлок Холмс» – детектив Ф., который 15 сентября 1921 года, т.е. через семь месяцев после пожара, выступил с сенсационным сообщением: преступление раскрыто! В качестве подозреваемой он назвал некую Лину Вальдман, работавшую официанткой в ресторане «Черные львы», в котором 31 августа и 6 сентября имели место два небольших пожара. (Во время последнего всем бросилось в глаза странное поведение Лины, которая всячески отлынивала от тушения огня.) Свое мнение детектив Ф. обосновывал тем, что пожар в ресторане начался тоже на лестнице между первым и вторым этажом, т.е. на том же месте, что и в доме на Аккерштрассе. Кроме того, она была во враждебных отношениях с одной бывшей официанткой, жившей неподалеку от сгоревшего дома, и недавно наводила справки о ее месте жительства. Во время карнавала Лина исчезла с ра-

боты как раз между первым и вторым часом ночи, никак не объяснив своего отсутствия, а по возвращении обратила на себя внимание нервозностью и даже пролила кофе на платье своей помощницы Доры. К тому же Лина проявляла чрезвычайный интерес к месту пожара. Коллеги характеризовали ее как лживую и мстительную особу.

При более близком знакомстве с причинами двух пожаров в «Черных львах» подозрения детектива только укрепились. Владелец кафе считал Лину Вальдман девушкой со странностями. Во-первых, она постоянно торчала на кухне у раздаточного окошка, прислушиваясь, не о ней ли идет разговор, могла без причины оставить работу и уйти в свою комнату. Во-вторых, она лжива, коварна и завидует двум служанкам и официантке Розе, потому что все трое имеют любовников, а Лина только пару раз встретилась со своим «сокровищем», и с тех пор у нее никого больше не было.

Первый пожар вспыхнул вечером 31 августа, после того как Лина увидела из окна Розу с возлюбленным в саду около ресторана. Сразу же после этого обе кровати в комнате прислуги загорелись... После второго пожара, утром 6 сентября, Лина не могла толком сообщить, где она находилась, когда запылал огонь. Зато выяснилось, что за несколько дней до пожара она складывала под лестницей картон и бумагу и разлила по ступенькам керосин. На нее указала хозяйка дома. Лину арестовали и допросили. Вскоре девушка созналась, что это она устроила оба поджога в «Черных львах», желая свести счеты с официантками, которые «вывели ее из себя». На допросах обвиняемая вела себя довольно странно: «не выказывала никакого раскаяния и не скрывала торжествующего злорадства». Вот небольшой отрывок из протокола ее допроса (9 сентября):

– Вы задумывались когда-нибудь над тем, что сделали?
– Да (*руки у лица, говорит плачущим голосом*), я совершила тяжкое преступление... (*Однако скорбь на лице обвиняемой тотчас же сменяется злорадством.*)
– Вы думали над тем, здоровью, жизни и имуществу скольких людей Вы причинили ущерб своим преступлением?
– Да... (*Обвиняемая кивает, мгновенно опуская глаза. Создается впечатление, что ей стоит большого труда сохранить трагическое выражение лица.*)

На основании рапорта детектива Ф. Лина Вальдман, несмотря на упорное отрицание своей вины, была признана виновницей большого пожара на Аккерштрассе. Однако все ее поведение было настолько необычным, что девушка была направлена для прохождения психиатрической экспертизы в клинику университета в Бургхольцли. Итак, начиная с 16 сентября 1921 года проводились одновременно и судебное расследование и психиатрическое освидетельствование.

В клинике было отмечено упрямое и строптивое поведение испытуемой. Свою причастность к пожару на Аккерштрассе она энергично и эмоционально отрицала. Такая позиция затрудняла работу специалистов. Наконец одной ассистентке врача удалось завоевать доверие Лины, и она согласилась рассказывать ей свои сновидения. Запись примерно тридцати сновидений представляет собой интереснейший фрагмент в истории болезни юной пироманки. Поскольку они имеют большое значение для анализа случая, мы остановимся на них достаточно подробно. Прежде всего, обращает на себя внимание, что Лина постоянно видит во сне *огонь*. Вот пример сновидения на эту тему в начале октября.

«Я была в городе, и вдруг загорелся один из домов.

Слышно было, как люди зовут на помощь. Дом был охвачен языками пламени, я хотела войти через входную дверь, из-за которой раздавались крики о помощи, но это не удалось. Тогда я выбежала во двор и стала смотреть на пожар, как вдруг мне бросили на руки из дома маленького ребенка... Я побежала на улицу и спросила кого-то, почему загорелся этот дом. Мне сказали, что отец семейства застрелил сначала жену и нескольких детей, затем поджег дом и сгорел вместе с ним. Тут я проснулась...»

Нетрудно увидеть в этом сновидении отражение пожара на Аккерштрассе. Хотя пироманка упорно отрицала свою причастность к этому пожару, в сновидении отразились чувство вины и желание сделать так, чтобы того преступления не было (во сне поджигателем является кто-то другой, а Лина спасает жизнь ребенку).

Другие «огненные» сновидения имеют отношение не к пожарам, а к космической сущности огня и его связи со Страшным Судом. Однако при анализе сновидений встречаются не только «огненные» темы: в частности, Лина часто видит во сне *воду*. Вот образец подобного сновидения (конец сентября).

«Я была на Рейнском водопаде. Весь день после обеда плавала от одного берега к другому. В шесть часов вечера меня окликнул посыльный из клиники, сказав, что на сегодня хватит... И я поплыла к берегу».

Очень часто пациентка видела сны на тему *земли* (кладбище, могилы, подземные ходы, расщелины и т.д.). Вот одно такое сновидение, имевшее место в конце сентября.

«Я пришла на кладбище и села на краю открытой могилы, полностью отделанной камнем. Вдруг из нее поднялся мертвец и протянул мне розу. Едва он исчез, появился другой и тоже подарил цветок – не помню, какой.

После второго появился третий, потом еще трое, и вскоре у меня в руках была уже целая охапка цветов. Тут в конце кладбища кто-то громко крикнул: «Лина!» Я быстро встала, бросила цветы в открытую могилу и пошла. Оглянувшись, увидела, что могила закрылась. Я бросилась прочь и все время слышала голос, который меня звал: «Лина! Лина!» Я побежала еще быстрее и наконец проснулась. Голос показался мне знакомым, но я так и не смогла вспомнить, кому он принадлежит».

Несколько реже у нее случаются сновидения, связанные с *воздухом*, например стремительный полет, падение (она куда-то глубоко проваливается) или катапультирование.

Кроме сюжетов, связанных с четырьмя стихиями, в ее сновидениях наиболее часто присутствует тема *смерти*, либо в сочетании с огнем или землей, либо независимо от них. В качестве примера приведем одно такое сновидение от 30 сентября.

«Я стою на лесной дороге и вижу приближающихся людей. Это похоронная процессия... Люди подходят все ближе и ближе, и когда они оказались метрах в пяти, я уже различала их лица. Впереди была вся закутанная в черное фигура Смерти. Я могла видеть только ее лицо и косу, которую она держала в руке. За ней следовали четыре фигуры, несущие гроб, и много-много других, тоже в черном... Наконец, когда процессия поравнялась со мной, я заглянула в гроб, а там лежит... моя мать! Я чуть не умерла со страху! Вскоре траурная процессия скрылась в лесу...»

Черная фигура, которая персонифицируется как Смерть, временами появляется в ее сновидениях. В сентябре испытуемая рассказала еще один сон, который недавно видела в клинике:

«Кто-то в черном подошел к моей постели, положил спички на кровать и дважды повелел: «Поджигай! Поджигай!» Когда я хотела взять спички, они куда-то пропали, а странная фигура исчезла». Испытуемая добавила, что еще задолго до ареста она видела эту фигуру перед своей постелью. На ней было черное одеяние с капюшоном, полностью закрывающим лицо.

Среди прочих кошмарных сновидений мы должны обратить внимание на следующее, вследствие его особенного значения.

«Доктор Л. вызвал меня в свой кабинет. Когда я подошла к двери, оттуда вышел другой врач со скальпелем в руке (то, что я видела во сне – какой-то бред). Он подошел и располосовал мою левую руку сверху донизу. Из моего горла вырвался крик. Доктор Л. перевязал рану. У него в руках был перевязочный материал...»

Чаще всего Лина видела смешанные сновидения, в которых присутствовали все вышеуказанные элементы, а именно *огонь, вода, воздух и земля.* Сновидения поджигательницы полны пафоса и яркой поэтической красоты, кроме того, в них все отчетливее проявлялось чувство вины. В истории болезни не указано, какого именно числа испытуемая призналась, что она виновна в большом пожаре на Аккерштрассе. Скорее всего, она сообщила об этом сначала врачу, а уже потом следователю. Однако ее воспоминания были еще очень туманны. Лина не помнила, с какой стороны вошла в дом и в каком месте устроила поджог. Ей почудилось, что это «дом ее врага». Воспоминания о преступлении ограничиваются сильным пьянящим чувством, которое она испытала при внезапной вспышке пламени.

По просьбе врача, которому было поручено провести экспертизу, Лина Вальдман описала свои ощущения

перед поджогом, а также *во время* и *после* его окончания.

Итак, ее чувства *перед поджогом:* «Идея поджогов пришла ко мне неожиданно. Мною овладело неодолимое стремление к огню. Правда, я содрогалась от мысли, что при этом могут погибнуть люди, и еще по дороге к тому дому терзалась сомнениями. Однако какая-то таинственная сила влекла меня туда, и я была просто вынуждена совершить это преступление».

Чувства *во время поджога:* «Не помню, как я вошла в тот дом, спустилась в подвал и нашла керосин. Когда вспыхнуло пламя, я в ужасе выбежала на улицу».

Психическое состояние *после поджога:* «Не знаю, как я добралась домой. Совершенно не помню, как пролила кофе на платье Доры. Я была очень взволнована внутренне, хотя внешне казалась такой спокойной, будто бы не сделала ничего дурного. Но когда я поднялась в свою комнату и легла отдохнуть, то совершенно успокоилась и, насколько помню, крепко проспала всю ночь до следующего утра».

После признания вины сновидения девушки не утратили своей отчетливости. В сновидении от 14 ноября можно увидеть проблески вытесненных воспоминаний:

> «Я нахожусь в квартире, в которой мы жили раньше. Напротив стоял полностью сгоревший большой дом. Снаружи он был еще красивым, но окна зияли страшными черными дырами. Тут раздался голос, который сказал, что этот дом подожгла я, и многие из его жильцов погибли. Когда я вышла в наш садик, то увидела, что все здание снова охвачено пламенем, а из его окон пытаются выпрыгнуть люди. Кто-то мне сказал, что все эти люди погибнут из-за меня. Я вернулась домой – и проснулась... Голова была как в тумане».

В это же время Лина постепенно осознала, какое значение в ее жизни имеет огонь. В двенадцать лет она стала

свидетелем пожара и начала мысленно играть с огнем. В шестнадцать лет, увидев второй пожар, Лина впервые серьезно задумалась о поджогах: «Во мне словно что-то пробудилось». Впоследствии это чувство стало невыносимо мучительным. Несчастная просто должна была что-нибудь поджечь или разбить (что в действительности нередко и случалось), так как если она блокировала эти пироманические импульсы, они немедленно давали о себе знать в виде сильной головной боли. Временами девушка находилась в состоянии жуткого страха и предавалась мрачным раздумьям.

> «Мною владело страстное желание и неописуемое стремление наблюдать за огнем, а еще лучше самой что-нибудь поджигать. Ночами я часто видела отблески пламени, которые быстро исчезали».

Врач, проводивший обследование, обратил особенное внимание на то, что во время разговоров об огне «все ее лицо озарялось каким-то светом и приобретало эротическую окраску».

Лине Вальдман был поставлен диагноз «*шизофрения*». Она была признана невменяемой и направлена на принудительное лечение. Около 3,5 лет пироманка провела в психиатрической клинике, где история ее болезни пополнилась «ипохондрией, непристойным поведением, приступами ревности, склонностью к спорам и склокам». В этом заведении пациентка также записывала все свои сновидения и мысли по поводу огня и поджогов. Следующая запись (февраль 1923 г.) доказывает, что девушку все еще терзает пироманическая страсть: «Я испытываю желание... прямо-таки жгучее желание поджога. Я предполагала, что оно вернется. Напрасно я с ним боролась. Теперь я снова в его власти. Пиромания охватила меня с новой силой и вот уже две недели

не дает ни минуты покоя. Я недовольна собой и всем миром, часто думаю о самоубийстве. Не лучше ли будет, если я так и поступлю? Чувствую себя просто ужасно... Бывают минуты, когда я себя люто ненавижу, потому что я – жалкая тварь, желающая только утоления своей пагубной страсти».

Вскоре после помещения в клинику Лина начала сомневаться в том, что именно она виновата в пожаре на Аккерштрассе. В письме от 30 января 1922 года она сообщает своему дяде:

> «...Изо дня в день меня все сильнее охватывает сомнение: а действительно ли я виновна в том пожаре? Иногда оно доводит меня почти до сумасшествия. Я думаю и никак не могу вспомнить, где была и что делала в ту ужасную ночь...»

По распоряжению директора клиники 17 мая 1924 года пациентке была сделана овариоэктомия, после чего ее возбудимость значительно снизилась, «огненные» сновидения стали значительно реже, а пироманические импульсы полностью исчезли.

Для решения вопроса о выписке пациентка была обследована повторно. Второе психиатрическое заключение гласило: «Пожар на Аккерштрассе, как и два предыдущих, был совершен в тяжелом сумеречном состоянии. Кроме того, у больной отмечается эмоциональная лабильность, потеря самообладания, эгоцентризм и гипертрофированное стремление к значимости. Заключительный диагноз: «*Истерические наклонности в сочетании с социально-неблагоприятной судьбой*».

Таким образом, после трех с половиной лет пребывания в клинике пациентка была выписана и взята под опекунство.

2. Медсестра по вызовам

В отношении этой жизненной фазы Х. Элленбергер сообщает следующее: «После выписки из клиники для Лины Вальдман начался мучительный переходный период. Она уже не чувствовала себя поджигательницей, с прошлым было покончено. Тем не менее, девушка долго никак не могла найти свое новое амплуа. Об этом периоде ее жизни мы имеем только отрывочные сведения, полученные из опекунского совета. Выяснилось, что два с половиной года Лина была горничной, сменив множество мест работы из-за тяжелого характера и постоянных ссор с прислугой. К тому же свои обязанности она выполняла с нарастающим чувством отвращения.

Но однажды случилось чудо! У нее появился единственный и неповторимый шанс, «подарок судьбы», которым она сумела удачно воспользоваться, тем самым радикально изменив свою жизнь. В апреле 1928 года Лина поступила горничной в семью Б. и вскоре испортила отношения с хозяйкой дома. Однако господин Б., богатый, прекрасно образованный человек и известный предприниматель, догадался, что Лина не совсем обычная горничная, и решил подыскать ей место, которое соответствовало бы ее желаниям и способностям. Спустя несколько месяцев, после очередной стычки с госпожой Б., она навсегда рассталась с местом прислуги и поступила ученицей в школу сестер-сиделок. Вот здесь-то с ней и произошла внешняя и внутренняя метаморфоза. Лина получила новую одежду, новое имя и с ним новую жизнь, а белое облачение *медсестры* она воспринимала с воодушевлением неофита религиозных мистерий. (Новое имя было скорее случайностью. В школе уже была девушка с именем Лина, и чтобы избежать путаницы, новая ученица получила от классной дамы прозвище «сестра Бригитта»,

которое сохранилось за ней и после того, как первая Лина закончила обучение). С этого времени сестра Бригитта посвятила себя служению страдающему человечеству. Классная дама характеризует ее как «жертвенную, бескорыстную личность, хотя и с непростым характером».

Мы знаем, что сестра Бригитта прошла полный курс обучения, но по какой-то причине не получила аттестата. Зато она оставила о себе такие хорошие воспоминания, что после окончания школы ее много раз приглашали работать частной сестрой-сиделкой. О периоде после окончания школы и до конца 1933 года у нас нет точных сведений. Сестра Бригитта поменяла большое количество мест работы сестрой-сиделкой. Опекун сообщил, что его подопечная очень часто меняла адреса, и он окончательно потерял ее след.

Однако в октябре 1933 года она вновь нашлась, и уже по другому поводу. Установление опеки над собой сестра Бригитта воспринимала как нарушение ее прав и свободы и требовала ее снятия. Так она оказалась в частном санатории для прохождения необходимого психиатрического освидетельствования. На основании сделанного заключения и истории болезни, находящейся в санатории, мы можем частично реконструировать прошлый отрезок жизни испытуемой.

Во время пребывания в клинике она произвела впечатление внешне опрятной, но претенциозной особы с тяжелым и упрямым характером, не соблюдающей никакой дистанции по отношению к людям. Тогда она жила вместе с подругой в большом городе, иногда подрабатывая сестрой-сиделкой. Денег она нисколько не считала и жила на широкую ногу. По словам подруги, Лина была страстно увлечена верховой ездой, а с финансовыми проблемами справлялась не без постоянной помощи семидесятилетнего господина Б., который на-

зывал себя ее «крестным отцом» и щедро осыпал бывшую прислугу деньгами и подарками.

В результате психиатрического обследования от 14 декабря 1933 года был сделан вывод, что у Лины нет симптомов психического заболевания, скорее речь идет о «*психопатической конституции по истероидному типу с шизоидной окраской*». С момента выписки из психиатрического учреждения по месту жительства «психическое развитие испытуемой проходит нормально, поэтому причин для опекунства больше не существует». В начале 1934 года на основании данного заключения опекунство с Лины Вальдман было снято.

Далее следует длинный отрезок жизни, в течение которого Лина продолжала работать приходящей сиделкой. После смерти щедрого «крестного» она больше не могла наслаждаться своими беззаботными каникулами и былой праздностью. Ей пришлось очень много работать, переходя с одного места на другое. Уже давно не семья, а школа сестер-сиделок стала тем жизненным центром, который предоставлял душевную поддержку, а время от времени и работу. За эти пятнадцать лет Лина сменила множество мест: одни были всего на несколько дней, другие на несколько месяцев, максимум на полгода. Она постоянно находилась в разъездах. В своих служебных отзывах работодатели (по меньшей мере,. 20 человек) отмечают ее трудолюбие, а нередко и жертвенность. С другой стороны, нет недостатка в жалобах на «заносчивое поведение» и стычки с некоторыми домовладельцами. Например, сестра Бригитта бралась только за больничный уход и наотрез отказывалась помогать в ведении домашнего хозяйства.

В начале 1949 года Элленбергер получил задание в четвертый раз провести обследование психического состояния «сестры Бригитты», которая обвинялась в

неуплате по ресторанным счетам и мошенничестве. В одном отеле обвиняемая прожила 2,5 месяца и всегда находила предлог, чтобы оттянуть время оплаты. Наконец, когда общий долг достиг 956,85 франков, обнаружилось, что ее суммарный капитал насчитывает всего 82 франка. Правда, было установлено, что все это время она усердно, но безуспешно пыталась найти работу или получить ссуду. Однако основным поводом для очередного освидетельствования послужил тот факт, что ранее женщина провела несколько лет в психиатрической клинике, а это уже вызывало сомнения в ее психическом здоровье. Знакомство с судебными протоколами и абсурдные объяснения самой испытуемой говорили о том, что Лина не обычная мошенница, а личность с «невротической тупостью», которая является следствием самодеструкции.

Экспериментальное обследование Лины Вальдман

На основании психологического тестирования, проведенного Х.Элленбергером, мы хотели бы сделать следующие выводы. Анализ характера показал, что пациентка относится к группе «невротиков» и «сентиментальных» по классификации Хейманса и Вирсма.

Проверка умственного развития пациентки позволяет утверждать, что ее восприятие, концентрация, оперативная память, ассоциативное, комбинаторное и логическое мышление, школьные знания и общий кругозор находятся *на среднем уровне.*

Тематический апперцептивный тест (ТАТ) выявил следующую клиническую картину. «Сухая, шизоидная и невероятно обидчивая личность, подверженная сильным аффектам, с комплексом неполноценности. Стрем-

ление к доминированию. Агрессивные тенденции, которые сдерживаются сильным чувством вины. Очевидно, прошлое отягощено патологическими комплексами («Черный человек», садомазохистская связь между матерью и дочерью). Свое будущее пациентка видит в странном сочетании неуверенности и оптимизма».

Психологическое исследование по методу пятен Роршаха, проведенное с пациенткой ранее 16 ноября 1935 года, также показало, что ее интеллект на хорошем среднем уровне. Отмечается выраженное сдерживание патологических аффектов.

Расстройство социальности: зацикленность на своем «Я», эгоцентризм, рассудочное приспособленчество без установления эмоциональных связей.

Невротические нарушения: страх темноты, страх насилия, возможно, сексуального, вытеснение аффектов («огненные» воспоминания), а также замыкание в своем панцире из-за страхов, инфантилизм.

На основании полученных результатов было выдвинуто предположение: «*невроз на почве астеничной и параноидно-эпилептоидной конституции*».

Методика экспериментальной диагностики побуждений Л.Сонди привела к заключению, что у обследуемой отчетливо наблюдается *эпилептоидный синдром с частыми пароксизмами.*

В структуре и динамике побуждений личности: неудовлетворенная потребность в любви, которая является причиной различных заболеваний; агрессивность, направленная как против окружающих (зависть), так и против себя (аутодеструкция); нарушения в контактах и предрасположенность к однополым садомазохистским связям; неудовлетворенная потребность в расширении «Я», которая реализуется амбивалентным образом. Частично проецируемое чувство вины. Ипохондрия.

Психосексуальная конституция дисгармонична: внешне выраженная женственность в сфере сексуальности, аффектов и «Я» сочетается с доминированием интерсексуальности в контактах.

Общий вывод: на заднем плане имеют место сильные процессы сублимации, которые частично направляют опасные тенденции в русло профессии (социализация), а частично преобразуют их на благо человечества (гуманизация).

***

В заключение разностороннего анализа данного клинического случая Х.Элленбергер пишет: «Мы видим, что все описанные здесь симптомы можно отнести к сфере побудительного фактора «е» (=*эпилептиформность*). Из-за неуправляемого и взрывчатого характера больную можно классифицировать как эпилептоида, хотя по внешним признакам она скорее производит впечатление шизоида (связь с фактором «р» = *параноид*). Первый поджог был, без сомнения, совершен в сумеречном эпилептиформном состоянии.

После поступления в клинику в Бургхольцли Лина Вальдман была в предпсихотическом состоянии и полностью находилась во власти «огненных грез»: ее мысли, сны, импульсы, случайные галлюцинации – все вращалось вокруг *стихии огня*. Но как мы уже видели, наряду с огнем в ее сновидениях часто встречаются *вода, воздух* и *земля* в своих «пароксизмальных» аспектах. Для психоанализа появление этих четырех элементов является необъяснимым, а для судьбоанализа – вполне логичным. По тому же принципу можно объяснить появление «Черного человека» – архетипа дьявола: эпилептиформный фактор (е) является символом борьбы между добром и злом.

Вопрос о том, идет ли речь при поджогах о психозе, неврозе или психопатии, является в подобной перспективе бессмысленным. Судьбоаналитик понимает пиромманию как негативное явление в побудительной сфере эпилептиформного фактора (e). Поэтому неудивительно, что при повороте в позитивную сторону судьба Лины Вальдман остается в сфере того же самого пароксизмального круга (P). (Склонность к поджогам сменяется мобильным и добродетельным образом жизни, выраженным в *профессии приходящей медсестры.*)

Для основного тезиса судьбоанализа, согласно которому добро в людях всегда смешано со злом и они имеют общий корень, получающий энергию через наследственный эпилептиформный радикал (e), судьба этой приходящей сестры, которая раньше была поджигательницей, является в действительности вполне типичной.

История сестры Бригитты – классический пример перехода от смертоносной ментальности мстительного «Каина» к справедливому и добродетельному Авелю.

КАИН – ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК

Мартон Цодли из Венгрии, полковник жандармерии в возрасте 53 лет, страдал эпилептическими припадками. Получил известность как прототип жертвенного патриота и в то же время как опасный садист в отношении своих (чаще всего мнимых) врагов. Во времена нацистского режима в Венгрии он по собственной инициативе, не дожидаясь прямого приказа вышестоящего начальства, выстроил несколько тысяч сербов и евреев на берегах Дуная и отдал приказ расстрелять всех этих людей, а их трупы сбросить в реку. За это злодеяние политические единомышленники чествовали его как героя. Позднее он был уполномочен провести депортацию евреев в Аушвитц, и из документов стало известно, с какой жестокостью он выполнил эту «героическую» задачу.

После свержения нацистского режима Цодли был арестован и повешен как военный преступник.

Во время психологического обследования в тюрьме «патриот» продемонстрировал клиническую картину бреда на религиозной почве. С разрешения д-ра Л. Ношлопи, который руководил глубинно-психологическим анализом этого военного преступника, мы приводим здесь его результаты диагностики побуждений.

Итак, Цодли имел серьезное сексуальное расстройство. Он остановился в своем развитии на догенитальной, полиморфно-перверзивной ступени сексуальности и был одержим садомазохистскими, анально-садистическими, эксгибиционистскими и бисексуальными склонностями. Как тайный флаггелант, он мог удовлетворять свои нездоровые желания только посредством нанесения и получения ударов. Но у него было желание «высокой» социализации своих сексуально-перверзивных желаний, которое он реализовал в форме «служения отечеству». Таким образом, он превратил свой мазохизм в болезненную жертвенность на службе отечеству.

Временами Цодли казалось, что его кто-то преследует. Он сдерживал бредовые параноидные идеи отчасти посредством самоконтроля, отчасти «социализируя» свой бред преследования в профессиональной форме и полагая, что отечеству угрожают национальные меньшинства – сербы и евреи. Это смещение собственных параноидных бредовых идей на национальные меньшинства позволили ему в благоприятной политической ситуации жестоко искоренять «врагов отечества». Однако противоположности – героическая жертвенность и нечеловеческая жестокость – нашим «патриотом» отвергаются. В своем поведении он не видит никаких расхождений. Он живет в твердом убеждении, что его кроткое, почти религиозное политическое смирение и готовность к самопожертвованию во имя отечества не находятся в противоречии с его невообразимым зверством.

Если на заднем плане наблюдается кротость, то на переднем правит каинистический субъект и перверзированный садист, который выставляет напоказ свой «героизм» и «патриотизм» при проведении массовой резни. Но если Каин перемещается на задний план, то

на переднем действует набожный аскет, жертвующий своими интересами ради отечества.

В жизни Цодли случались периоды, когда его мазохистская склонность к самопожертвованию была востребована. В 1933–1945 гг. он стал в глазах своих единомышленников национальным героем, но в глазах психиатра он так и остался перверзивным параноидным Каином.

Судьба полковника жандармерии представляет нам пример того, какими разнообразными могут быть пути, на которых Каин способен отреагировать свою смертоносную ментальность: в детстве у Цодли были эпилептические припадки; в качестве профессии он выбрал службу в жандармерии; в сексуальной жизни был садомазохистом; в качестве политика был одержим мономанией «гиперпатриотизма»; затем он стал нацистом, преследовавшим сербов и евреев, массовым палачом и на некоторое время «национальным героем». В конце своей жизни – незадолго до казни – он от страха смерти скатился в бред религиозного содержания.

Каин имеет множество личин, которые с годами и при различных обстоятельствах могут изменяться, но за всеми этими трансформациями скрывается никогда ненасыщаемая смертоносная ментальность. Описанный случай призывает с осторожностью относиться к высокодержавному национализму, так как последний может оказаться лишь обманчивой маской для смертоносной ментальности.

«КАИН ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ»

Случай предоставил нам возможность исследовать судьбу одного из величайших нацистских преступников – Адольфа Эйхмана (далее А.Э.), этакого «Каина за письменным столом», который никогда не убивал сам, но лишил жизни миллионы людей «при помощи пера и бумаги», не выходя из кабинета. При описании судьбы А.Э. мы будем почти дословно придерживаться доклада психиатра И.С.Кульгсара (Израиль), занимавшегося его психиатрическим и психологическим обследованием с 20 января по 1 марта 1961 г. и опубликовавшего результаты в книге «Adolf Eichmann and the third Reich. Crime, Law and Corrections».

А.Э. родился в Золингене (Германия) в 1906 году. В 1913 году его семья переехала в Линц (Австрия), где отец был назначен на должность директора городского трамвайного товарищества. Здесь А.Э. ходил в школу, работал продавцом в компании «Vacuum Oil Co», а затем – против воли отца – вступил в ряды национал-социалистической партии. В детстве Адольф отличался недисциплинированностью и неряшливостью, часто прогуливал уроки и был далеко не пай-мальчиком – полной противоположностью своего отца, который всегда и во всем требовал соблюдения порядка.

Отец строго следил за одеждой, содержимым ящиков стола, выполнением школьных заданий и чистотой ушей своих детей. Это был сверхпедантичный, строгий человек, не позволявший никому разговаривать за обеденным столом. В автобиографии А.Э. пишет, что отец был требовательным только к нему, к другим же детям относился более снисходительно. Такая несправедливость вызывала у мальчика бурный протест. Но и этот мятеж своего клиента Кульгсар объясняет почтением и трепетом перед строгим главой семейства, имевшим в обществе большой авторитет. Отец и после приезда в Австрию пользовался хорошей репутацией. Во время школьных каникул А.Э. частенько подрабатывал в трамвайном товариществе, которым руководил его отец, и находил эту работу гораздо интереснее, чем учеба в школе.

Мать – женщина добрая и красивая, в жизни не сказавшая бранного слова, в тридцать лет умерла от туберкулеза. На вопрос психиатра: «Что Вы почувствовали, когда Ваша мама умерла?» А.Э. ответил стереотипным клише: «Глубокое потрясение и скорбь»... Однако на похоронах матери он не присутствовал. Через некоторое время отец снова женился. «Вторая мать», как ее называл А.Э., была фанатично религиозна. Этот второй брак отца не оказал на Адольфа радикального влияния. В семье было много детей: от первого брака – шестеро, среди которых А.Э. был старшим, и еще двое от второго. Все дети – за одним исключением – были мальчиками. Следующий за Адольфом брат в противоположность ему был примерным учеником. Кульгсар предполагает, что А.Э. тайно желал ему смерти.

В юности А.Э. перенес полиомиелит, который прошел без заметных последствий, хотя мальчику и пришлось заново учиться ходить. Кроме небольшой опера-

ции по удалению фурункула в детстве и чревосечения, связанного с неспецифическим заболеванием, он практически не болел. В школе Адольф считался слабым учеником. Со своими одноклассниками он поддерживал весьма поверхностные отношения. Зато членство в туристическом движении «Перелетные птицы» оказало на его характер достаточно глубокое влияние. Кульгсар подчеркивает, что в дальнейшей жизни А.Э. так и не вышел за рамки социального и культурного уровня этих «Перелетных птиц». И, по-видимому, по этой самой причине он вернулся к юношески романтическому образу жизни после окончания войны, во время нелегального пребывания в Аргентине.

Обучение в гимназии А.Э. прервал и устроился продавцом в компанию «Vacuum Oil Co». Именно тогда у него стал появляться интерес к политике и Адольф вступил в ряды Австрийской монархической организации, но почти сразу же покинул ее, узнав, что вице-президент является евреем. Затем секретарь отца – один из идеалов «Я» А.Э. – рекрутировал его в НСДАП, и в молодом человеке проснулся немец. Он бросил работу в Австрии и возвратился на родину, где целиком посвятил себя делу «возрождения Великой Германии». Юный мечтатель хотел отстаивать идеи национал-социализма с оружием в руках и был сильно разочарован тем, что ему доставались только «административные поручения» (например, работа в «еврейском секторе» НСДАП, где он «с блеском» сыграл свою пресловутую роль). О жене и двух детях А.Э. нам ничего не известно.

Кульгсар попытался разобраться в своем клиенте при помощи собеседования и психодиагностики. В частности, он пишет: «Мировоззрение А.Э. было бесчеловечным, в лучшем случае биологически ориентированным, а в сущности механистичным».

В одном из разговоров А.Э. выразил свои взгляды на жизнь и смерть: «Смерти нет, есть только жизнь. Когда я окончу свое существование в человеческом теле, то продолжу его в различных органических и неорганических формах. Душа – это релейная система, связанная с электромагнитным силовым полем, центр которой находится где-то в головном мозгу».

Он отождествлял Бога с природой, но твердо верил в предопределение, говоря: «Порядок мира всегда остается неизменным. Взгляните на эту пепельницу. Она представляет собой систему из атомов и электронов. Ее можно разбить на мелкие куски, но порядок атомов сохранится».

Психиатр подчеркивает, что бездушное мировоззрение А.Э. проявлялось и в его манере выражаться, и в стиле беседы, и в умозаключениях. Вот как, например, он отвечает на вопрос о том, что такое брак: «Это соединение двух представителей разного пола для продолжения рода». По этому поводу Кульгсар сделал запись: «Бесчеловечность является одной из основных черт его характера». В центре его механистичной экзистенции стоит *порядок*, который, по мнению А.Э., достиг наивысшей степени своего выражения именно в III Рейхе. Его лозунгом был «идеализм», и он любил называть себя идеалистом, что было весьма характерно для тогдашнего мировоззрения нацистов.

Кульгсар пишет, что интеллект А.Э. является посредственным, однако у него наблюдается «комплекс эрудита». В сообщении приводится пример того, как испытуемый пытается блеснуть своими познаниями:

«Что такое яблоко?» – «Фрукт, полезный для здоровья».

«Что такое итог?» – «Сумма познания, результат».

«Что такое начало?» – «Временная фиксация деятельности».

«Что такое перспектива?» – «Сообщаемая глазу возможность познать что-либо вплоть до стадии еще познаваемого». И т.д.

Читал он мало и немецких классиков знал только по заглавиям, однако любил «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. По его словам, он осилил даже кантовскую «Критику чистого разума», но забыл ее содержание. Этим был ограничен круг чтения А.Э. В театр, на концерты, в оперу он вообще не ходил, хотя сам немного играл на скрипке.

Психиатр обратил внимание на аффективные реакции пациента относительно карточек тестов, несущих информацию о сексуальности или агрессии (например, карточка 8 BM теста TAT или таблица VI теста Роршаха.) Во время бесед он наотрез отказывался говорить о своей сексуальной жизни, хотя присутствовавший тюремный следователь не понимал немецкого языка.

Кульгсар утверждает, что за все время обследования он не наблюдал у А.Э. никакого проявления эмоций, кроме судорожных движений лицевых мышц или эгоцентрического, лабильного выражения аффектов, которое подталкивало его к неадекватным, импульсивным действиям. Если тестовый материал шокировал А.Э., он смущался и заикался, а лицо подергивалось нервными тиками.

В сообщении Кульгсара указывалось, что наиболее серьезной психологической проблемой для А.Э. было отношение к активности и пассивности. Разумеется, он *«только выполнял приказ»* и был *«человеком, который всецело предан воинскому долгу, и не более...»* С каким трудом он переносил пассивность, д-р Кульгсар доказывает тем, что, размышляя о финале своей карьеры, испытуемый говорит: «Необходимость быть объектом и только объектом вызывала у меня такой пессимизм, что я давно покончил бы с собой, если бы не был столь сильно погло-

щен делами службы». (Суицидальные тенденции были выявлены также тестом Сонди в 1961 г.).

С психологической точки зрения поразительны высказывания А.Э. о своих *страхах*. «На протяжении всей жизни я постоянно боялся, иногда даже сам не зная чего. Даже во времена полной свободы и самостоятельности я ощущал какое-то внутреннее беспокойство и страдал сильной потливостью рук. Я не мог пойти туда, где находились незнакомые люди: мне нужно было сначала узнать, кто там присутствует. И чем меньше я думал о предстоящих мероприятиях, тем было легче. Встречи всегда проходили очень плохо, хотя я заранее готовился к ним. К тому же у меня была плохая память, и через некоторое время я забывал, о чем раньше говорил».

Эти сенситивные (и несколько параноидные) страхи, как и невротические симптомы – обкусывание ногтей, заикание, сильное потоотделение в обществе незнакомых людей, робость, нервные тики лица, – ничуть не противоречат каинистической природе испытуемого: все это можно наблюдать у брутальных убийц.

Имел ли А.Э. представление о морали? На вопрос психиатра «Случалось ли Вам когда-нибудь испытывать чувство вины?» тот ответил: «Да! Пару раз, когда прогуливал уроки в школе».

Страх и невротические симптомы выступают против предположения, что этот массовый убийца является этаким «монстром, одним из видов lusus nature – ошибкой природы». Кульгсар склоняется к мнению, что А.Э. защищал себя от угрызений совести при помощи сверхкомпенсации, цинизма, изоляции или аутизма. Процитируем некоторые положения из его доклада: «Результаты показывают, что импульсы к убийству представляли психическую опасность и для самого А.Э., угрожали яд-

ру его Эго... На основании исследований моральные чувства А.Э. можно подразделить на три уровня:

1) тонкий, поверхностный слой, связанный с воспитанием в семье;

2) национал-социалистская мораль, выраженная девизом: «Слабость – это преступление!»;

3) морализирование на тему: «Убийство несет угрозу для души...»

И.С. Кульгсар пришел к выводу, что выявленные деструктивные тенденции нельзя объяснить только биографией А.Э. Обычные проективные методики, которые интерпретировались Шошанной Кульгсар, также не проясняли его деструктивных склонностей. Это удалось сделать лишь при помощи экспериментальной диагностики побуждений.

3 марта 1961 года я получил от И.С. Кульгсара письмо с просьбой поставить диагноз «мужчине N. в возрасте пятидесяти лет». Я уже много лет не практиковал слепую диагностику, но для данного случая сделал исключение. Выяснилось, что возможности экзистенции N. в такой опасной степени сдвинуты в направлении Каина, с какой я до сих пор еще ни разу не сталкивался. Мой диагноз, поставленный слепым методом, гласил: «Мужчина N. – преступник с неутоленной жаждой убийства». Я послал И.С. Кульгсару несколько запросов о психиатрическом анамнезе этого человека, но только через год получил ответ: «Это – Адольф Эйхман».

В примечании я воспроизвожу текст слепого диагноза практически дословно с иллюстрацией возможностей его экзистенции.

***

Итак, мы познакомились с биографиями двух военных преступников.

Мартон Цодли проявил экстремальные возможности пароксизмального Каина, а именно эпилептические приступы в юности, садомазохистскую перверзию, бред на религиозной почве. Его компаньон по судьбе Адольф Эйхман, напротив, был как будто совершенно свободен от упомянутых клинических симптомов, однако тестовые профили показали противоположное. В то время как манифестирующий эпилептоидно-параноидный Цодли при тестировании из десяти переднеплановых профилей только в двух, а из десяти теоретических заднеплановых только в 1,5, т.е. в общей сложности в 3,5 из двадцати тестовых профилей показывает смертоносную ментальность, Эйхман демонстрирует все признаки Каина один раз на переднем плане и девять раз (!) на заднем. На основании этих данных можно сделать *следующие выводы.*

Фактическое проявление во всей полноте ментальности Каина в таких клинических симптомах, как манифестирующие эпилептические припадки, перверзии, религиозный экстаз и т.д., разгружает психику от смертоносной ментальности, накопившейся на заднем плане. Однако при определенных обстоятельствах вместо клинической разрядки может произойти убийство в состоянии аффекта (М. Цодли).

В ситуации хаоса Каин, неспособный перевести накопившиеся на заднем плане негативные тенденции в клинические симптомы, может погубить тысячи жизней, не убивая при этом de facto, а только прикрываясь «политической целесообразностью» (А.Эйхман). Во все времена массовые акции истребления, включая крестовые походы, религиозные войны, еврейские и армян-

ские погромы, возникали именно на подобном каинистическом фундаменте.

Еще в 1939 г. Ф.Эрнер в знаменитой книге «Криминальная биология» выдвинул следующий тезис: «За исключением генуинной эпилепсии, наследственная взаимосвязь между психозом и криминальностью является недоказанной» [65]. Эпилептик и его кровные и благоприобретенные родственники (В.Штумпфль) являются носителями специфических черт характера и тяготеют к преступной деятельности. Из исследований Штумпфля (1935) становится понятно, что рецидивисты, судимые за нанесение телесных повреждений или нападения со смертельным исходом, так же как и их родственники, демонстрируют повышенную частоту случаев эпилепсии [66]. При генуинной эпилепсии одного из родителей Конрад выявил 13% детей, наказанных за преступления; а среди детей травматических эпилептиков только 3,3% преступников. Мы напоминаем о взаимосвязи между насильственными преступлениями и эпилепсией потому, что рассматриваем каинистическое мировоззрение – в том числе без манифестирующих припадков – как унаследованные пароксизмально-эпилептиформные задатки.

СЛЕПОЙ АНАЛИЗ ПОБУЖДЕНИЙ ЭЙХМАНА

Слепой анализ побуждений мужчины в возрасте пятидесяти лет, имя, профессия и история болезни которого мне не были известны, основывался на десяти переднеплановых побудительных профилях и девяти заднеплановых побудительных профилях личности. В качестве метода толкования было выбрано определение индивидуальных форм экзистенции для всех девятнадцати профилей побуждений.

А. Анализ переднепланового человека

1. Переднеплановый человек является перверзивным садомазохистом. Десять раз в десяти переднеплановых профилях мужчина показал типичную для садомазохиста тестовую реакцию (±s). В пользу социальной опасности этой садомазохистской перверзии говорят следующие результаты теста:

а) «синдром убийцы» – профиль IV (–e, –k, ±m);

б) аутично-перверзивное властолюбивое «Я» (Sch + 0) в профилях V и VI;

в) самое интересное заключается в том, что из шести предъявленных ему в тесте портретов убийц испытуемый *дважды выбрал по 4 портрета, шесть раз по 5 портретов и дважды – все 6 портретов.* В то время как нормальный человек обычно выбирает не более 2–3 портретов убийц, этот мужчина выбирал в среднем 5 (!)

2. Наряду с доминированием садомазохистской перверзии мы находим следующие формы экзистенции:

а) (Sch 0 –): склонность к обвинению других, т.е. проективная форма экзистенции (в профилях VII, VIII), а также другие сопутствующие ей формы;

б) (S ± ±): склонность к бисексуальности (в профилях III, VII, IX и X);

в) (Sch 0 +): одержимость садомазохистской перверзией (в сочетании с ±s в переднеплановом профиле III).

Б. Анализ заднепланового человека

1. Заднеплановый человек во всех девяти профилях разоблачает себя как Каин, пытающийся аутично реализовать свою жажду убийства, т.е. путем поиска власти и выхода за границы реальности. Для доказательства доминирования смертоносной ментальности заднеплано-

вого Каина достаточно последовательно увидеть экзистенциальные формы девяти заднеплановых профилей вместе с их тестовыми реакциями (*См. Табл. 1*).

2. Степень высокой социальной опасности заднепланового человека выражается и в том, что 32 из 36 (9 x 4) векторных реакций, т.е. 88% (!), являются *социально негативными.*

В. Анализ целостного состояния личности

1. Поскольку заднеплановый человек представляет собой ту часть личности, которая могла активно функционировать в прошлом и способна выступить на передний план в будущем, мы должны признать А.Э. чрезвычайно опасным для общества человеком.

2. С помощью неизвестного мне анамнеза хотелось бы исключить два возможных заболевания: 1) генуинную эпилепсию; 2) параноидную шизофрению.

Против предположения о генуинной эпилепсии говорят следующие данные теста:

а) отсутствие векторных реакций (S + +!, S + +!!);

б) наличие на переднем плане в «Я» векторной картины (Sch + 0), которая очень редко встречается у эпилептиков и свидетельствует скорее о перверзивном мазохизме. Напротив, заднеплановая реакция (e–!) указывает на кондукторную природу эпилепсии, которую необходимо сопоставить с материалами родового анамнеза.

Против предположения о параноидной шизофрении говорит отсутствие типичного для нее диагонального расщепления в трех или четырех векторах (+ –, + – , 0 –, 0 – и т.д.).

В результате проведенного обследования мы пришли к выводу: «Анализируемый мужчина является преступником с гипертрофированной смертоносной ментальностью, социальная опасность которого возрастает из-

Заднеплановый профиль	*Толкование заднепланового человека*	**P** (*аффекты*)	**Sch** (Я)	**C** (*контакты*)
I	Аутичный Каин	– ±	+ –	
II	Дезертирующий Каин; мысли о бегстве		0 +	± –
III	Каин, отрицающий жизнь (мысли о суициде); выставление себя напоказ (hy+)	0 +	+! – Суицидальные мысли	– –
IV	Каин, желающий «быть всем и все иметь»	–! +	+ +	–! 0
V	Обвиняющий других Каин, «чистый Каин»	– +	+ –!	
VI	Обвиняющий других Каин, «чистый Каин»	– +	+ –!	
VII	Обвиняющий других Каин, «чистый Каин»	–! +	+ –!	
VIII	Каин, сдерживающий навязчивое желание убивать	– ±	± 0	± 0
IX	«Чистый Каин», действующий аутично	– +	+ –	

Таблица 1. Фрагмент заднеплановых профилей испытуемого А.Э.

за аутичного властного «Я» и чрезмерной готовности к проекции».

За всю свою многолетнюю работу с тестом (1937–1961) среди более чем 6000 тестовых серий я еще ни разу не встречал профиля, который указывал бы на аутичного Каина с таким сильным доминированием признаков смертоносной ментальности на заднем плане. Речь идет, по всей вероятности, о единственном в своем роде случае».

Цюрих, 1 апреля 1961 г. *Д-р Л. Сонди*

4
Липот Сонди
«Моисей: ответ Каину»

Представляем вниманию читателя судьбы людей, оказавшихся способными сменить смертоносную ментальность на богоугодное умонастроение.

В описанных случаях убийство и религиозность (символически говоря, Каин и Моисей) не образуют пары противоположностей, исключающих друг друга. Обе формы экзистенции проживаются одновременно или последовательно одним и тем же человеком. Так было в библейские времена с мужем по имени Моисей. Так было и в наше время с судьбами людей, о которых мы говорим. Но было бы ошибкой предположить, что мы намерены поднять убийц из представленных историй, которые от совершения преступлений пришли к служению Богу, на высоту Моисея или свести библейский образ Моисея до уровня упомянутых убийц. Речь идет о том факте, что человек способен сменить судьбу убийцы на судьбу служителя Бога.

Конечно, этот вывод ни в коем случае нельзя обобщать: ведь библейский пророк Моисей – единственная в своем роде фигура в человеческой истории!

Л. Сонди

***

С точки зрения психиатрии между смертоносной ментальностью и бредом на религиозной почве существует устойчивая взаимосвязь. В пользу данного предположения выступают следующие примеры.

КАИН – УБИЙЦА ОТЦА*

Одна венгерская крестьянка подговорила своего сына убить отца, буйного алкоголика. Юноша имел в деревне репутацию отчаянного парня и зарубил родителя топором. В тюрьме перед казнью он впал в состояние бреда на религиозной почве. Мать получила пожизненное тюремное заключение и умерла через несколько лет.

В семье отцеубийцы встречаются как крайне жестокие, так и чрезвычайно религиозные люди. Старшая сестра преступника однажды до крови избила своего подвыпившего мужа. Позднее этот человек повесился. Младшая сестра вышла замуж за мясника и сама участвовала в рубке мяса. По ее собственным высказываниям, она испытывала невероятный подъем, только орудуя большим мясницким топором.

Этим каинистическим братьям и сестрам противостояла третья сестра преступника, очень милая и добрая девушка. Она вышла замуж за трубочиста баптистского вероисповедания. В дальнейшем семейная чета посвятила себя миссионерской деятельности.

* Все примеры в разделе представлены из работы Липота Сонди «Моисей: ответ Каину» (1973).

КАИН – УБИЙЦА МАТЕРИ

В следующей истории рассказывается о четырнадцатилетнем гимназисте, который зарубил топором свою мать. Она была в разводе и жила вместе с сыном. Отец, выдающийся ученый-химик, страдал запойным алкоголизмом. Мать, параноидная психопатка в тяжелой стадии, каждый день изощренно издевалась над юношей, пока тот ее не убил.

В этой семье встречаются, с одной стороны, убийцы и самоубийцы, а с другой – миссионеры и духовные лица. Брат юного гимназиста, как и двое братьев его бабки по матери, покончил жизнь самоубийством. Двоюродный брат его матери, педагог, застрелил свою невесту из ревности, а потом самого себя. Дядя матери, полковник, интернированный из-за прогрессирующего паралича, страдал бредовыми идеями, связанными с беспощадным самобичеванием, и все время шептал одно и то же: «Позор! Я всех убил».

Этим каинистическим личностям в роду противостоят духовные лица, миссионеры и даже одна монахиня – сестра убийцы, которая незадолго до Второй мировой войны стала аббатисой двух монастырей. Двоюродный брат по отцовской линии служит епископом в Венгрии; другой – иезуит – занимается миссионерской деятельностью в Китае.

Убийца матери был приговорен к 4,5 годам тюремного заключения, и сразу же объявил в знак протеста голодовку, которая носила кататонические черты. После освобождения из тюрьмы он изменил имя и попал в буржуазную попечительскую семью, где нашел самую дружескую поддержку со стороны их сына, своего ровесника. Сначала молодой человек освоил профессию парикмахера. С ужасной гримасой он рассказывал мне о

каинистических мыслях во время работы. Как ему хотелось, брея клиента острой бритвой, нагнать на него ужас рассказом о своем прошлом! Я посоветовал ему выбрать другую профессию, и он стал шофером грузовика. Однако повторные позывы смертоносной ментальности не прекращались, и как-то раз он заявил флиртовавшей с ним девушке, что убил собственную мать, поэтому ему ничего не стоит придушить ее в случае измены.

Во время Второй мировой войны он служил в армии, но после ее окончания снова угодил в тюрьму из-за того, что обменял вместе с одной женщиной на продукты питания ценные вещи, оставленные ей на хранение евреями. После освобождения он работал посыльным и начал, как и его отец, много пить, постоянно меняя место работы. Он побывал штамповщиком, слесарем и т.д.

В 1948 г. он женился, и у него родились двое детей. Через десять лет супруга его бросила, и он уехал в Бельгию (1958 г.), затем эмигрировал в Канаду. В 1963 году мы находим его в психиатрической клинике, куда убийца матери попал с диагнозом «алкоголизма» и «параноидной шизофрении с бредом на религиозной почве».

В 1968 г. он сообщил своему бывшему защитнику, что начал писать книгу под заголовком «Человек – это Бог. Признание убийцы своей матери». В своей книге он пишет, что самое прекрасное из того, что ему довелось выучить в жизни, – это слова греко-католической молитвы, услышанные им в часовне тюрьмы для малолетних преступников:

> «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты есть воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз. Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагам Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя...»

БЫВШИЙ УБИЙЦА – ТЮРЕМНЫЙ ПРОПОВЕДНИК

Голландский редактор Ф.Р.К. сообщил нам об одном случае превращения безжалостного убийцы в тюремного проповедника.

В 1958 г. из Германии был депортирован один голландец (Ю.Ф.), дважды приговоренный к пожизненному заключению за многочисленные преступления. Он был болен туберкулезом, почти слеп и напоминал скорее мертвого, чем живого.

Свою первую кражу автомобиля Ю.Ф. совершил в 1949 г., когда ему было восемнадцать лет. После этого он перебрался в Германию, где в течение трех лет грабил водителей автомашин на дорогах, а тех, кто оказывал ему сопротивление, убивал. Преступник действовал всегда в одиночку. Совершив почти сотню разбойных нападений на дорогах, он переключился на ограбление банков, объехав всю Европу: «Утром – банк в Гамбурге, в обед – во Франции... Моя тактика заключалась в том, чтобы захватить персонал врасплох, – рассказал Ю.Ф. редактору. – Если деньги выкладывались на стол недостаточно быстро, я стрелял и бросался к своему спортивному автомобилю».

Преступная деятельность Ю.Ф. продолжалась около трех лет, и он даже сам не помнил, сколько совершил ограблений на дорогах и в банках. Но совершенно точно известно, что на его совести по крайней мере три убийства. В 1952 г. он был арестован во Франкфурте и посажен в штуттгартскую тюрьму. Через три года ему удалось совершить побег в составе группы заключенных, и он опять взялся за старое. Однако через четыре месяца Ю.Ф. был задержан в Мюнхене и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Во время следования к месту отбытия наказания он сумел совершить побег,

но через три дня был задержан на турецкой границе и выслан в Германию. К тому времени были раскрыты некоторые ранее совершенные им преступления, и Ю.Ф. повторно приговорили к пожизненному тюремному заключению. Через два года заключенного интернировали в Голландию в крайне тяжелом состоянии, однако он чудом выжил и в 1963 г. был отпущен местными властями на свободу.

Следует отметить, что и в то время Ю.Ф. был далеко не кротким агнцем. Вместе с приятелями он последовал в Бреду, чтобы раздобыть грабежами денег на покупку спортивного автомобиля. В Роттердаме они сделали короткую остановку. Его компаньоны пошли на богослужение. Наш герой всегда предпочитал церкви кабак, но, не сумев его отыскать, вынужден был также отправиться в церковь, которая вскоре до такой степени наполнилась народом, что он не имел возможности выйти. Ему пришлось остаться, выстоять до конца службу и прослушать проповедь, в которой шла речь о заключенных. Слова с амвона произвели на него такое сильное впечатление, что после окончания службы он подошел к священнику и рассказал ему о себе все. Тот сказал: «Бог дает последний шанс, и ты должен сделать выбор. Если хочешь, я тебе помогу».

В результате Ю.Ф. остался и стал петь в церковном хоре, где и познакомился со своей будущей женой; позднее у них родилась дочь. Семью Ю.Ф. содержал на заработок столяра, а свободное от работы время полностью посвящал церкви. В настоящее время бывший заключенный служит проповедником в голландских тюрьмах. Свои проповеди он обычно начинает словами: «Я был убийцей и грабителем, но мне не хочется говорить об этом. Сегодня я хотел бы поговорить с вами о Боге».

«ЧЕРНЫЙ ДЬЯВОЛ» СТАНОВИТСЯ СВЯТЫМ

Житие св. Моисея Мурина, отшельника из Сцета

Моисей-эфиоплянин был сущим дьяволом. Он был наделен недюжинной силой, мог съесть целого барана и запить его бурдюком доброго вина. Это был необузданный человек, получавший невероятное удовольствие от убийства.

Однако милость Божия не оставила его. Однажды Моисей отправился на юг Александрии, в пустыню неподалеку от местечка Сцет, и повстречался с настоятелем монастыря Исидором. Увидев меч, тот испугался, но посетитель сказал: «Я, Моисей, чернокожий разбойник, пришел, чтобы ты показал мне Бога!» Исидор отдал эфиоплянина в послушание старцу Макарию, который рассказал ему о вере и окрестил. Моисей стал монахом и остался в обители, ведя такой строгий образ жизни, что превзошел в этом многих святых старцев. Открывшись Исидору в том, что сатана искушает его помыслами об изысканной пище, вине и развратной жизни, Моисей получил от старца наставление и утешение. Бывший разбойник преисполнился поистине изобретательной любви к ближнему: когда старцы засыпали, он обходил их кельи, наполняя сосуды водой, которую приходилось носить издалека.

Через несколько лет сатана наслал на него ужасную болезнь ног. Моисей сторожил обитель и испытывал невероятные мучения, однако его набожность и покаянное умонастроение только умножались. Тело Моисея высохло и своим видом напоминало кусок обгоревшей древесины, но Бог исцелил его, и на него снизошла Благодать Духа Святаго.

Пятьсот братьев монастыря избрали Моисея своим пресвитером и представили Патриарху, но тот, едва гля-

нув на него, грозно вопросил: «Что здесь делает этот эфиоп? Гоните его прочь!» Моисей пошел, укоряя себя: «Ты получил по заслугам, чернокожий разбойник!» Однако Патриарх только испытывал его смирение и, повелев снова позвать его, хиротонисал в протопресвитера. Во время совершения таинства он изрек: «Теперь, Моисей, ты весь сделался бел – и внутри, и снаружи».

Однажды к Моисею пришло множество посетителей, а у него не оказалось ни капли воды, чтобы их напоить. Во время беседы он несколько раз покидал свою келью, после чего начался сильный ливень, наполнивший пустующие сосуды до самых краев. Старцы спросили его: «Зачем ты столько раз выходил?»

Моисей ответил: «Я молился Богу... Господи, если Ты не дашь мне воды, откуда я ее возьму, чтобы дать им напиться?»

Когда на страну напали варвары, Моисей объявил братии: «Если хотите спастись, бегите». – «А ты, авва?» – «Я долго ждал этого часа, потому что на мне должны исполниться слова Господа: «Взявший меч от меча погибнет!» Варвары посекли мечами Моисея и еще семерых братьев обители. Так покаяние превратило бывшего раба, убийцу, развратника и вора в выдающегося учителя, утешителя, пресвитера и учредителя монастырского устава, в святого, причисленного к лику великомучеников.

Тело Св. Моисея Мурина покоится в Сцете (Дер-аль-Баранус), и место его захоронения издавна свидетельствует о чудесах. Греки празднуют день его памяти 28 августа, а египтяне и эфиопы – 18 июня. (Моисея Мурина следует отличать от Св. епископа Моисея, память которого празднуется 7 февраля.)

УБИЙЦА, СТАВШИЙ В ТЮРЬМЕ ПОЧТИ СВЯТЫМ

Было бы неверно думать, что к радикальному повороту от Каина к Авелю способны только эфиопы. Аналогичное изменение ментальности наблюдалось и у представителей европейских государств – Швейцарии, Голландии и др.

В 1934 году в Швейцарии была опубликована автобиография преступника А.Б. под заголовком: «Моя вина. Признание».

***

А.Б. появился на свет 27 декабря 1890 года в результате преждевременных родов, и его чудом выходили. Он был вторым сыном каменотеса, проживавшего в рабочем поселке недалеко от границы с Эльзасом. Один его вид приводил папашу в бешенство, который презрительно именовал сыночка «брюквой». После очередного запоя родитель впадал в состояние белой горячки и, как злой демон, бесчинствовал в доме, а мать в то время в тревоге молилась вместе со своими четырьмя детьми.

Еще в раннем детстве у мальчика появились эпилептические припадки, мучившие его до двенадцати лет. Долгое время после школы у него сохранялись эпилептоидные особенности характера и колебания от Каина к Авелю, наложившие свой отпечаток на его дальнейшую судьбу.

А.Б. манифестировал полярно противоположные эпилептоидные черты характера, а именно:

– он рос жестоким и вспыльчивым, но тяготел к добру;

– еще ребенком он начал воровать, однако его постоянно мучило чувство вины и страх наказания;

– он был спорщиком, хулиганом и забиякой, но также верным и преданным другом;

– он часто сбегал из дома, прячась от родителей и жителей деревни, стыдился нищеты своей семьи, но никогда не роптал на свою судьбу.

Рано проявившиеся умственные способности позволили ему «перескочить» через пятый и седьмой класс. Учился он легко, поэтому у него оставалось достаточно времени, чтобы предаваться безудержным фантазиям. Впрочем, учитель дальновидно предсказывал, что свою жизнь он проведет в тюрьме.

С четырнадцати лет юноша пошел работать каменотесом. В это же время с отцом произошел несчастный случай, и его парализовало. Внезапный удар судьбы отбросил семью на уровень самых бедных среди и без того небогатых жителей деревни. Парализованный отец запоем читал рекламные проспекты, призывающие покупать «чудодейственные» лекарства от паралича, а мать вместе с детьми вымаливала у святых угодников, способных помочь в болезни, чудесной силы для принимаемых лекарств.

По роду деятельности А.Б. приходилось часто менять место работы. В возрасте девятнадцати лет он заслужил благосклонность хозяина и любовь его дочери. Возлюбленная вырвала А.Б. из компании собутыльников, однако ранние интимные отношения тяжким грузом легли на его совесть. К тому же родители были против их брака из-за конфессиональных различий, так как юноша принадлежал к римско-католической церкви, а девушка – к общине христиан-евангелистов.

В это время А.Б. шутки ради солгал одному простофиле, работавшему вместе с ним, будто бы выиграл в лотерею 1000 франков. Последствия этой лжи оказали роковое влияние на его будущую жизнь. Удивительное известие переполошило всю деревню. Родители потребовали половину выигрыша, и чем ближе становился

срок выплаты, тем сильнее А.Б. охватывал панический ужас. Парень оказался слишком слаб, чтобы сознаться в своем вранье, и начал подумывать о бегстве в иностранный легион и о самоубийстве. Однако эти мысли были вытеснены еще более каинистическими намерениями. И он решил дождаться в лесу подмастерья, который в конце недели понесет из города зарплату на каменоломню – примерно 4–5 тысяч франков, сильно ударить его палкой, чтобы он упал, и забрать деньги».

В мучительной внутренней борьбе совесть была задушена лицемерной логикой. «Если этого хочет Бог, – успокаивал он себя, – то ты просто обязан это сделать, а если Бог будет против, то Он этого, конечно же, не допустит». Нравственные предостережения умолкли перед «всемогуществом Бога».

И он подкараулил того парня, спрятавшись за деревом с палкой в руке, и преследовал его на расстоянии примерно тридцати шагов. Но в тот самый момент, как он приготовился нанести удар по спине, несчастный оглянулся, и острый конец палки угодил ему прямо в висок. В темноте А.Б. торопливо набрал банкнот, как ему казалось, на 1000 франков. Остальные деньги – примерно 3000 франков – остались на месте преступления. Но вскоре украденные деньги стали жечь его огнем, и он, охваченный ужасом, спрятал их в расщелину старой каменной стены. После этого А.Б. возвратился в деревню.

Тем временем пострадавшего в бессознательном состоянии доставили в госпиталь. Жизнь его была в опасности. Подозрение жителей деревни и полиции легло на одного браконьера, который в тот роковой день отсутствовал на работе. Браконьер был немедленно арестован. На пятнадцатый день после происшествия А.Б. вызвали к судебному следователю, где потребовали документально засвидетельствовать свой мнимый выиг-

рыш в лотерею. Вскоре его отпустили, так как он сумел вспомнить выигрышный номер, который шутки ради указал как собственный.

Однако отныне он окончательно потерял покой. Начал много пить, мысленно проигрывал различные сцены бегства и даже хотел записаться в иностранный легион. Но, приехав во Францию, не понял ни слова из окружающей речи и в отчаянии запрыгнул в уже отправляющийся поезд, чтобы вернуться обратно. Признаться любимой девушке в своем преступлении ему не хватало духу. А.Б. также заметил, что окружающие считают, будто бы он скрывает какие-то важные сведения. Тогда он дал показания, что видел браконьера в тот день в лесу.

Наконец А.Б. открылся своей подруге, и она посоветовала ему явиться с повинной, отсидеть в тюрьме, а затем вернуться к ней. Предложение было с ужасом им отвергнуто. Тогда девушка заявила, что если он против добровольного признания, то она согласна на совместное самоубийство. Когда А.Б. снова вызвали на допрос, он не отказался от своих ложных показаний, но, тем не менее, был арестован. В тюрьме ложь все сильнее терзала его душу, и он хотел удавиться на веревке, которую оставил в камере его предшественник. Однако страх, что любимая девушка может последовать его примеру, заставил А.Б. отказаться от этих намерений.

В своем «Признании» преступник пишет: «...вследствие сознательного напряжения воли моя совесть заговорила в полный голос. Преступные намерения больше не удавалось замаскировать от ее проницательного взора предполагаемой на то «Божьей волей». Ко мне пришло осознание вины, и я побежал, *новый Каин*, от грозного зова: «Где брат твой?» И когда временами я обращал к небесам свой взор, полный страдания и печали, мое бедное сердце, подавленное чувством собствен-

ного бессилия, умоляло только о том, чтобы Он, Всемогущий Отец, взял все в Свои руки и привел к тому финалу, какой был бы Ему угоден. Я ощущал изменение своего внутреннего состояния, однако его значение было мне пока еще непонятно».

Через семь месяцев пришло сообщение, что жертва преступления скончалась. Причиной смерти называлось образование гематомы в мозгу. И только теперь А.Б. осознал весь ужас содеянного. Он убил человека, а из-за его ложного доноса в тюрьме оказался невиновный! В сущности, он не желал себе наказания, а просто хотел поскорее избавиться от «невыносимого взора внутреннего судьи».

Попытка повеситься в камере не удалась, так как сплетенная из кромки простыни веревка не выдержала веса его тела и оборвалась. Тогда он проглотил горсть осколков битого оконного стекла, однако вместо «спасительной смерти» ощутил ужасные рези в желудке. Осколком стекла юноша вскрыл вены на предплечье, но безрезультатно – он остался жив! Он бежал из госпиталя, но его задержали и доставили обратно. После безуспешной попытки отравиться медным купоросом А.Б. начал ощущать за всем этим Высшую Волю. Он почувствовал, что его планы противоречат воле Бога. Последней попытке самоубийства при помощи осколка стекла помешал неожиданный приход старшей госпитальной сестры. Она сказала: «Бедный мальчик, почему Вы не ищете утешения у Отца Небесного? Вы же знаете, что Он не хочет смерти грешника, а напротив, желает его обращения на путь спасения!»

В «Признании» А.Б. мы читаем: «Словно поток света ворвался в мою душу от этих слов, и глубоким смыслом наполнились эти слова Иисуса, сохранившиеся в памяти от уроков Закона Божия. Они стали моей жизнью,

моими чувствами. Особенно притча о блудном сыне... Во мне, полностью уничиженном, что-то происходило. Со страхом смотрел я на муки и проклятие греха, но, осознав его причины, смог почувствовать себя свободным от его путей. Мысленно проследив свой путь противления заповедям Божиим, начиная с самого раннего детства, я увидел в нем корень всех своих несчастий и решил отдать себя под защиту Закона Божьего. Да, я мечтал начать все сначала и вернуться в дом своего Отца. Для моей жизни открылись новые перспективы. Если этого можно достичь только через искупление, то пусть искуплением будет сама жизнь! Жизнь как искупление, а не смерть...»

Через два дня после того незабываемого вечера А.Б. наконец совершил признание в присутствии председателя суда присяжных заседателей и прокурора. Присяжные отклонили версию преднамеренного убийства, однако утверждали, что он должен был предвидеть роковые последствия удара. Приговор гласил: «*пожизненное заключение в местах лишения свободы*».

***

30 августа 1911 г. юный убийца попал в тюрьму, когда ему не было еще и двадцати. Детская вера А.Б. встречала у сокамерников сочувственный или издевательский смех, но у него было перед ними большое преимущество, которое придавало смысл его жизни и страданиям. Грубые издевательства над верой нисколько не оскорбляли чувств неофита.

«Сомнение не могло коснуться моей веры в Бога, – писал А.Б. в своем «Признании». – Однако меня неотступно преследовал вопрос: «Почему то, что является очевидным для меня, так же не очевидно для других?

Неужели переживание чувства вины, осуждения, ощущение Бога для них ничего не значит?!»

Мессу для католиков в тюрьме служили раз в четыре недели, поэтому наш узник посещал и протестантские проповеди. Именно проповедь стала для него наиболее действенным воспитательным фактором. Это были не просто слова, а «дыхание жизни», которое входило в резонанс с его волей, устанавливая прямые отношения с Богом.

Его молитва, которую он знал только как обязательное правило, в тюрьме претерпела значительные изменения. Он не просил о чуде. Во время молитвы его душа словно вырывалась из земных пут и устремлялась к Богу. Изменилось и все его жизненное восприятие. Не прошло и года, как он смог читать «Подражание христианству» Томаса Кемпена. Брошюра стала его постоянным спутником. Он носил ее с собой в кармане жилета и читал избранные места в камере, в швейной мастерской, во время работы, получая утешение и ободрение в те моменты, когда одиночество приводило его в полное отчаяние. Знакомство с источником духовной силы давало ему необходимую поддержку в его нелегкой судьбе.

Так, одновременно с освобождением от узких рамок влечений, произошло установление дуальных отношений с Духом. Отныне А.Б. стремился только к внутренней свободе и совершенствованию в добродетели.

***

Однако через два года он все-таки испытал тот кризис, через который проходит каждый арестант после двух лет тюремного заключения. Все его религиозные устремления были вытеснены бессмысленностью существования в ожидании смерти. Сам того не сознавая, он начал заниматься самоанализом, который, искушая его

«страстями Я» и «потребностью в наслаждениях», почти полностью разрушил механизм совести. Его депрессия сопровождалась и физическими недугами; целыми днями он валялся на тюремной койке, размышляя о своей судьбе. Из глубин этого кризиса его вытащила родная мать, которая пришла к нему на свидание. С тех пор ее образ стоял как некий нравственный императив перед его внутренним взором. Он так глубоко впечатался в его «Я», что и позднее, в отсутствие матери, А.Б. слышал ее голос: «Как ты собираешься предстать перед Богом? Подумай лучше о матери, которую ты лишил сына!»

Другим человеком, показавшим А.Б. путь в будущее, кроме матери и старшей медсестры, стал старожил камеры, семидесятилетний старик, имевший за плечами 38 лет тюремного «стажа» и за годы пребывания в тюрьме превратившийся в мудрого философа. Этот мудрец говорил ему: «Ты идешь по правильному пути, парень, только никуда не сворачивай. При помощи религии ты можешь даже здесь построить свой маленький островок счастья». В ходе бесед старик пробудил в нем стремление защитить свой возвышенный мир веры от нападок сокамерников и попытаться пробудить их души к Богу.

В этом А.Б. и видел отныне смысл своего существования. Но чтобы стать проповедником, надо получить образование, и он начал читать естественно-научную, философскую и художественную литературу: Геккеля, Шопенгауэра, Ницше, Данте, Гете и, кроме того, биографии Бетховена, Микеланджело, Ромена Роллана, Франциска Ассизского, Наполеона. Постепенно осилил «Всемирную историю» Вебера, пятитомное издание «Всеобщего практического знания». После прочтения некоторых книг система веры А.Б. несколько пошатнулась, однако его уверенность в помощи Бога

становилась еще сильнее, и вера постепенно восстала из временного небытия, вызванного чтением. Он познакомился с руководством Эпиктета по вопросам морали и размышлениями стоиков о необходимости освобождения личных переживаний из тесных рамок внешней судьбы, которые все более властно овладевали его душой. При помощи античной философии он попытался оградить свой душевный мир от воздействия физических и душевных страданий. Мысли о свободе воли, а следовательно, *о свободе самоопределения судьбы,* пробудили в нем надежду, однако периодические приступы меланхолии прогоняли ее, и он снова оказывался перед перспективой внутреннего опустошения. «Все мои духовные чаяния, – писал А.Б., – были построены на вулкане».

Он испытывал все большую потребность в душевных силах и даже одно время пытался найти путь к спасению в следовании учению стоиков. Но вскоре осознал, что, стремясь избавиться от страданий, он одновременно вытесняет и смысл собственного существования. Так необходимость снова привела его к молитве и вере. А.Б. умолял Бога сделать его душу открытой иному пониманию жизни, наделить его какой-нибудь миссией. Религиозное чувство рождало сны, окрашенные в радужные тона и приводившие А.Б. в восторг при пробуждении. Однажды ночью ему приснилось, как Христос идет по горным пастбищам в сиянии Своего величия.

В «Признании» он так описал эту встречу: «Возвышенность Его образа, сияние Его глаз, в которых отражались солнечные лучи, весь Его светящийся лик произвели на меня такое впечатление, что я еще долго пребывал в оцепенении, до глубины души потрясенный увиденным».

Это произошло 5 мая 1916 года. А 16 мая, после трудного дня, проведенного в печали, А.Б. в очередной раз обратился за утешением к книге Гилти «Счастье», и встав на колени посреди темной камеры, начал молиться. «Я почувствовал удивительную силу молитвы и возросшую уверенность, пробужденную чтением. Бьющая ключом энергия возносила мои прошения прямо на Небеса. – «Господи, услышь моление мое, сотвори мне новое сердце!» После этих слов что-то пронзило меня до глубины души. Не знаю, как это случилось... «Бог!» – сверкнуло молнией в моем сознании, и встреча состоялась. Все произошло в один миг...»

***

После этого переживания он отчетливо почувствовал рождение чего-то нового; Бог поселился в сердце А.Б., когда его покинули ложные иллюзии и эгоизм, закрывавшие дорогу к Нему. Вакуум, безысходность жизни, недостаток реализма – все это, как он полагал, вытекало из пустоты его существования, а потому он начал откапывать из сферы бессознательного давно забытые переживания. Позднее А.Б. догадался, что это было попыткой души освободить его волю от власти темных сил, определивших его судьбу столь пагубным образом.

Когда А.Б. рассказал о своем мистическом переживании пастору, при котором многие годы исполнял обязанности алтарника и причетника, тот скептически выслушал его и сказал с еле сдерживаемой усмешкой: «Отрада молитвы есть величайшее стремление всех святых угодников, однако далеко не каждому из них даровалась эта милость. Многие просили о встрече с Богом всю жизнь, не имея твердой уверенности, что будут

услышаны. Самые великие святые удостаивались этого лишь раз в жизни».

Тут А.Б. понял, что католический пастор ему не верит и считает либо фантазером, либо дурачком. Напоследок пастор дал ему совет не читать слишком много, чтобы окончательно не сойти с ума. Начиная с этого дня, А.Б. с еще большим усердием принялся за чтение книги Гилти «Счастье». Он просил себе силы, чтобы раз и навсегда вырваться из плена «греховного сознания». И вот однажды в тюрьму пришел новый протестантский пастор, который благотворно повлиял на его душу, истощенную недостатком общения.

С первыми лучами солнца А.Б. приступал к чтению Библии, подготавливаясь к новому трудовому дню. Протестантский пастор принес ему комментарий Иоганна Мюллера к «Нагорной проповеди», после прочтения которого переживание Бога возродилось в А.Б. с необычайной силой. Чтение трудов Мюллера произвело на него сильное впечатление. «Я осознал свою судьбу, свои сомнения и нерешительность, свои желания и свою слабость не только как собственную вину, – писал он. – Я осмыслил судьбу людей в радости и горе, торжестве веры и в муках преодоления препятствий на пути к ней». Теперь А.Б. почувствовал себя обязанным сделать что-то для остального человечества, и он снова начал размышлять о своей вине. Мораль в чистом виде, рассуждал А.Б., может только повергнуть заключенного в уныние, но ни в коем случае не возвысить. Судьи и прокуроры заботятся лишь о том, чтобы уничтожить в заключенном чувство собственного достоинства. «Вина – это несчастье, и только тот, кто обратится к заключенному как к несчастному, сможет оказать ему помощь в осознании вины и принять участие в его трудностях».

Целыми днями А.Б. старался облегчить участь своих товарищей, но снова и снова наталкивался на непреодолимое препятствие: наказание воспринималось его сокамерниками как месть со стороны общества, а чувство вины – как позор. Неискупленная вина загнала этих людей в одиночество гордыни, и проклятие зла не могло прекратиться, так как примирение невозможно, пока заключенный воспринимает осуждение и наказание как месть. Помогая своим товарищам по несчастью, А.Б. понял, что тем самым он как нельзя лучше помогает самому себе. Он нашел немало смышленых учеников. И лучшими в своей жизни он считал те минуты, когда замечал пробивающиеся в них ростки доброты. Он был необычайно рад видеть, как «Счастье» Гилти переходит из рук в руки. Знакомство с историей человеческой духовности укрепило его веру в то, что «человек переживает свое существование через отношение к Богу, которое определяет духовную направленность всей его жизни». В ту благословенную ночь 16 мая 1916 г. ему впервые открылось, что через молитвенный диалог с Богом и силу Духа человек постигает смысл своего существования и предназначение.

Целые годы А.Б. провел в трудах по осмыслению своей жизни через призму совести. Он находил совершенно неубедительным аргумент, что совесть следует понимать исключительно как силу привычки, социальную капитуляцию или же как «потенцию голого инстинкта самосохранения» (о чем он вычитал у Ницше, Геккеля, Фейербаха и других авторов). Однако именно Ницше пробудил в нем понимание «злого начала» в человеке.

В последние годы тюремного заключения А.Б. попал под очарование произведений Пауля Геберлина. Особенно сильное впечатление на него произвели «Дет-

ские ошибки как причины жизненных затруднений», «О совести», «Дух и инстинкты», «Характер», «Доброта», «Тайна реальности». А.Б. вступил в переписку с Геберлином, и тот дал ему совет вести запись всех жизненных событий. В процессе размышлений он сделал вывод, что виновный должен стать выше своей вины, и что человек чаще всего не является злым потому, что хочет творить зло; напротив, он попадает во власть зла потому, что недостаточно свободен, чтобы делать добро. А.Б. стало понятно, что человек обретает свое предназначение не в самом себе, а в Боге; только в этом случае голос совести становится гласом Божиим. Совесть – это функция самой веры! Так он нашел путь к освобождению от вины.

Протестантский пастор и директор тюрьмы предприняли шаги по амнистированию А.Б., и после шестнадцати лет заключения он смог покинуть стены тюрьмы.

* * *

«Признание» А.Б. закончилось его освобождением из тюрьмы в 1927 г., после которого он прожил еще пятнадцать лет. О дальнейшей судьбе бывшего убийцы вплоть до самой смерти в 1942 году мы узнали в издательстве, где он проработал двенадцать лет, но основную информацию предоставила его вдова.

В первый же день после освобождения А.Б. зашел в магазин одежды, где пожилая дама и молоденькая девушка помогли ему сделать необходимые покупки. Девушка влюбилась в А.Б. с первого взгляда, и в 1929 году они поженились. Как это ни романтично звучит, но она с раннего детства испытывала сочувствие к заключенным, хотя в их семье никто не вступал в серьезные разногласия с за-

коном. Часами она простаивала перед зданием тюрьмы, разговаривая с заключенными через окна, а иногда приносила им еду. Когда А.Б. зашел в их магазин, она, конечно же, ничего не знала о его прошлом. Позднее он рассказал ей о своей нелегкой судьбе, и это не стало препятствием для вспыхнувшей между ними любви. Девушка вышла за него замуж и никогда не раскаивалась в своем решении, так как он был любящим мужем и нежным отцом их детям – сыну и дочери.

Свою новую трудовую деятельность А.Б. начал в качестве частного портного, так как освоил это ремесло еще в тюрьме. Однако вскоре по рекомендации протестантского тюремного пастора он устроился на работу служащим в одно крупное издательство, владелец которого никогда не отказывал в помощи людям, сбившимся с правильного пути. Здесь А.Б. занимался выдачей тиража, выписывал счета-фактуры, делал еще кое-какую бухгалтерскую работу, курировал склад и впоследствии сделался правой рукой владельца издательства. Он всерьез заинтересовался вопросами печатного производства, взялся за чтение корректуры, в общем, работал за всю редакционную коллегию, не посягая при этом на их рабочие места. В 1929 году А.Б. женился и переехал в издательский дом на служебную квартиру. (По сообщению сына тогдашнего владельца издательства.)

О его отношении к церкви вдова сообщила следующее. Первоначально семья была замкнута в рамках протестантизма, так как А.Б. был обращен в эту веру, да и его невеста была протестанткой. Однако после освобождения он все реже присутствовал на протестантских службах, хотя его религиозное чувство оставалось непоколебимым. На седьмом году семейной жизни он вернулся в лоно католической церкви и получил благословение своего брачного союза.

В 1936 г. его пригласили стать членом Оксфордского движения, где он проявлял чрезвычайную активность, участвовал в утренних молитвах и публично исповедовался в своем прошлом. Несмотря на огромный объем работы, он никогда не болел и ни на кого не раздражался. Во время Второй мировой войны А.Б. служил капралом в роте противовоздушной обороны. На этой службе в возрасте 52 лет его и постигла внезапная смерть от сердечного приступа.

На похоронах А.Б. отец Фрай, его духовник и профессор теологии, произнес речь, выдержки из которой мы приводим здесь.

«Говоря об этом благороднейшем человеке, у гроба которого мы собрались, я замечу, что на протяжении девяти лет имел счастье находиться с ним в тесной духовной связи и в его лице потерял самого лучшего друга в этом суетном мире. Мои скромные слова – это та абсолютная правда, какой этот активист Оксфордского движения всегда требовал и от себя и от других. Все хорошее, что я хотел бы сказать, подтверждает огромное количество корреспонденции в его адрес. Представители обеих конфессий, знавшие его лично, подтвердят мои слова, что сегодня мы отдаем последние почести действительно великому человеку... В последние шесть лет жизни покойный возымел искреннее намерение еще глубже пустить корни в сердцевину католической духовности, молитвенности и сакрального благочестия, а потому вступил в Орден Св. Франциска. Он не хотел давать своим любимым детям того, что сначала не испробовал бы на самом себе... С чувством глубокой благодарности я признаю, что за долгие годы пастырского служения я еще не встречал человека, который выполнял бы свои религиозные обязанности столь рев-

ностно и энергично. Из его писем мне известно, какое великое счастье он испытывал, когда ему удавалось подолгу находиться в осознанной внутренней связи с Богом! И как сильно он страдал, когда внешние или внутренние жизненные обстоятельства создавали для этого препятствия! Из этого источника проистекает и все остальное – его бесконечная доброта, верность, совестливость, его тихая и спасительная радость».

5
Судьбоанализ Липота Сонди

Липот Сонди

Навязанность и свобода в судьбе индивида

Предисловие

Достоинство и бремя человека состоят в том, чтобы осознанно переносить свою судьбу.

Человек, пожалуй, единственное из всех живых существ, способное сделать судьбу осознанной – в чем, собственно, и заключается его достоинство. Но, когда он выполняет задачу соединения противоположностей между свободой и навязанностью, личным «Я» и родовой наследственностью, то берет на себя тяжкое бремя человеческой жизни.

Настоящая книга содержит подборку статей и лекций, которые посвящены вопросам этого взаимодействия. Они не дают никаких универсальных рецептов, а только пытаются указать на тот путь, на котором индивид может решить эту задачу.

Так как эти статьи появлялись в различных журналах в разное время, было невозможно избежать некоторых повторений.

Цюрих, осень 1967 *Л. Сонди*

I. СУДЬБА

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ СУДЬБЫ В ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ[1]

А. Общие положения об изменении понятия судьбы

Понятие «судьба» приводит многих современных ученых в затруднительное положение. Ассоциативная цепочка, обуславливающая эти трудности, проходит по тому пути, который понятие судьбы проделало в ходе своего исторического развития. Мы вынуждены вспомнить о разнообразных методах прорицания судьбы (в Китае, Греции и других странах), далее о карме как внутреннем детерминизме, реинкарнации, колесе сансары или непрерывном круговороте жизни (Индия), об астрологии и гороскопах (халдеи), об Ананке, Эймармене, Мойре и Тихе (Древняя Греция), фатуме и «нецесситас» (римляне). К этому можно также добавить христианское Провидение (Августин), индивидуальную фортуну (Ренессанс), учение Шиллера и драму судьбы эпохи Романтизма [1].

Магическо-оккультное и иррациональное тоже, по-видимому, тесно связано со словом «судьба».

Философия XIX столетия не смогла что-либо здесь существенно изменить. Так, например, в работе Шопенга-

уэра «О кажущихся возможностях в судьбе индивида» (1851 г.) мы читаем:

> «Все без исключения происходит и начинается со *строгой необходимостью*, это a priori осознаваемая, а следовательно, неопровержимая истина, которую я называю здесь доказуемым фатализмом» [2]. Философ противопоставляет ему «*трансцендентный фатализм*» и говорит: «Осознание или понимание того, что эта необходимость всего происходящего не является слепой; а точнее, вера в планомерное и необходимое течение событий нашей жизни есть фатализм высшего порядка, не проявляющий себя как примитивный фатализм... Каждый человек рано или поздно приходит к этому сообразно меркам собственного ума... Мы можем называть этот фатализм, в отличие от обычного и доказуемого, *трансцендентным*. [3]

Далее он продолжает:

> «Частое появление одних и тех же закономерностей (планомерность) постепенно приводит к мнению, переходящему в убеждение, что жизненный путь человека, каким бы запутанным он ни казался, имеет вполне определенную тенденцию и обладает в целом назидательным смыслом, подобно глубокомысленному эпосу». К этому добавлено еще одно замечание: «Ни наши действия, ни наша биография не являются *делом наших рук*, так же как и наша сущность и существование. Уже при рождении весь жизненный путь человека категорически предопределяется вплоть до мелочей...» [4]

Чисто умозрительные размышления философа XIX столетия были доведены исследователями наследственности XX века до статуса естественной науки. Одно только перечисление книжных заголовков убедительно доказывает это: *Ланге*. «Преступление как судьба» (1929) [5];

Шульц-Хенке. «Судьба и невроз» (1931) [6]; *Пфалер.* «Наследование как судьба». Характерология (1932) [7]; *Кранц.* «Жизненная судьба преступников-близнецов» (1936) [8]; *Рудерт.* «Характер и судьба» (1944) [9].

Характер и наследование провозглашаются сегодня как «*судьба*», а их закономерности или правила точно диагностируются научными методами. Но в настоящее время не только генетика позволяет себе говорить о «судьбе», но и медицина. В 1940 году появляется работа Хольмана под заголовком «Болезнь, жизненные кризисы и социальная судьба» [10], а в 1956 году Жорес в своей книге «Человек и его болезнь» пишет: «Каждый внимательный врач при тщательном знакомстве с биографическим анамнезом всякий раз поражается устойчивым взаимосвязям между заболеванием, жизненной историей и социальной судьбой» [11]. В качестве предшественника этого направления в медицине фигурирует фон Вайцзеккер [12, 13].

Таким образом, судьба стала вполне «приспособленным к медицине» понятием.

Б. Специальное изменение понятия «судьба» в глубинной психологии

1. В ПСИХОАНАЛИЗЕ

С тех пор как в 1900 году своим «Толкованием сновидений» Зигмунд Фрейд основал глубинную психологию, он был вынужден постоянно формировать свою позицию в отношении понятия «судьбы», в частности, при постановке вопроса об эндогенной или экзогенной природе невротических аффектаций. Фрейд ответил на этот вопрос скорее уклончиво, когда писал в 1912 году: «Психоанализ призывает нас отказаться от непродук-

тивных антагонизмов внешних и внутренних обстоятельств, судьбы и конституции и учит искать закономерные причины невротических заболеваний в определенных психических ситуациях, которые могут произойти самыми различными путями» [14].

Относительно этих путей он различал в 1915 году четыре вида так называемых «*побуждений судьбы*», а именно:

1. Превращение в противоположность, т.е. поворот побуждений от активности к пассивности и превращение любви по существу в ненависть.
2. Обращение против собственной личности, т.е. мазохизм.
3. Вытеснение.
4. Сублимация.

Хотя Фрейд говорит только о «*побуждениях судьбы*», он все-таки открыл важнейшую роль защитных *функций «Я»* в возникновении самой судьбы. В частности, он пишет: «Если посмотреть на мотивы, которые противостоят прямому продолжению побуждений, то побуждения судьбы можно представить как разновидность защиты от побуждений» [15].

Наиболее общее определение судьбы Фрейд сделал в 1924 году: «Последним образом этого начинающегося с родителей ряда (учителей, авторитетных лиц, социально признанных героев и т.д.) является темная власть судьбы, которая может быть обезличенно постигнута нами лишь в наименьшей степени. Когда голландский поэт Мультатули (Эд. Дуэс Деккер, 1820–1887) заменил Мойру греков на пару богов – Логоса и Ананке, против этого мало что можно было возразить, но у всех, кто переносил вину за происходящее в мире на Провидение, Бога или Бога и природу, пробудилось подозрение, что они все еще мифологически воспринимают эти высшие и далекие силы как родительскую пару и верят, что свя-

заны с ними либидозными отношениями» [16].

Таким образом, с точки зрения психоанализа судьба индивида обуславливается конфликтом личных побуждений с враждебными по отношению к ним «Сверх-Я» и «Я». Индивидуальный характер притязаний побуждений и защитных функций «Я» ответственны за формирование особой индивидуальной судьбы. *В частности, по Фрейду, комплекс Эдипа, страх кастрации и способы защиты от них являются теми травматическими моментами, которые формируют индивидуальную судьбу.*

Только за два года до смерти, в 1937 году, Фрейд опять признал наследование важнейшим фактором, влияющим на формирование судьбы. В возникновении психических болезней он различал теперь три момента:

1) влияние сновидений;
2) конституционную силу побуждений;
3) изменения «Я».

При этом он подчеркивал, что за изменения «Я» не всегда ответственна сила побуждений, так как и вид, и принцип действия «защиты Я» могут иметь *наследственное* происхождение [17]. Несмотря на это признание действующего с самого начала конституционного момента, Фрейд допускает, что позднее появляющееся в жизни усиление побуждений может оказывать такое же влияние, что и унаследованная конституция [18].

Результаты психоаналитических исследований судьбы были резюмированы Элленбергером в 1951 году в книге «Психика»:

I. Психоаналитические факторы, определяющие судьбу

1. Единичные раннедетские переживания.

2. Формирование образов (имаго) отца, матери, роль их в выборе объекта любви.

3. Раннедетские ситуации, которые обусловливают дальнейшую судьбу, навязчиво повторяясь: а) эдипальная ситуация («В конечном итоге, судьба есть только более поздняя проекция отца», – пишет Фрейд [19]); б) ситуация отделения от родителей.

4. Регрессия и фиксация на какой-либо догенитальной ступени развития.

II. Отдельные формы судьбы, следующие из психоанализа

1. В отношении жизненных успехов или неудач психоанализ мог бы констатировать следующие невротические формы судьбы (по Райху):

а) личность не способна к успеху и в момент его достижения отказывается от него в качестве самонаказания;

б) в момент, когда личность почти достигает цели, она выдвигает на пути достижения успеха различные препятствия;

в) радость и удовлетворение при достижении цели и результата либо отсутствуют, либо полностью обесценены;

г) успех приходит слишком поздно, например только перед смертью.

2. К вопросу о здоровье и болезни относятся и рассуждения Фрейда, согласно которым невроз является «частью судьбы личности», а также мысли о толковании «выбора симптома», выбора момента заболевания и т.д. (См. также Вайцзеккер [12]).

3. Судьба, связанная с различными видами любви.

4. Социальная судьба, например вождей человечества, вдохновителей мятежей, филантропов и мизантропов, основателей различных сект, предателей и т.д. (цит. по Элленбергеру [1])

Хотя Фрейд представил последовательное взаимодействие конституционных и травматических моментов, психоаналитическое исследование судьбы в его школе остается ограниченным раннедетскими травматическими ситуациями вплоть до периода младенчества. Для психоаналитиков судьба формируется *побуждениями судьбы и защитой «Я»*.

2. ПОНЯТИЕ СУДЬБЫ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЮНГА

Парадоксально, но психоанализ, заклейменный как «механистически-материалистическое» учение, более интенсивно занимается человеческой судьбой, чем духовно-мистическая, эзотерически-астрологическая психология Юнга. В ней есть только два аспекта рассмотрения судьбы: *«архетипический» и «астрологический»*.

Как известно, *архетипами* являются постоянно находящиеся в коллективном бессознательном вечные и оперативные единицы действия, влияние которых распространяется на всю сферу психики. Они функционируют как «регуляторы и стимуляторы творческой деятельности и фантазии», вызывают «соответствующие им формы, когда заставляют наличный материал сознания служить своим целям» [20].

Юнг искал значение отца для судьбы индивида [21] не только в реальном «семейном романе» личности, как Фрейд, но и в *«архетипе образа отца»*. Он, в частности, говорит: «Если мы исследуем закономерности нашей жизни, то увидим могучую руку, которая неотвратимо руководит судьбой и которую не всегда можно назвать доброжелательной...» В сегодняшнем лексиконе появляется «источник такого рода судьбы, как некий *демон*, добрый или злой дух».

Навязанность, которая формирует жизнь нашей души, имеет характер автономной личности и воспринимается как таковая. Как подобным образом действующего *демона* Юнг воспринимает родительский образ, магически влияющий на душевную жизнь ребенка. Образы отца и матери базируются на врожденной, доэкзистенциальной основе, на инстинктах, «паттернах поведения», которые Юнг называет архетипами «образа отца» и «образа матери». Они порабощают нас и руководят нашей судьбой, оставляя только два выхода: либо восстать против влияния архетипов «образа отца» и «образа матери», либо идентифицироваться с «могущественным отцом».

«Самым опасным здесь, – продолжает Юнг, – является именно эта бессознательная идентичность с архетипом, которая оказывает не только суггестивно-доминирующее влияние на ребенка, но и формирует в нем аналогичное бессознательное, так что, с одной стороны, он подвергается внешнему влиянию, а с другой – не может защититься от внутреннего давления. Поэтому, чем в большей степени отец идентифицируется с архетипом, тем бессознательнее и безответственнее (и даже психотичнее) становится его потомок» [21, с. 28].

Юнг приходит здесь к следующему выводу: «Сила комплекса отца, обусловливающая судьбу, происходит из архетипа и является действительной причиной того, что примирение поколений ставит на место отца божественный или демонический образ, так как отец неизбежно воплощает архетип, который придает его образу притягательную силу. Архетип действует как резонатор, повышающий влияние отца до невероятных размеров, поскольку оно согласуется с унаследованным типом» [21, с. 28].

Второй аспект судьбы, *астрологический*, проявляется в юнговском «*учении о синхронности*». Согласно Юнгу, можно говорить об «относительной или частичной

идентичности между психикой и физическим континуумом». Под этим углом зрения психику следовало бы рассматривать как некую подвижную массу, которая каким-то образом затрагивает материю, а материя, в свою очередь, воздействует на латентную психику [22]. Поэтому архетип может быть атомарным, а атомы могут иметь архетипическую природу [23].

На этой смелой гипотезе базируется учение о *синхронности*, с помощью которого Юнг, наряду с феноменом судьбы, пытается объяснить парапсихологический опыт. Под *синхронностью* он понимает «не столь редко наблюдаемое совпадение субъективных и объективных фактов, которые нельзя объяснить причинностью, по крайней мере, при помощи современных методов. На этой предпосылке основывается астрология и методика И-Цзин» [23].

С астрологическим понятием времени согласуется и юнговское понятие «относительного времени», о котором он пишет: «Создается впечатление, будто время является не абстракцией, а конкретным континуумом, содержащим качества и основные предпосылки, способные проявляться одновременно в различных местах, которые нельзя объяснить логически». Поэтому Юнг говорит о «*временных качествах*»: все, «что в данный момент времени родилось или было создано, имеет качество данного момента времени» [24]. На основании этих особенных *временных качеств* Юнг, так же как и астрологи, прогнозирует более позднюю судьбу. Теперь становится понятно, почему этот великий алхимик и маг XX столетия почти никого не принимал на аналитическое лечение без предварительно составленного гороскопа.

3. СУДЬБОАНАЛИЗ.
Новое научное учение о судьбе: *неоананкология*

Итак, понятие судьбы с середины XIX века подвергается многочисленным изменениям. С точки зрения *философии* прошлого, судьба индивида характеризуется планомерностью и необходимостью, соответствующей тенденцией и в целом назидательным смыслом. С самого рождения человека его судьба должна быть однозначно предопределена.

С точки зрения психоанализа Фрейда, судьбу «делают» побуждения и механизмы защиты.

В аналитической психологии Юнга архетипы коллективного бессознательного и *временные качества* являются теми *демоническими* силами, которые определяют судьбу. Для обоих глубинно психологических направлений «судьба» не является центральной проблемой, ей отводится место лишь на периферии.

И только современная *генетика* поставила вопросы судьбы в центр своих исследований: в частности, изучение роли наследственности и окружающей среды посредством анализа конкордантности и дискордантности биографий монозиготных и дизиготных близнецовых пар. Таким образом, судьба стала предметом исследования одной из естественных наук – генетики, результаты которой полностью согласуются с фундаментальными выводами философии Шопенгауэра. Для обеих наук судьба является *чем-то навязанным.* Мы называем этот отрезок исследований судьбы *археананкологией.*

В древнегреческой философии слово «*ананке*» имеет два значения:

1) *навязанность*, ограничение воли посредством внешнего принуждения (тюрьма, цепи, узы), так же как

и посредством предопределенных богами условий судьбы; другими словами, страдания, невзгоды и бедствия;

2) подобно латинскому слову «*нецесситас*», это слово обозначает еще и *кровные узы* (Ксенофон, 8: 13; Исикрат, 1.10) [25].

Таким образом, *древнее учение о судьбе признает только навязанную судьбу.* Идея представить судьбу как унаследование основывается на втором значении слова «*ананке*», согласно которому судьба определяется посредством навязанности человеку уз кровного родства, родовых предков.

Схожесть биографий монозиготных близнецов вроде бы подтверждает, что исследование судьбы должно остановиться на старом значении судьбы как навязанности. Пойти дальше отважились только некоторые современные исследователи, которые заговорили о вещах, звучавших для академической генетики почти еретически. Прежде всего, они поставили целью навести *мосты между генетикой и глубинной психологией,* в результате чего возникло новое учение о человеческой судьбе – «*судьбоанализ*». И эта *неоананкология* выдвинула следующие вопросы.

1. *Неужели человек имеет одну-единственную судьбу?* Не состоит ли судьба из многочисленных возможностей? А если все возможности наследственно заложены в человеке еще с колыбели, то может ли он свободно их выбирать? *Разве нет у человека наряду с навязанной наследственностью также и свободной судьбы, связанной с выбором?* С другой стороны, если человек действительно приходит в мир с многочисленными возможностями судьбы, то как сделать их видимыми и осознаваемыми для него самого?

2. *Если человек обладает способностью к осознанию возможностей своей судьбы, то способен ли он также и к свободному выбору?* Если да, то какая его инстанция отвечает за этот выбор? Этот вопрос мы могли бы сформулировать

следующим образом: «*Способен ли человек свободно менять одни осознанные возможности своей судьбы на другие*»? Может ли он освободиться из тисков до сих пор проживаемой навязанной судьбы и заменить ее на свободную судьбу, связанную с выбором?

***

Новое исследование судьбы началось с рабочей гипотезы, наиболее важными предположениями которой были следующие.

«Среди всех живых существ человек является единственным, кто способен осознать возможности своей судьбы», – говорил Рудерт в 1944 году [9]. Животное не имеет судьбы, и только относительно человека можно говорить в полном смысле об этом феномене. Рудерт выдвинул термин «экзистенциальное отношение», под которым понималось, что «человек схватывает самую сущность своего положения». Мы же говорим: делает его осознанным. Согласно Рудерту, судьба имеет только один смысл: то, что человек – пусть даже ограниченно – все же *является свободным*. И самым первым шагом к этой свободе является *знание* о многочисленных возможностях своей экзистенции и способность к их осознанию [27]. Но осознать можно только то, что уже имеется в бессознательном. Поэтому мы говорим, что индивиду изначально заданы все возможности его экзистенции, что его предки – как образцы и фигуры (Рильке), как «паттерны поведения» – заложены в его бессознательном, в ядрах клеток, в генах хромосом. Все предки, представленные в генофонде потомка, стремятся к манифестации, которая проявляется в качестве «*притязаний предков*». Так как эти притязания предков являются хотя и динамическими, но все же полностью бессозна-

тельными, с глубинно психологической точки зрения здесь нужно говорить о «*родовом бессознательном*». В этой резиденции и «зале ожидания» дислоцированы фигуры предков, которые стремятся к повторению в нашей собственной судьбе. Ведь смысл унаследования – как его формулировал М.Хайдеггер – заключается в повторении: «Это повторение – недвусмысленная передача, т.е. возвращение в возможность прежнего существования» [26].

Согласно теории судьбоанализа, унаследованные родовые возможности экзистенции должны спонтанно или искусственно, т.е. посредством психотерапии, попасть в сознание из родового бессознательного в качестве «притязаний предков».

Таким образом, судьбоанализ говорит о *трех качествах* (но не уровнях!) бессознательного:

1. *Индивидуальное бессознательное* (Фрейд), которое включает все индивидуально вытесненные стремления побуждений.

2. *Коллективное бессознательное* (Юнг), которое содержит все общечеловеческие архетипы.

3. *Родовое бессознательное судьбоанализа*, которое является хранилищем специфических родовых притязаний предков.

В любых формах человеческого поведения, действий и поступков, во всех так называемых судьбоносных событиях участвуют эти три качества бессознательного, но только с помощью специальных методов можно выявить из их переплетения специфические функции индивида. Методы, которые выявляют качество бессознательных притязаний предков, являются, собственно, судьбоаналитической диагностикой [28–33].

Судьбоанализ – это направление глубинной психологии, которое делает осознанными бессознательные притязания пред-

ков личности. Другими словами, индивид ставится перед бессознательными возможностями собственной судьбы и перед выбором лучшей формы экзистенции.

Таким образом, судьбоанализ позволяет человеку осознать, что он до сих пор бессознательно переживал навязанную судьбу, т.е. повторял судьбу одного из своих предков, но кроме нее он располагает другой, лучшей формой экзистенции, и что он способен выбрать ее среди прочих. Только после этого он может сказать, что построил и проживает свою собственную, индивидуальную судьбу.

Мы утверждаем, что судьбоанализ: во-первых, пытается построить мост между генетикой (притязания предков) и глубинной психологией (осознание бессознательных притязаний предков); во-вторых, различает две большие категории судьбы, а именно *навязанную судьбу и свободную судьбу, связанную с выбором.*

Эти две формы судьбы находятся друг с другом в отношениях преемственности. Таким образом, понятие судьбы не теряет своей навязанности, но дополняется возможностью *выбора.* Новое понятие «судьбы» в неоананкологии определяется следующим образом:

Судьба – это совокупность всех унаследованных и свободно выбранных возможностей экзистенции.

* * *

Хотя представленная здесь рабочая гипотеза человеческой судьбы служит в качестве руководящего принципа исследований, она не является волшебной палочкой, по мановению которой мечты исследователя мгновенно без каких-либо усилий превращаются в красочную реальность. Судьбоанализу потребовалось более 25 лет (с 1937 по 1963 год), чтобы найти подходящий инструментарий в *генетике* [28–29], *диагностике* [30], *клинической патологии* [31], *эгологии* [32] и *терапии судьбы* [33] для реализации своих целей и задач. Этот долгий путь научных изысканий мы обозначим здесь только в самых общих чертах.

Итак, назовем функции, которые обуславливают навязанную судьбу:

1) унаследованные гены;

2) побуждения и аффекты;

3) социальное окружение;

4) ментальная, соответственно мировоззренческая среда, в которой личность *вынужденно* появилась на свет; а также функции, которые обуславливают свободную судьбу, связанную с выбором;

5) «Я»;

6) Дух (*см. рис. 1*).

Все функции должны пониматься во взаимном дополнении, или, другими словами, *диалектически*. Неоаналогическое понятие судьбы тоже является диалектическим: судьба находится в постоянном движении между противоречиями и противоположностями, никогда не переходя в статическое положение. Изменяются и формы проявления судьбы. Как театральный спектакль проходит с постоянной сменой декораций, так и судьба все время изменяется на вращающейся «сцене» жизни индивида (Ср. здесь с Шопенгауэром [27]).

Если судьба застывает в определенном положении на этой вращающейся «сцене», то она превращается в навязанную судьбу и даже в некое подобие окаменелого существования (например, при кататонии). Но если «Я» способно с помощью Духа энергично противодействовать окаменению функций навязанной судьбы и снова привести в движение эту вращающуюся сцену, то при благоприятных обстоятельствах можно построить свободную судьбу, связанную с выбором.

Анализ функций «Я», а также терапии судьбы [32, 33] привел убедительные доказательства того, что режиссерами на вращающейся сцене судьбы, которые приводят ее в движение, являются *«Я» и Дух.* Особенная ступень зрелости «Я» выполняет в судьбе индивида функцию *наведения мостов между противоположностями* в качестве *«Pontifex oppositorum»*. Если «Я» достигнет этой ступени, то оно будет находиться в постоянном движении между наследственностью, побудительной и аффективной природой, социальным и ментальным окружением и Духом.

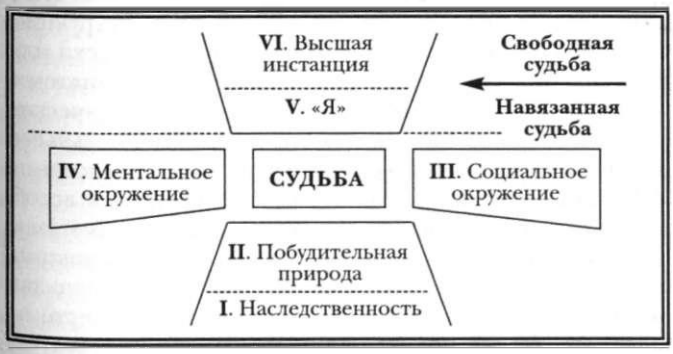

Рис. 1

Такое «Я» является реализатором выбора, который способен превратить навязанность в судьбе в свободу. Таким образом, постоянно движущееся, соединяющее противоположности и способное к выбору «Я» изменяет навязанную судьбу на свободную, связанную с выбором.

Таким образом, судьба – так же, как и «Я» – находится в постоянном движении между сферами наследия предков, собственной природой побуждений и аффектов, социальным и ментальным окружением и Духом. Если «Я» застынет в какой-либо из этих функций, вместе с ним остановится и судьба, прервется движение индивида по пути человеческого становления. Судьба превратится в некое окаменелое существование, как, например, у психотиков, рецидивистов и т.д.

Основные находки неоананкологии можно резюмировать следующим образом. Судьба *не* обуславливается какими-то темными силами или «*демоном*». *Человеческая судьба представляет собой систему функций, которые можно точно исследовать с медицинской и психологической точки зрения.* Как нельзя представить себе человека без функций нервной системы, точно так же он не может существовать без системы судьбы. И хотя эту конструкцию невозможно исследовать анатомо-топографически или посмертно выявить ее расстройство паталогоанатомически, ее физиологические функции и патологические проявления все же диагностируются специальными клиническими методами. Клиническое исследование функций системы судьбы человека относится к всеобщей схеме обследования пациентов (см. фон Вайцзеккер, Хольманн, Жорес и др.), потому что с функциональной точки зрения она может «заболеть» точно так же, как, например, нервная или кроветворная системы человека. Далее мы резюмируем эти специальные исследования функций судьбы.

I. ГЕНЕТИКА СУДЬБЫ

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что наследственные функции судьбы проявляются в пяти основных сферах жизни, а именно *при выборах в любви, дружбе, профессии, болезни и смерти.* Это наиболее важные области проявления судьбы. Несмотря на то, что здесь говорится о «выборах» в повседневной жизни, генетика судьбы может обнаружить и латентно функционирующие в родовом бессознательном наследственные функции.

1. Выбор супруга как судьба, либидотропизм

Этот выбор управляется латентно-рецессивными генами, которые имеются в аналогичной форме в генофонде каждого из будущих супругов. Этот феномен получил название «*генотропизма*» и играет огромную роль в генетике судьбы. На основе анализа многих сотен брачных союзов (с 1937 по 1963 год) судьбоанализ вывел «*правило генотропического выбора партнера*» [28, 29].

Генотропизм – это взаимное притяжение в любви, дружбе и профессии кондукторов (= трансляторов) аналогичных латентно-рецессивных генов.

В таких случаях выбор всегда оказывается «иллюзорным», так как управляется не самим индивидом, а его латентной генетической природой (предками). Взаимно притягивающиеся личности не являются гомозиготными носителями одних и тех же рецессивных генов (аа- или aabb-индивидами), а имеют одинаковые латентно-рецессивные гены в «единичной дозе». Их смешанная, гетерозиготная формула наследственности при одномерном процессе наследования имеет вид Aa, при двухмерном рецессивном *AaBb. Итак, формула взаимного притяжения: AaBb x AaBb.*

В судьбоанализе таких кондукторов называют *генно-*, или *родственно выбранными* (Гете) индивидами, а способ их взаимного притяжения – *генотропическим.* Это явление, многократно подтвержденное на достаточно большой выборке [28, 29], привело к появлению новой разновидности семейных исследований, которые называются «*генотропическими*» и заключаются в следующем:

а) наряду с генеалогическим деревом пациентов составляются генеалогические деревья всех людей, которые вступили с ним в тесный контакт посредством выборов в любви, дружбе и профессии;

б) наряду с манифестирующими заболеваниями внимательно изучается подбор профессий, болезни, особенности характера благоприобретенных родственников. Результаты этих генотропических исследований семьи подтверждают «*генотропическое правило выбора партнеров*».

Пример: В генеалогическом дереве одной психически неадекватной сотрудницы отдела социального обеспечения фигурирует ее мать в качестве интернированной больной шизофренией. Женщина дважды выходила замуж, но оба раза расторгала браки, так как у обоих ее возлюбленных в семьях имелись близкие родственники, страдавшие шизофренией (дяди и тети), о которых ни она, ни ее мужья ничего прежде не знали. Согласно генетике судьбоанализа, ее брачные выборы были не свободными, а генотропическими.

В «Судьбоанализе» [29] сообщается о сотнях аналогичных примеров выбора брачных партнеров, в числе которых имеет место конгломерат из 517 индивидов, образованный посредством генотропических выборов [29, с. 165–200].

Правило генотропического выбора партнеров было подтверждено Рей-Ардином (Мадрид, 1955) в случаях с

шизофренией [34], Нахином (Лион, 1957) в случаях с алкогольным психозом [35], Вагнер-Симон (Рьен близ Базеля, 1963) в случаях с семейными проблемами и множеством сотрудников цюрихского судьбоаналитического общества.

Хотя принцип и метод семейного исследования генотропизма на протяжении 25 лет все еще подвергаются сомнению, эти идеи имеют знаменитых предшественников. В первую очередь можно сослаться на предвосхищающее утверждение Иогансена: «Расчеты распространения аномальных рецессивных генов в популяции не только требуют точности, но заслуживают более пристального внимания. Одной из предпосылок, верность которой для человеческой популяции вызывает сомнение, является предположение, что браки заключаются совершенно «случайно», т.е. без различных видов предпочтительной селекции. Вполне вероятно, что следует с необходимостью признать взаимное сознательное или бессознательное притяжение аналогичных Аа-индивидов. Тогда расчет общего числа реализовавшихся Аа-индивидов не будет свидетельствовать о слишком широком распространении соответствующих рецессивных генов. Мы надеемся, что наши рассуждения справедливы и что аномальные рецессивные гены все же не столь широко распространены, как позволяют опасаться вышеприведенные расчеты» [37].

Таким образом, сознательное или бессознательное притяжение аналогичных Аа-индивидов предчувствовал уже Иогансен, однако доказано это было только судьбоанализом, который назвал это притяжение *генотропизмом*.

В качестве важного эмпирического утверждения мы приведем «*биологическое правило партнерства*» Штумпфля (1935), который пишет:

> «Установлено, что статистика преступности в популяционных группах, которые были выбраны по единому социологическому принципу, соответствует показателям преступности супругов в этих группах, т.е. эти показатели находятся в устойчивой статистической взаимосвязи... Мы полагаем, что в брачном выборе имеет место взаимное притяжение характеров, обусловленное, в конечном итоге, глубинным сходством сущностей» [38, с. 28].

Штумпфль, распространив свои исследования на брачных партнеров преступников, воспринимал взаимное притяжение как биологический процесс, но основывал «биологическое правило партнерства» на точно не определяемом «глубинном сходстве сущностей» партнеров. Только два года спустя, в 1937 году, мы доказали в «Анализе брачных союзов» [28], что это «сходство сущностей» заключается в тождественности гетерозиготной (Aa) структуры супругов, т.е. в аналогичных латентно-рецессивных генах партнеров, как это ранее уже предвидел Иогансен.

Ван Вершуер также упоминает среди предпосылок генетического анализа народонаселения условия панмиксии, согласно которым «*выбор супруга происходит не случайным образом, а внутри определенного круга персон*» («фильтрация пар») [39]. Однако автору не было известно, что этот «круг персон» состоит из аналогичных гетерозиготных (Aa- или AaBb) индивидов и что именно аналогичные латентные рецессивные гены обуславливают притяжение.

2. *Выбор друзей (социотропизм)* основывается на том же самом тождестве латентно-рецессивных генов, что и выбор супругов [29] (См. Приложение: случаи 36, 37, 38).

3. *Выбор профессии, опero- или эрготропизм* является специфической формой генотропизма, которая имеет огромную важность как для психиатрии, так и для социологии, и соприкасается с вопросами гетерозиса.

Для учения судьбоанализа профессия человека является чем-то большим, чем просто источник дохода. При выборе профессии люди ведут поиск профессиональной среды, в которой они могут контактировать с манифестирующими носителями тех рецессивных генов, которые латентно заложены в них самих в «единичной» дозе.

Классическим примером является сходство генеалогических деревьев психиатров, психоаналитиков и психологов с генеалогическими деревьями их пациентов (См. генеалогические деревья № 26 a, b, c и 59–69 в «Судьбоанализе»). В генеалогических деревьях выдающихся психиатров и психоаналитиков мы находим – с частотой выше средней – психотических, а зачастую и шизофренических кровных и благоприобретенных родственников.

В семьях и выборах индивидов «homo sacer» (священнослужители, монахи и монахини, пасторы, раввины) *частота появления «morbus sacer», т.е. эпилепсии, среди кровных родственников почти в десять раз выше, а среди родственников их брачных партнеров почти в четыре раза выше, чем в среднестатистическом населении.* Это было установлено наследственно-статистическим исследованием 707 кровных и 712 благоприобретенных родственников двадцати пяти духовных лиц: в общей сложности 1419 индивидов. Таким образом, достоверно подтвердилась правильность либидотропизма, одной из наиболее частых форм генотропизма [29, 3-е изд., стр. 491–501]. Любопытно, что в генеалогических деревьях у пожарных встречались пироманы, а у юристов – сутяжные параноики. И так далее...

Эти результаты судьбоаналитических исследований впервые доказывают, что так называемый гетерозис играет важную роль также и у людей.

Гетерозисом, или гибридной силой, называется возрастание жизненной силы у *смешанно-наследственных, гетерозиготных индивидов,* имеющих в «единичной» дозе летальные или

патологические гены. Вегетативно-герминативно возросшая жизненная сила, витальность выше среднего уровня у гетерозигот констатируется в растительном и в животном царстве (См. фундаментальную работу Густафсона) [40].

4. В качестве *выбора болезни, морботропизма* выступает явление, когда личность реагирует на инфекционные агенты (возбудители, например, сифилиса) и травмы тем «привычным» расстройством, которое уже имеется в семье в эндогенной форме, но *без* инфекций и травм. В таких случаях можно предположить направляющее влияние латентных генов. Приведем один пример из книги «Судьбоанализ».

> «Врожденный сифилис приводил к глухоте в семье, у членов которой наследственная глухота уже встречалась [29, 3-е изд., случай 88]. В другом случае [там же, случай 89] врожденный сифилис привел к эпилепсии в семье, в которой эпилепсия – без сифилиса – *передавалась по наследству*. Интерес представляет и семья, пять членов которой были тугоухими: у одного тугоухость появилась после тифа, у другого – после травмы головы, у третьего – после менингита, а у двух других – после малярии» [29] (См. Приложение: случай 83).

5. *Выбор смерти как судьба, танатотропизм*, означает выбор способа смерти и самоубийства. Здесь судьбоанализ может подтвердить близкие отношения между латентной эпилепсией и самоубийством, а также между гомосексуальностью, параноидной шизофренией, маниями и самоубийством на основании материалов семейных исследований [29] (См. Приложение: случай 88).

Самоубийцы *параноидно-гомосексуального* круга предпочитают яд и револьвер.

Самоубийцы *садистического* круга используют для сведения счетов с жизнью, как правило, веревку, бритву, нож, кинжал, топор или саблю.

Самоубийцы *эпилептиформного* круга выбирают такие способы самоубийства, как прыжок вниз из окна дома или башни, с моста, с поезда, смерть от огня: самосожжение.

В качестве наиболее частого способа самоубийства представителей *кататонического шизоформного* круга выступает смерть от голода (как, например, в случае Anorexia mentalis) или бросание под поезд.

Самоубийцы *циркулярного* круга чаще всего выбирают такие оральные способы самоубийства, как отравление морфием, алкоголем, снотворным и т.д. [29] (См. Приложение: случаи 90 и 91. В случае 90 сообщалось о восьми самоубийцах из одной семьи (!).

II. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА СУДЬБЫ

Анализ функций побуждений и «Я» в навязанной судьбе с помощью теста Сонди

При генотропическом исследовании судьбы могут возникнуть некоторые сложности, которые судьбоанализ решает посредством экспериментальной диагностики побуждений. Тест состоит из 48 фотокарточек, которые предъявляются клиенту в шести сериях. Серия включает восемь фотокарточек, на которых представлены люди, страдающие психическими заболеваниями: 1) гермафродит (h), 2) садист (убийца) (s), 3) генуинный эпилептик (e), 4) истерик (hy), 5) кататоник (k), 6) параноик (p), 7) депрессивный больной (d), 8) маниакальный больной (m). Пациентам предлагается выбрать из всего комплекта в 48 фотокарточек 12 приятных и 12 неприятных фото, на основании которых выстраивается так называемый *переднеплановый профиль* личности. Оставшиеся 24 фотокарточки снова предъявляются в

последующих шести сериях по четыре фото, из которых также выбирается по два симпатичных и два антипатичных фото. Таким образом, появляется второй, *экспериментальный комплементарный профиль*, который делает видимыми заднеплановые функции побуждений и «Я». Это двухэтапное тестирование повторяется десять раз через различные промежутки времени, и его результаты устанавливаются только после специальных методов обработки профилей.

Рассмотренные методы диагностики функций побуждений и «Я» основываются на системе из восьми побудительных факторов [30].

Каждый из восьми побудительных факторов обусловливает два диалектически противоположных побудительных стремления:

1) персональная и общечеловеческая любовь;

2) садизм и мазохизм, агрессия и жертвенность;

3) смертоносная ментальность Каина и справедливость Моисея, этика;

4) самодемонстрация и самоскрывание, мораль;

5) обладание всем и отрицание всего;

6) стремление «быть всем» и «не быть ничем»;

7) тенденция к поиску и приклеиванию;

8) стремление прикрепляться и отделяться.

(Автором двух последних факторов является Германн.)

Восемь побудительных факторов судьбоанализ называет корнями или *радикалами* побудительной жизни, поскольку они остаются неизменными в своей сущности на протяжении многих тысяч лет. Унаследованные радикалы побуждений несут в себе нечто внеисторическое, непреходящее в переживаниях, поведении и порождении, постоянно присутствующее у каждого человека и абсолютно неспецифическое с точки зрения содержания (К.Ясперс) [41].

Восьмифакторная система побуждений хорошо зарекомендовала себя на практике в прошлой четверти столетия, прежде всего потому, что она оказалась способной экспериментально, как будто «спектрально-аналитически» разложить единые феномены побудительной жизни на питающие их корни, или радикалы.

На основе многих тысяч исследований (в Венгрии, в Швейцарии) можно сделать выводы об этих «экспериментальных исследованиях судьбы».

Во-первых, тест раскрывает родовые психические заболевания, кондуктором которых является пробанд.

Во-вторых, тест делает видимыми те латентные функции побуждений и «Я», которые наследственно угрожают кондуктору.

В-третьих, тест может выявить 17 различных структур побуждений и «Я», которые оцениваются как *возможности судьбы* или формы экзистенции. Двенадцать из этих возможностей судьбы представляют собой формы опасностей экзистенции, пять – формы экзистенциальной защиты.

В-четвертых, определение соотношения экзистенциальных опасностей и защит позволяет составить *индикацию* к психотерапевтическому лечению [42]. Посредством специальных вычислений и «социальных» обсчетов «единичных» реакций в портретных выборах д-ру Беели удалось разработать методику прогнозирования судьбы [43].

В заключение приведем отрывок из работы Лейбранда и Веттли «Сумасшествие» о системе побуждений Галля:

> «Галль знал о ранней сексуальности у детей еще до Фрейда и предположил также наличие склонности к убийству, легитимность которого у людей выводится из их плотоядности. Он знал о склонности к воровству,

способности к подражанию, о лингвистических дарованиях, чувстве слова, ощущении цвета и восприятии звуков... Он постоянно подчеркивал, что эти способности являются только возможностями и абсолютно не фиксированы. Именно это *понятие возможности* в его комбинаторном многообразии и создало практические основания для последующих действий педагогов и судей. Галль мечтал о том, чтобы его учение использовалось в качестве психотерапии и государственной психиатрии. Таким образом, он полагал то же самое, что и Сонди, который сделал возможным переход от знания возможностей к самопознанию, и верил, так же как и Сонди, что способен сделать *прогноз побуждений*, который можно было бы использовать в научных целях».

Итак, историко-медицинский обзор [44, с. 457–458] побудительного учения Галля (1758–1828) снова доказывает, что «нет ничего нового под солнцем».

III. ПАТОЛОГИЯ СУДЬБЫ

Ранее уже говорилось о том, что человеческая судьба управляется посредством системы функций: наследственности, побуждений, аффектов, «Я» и Духа, которые могут стать нарушенными или больными. В зависимости от специфики констелляции нарушенных функций и возникают различные патологические формы судьбы.

Отсюда вопрос, какие именно виды патологических констелляций стоят за различными с фенотипической точки зрения клинико-психиатрическими заболеваниями? Здесь мы должны сделать ссылку на книгу «Патология побуждений» (1952), в которой для всех психических заболеваний рассматриваются соответствующие констелляции латентных функций.

На основании сравнительных исследований различных психозов, неврозов, психопатий, сексуальных аномалий у преступников и маньяков с помощью экспериментального анализа побуждений и «Я» мы можем сделать следующие выводы:

1. Результаты исследований побуждений и «Я» у психически больных говорят о том, что *идея единства заболевания* в смысле Крепелина все же не является «погоней за призраком», как это утверждали такие ревностные сторонники синдроматики, как Гохе и Шнайдер.

2. В ходе экспериментов было установлено, что специфические *факторные* задатки «Я» и побуждений динамически функционируют в людях как *биологические радикалы*, определяющие характер возможного психического заболевания (например, в шизофренической или циркулярной форме).

3. Наконец, вследствие этого функции побуждений и «Я» в комплексе определяют *направление* заболевания: а) через специфические наследственно обусловленные виды расщепления функций побуждений и «Я», б) через специфическую область побуждений и «Я», где опасность является наибольшей; в) через специфический способ защиты «Я» (См. «Анализ «Я») [32].

4. В соответствии с этими экспериментальными исследованиями идея единства заболевания основывается на том биологическом факте, что каждый человек несет в себе специфические задатки побуждений и «Я», которые обусловливают, где именно появится *наибольшая опасность*. Только в этом смысле можно согласиться с идеей единства заболевания. С точки зрения психологии «Я» сущность *кататонии* состоит в безграничном стремлении к *обесцениванию* всех ценностей, *негации*. Сущность *параноида* заключается в безграничной *эгодистоле, стремлении к проекции или инфляции*. В *депрессии* са-

мое главное – незатухающее стремление к *поиску*, в *мании* – безграничное желание *разорвать все связи с миром*.

5. Важнейший результат этих исследований гласит: *Каждый из людей несет в своем родовом бессознательном задатки ко всем четырем большим кругам наследственных заболеваний, т.е. к циркулярным, шизоформным, пароксизмальным (истероэпилептоидным) и сексуальным формам расстройств.*

Поэтому заболевания судьбы разделяются не на две, а на четыре группы; *индивидуальные различия выражаются только в соотношении этих четырех задатков функций.* Склонность к наследственным психозам всегда определяется пропорцией наследственных задатков, которая обнаруживается при диагностике как так называемая «пропорция латентностей».

6. Глубинно-психологическая и функциональная психиатрия отличается от академической клинической психиатрии по двум пунктам: а) биологические радикалы единства заболевания находятся в задатках побуждений и «Я», б) психические заболевания диагностируются исходя из пропорций, т.е. соотношения сил различных функциональных констелляций.

Только на основании пропорций задатков можно наиболее полно понять природу психически больных со всеми возможностями их судьбы.

7. Вместо клинических диагнозов должны определяться индивидуальные пропорции функций побуждений и «Я» в качестве скрытых конгломератов. В этом мы видим важнейшие основания для *функциональной психиатрии.*

Результаты экспериментальных исследований конгломерата функций у психически больных согласуются с мнением современных генетиков. Вот что пишет один из видных представителей этой науки Люксембургер: «Возможно, что шизофреник наряду с полным шизофреническим генотипом обладает еще и частичными маниа-

кально-депрессивными или эпилептоидными задатками, и наоборот... Я даже считаю, – продолжает он, – *что один и тот же человек может стать сначала эпилептоидным, затем шизоидным, а потом еще и маниакально-депрессивным.* В соответствии с современными исследованиями наследственности нет никаких оснований считать, что наследственные психозы друг друга взаимно исключают... Против этого утверждения свидетельствует – наряду с невероятно частыми семейными комбинациями различных наследственных психозов (в том числе у братьев и сестер) – множество атипичных видов шизофрении, циклотимии и эпилепсии, а также те трудно диагностируемые случаи, которые называются «смешанными психозами» [45].

Представленная точка зрения полностью подтверждается экспериментальными исследованиями судьбы. Но генетика пока не смогла установить индивидуальные и актуальные пропорции наследственных задатков. Сегодня мы можем сделать это только при помощи *экспериментальной диагностики побуждений.* Судьба человека как личности определяется индивидуальными пропорциями его наследственных задатков, особенно задатков побуждений и «Я». Следовательно, для каждого психического больного нужно определить пропорции его функциональных задатков, а не только клинический диагноз (см. примеры [46]).

После этих объяснений становится понятным, что судьбоанализ построил свою экспериментальную синдроматику на расстройствах *невидимых, латентных функциональных констелляций,* а не на манифестирующих клинических симптомах, как Гохе и Шнайдер. И так как эти скрытые наследственные констелляции состоят из функций навязанной судьбы, то в случаях с унаследованием психических заболеваний судьбоанализ говорит о «*патологии судьбы*».

IV. УЧЕНИЕ«Я», ЭГОЛОГИЯ СУДЬБЫ

Важнейшая роль *функций «Я»* в судьбе индивида выражается во многих формах.

Во-первых, *в способности к осознанию бессознательных притязаний предков*, которое происходит: а) посредством осознания переноса, *проекции образов предков*, вследствие которого поиск и выбор партнеров до сих пор происходили бессознательно; б) посредством осознания факта, что личность охвачена противоположными стремлениями предков, т.е. *инфляции*.

Во-вторых, «Я» должно *занять позицию* по отношению к осознаваемым притязаниям предков, т.е. к унаследованным возможностям собственной судьбы, и либо согласиться с ними, т.е. включить в собственное «Я», *интроецировать*, идентифицировать себя с ними, либо *сказать им «нет»*, *отказаться*, а в крайних случаях даже ликвидировать.

В-третьих, при благоприятных обстоятельствах «Я» может развиться до такой степени, что будет способно *соединить между собой противоположности существования:* сновидение и бодрствование, бессознательное и сознательное, субъективный и объективный мир, всемогущество и бессилие, тело и душу, женственность и мужественность, дух и природу, посюстороннее и потустороннее. Ранее уже говорилось, что судьбоанализ дает этому высокоразвитому «Я» название «*Понтифекс оппозиторум*» – *«соединяющий противоположности», примиряющий антагонизмы, «Я», способное выбрать вместо унаследованной навязанной судьбы свободную судьбу, связанную с выбором.*

В главах IV и V подробно обсуждаются элементарные функции «Я», а также их расстройства.

В. Свободная судьба, связанная с выбором

Ранее был задан вопрос: *какая инстанция обладает способностью вместо навязанной судьбы выбрать свободную судьбу, связанную с выбором?*

По нашему мнению, такой инстанцией является «Понтифекс-Я», другими словами, соответствующие функции «Я», соединяющие между собой ставшие осознанными противоположности. Чтобы сознательно построить свободную судьбу, связанную с выбором, «Я» должно использовать специфические функции.

Во-первых, *интеграция*, а именно способность суверенно владеть и управлять всеми элементарными функциями «Я». С психологической точки зрения это означает, что «Я» делает осознанными различные притязания предков (*инфляция*), которые до сих пор бессознательно переносились на окружающий мир (*проекция*), проверяет их масштабом реальности и в том случае, если одна из многочисленных унаследованных возможностей экзистенции предоставит ему шанс лучшей судьбы, она принимается, вовнутряется (*интроекция*), а до сих пор переживавшаяся навязанная судьба – будь то сексуальная патология, аффективный невроз, невроз «Я», невроз контактов или даже предпсихоз – отвергается (*негация*).

Во-вторых, *трансценденция*, а именно способность «Я» обращаться к Духу; *искать* и находить связь с надличностной идеей (гуманизм, искусство, наука, религия) и *активизировать общечеловеческую функцию веры.*

В-третьих, *духовная партиципация*, а именно способность «Я» быть единым с этой высшей идеей, т.е. с Духом.

Интеграция, трансценденция и надличностная духовная партиципация придают «Я» ту необходимую силу, с помощью которой человек может преодолеть свою

навязанную судьбу; а затем среди ставших осознанными родовых возможностей свободно выбирает и проживает свою собственную гуманистическую судьбу.

Г. Терапия судьбы

Предположение, что три ранее рассмотренные предпосылки возникновения «Понтифекс-Я» являются наследственно обусловленными, вполне может быть верным. Нельзя отрицать, что элита людей – а она состоит не только из интеллектуалов – способна *спонтанно и естественно* достичь этой высокой ступени «Понтифекс-Я». Но судьбоанализ экспериментально подтвердил, что эти предпосылки в латентном, бездеятельном состоянии имеются у многих психически больных людей (невротиков и психотиков), хотя они и переживают тяжелую навязанную судьбу. Это обстоятельство побудило нас разработать судьбоаналитические *психотерапевтические методы*, с помощью которых можно достичь «переворачивания» судьбы от навязанности к свободе.

С точки зрения направленности аналитической психотерапии терапевтические методы можно подразделить на *прямые и косвенные*. Примером прямого метода является психоанализ, при котором терапевт точно нацеливается именно на те вытесненные стремления побуждений (комплекс Эдипа и т.д.), которые обусловили возникновение симптома. Судьбоаналитическая терапия может не применять этот прямой терапевтический метод в случаях, когда унаследованные болезнетворные притязания предков не были осознаны, а следовательно, и не могли быть вытеснены, хотя латентно – из родового бессознательного – они все-таки угрожают судьбе личности (например, при родовой предрасположенно-

ти к самодеструкции или эпилепсии). Следовательно, судьбоанализ должен чаще использовать *косвенные терапевтические методы*, которые мы перечислим ниже.

А) *Переворачивание диалектически построенной судьбы побуждений из социально-негативной в социально-позитивную форму*, например латентная пиромания – профессия пожарного; латентная шизофрения – работа психиатра; латентное сутяжничество – успешный адвокат; латентный «бред на религиозной почве» – религиозный психолог и т.д. Поэтому оперотропизм тоже является косвенным методом терапии, благодаря которому больной осознает, что его судьба тесно связана с возможностью выбора определенной профессии.

Б) *Переворачивание расщепленных частей, т.е. актуализация комплементарной судьбы «Я» при определенных заболеваниях, связанных с расщеплением.* Приведем здесь некоторые примеры.

Проективный параноид (бред преследования) как одна из расщепленных частей «Я» может в зависимости от обстоятельств перейти в другую дополняющую его расщепленную часть, например в форму экзистенции навязчивой деятельности. Бред величия (инфлятивный параноид) способен исчезнуть, если посредством переворачивания отреагируется другая часть того же самого «Я» («дезертирующее Я») в двигательных профессиях, например коммивояжер и т.д. (Более подробно см. [33, стр. 272] и здесь в главе V).

В) *Смена болезненной формы экзистенции на другую, безопасную форму судьбы*, задатки которой можно найти в генофонде личности путем исследования генеалогического дерева и экспериментальной диагностики побуждений. Так, например, пациент может заменить шизоформный параноид на пароксизмальную мигрень (случай 24 [33, с. 277]), или на другого рода пароксизмы

(случай 25 [33, с. 278]), или на манию с навязчивостью (случай 26 [33, с. 279]).

Чтобы провести «смену» форм судьбы, в судьбоаналитической терапии разработаны специальные методы (техника «ударов молотом», психошоковый метод [33, с. 149–190]).

***

Мы рассмотрели динамику понятия «судьба» в глубинной психологии и в заключение познакомились с психотерапией, способной перевернуть формы судьбы индивида. Но разве в этом рискованном предприятии есть что-то новое? В своей книге «Сумасшествие» Лейбранд и Веттли писали, что в 1843 году фон Штуве разработал «*глубинную френологию*», которая должна была стать основой для лечения душевных заболеваний. Возможно, и даже вполне вероятно, что «глубинная френология» за сто лет до появления глубинной психологии ставила перед собой те же самые цели. Но какой глубинный психолог знаком сегодня с именем фон Штуве и его глубинной френологией? Скорее всего, подобная судьба ожидает и сегодняшних глубинных психологов через какую-нибудь сотню лет. Но пусть нас утешит высказывание Гельдерлина: «*Мы – ничто; но то, что мы ищем, – все*».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ellenberger H.* Das menschliche Schicksal als wissenschaftliches Problem. Psyche, IV. H. 11.1951. S. 576–610.

2. *Schopenhauer A.* Parerga und Paralipomena. Schopenhauers sämtliche Werke, J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, Stuttgart u. Berlin. Achter Band, 1. Teil. S. 207.

3. Ebenda. S. 208.

4. Ebenda. S. 209.

5. *Lange J.* Verbrechen als Schicksal, Thieme, Leipzig, 1929.

6. *Schultz-Hencke H.* Schicksal und Neurose. G. Fischer, Jena, 1931.

7. *Pfahler G.* Vererbung als Schicksal. Barth, Leipzig, 1932.

8. *Kranz H.* Lebensschicksale krimineller Zwillinge. Springer, Berlin, 1936.

9. *Rudert J.* Charakter und Schicksal. Potsdamer Vorträge V, E. Stichnote, Potsdam, 1944.

10. *Hollmann W.* Krankheit, Lebenskrise und soziales Schicksal. Thieme, Leipzig, 1940.

11. *Jores A.* Der Mensch und seine Krankheit. Klett, Stuttgart, 1956.

12. *Weizsäcker V.* Körpergeschehen und Neurose. Klett, Stuttgart, 1947.

13. *Weizsäcker V.* Studien zur Pathogenese. Thieme, Stuttgart, 1946.

14. *Freud S.* Über neurotische Erkrankungstypen. Ges. Sehr. Bd. V. Int. Psa. Verlag, Leipzig, Wien, Zürich. S. 408.

15. *Freud S.* Triebe und Triebschicksale. Ges. Sehr. Bd. V. S. 452.

16. *Freud S.* Das oekonomische Problem des Masochismus. Ges. Sehr. 1924. Bd. V. S. 384.

17. *Freud S.* Die endliche und die unendliche Analyse. Ges. Werke. XVI. S. 64–68.

18. *Freud S.* Ebenda. S. 68.

19. *Freud S.* Dostojewski und die Vatertötung. Ges. Sehr. Bd. XII. S. 7.

20. *Jung C. G.* Der Geist der Psychologie. Eranos Jahrbuch. Bd. XIV. S. 442–443.

21. *Jung C. G.* Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen. Rascher, I. Aufl. 1909, II. Aufl. 1926, III. Aufl. 1948. S. 26–38.

22. *Jung C. G.* Der Geist der Psychologie. Eranos Jhb. Bd. XIV. S. 462–463 und 490.

23. Ebenda. S. 490.

24. *Jung C. G.* und Wilhelm, R. Das Geheimnis der goldenen Blüte. Rascher, Zürich, 1939. S. XII.

25. *Pape W.* Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. Braunschweig. Zweite Aufl. 1849. S. 143.

26. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Halle a. d. S. 5. Aufl. 1941. S. 385.

27. A. Schopenhauer schreibt in dem erwähnten Aufsatz: «Wie jeder der heimliche Theaterdirektor seiner Träume ist, so auch jenes Schicksal, welches unsern wirklichen Lebenslauf beherrscht, irgendwie zuletzt von jenem Willen ausgehe, der unsereigener ist...» S. 223.

28. *Szondi L.* Analysis of Marriages. Contributions to Fate Analysis. Acta Psychologica. Vol. III. no 1. The Hague, M. Nijhoff, 1937.

29. *Szondi L.* Schicksalsanalyse. Erstes Buch: Wahl in Liebe, Freundschaft, Beruf, Krankheit und Tod. Schwabe et Co., Basel. I. Aufl. 1944, II. Aufl.1948, III. Aufl. 1964.

30. *Szondi L.* Zweites Buch: Lehrbuch der experimentellen Triebdiagnostik. H. Huber, Bern u. Stuttgart. I. Aufl. 1947, II. Aufl. 1960.

31. *Szondi L.* Drittes Buch: Triebpathologie. H. Huber, Bern u. Stuttgart, 1952.

32. *Szondi L.* Viertes Buch: Ich-Analyse. H. Huber, Bern u. Stuttgart, 1956.

33. *Szondi L.* Fünftes Buch: Schicksalsanalytische Therapie. H. Huber, Bern u. Stuttgart, 1963.

34. *Rey-Ardid R.* Contribucion a la genetica psiquiatrica. Arch. Neurobiol, Madrid,18, Nr. 1, 1955.

35. *Nachin Cl.* Investigation preliminaires à une etude scientifique de l'Alcoolisme psychiatrique. Lyon, 1957.

36. *Wagner-Simon Th.* Psychagogik bei Eheschwierigkeiten. Schicksalspsychologische Erhellung einer genotropen Mensdienkonglomeration. Beiheft z. Schweiz. Zeitschr. f. Psych. u. ihre Anwend., N. 47. Szondiana V. 1963.

37. *Johannsen W.* Elemente der exakten Erblichkeitslehre. 1909. S. 578.

38. *Stumpfl F.* Erbanlage und Verbrechen. Monogr. aus d. Gesamtgebiete d. Neur. u. Psych., Heft 61. Springer, Berlin, 1935. S. 28ff.

39. *Verschuer O.* Genetik des Menschen. Urban u. Schwarzenberg, München-Berlin,1959. S. 56.

40 *Gustafsson A.* The effect of Heterozygoty on variability and vigour. Hereditas. XXXII. 1946.

41. *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Springer, Berlin u. Heidelberg, 1948. S. 490ff., 522.

42. *Szondi L.* Indikationsstellung zur analytischen Psychotherapie mit Hilfe des Szondi-Testes. Französisch. Revue de Psychologie appliquée, 1965.

43. *Beeli A.* Psychotherapie-Prognose mit Hilfe der experimentellen Triebdiagnostik. Abhandlungen z. experimentellen Triebforschung u. Schicksalspsychologie. N. IV. H. Huber, Bern u. Stuttgart, 1965.

44. *Leibbrand W. u. Wettley, A.* Der Wahnsinn. Geschichte der abendländischen Psychopathologie. K. Alber, Freiburg/München, 1961.

45. Zit. nach *Jaspers*: Allg. Psychopathologie, S. 472.

46. Näheres siehe: Triebpathologie [31] Dritter Teil. Klinische Psychologie. Experimentelle Syndromatik. S. 235–508.

II. ВЫБОР

К вопросу о психологии выбора[2]

I. ВЫБОР ДЕЛАЕТ СУДЬБУ

1. Наследственно управляемые, генотропные выборы

Выбор делает судьбу. На этой аксиоме на протяжении двадцати шести лет (1937–1963) базируется судьбоанализ. Итак, в 1937 году начались поиски ответа на вопрос, *какая инстанция направляет наш выбор любви, дружбы, профессии, определенных форм болезней или даже способа смерти?*

Результатом первых семи лет этих исследований (1937–1944) стал «Судьбоанализ» [1], позднее получивший подзаголовок «Генетика судьбы». В этой книге подробно сообщается о всеобщем наследственно-биологическом правиле выбора, так называемом «генотропизме». На основе изучения многих сотен генеалогических деревьев, в которых мы анализировали выборы в браках, дружбе, профессиях, виды болезней и смерти, было сформулировано наследственно управляемое правило выбора: «*Люди, которые латентно имеют в своем генотипе аналогичные стремящиеся к повторению наследственные задатки, испытывают взаимное притяжение*».

При «генотропизме» управляющие выбором инстанции – т.е. скрытые в генотипе личности элементы наследственности – являются бессознательными, напротив, сам акт выбора всегда остается сознательным. Личность знает, что выбирает, но не понимает, *почему* выбирает именно это, а не что-либо другое. Наследственно обусловленные, генотропические выборы играют в судьбе индивида невероятно большую роль.

Это генетическое определение «генотропизма», выведенное чисто эмпирическим путем, до сих пор оказывает шокирующее действие на большинство генетиков, психиатров, психологов и психоаналитиков. Это имело следствием два критических замечания: 1) будто бы судьбоанализ постулирует «доведенный до крайности генетический детерминизм, выходящий далеко за границы психологии Фрейда и Юнга»; 2) будто бы «интерпретация судьбы индивида и семьи с позиций наследственной биологии выступает как разновидность фаталистического предопределения, что наводит на параллели с учением кальвинизма».

По многим причинам, из которых мы приведем здесь лишь некоторые, я смог сравнительно легко отразить все возражения и изложить результаты исследований судьбы в пяти книгах.

Идея генотропизма была уже ранее высказана в начале века одним из величайших генетиков, профессором физиологии растений университета Копенгагена Иогансеном. В своем классическом труде «Основы точного учения о наследственности» он рассчитал частоту встречаемости рецессивных генов, исходя из частоты уже манифестировавших гомозиготных индивидов в популяциях человека.

Он пишет: «Расчеты распространения аномальных рецессивных генов в популяции не только требуют точ-

ности, но заслуживают более пристального внимания. Одной из предпосылок, верность которой для человеческой популяции вызывает сомнение, является предположение, что браки заключаются совершенно «случайно», т.е. без различных видов предпочтительной селекции. Вполне вероятно, что следует с необходимостью признать взаимное сознательное или бессознательное притяжение аналогичных Аа-индидидов, и именно оно имеет решающее значение» [2].

Таким образом, сознательное или бессознательное притяжение носителей аналогичных генов (гетерозиготных индивидов) предположил уже Иогансен, не развивая при этом теорию генотропического влияния этих аналогичных элементов наследственности.

В 1935 году, т.е. за два года до появления первого сообщения о моих находках и теории в «Analysis of marriages. An attempt at the theory of choice in love» [3], немецкий психиатр Штумпфль, проводивший семейные исследования преступников и параллельно – их брачных партнеров, вывел правило, согласно которому «в брачном выборе имеет место взаимное притяжение характеров, обусловленное, в конечном итоге, глубинным сходством сущностей» [4]. Эти исследования были направлены на уже *манифестировавшие* черты характера преступников и их супругов. Штумпфль не видел всеобщей роли скрытых рецессивных генов в навязанном выборе, которую предполагал Иогансен. Однако его результаты имеют большое значение в истории изучения генетических выборов, так как он распространил семейные исследования на брачных партнеров преступников.

В 1937–1939 годах появился «фототест выборов», или «экспериментальная диагностика побуждений» [5]. С самого начала *он предназначался для диагностики индивидуальной кондукторной природы клиента без генеалогичес-*

кого дерева, поэтому его целевые установки имели чисто генетическую природу. В то время я называл его еще и «*генотестом*». Первые эксперименты с этой диагностической методикой были проведены на 36 монозиготных, 36 однополых и 25 разнополых дизиготных близнецовых парах; в общей сложности были обследованы 97 близнецовых пар. Более высокая конкордантность выборов фотопортретов у монозиготных близнецов подтвердила, что наследственность представляет собой важнейший фактор при выборе (*см. рис. 2*).

В верхней части рисунка представлены профили тестовых выборов монозиготных близнецов (I и II). Конкордантность в выборах фотопортретов является просто поразительной. В нижней части рисунка показана конкордантность выборов фотопортретов в векторе, т.е. в тех фото, которые указывают на состояние сферы «Я» испытуемых. Здесь согласование является наибольшим. Хотя близнецы тестировались в разных комнатах, изолированно друг от друга, они сделали одинаковые выборы по количеству и качеству, часто выбрав одни и те же фото по побудительным факторам «k» и «p».

2. Я-управляемые, эготропные выборы

Монозиготные близнецы с одинаковыми наследственными задатками продемонстрировали, однако, частичную *дискордантность*, поэтому мы решили, что при выборе должны играть роль еще и другие факторы. Последующие, более продолжительные изыскания подтвердили *важнейшую роль функций «Я»* при совершении выборов. Это послужило толчком к другим исследованиям, которые доказали, что наряду с категорией *наследственно управляемых*, генотропных выборов есть и другая категория – *управляемые сознательным «Я»*, «эготропные» выборы.

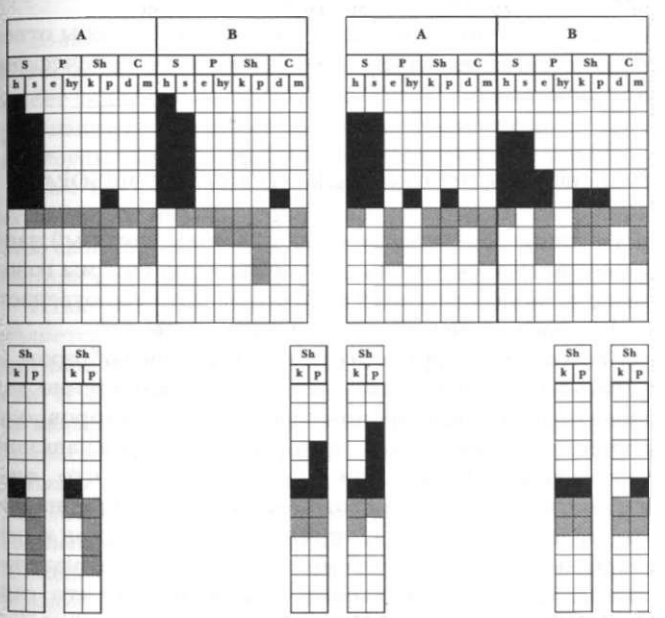
В 1943 году появляется «Экспериментальный анализ «Я» на венгерском языке [6], в котором излагаются основы экзистенции свободной судьбы, связанной с выбором («Я-судьбы»), еще до появления немецкоязычного «Судьбоанализа» (1944 г.). Затем в 1956 году выходит в свет заново изданное и переработанное немецкое издание книги «Анализ "Я"» [7], в которой были представлены две категории человеческой судьбы, а именно: 1) *генотропная, наследственная или навязанная судьба* и 2) *свободная, эготропная судьба, связанная с выбором, или Я-судьба.* На основании этих определений было выведено заново сформулированное понятие судьбы.

Судьба – это совокупность всех унаследованных и свободно выбранных возможностей экзистенции.

Таким образом, человек имеет не одну-единственную унаследованную и абсолютно детерминированную судьбу, как считалось в учении о судьбе (археананкология) от времен античности до Шопенгауэра.

Согласно новому учению о судьбе (неоананкологии), *человек приходит в мир с многообразием возможностей судьбы, среди которых он позднее будет иметь возможность свободного выбора.* Правда, это произойдет только в том случае, если а) *он осознает эти унаследованные возможности экзистенции* и если б) *его «Я» и взаимосвязь «Я» с Духом будут достаточно сильными для того, чтобы занять определенную позицию.* Правильность этого нового определения судьбы была методически проверена на огромном клиническом материале и подтверждена в 1963 году в пятой книге из серии по судьбоанализу, а именно в «Судьбоаналитической терапии» [8].

Рис. 2. Тестовые профили пары монозиготных близнецов А и В

S: сексуальность { h: любовь, нежность; s: садизм, мазохизм }

P: аффективная жизнь { e: грубые аффекты; hy: тонкие аффекты }

Sch: жизнь Я { k: материалистическое «Я» («иметь»); p: идеалистическое «Я» («быть») }

C: контакты { d: прикрепляться; m: отрываться }

Каждый □ означает выбор фотокарточки с соответствующей потребностью при тестировании.

■ Симпатичный выбор

■ Антипатичный выбор

Мы надеемся, что этих фактов достаточно, чтобы отвести от судьбоанализа упрек в фатализме и генетическом детерминизме.

II. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПОНЯТИИ ВЫБОРА

Мы должны обсудить один общий вопрос, который наиболее часто адресуется судьбоанализу: почему мы говорим о выборе даже в тех случаях, за которые отвечает скорее наследственность, чем свободная воля?

Свой ответ мы аргументируем следующим образом.

Во-первых, судьбоанализ называет наследственно управляемые, т.е. генотропные выборы кондукторов «*навязанным выбором предков*», который приводит к навязанной судьбе. Правда, личность полагает, что она абсолютно свободна в своих выборах, которые на самом деле являются лишь принуждением предков к повторению. Поэтому, когда мы говорим о «бессознательном» выборе, то все время подчеркиваем, что сам выбор является здесь *сознательным*, а направляющие его генетические инстанции остаются *бессознательными*. Сегодня мы предпочитаем говорить просто о навязанном, а не «бессознательном» выборе.

С психологической точки зрения о выборе можно говорить только там, где в диалектическом единстве и борьбе находятся две противоречивые тенденции. При генотропических действиях диалектика, в которой участвует «Я», как правило, отсутствует. Глубоко скрытая бессознательная фигура предка (например, эпилептика, шизофреника, циркулярного больного и т.д.) вынуждает потомка-кондуктора действовать именно так, а не иначе. Поэтому роль «Я» является здесь незначительной, а зачастую полностью отсутствует.

Во-вторых, существует группа выборов, в отношении которой можно задать следующие вопросы: разве не имеет значения свободный выбор «Я» для этой категории навязанной судьбы? *Навязанность и свобода – контрадикторные или комплементарные противоположности?*

Нам не хотелось бы разворачивать здесь философскую дискуссию. Мы просто представим вашему вниманию свои размышления, полученные на основе клинико-эмпирических и особенно аналитических исследований.

Итак, полной противоположностью навязанности является не свобода, а хаос, анархия. Кроме того, в понятии «свобода» всегда скрывается частичка навязанности. *В некоторых случаях навязанность и свобода образуют не контрадикторную, а комплементарную пару противоположностей, в которой тенденции к повторению наследственности и к свободе «Я» находятся в постоянном движении. Собственно, это движение и представляет собой диалектику соотношения наследственности и «Я».* Но диалектика, как и люди, имеет собственную судьбу с многочисленными возможностями. В соответствии с рассуждениями Ясперса [9] я напомню о трех способах диалектического решения.

1. Поворачивание, переворот одной тенденции в другую, т.е. изменение доминирующей тенденции (или смена доминанты), например: *любовь – ненависть, садизм – мазохизм.*

2. Синтез противоположных тенденций по принципу «как, так и» (*интеграция*), например: *нежность плюс агрессия в сексе.*

3. Принятие одной тенденции и исключение другой по принципу «или – или», например: *принятие оторванности от мира и отказ от дальнейшего существования.*

Разумеется, при соматических наследственных заболеваниях нельзя говорить – в противоположность пси-

хосоматических расстройствам – о диалектике взаимоотношений между наследственностью и «Я». Напротив, при психических расстройствах, например, неврозах и ряде психозов, диалектика между наследственностью и «Я» играет весьма большую роль. Всюду, где имеет место борьба занимающего позицию «Я» с наследственно обусловленной структурой побуждений и аффектов, возникает диалектика наследственности и «Я». В зависимости от силы противоположных тенденций, факторов окружающей среды, мировоззрения и уровня духовности эта диалектическая борьба может привести однажды к переворачиванию тенденций, в другой раз – к их синтезу, а в третий – к принятию одной тенденции и исключению другой.

В качестве примеров приведу случаи из аналитической практики.

Пример 1. Один артист вел активно гомосексуальный образ жизни вплоть до двадцатисемилетнего возраста, затем женился, завел детей и много лет подряд жил гетеросексуально со своей супругой. После рождения детей у него манифестировала бисексуальность, и он предался пороку сразу в обоих направлениях. Наследственная природа гомосексуальности имеет у артиста весьма высокую вероятность, так как его дед и дядя были гомосексуалистами, а отец – бисексуалом. О родовой, наследственной природе своей гомосексуальности пациент узнал от своей матери только тогда, когда семья оказалась на грани развода уже из-за его бисексуальности, и потому пришел на анализ.

Случай четко показывает, какими различными способами занимающее позицию «Я» приходит к своей инверсии.

Судьбоанализ предполагает здесь диалектику наследственности и «Я», однако называет все способы разрешения ситуации одним словом – «*выбор*». Мы уверены

в том, что от Ясперса это просто ускользнуло. С его точки зрения, здесь следовало бы говорить о переворачивании и синтезе, а не о выборе. По мнению Ясперса, выбором называется только такая ситуация, когда человек оказывается перед дилеммой: «или – или» [9]. Такое сужение понятия «выбор» судьбоанализ не приемлет. Критерии свободного, эготропного выбора понимаются здесь значительно шире.

Во-первых, при «Я»-управляемом выборе личность должна осознать обе тенденции пары противоположностей. По нашему мнению, здесь уже можно не говорить о «бессознательности» выбора, как при генотропизме.

Во-вторых, «Я» должно *свободно* занять позицию относительно осознанной пары противоположностей.

В-третьих, при любой форме диалектики занимающее позицию «Я» ведет себя по-разному:

а) либо все принимает и идентифицирует;

б) либо, наоборот, отрицает, избегает, тормозит, вытесняет, обесценивает и даже разрушает;

в) либо занимает амбивалентную позицию: при этом вся диалектика застопорится на личностной навязчивости. (Такое состояние по принципу «ни – ни» имеет место у невротиков с навязчивыми состояниями. Но и здесь амбивалентность также рассматривается как занимание позиции);

г) либо занимающее позицию «Я» социализирует противоположности в профессии или сублимирует их с помощью Духа в искусстве, науке или религии.

Вышеупомянутый артист, который реализовал диалектику своей судьбы сначала в виде активной гомосексуальности, затем – став исключительно гетеросексуальным и, в конце концов, пришел к бисексуальности, захотел пройти обучающий анализ и стать психоаналитиком.

Таким образом, необходимо отметить, что в начале заболевания болезненная психическая наследственность может осознаваться и «Я» способно занять позицию по отношению к наследственности одним из описанных диалектических способов.

Пример 2. Родители заставляли девушку выйти замуж за человека, которого она не любила. После того, как девушка не смогла их переубедить, они нашли ее неподвижно лежащей в углу дивана. Так она лежала целыми днями, не разговаривала, не ела, не двигалась. Приглашенный психиатр направил ее в клинику с подозрением на *кататоническую шизофрению.* Клиника полностью подтвердила диагноз. Спустя несколько месяцев она выписалась и пришла на анализ. Лежа на кушетке, девушка реконструировала те события. Она во что бы то ни стало хотела разорвать помолвку. В отчаянии несчастная вообразила, что жених хочет ее отравить. И тут она вспомнила, как еще маленькой девочкой видела, как ее дядя, брат матери, точно так же лежал в углу дивана, застывший, судорожно-сжатый, негативистски настроенный, пока его не отправили в клинику. Она осознала в себе такие же склонности. (В пользу этого предположения говорит и страх отравления.) Девушка идентифицировала себя со своим дядей, добилась отправления в клинику и достигла в качестве *выгоды от болезни* (Фрейд) желаемого разрыва брачного контракта.

Против предположения о связи между кататонической склонностью и «Я» можно было бы возразить диагнозом «*истерия*». Мы не исключаем возможности подражания дяде, но утверждаем, что так точно имитировать можно только болезнь, которая наследственно заложена в человеке. В пользу правильности наших выводов говорят следующие факты: брат матери был направлен в клинику до заболевания девушки, а

брат отца и ее родная сестра – после ее заболевания с теми же самыми диагнозами: «кататония». Намеренная идентификация с дядей в безвыходной жизненной ситуации, размышления о «выгоде от болезни» были здесь теми функциями «Я», которые играли роль в диалектическом взаимодействии с наследственностью (кататонией). Чтобы разорвать брачный союз, «Я» должно было принять кататоническую наследственность.

Итак, ответ судьбоанализа на ранее выдвинутый комплекс вопросов является следующим:

1. В одной группе наследственных психических заболеваний диалектика между наследственностью и «Я» может отсутствовать. Здесь судьбоанализ говорит о навязанной судьбе, о навязанном предками выборе.

2. В другой группе психических наследственных заболеваний – особенно в начале болезни – возможно, и даже вполне вероятно, что в душе больного развивается диалектика между специфической наследственностью и занимающим позицию «Я».

3. Все способы разрешения диалектики между наследственностью и «Я» судьбоанализ называет «выбором». Таким образом, переворачивание, синтез противоположных тенденций («как, так и»), принятие только одного решения («или – или») и отказ от решения («ни – ни»), а также социализация и сублимация обеих или одной из тенденций являются вариантами выбора.

4. Свободно выбирающее «Я» может играть значительную роль и в определенных формах навязанной судьбы.

5. Навязанность и свобода являются комплементарными, а не контрадикторными противоположностями.

III. О СПЕЦИФИКЕ ВЫБОРА В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКЕ

После обсуждения общего понятия «выбор» в психиатрии и психологии становится более понятной проблематика выбора и в экспериментальной диагностике побуждений (тест Сонди), так как сама эта диагностика искусственным образом подражает процессу выборов в реальной жизни. Сам тест Сонди построен на системе побуждений, которая в своей структуре содержит четыре вида диалектики.

1. *Диалектика тенденций* между двумя полярно противоположными побудительными тенденциями в каждой побудительной потребности.

2. *Диалектика потребностей, или факторов,* составляющих каждое из побуждений.

3. *Диалектика побуждений:* между побуждениями края (сексуальное побуждение и побуждение к контактам) и побуждениями середины, так называемой «цензурой» (пароксизмальное побуждение и «Я»).

4. *Диалектика «переднепланового» и «заднепланового» человека.*

Экспериментальная диагностика выборов проводится с помощью тестового инструментария, состоящего из коробочки с шестью отделениями, каждое из которых содержит по восемь фотокарточек. Таким образом, в коробочке находится 48 фотокарточек.

На каждой из фотокарточек в серии, состоящей из восьми фото, изображен манифестирующий больной по определенному фактору побуждения. В серии из восьми фотокарточек представлены все восемь побудительных факторов, т.е. каждому фактору соответствует одно фото. Таким образом, каждый побудительный фактор представлен всего шестью фотографиями. Формы

заболеваний, обозначенные посредством их начальных букв, относятся к людям, изображенным на фотокарточках (!), а не к испытуемому, выбирающему какое-либо фото.

Как полное отсутствие выборов фотокарточек по определенному фактору, так и выбор выше среднего (больше трех фото) являются конкретным указанием на то, что соответствующий побудительный фактор играет важную роль в побудительной жизни тестируемой личности.

Классическая модель экспериментальной диагностики побуждений состоит из двух частей.

Первая часть тестирования указывает посредством выбора 12 симпатичных и 12 антипатичных фотокарточек на те тенденции побуждений и функции «Я», которые вследствие своей эпизодической актуальности или конституциональной, перманентной силы оказались на переднем плане личности. Однако эти переднеплановые тенденции побуждений и «Я» составляют только половину целостной личности, которую мы называем «*переднеплановым человеком*», а тестовый профиль этой половины – «*переднеплановым профилем*». Для диагностики «переднепланового» человека мы используем в первом заходе тестирования 24 фотокарточки из 48 предъявленных.

Вторая часть тестирования проводится с помощью тех 24 фотокарточек, которые не были выбраны в первом заходе. На основании результатов этого второго захода мы делаем вывод о функциях побуждений и «Я» другой половины личности, которая актуально представлена на заднем плане. Полученный таким образом второй профиль представляет «*заднепланового человека*» в форме так называемого «*экспериментального комплементарного заднепланового профиля*».

«Переднеплановый» и «заднеплановый» человек представляют две судьбы побуждений и «Я» личности, которые находятся в диалектическом взаимодействии и дополняют друг друга до целостности. Вместе они представляют основу для оценки актуальной психической ситуации личности.

Но оба профиля побуждений первоначально выявляют только две взаимно дополняющие возможности судьбы личности, которые актуально действуют на переднем и заднем плане именно в этой фазе жизненного существования. Но каждый человек несет в себе множество возможностей судьбы побуждений и «Я», поэтому нужно повторно тестировать испытуемого в различных жизненных ситуациях – по возможности 8 или 10 раз.

Однако здесь нас интересует не интерпретация тестовых профилей (для этого существует «Учебник экспериментальной диагностики побуждений»), а исключительно процесс выбора в глубинной диагностике. После тридцати лет тестирования многих тысяч здоровых и психически больных людей мы пришли к следующим выводам.

1. Стимульный материал теста имеет специфический императивный характер в смысле К.Левина.

2. Каждое фото говорит на языке ассоциаций клиента о тех аспектах его души (порой шокируя его), где внутреннее напряжение потребностей, обусловленное родовой наследственностью и личностно-вытесненной природой побуждений, является актуально повышенным.

3. При тестировании этот гипертонус побуждений часто проявляется в том, что фотокарточки тех побудительных факторов, в области которых имеет место повышенное напряжение, выбираются количественно выше среднего (от 4 до 6 фото).

4. Выбор каких-либо фотокарточек – это всегда сознательное занимание позиции по отношению к искусст-

венно приведенным в движение побудительным потребностям, даже в тех случаях, когда клиент дезориентирует вас интеллектуальными или банальными ответами.

5. Если фотокарточки теряют свой императивный характер, то речь идет, чаще всего, о тяжелых расстройствах ощущения и восприятия, как, например, у дементных, психотических или препсихотических пациентов.

По вопросу об императивном характере К.Левин (1926) писал: «Существующее состояние напряжения, относящееся к выполненному делу, потребности или наполовину завершенному действию, говорит об определенном объекте или событии, которое оказывает невероятно притягательное действие, так что именно эта напряженная система отныне получает преимущество в моторике. О таких объектах можно говорить, что они обладают *императивным характером*» [10].

В процессе экспериментальной диагностики побуждений пациент реагирует на предлагаемые ему фотокарточки, которые имеют императивный характер, соответствующий системе из четырех побуждений и восьми потребностей.

Состояние напряжения, которым клиент реагирует на фотокарточки, равно напряжению потребностей в восьми областях побудительных факторов. Правильность предположения, что количество выборов фотокарточек в отдельных факторных областях зависит от величины напряжения потребностей, особенно наглядно демонстрируется в тяжелых патологических случаях.

Пример 3. Венгерский военный преступник, 53-летний полковник жандармерии, отдавший команду расстрелять *без приказа* тысячи сербов и евреев в Южной Венгрии, был протестирован в тюрьме после окончания войны одним из моих бывших сотрудников доктором Ношлопи. В тестовой серии он выбрал один раз все шесть, а другой

раз – пять из шести *фотографий убийц* (*см. рис. 3*). Для понимания процесса выбора имеет значение, что этот массовый убийца выбрал сначала шесть фотографий убийц в качестве несимпатичных (тестирование №II), а затем все шесть – в качестве симпатичных (тестирование №VIII). Это свидетельствует о том, что его позиция по отношению к убийству постоянно меняется. Кстати, с самого начала своего пребывания в тюрьме полковник продуцировал идеи религиозного бреда.

В профиле II шесть фотографий убийц выбраны в качестве антипатичных ■ (фактор s). В профиле VIII шесть фотографий убийц выбраны в качестве симпатичных ■ (фактор s).

Ряд аналогичных наблюдений подтвердил, что клиент в процессе тестирования – так же, как и в жизни – по отношению к одним и тем же карточкам способен занимать самые разные позиции, так что его мнение может стать прямо противоположным.

Мы также пользуемся *методом получения ассоциаций* по отношению к определенным фотокарточкам, с по-

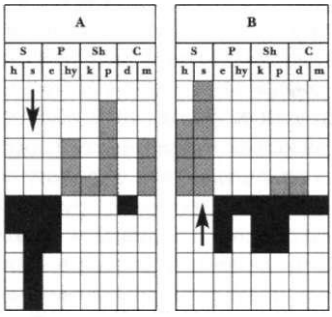

Рис. 3. Два тестовых профиля военного преступника

мощью которого можно анализировать и другие аспекты процесса выбора. Большинство ассоциаций [11] доказывает, что *выбор определенных фотокарточек может обусловливаться воспоминаниями или идентификациями (соответственно, контридентификацией) с определенными больными членами семьи.* Приведем некоторые примеры.

Пример 4. Клиент – тридцатилетний учитель гимназии. Карточка истерика. Ассоциации: «О, ужас!» (*отбрасывает от себя фотокарточку*). «Я вспомнил свою ужасную тетушку, которая долгое время представляла опору общества... Всегда деятельная, она добивается больших успехов и стремится быть в семье главной... Играет большую роль в различных благотворительных обществах и учреждениях...»

Пример 5. Клиент – невротик навязчивых состояний, позднее шизофреник. Карточка эпилептика. Ассоциации: «Рабочий, простая душа... (*пауза*). Напоминает моего дядю... Он был чудаком с бредом на религиозной почве и умер в сумасшедшем доме...» (*Здесь у него начинается шоковая реакция*).

Интерес представляют те ассоциации к фотокарточкам, в которых больной обнаруживает перед нами картину собственного заболевания, самого себя или своего «заднепланового человека».

Пример 6. Клиент – 28-летний учитель гимназии с диагнозом «параноидная шизофрения». Карточка эпилептика. Ассоциации: «Теперь этот мужчина не кажется мне антипатичным, хотя ранее был крайне неприятен. Он похож на меня... но не совсем... он грубее, чем я... Возможно, это психотик... шизофреник... он страдает расщеплением сознания... временами у него бывает слабоумие. У меня такое состояние, как после инъекции кардиазола[3]... мне страшно... *я чувствую приближение судорог*».

Пример 7. А вот высказывания двадцатилетнего шизофреника о фотокарточке гомосексуалиста: «Когда я увидел это фото, то сразу же понял, что здесь сфотографирован я. Я помню, фотограф попросил меня улыбнуться, чтобы снять *мое лицо*. Это фото может изображать только меня и никого другого!»

Пример 8. Параноидная, истеро-эпилептоидная, латентно-гомосексуальная портниха сказала о фотокарточке истеричной женщины: «Невыносимо... Я его боюсь» (она полагает, что на фото изображен мужчина!) «*Это тот, кто постоянно прячется за моей спиной*» (то есть, ее «заднеплановый человек»). «Мне часто встречаются такие лица. Я их боюсь. Они напоминают маски мертвецов. Какие-то злые...» Фотокарточка истеричной женщины воспринимается латентно-гомосексуальной пациенткой как изображение мужчины. В действительности она страдает от заднепланового стремления стать мужчиной и любить женщин. Поэтому она чувствует преследование со стороны своего заднепланового мужчины, которого проецировала на фотокарточку истеричной женщины. Обморочные состояния чаще всего наступали у нее при примерке платьев женщинами, к которым она испытывала влечение.

Другие примеры можно найти в «Учебнике экспериментальной диагностики побуждений». Но и эти немногочисленные примеры подтверждают, что клиент в искусственно вызванных выборах занимает определенную позицию по отношению к фигурам и притязаниям предков, которые пробудились в нем в процессе диагностики побуждений.

Тем самым экспериментально подтверждается всеобщее предположение о характере выборов и в реальной жизни.

Здесь можно было бы задать следующие вопросы: если судьбоанализ предполагает в навязанной судьбе на-

следственности частичку свободы «Я», и если он постулирует в свободной судьбе «Я» также некую часть навязанной наследственности, с которой «Я» должно находиться в диалектическом соотношении, в чем тогда заключается различие между навязанной судьбой и Я-судьбой? Имеет ли смысл после всего этого говорить еще о двух категориях человеческой судьбы?

Различие между двумя категориями судьбы заключается в количественном соотношении между навязанностью наследственности и свободным выбором «Я». *В конце концов, именно количественные пропорции в диалектике наследственности и «Я» определяют судьбу личности.*

Это количественное различие выражается двумя способами: с одной стороны, в силе наследственности по отношению к силе занимающего позицию «Я», с другой – в продолжительности процесса осознания наследственности, т.е. притязаний предков. При тяжелых формах навязанной судьбы болезненные притязания предков прорываются в сознание почти с быстротой молнии (*см. пример 2*). Следовательно, процессу выбора «Я» отводится не больше времени, чем длится «вспышка» притязания предков. Выбор происходит в свете этой вспышки...

Напротив, в свободной судьбе «Я» наследственно обусловленные притязания предков становятся осознаваемыми на более длительное время. Это значит, что притязание остается в сознании и, следовательно, «Я» надо продолжать занимать позицию по отношению к наследственности, так как становящаяся осознанной наследственность превращается в постоянную составную часть сознания. Это обстоятельство позволяет «Я» отдавать предпочтение вполне определенным способам выбора, а именно длительному отрицанию, избеганию, принятию (т.е. интроекции), социализации и суб-

лимации наследственности и т.д. Судьбоаналитическая терапия предоставляет нам достаточно веские аргументы [12] в пользу того, что все происходит именно так.

Теперь мы подошли к описанию форм выбора.

IV. ФОРМЫ ВЫБОРА

А. Формы выбора в психоанализе

Фрейд постулировал следующие четыре формы выбора:

1. *Инцестуозный, эдипальный, анаклитический выбор объекта.* С точки зрения психоанализа – это первая и всеобщая форма выбора объекта у взрослых. Она называется анаклитической, потому что выбирающий ориентируется на родительский образ.

2. *Нарциссический выбор объекта,* при котором индивид концентрируется не на образе (имаго) родителей, а на собственной личности или каком-либо своем манифестирующем качестве.

3. Выбор, основанный на принятии *той части собственной личности, которая не получила своего полного развития.* (Например, девушка влюбляется в юношу, который обладает теми мужскими качествами, для которых она сама не нашла приемлемой жизненной формы.)

4. *Страх перед инцестом.* При выборе объекта индивид стремится держаться как *можно дальше от образа* своей матери, а также отца, братьев и сестер. Он ищет партнера, который является прямым контрастом по отношению к отцу или матери, брату или сестре (см. письмо Фрейда к автору данной работы).

Б. Формы выбора в судьбоанализе

В основном мы занимались здесь теоретическим рассмотрением процесса выбора. Теперь назовем судьбоаналитические формы выбора.

а) Генотропный, наследственно управляемый, навязанный выбор

Здесь выбор полностью или почти полностью управляется наследственностью, предками. Мы различаем:

1) *навязанный, или псевдовыбор:* без реальной диалектики между наследственностью и «Я» выбор обусловливается наследственностью, то есть кондукторной природой выбирающего лица;

2) *генотропный выбор* с диалектикой между наследственностью и «Я»; здесь посредством «Я» осознается доминирующая роль наследственности, по отношению к которой занимается соответствующая позиция.

б) Эготропный, Я-управляемый, свободный выбор

Этот выбор определяется через доминирование «Я» и имеет две различные формы:

1) выбирающий знает о своей кондукторной природе, но его «Я» доминирует над относительно слабой наследственностью;

2) выбирающий знает о своих раннедетских образах, инфантильных переживаниях и травмах, но его «Я» преодолевает их воздействие и делает свободный выбор.

Свободные, эготропные выборы, обусловленные доминированием «Я», психотерапевт особенно часто наблюдает у пациента *после окончания анализа.* Но ничто не говорит против того, что этот вид выборов может иметь место у некоторых людей и без аналитического лечения.

Заключительное слово

Выбор делает судьбу – это аксиома судьбоанализа, для которой он нашел медико-психологические основания посредством изучения процесса и формы выборов в любви, дружбе, профессии, виде болезни и способе смерти.

Наконец, судьбоанализ выявил две категории выбора:

1) *наследственно-управляемый, генотропный выбор* и

2) *Я-управляемый, эготропный выбор.*

В целях социализации и гуманизации изначальной наследственной, побудительной и аффективной природы человека, педагогика, психология и психотерапия должны помочь ему осознать несущие опасность, управляемые наследственностью тенденции выбора и таким образом стимулировать свободные выборы, которые направляются его «Я».

Приложение

Проф. д-р Фрейд *Вена IX, Берггассе 19*
18.6.1937

Уважаемый господин доктор!

С чувством глубокого удовлетворения я узнал из Вашей интересной работы, какое большое значение Вы придаете аналитическим вопросам.

Собственно, я не в состоянии объективно оценить, насколько убедительно вы смогли обосновать свои наследственно-биологические постулаты результатами исследований, так как слишком далек от этой темы. Некоторые возражения в отношении Вашего материала обусловлены тем, что выборы в браке и любви очень часто не совпадают, и свобода выбора бывает весьма ограниченной.

Психоаналитические исследования выявили невероятное многообразие предпосылок любви, а именно:

– привязанность к раннедетским объектам любви и воспринятым от них впечатлениям;

– нарциссическое застревание на собственной личности, а зачастую и на ее противоположной половой части, не получившей дальнейшего развития (например, мальчик мечтает стать девочкой и т.д.);

– любовная связь может также указывать на негативную зависимость, представляющую собой полный контраст с инцестуозным образом матери, сестры и т.д.

Пожалуй, выделенный Вами фактор мог бы играть здесь свою роль, но не в качестве единственного или решающего.

Прошу извинить меня за недостаточно полные замечания!

С глубоким уважением, Ваш З. Фрейд

ЛИТЕРАТУРА

1. *Szondi L.* Schicksalsanalyse. Schwabe, Basel. 1. Aufl. 1944, 2. Aufl. 1948, 3. Aufl. 1965.

2. *Johannsen W.* Elemente der exakten Erblichkeitslehre. 1909. S. 124/125.

3. *Szondi L.* Analysis of marriages. An attempt at the theory of choice in love. Acta psychol. Den Haag, 1937.

4. *Stumpfl F.* Erbanlage und Verbrechen. Monogr. aus d. Gesamtgebiete d. Neur. u. Psych. Heft 61. Springer, Berlin, 1935. S. 28ff.

5. *Szondi L.* Experimentelle Triebdiagnostik. 1. Aufl. Hans Huber, Bern, 1947.

6. *Szondi L.* Az En kiserleti elemzese (Die experimentelle Analyse des Ichs). Budapest, 1943.

7. *Szondi L.* Ich-Analyse. Hans Huber, Bern, 1956.

8. *Szondi L.* Schicksalsanalytische Therapie. Hans Huber, Bern, 1963.

9. *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Springer, Berlin. 5. Aufl. 1948. S. 284ff.

10. *Lewin K.* Vorsatz, Wille und Bedürfnis. Springer, Berlin. 1926. S. 28.

11. Siehe: Lehrbuch der experimentellen Triebdiagnostik. 2. Aufl. S. 362–372.

12. Siehe Schicksalsanalytische Therapie. Dritter Teil. Klinik. S. 266–522.

III. ПОБУЖДЕНИЯ[4]

ВОСПИТАНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ ПОБУЖДЕНИЙ

Часть 1. Генная теория побуждений

При составлении системы побуждений мы сначала определим единое для всех побуждений биологическое ядро, а уже потом остановимся на индивидуальных особенностях, которыми отдельные побуждения отличаются друг от друга по генетическим и фенотипическим признакам.

Общее для всех побуждений судьбоанализ видит в их наследственном происхождении. Согласно рабочей гипотезе судьбоанализа, источником побуждений являются *гены*, характеризующиеся общей природой, малые частицы химической субстанции (макромолекулы) со специфическим качеством, которые определяют наследование отдельных побудительных реакций.

В генной теории предполагается, что побудительные действия детерминированы специфическими генами. Мы называем их «*генами побуждений*». Каждый ген стремится повторить свое прежнее состояние в каждом новом поколении.

Итак, сделав точкой отсчета генетику и заявляя, что все без исключения побудительные стремления имеют

генное происхождение, мы тем самым утверждаем, что общим в побуждениях является их стремление каким-либо образом повторить свое прежнее состояние.

Здесь генная теория судьбоанализа пересекается с психоаналитическим учением о побуждениях. Фрейд писал: «Побуждение – это присущее живой органике стремление к повторению прежнего состояния»[5].

Однако Фрейд не ответил на вопрос, почему побуждения стремятся к восстановлению прежнего состояния, уже имевшего место в процессе филогенеза. Отвечает на него сама генетика: именно потому, что они имеют генное происхождение. Строгое следствие из этих суждений гласит:

во-первых: если всякое побуждение генетически обусловлено, то мы должны признать наличие ровно такого же числа генов побуждений, сколько существует побудительных стремлений.

Во-вторых: дуализм побуждений, заложенный также и в психоанализ (сексуальное побуждение и побуждение «Я», стремление к жизни и стремление к смерти), должен быть дополнен и расширен.

Этот дуализм имеет одинаковое значение для всякого гена и для всякой побудительной потребности. Он является прямым следствием общего генного происхождения и общей генной природы всех побуждений, и проявляется в наличии пар противоположных потребностей.

В основе учения о побуждениях лежит теория, согласно которой большинство людей – за исключением редко встречающихся, так называемых гомозиготных (с «чистой» наследственностью) индивидов – являются смешанно-наследственными, или *гетерозиготными*, что означает унаследование ими от родителей разных побудительных тенденций. Каждая побудительная потребность опреде-

ляется специфической (аллельной) парой генов, два отдельных гена которой представляют противоположно направленные стремления (Aa, Bb, Cc и т.д.).

Итак, каждая побудительная потребность в форме пары противоположных тенденций предопределена у индивида наследственно. Понятие «пара противоположных тенденций» является психологическим выражением биологического понятия «аллельная пара», которая генетически детерминирует имеющуюся побудительную потребность. Понятие «побуждение» означает в генном учении о побуждениях двухфакторный процесс, детерминируемый двумя самостоятельными парами аллельных генов, которые представляют две менделевские побудительные потребности (например, AaBb).

Мы понимаем «побудительную потребность» как глубинно-психологический процесс, в основе которого лежит пара гомологичных аллельных генов – отцовский и материнский (Aa или Bb).

«Побудительное стремление», или «побудительная тенденция» определяется одним из генов аллельной пары, отцовским или материнским. Таким образом, выражение «побудительное стремление» означает одно из двух направлений побуждения (A или a, B или b и т.д.).

В судьбоанализе считается, что психически больной – это, прежде всего побудительный больной, т.е. человек с больным «Я». Деградация и перестройка «Я» и целостной личности, а также связанные с этим расстройства поведения должны рассматриваться как следствия образования реакций, а зачастую как защитные механизмы.

Психиатрическое учение о наследовании выделяет три самостоятельных наследственных круга психических заболеваний.

I. *Шизоформный наследственный круг* (Sch), к которому принадлежат кататонические и параноидные психичес-

кие расстройства (Рюдин, Гоффман, Люксембургер и др.).

II. *Циркулярный, или маниакально-депрессивный наследственный круг* (C) (Гоффман, Рюдин, Люксембургер, Ленц).

III. *Эпилептиформный* (Братц), соответственно *пароксизмальный* (Сонди) *наследственный круг.*

К трем перечисленным кругам побудительных заболеваний мы добавляем четвертый.

IV. *Наследственный круг сексуальных расстройств* (S), который включает гомосексуалистов, садистов и мазохистов. Пильц, Хиршфельд, Ромер, Ланг и многие другие доказали, что относящиеся к этому кругу патологические проявления имеют самостоятельный процесс наследования.

В соответствии с четырьмя самостоятельно наследуемыми психическими заболеваниями мы должны постулировать четыре побуждения, а именно: I. Сексуальное побуждение (S); II. Пароксизмальное побуждение (P); III. Шизоформное побуждение (Sch); IV. Циркулярное побуждение, или побуждение к контакту (C).

Так как каждый из четырех психопатологических наследственных кругов указывает на две клинически и генетически хорошо различаемые формы проявлений,

I. Наследственный круг сексуальных расстройств	1. Гомосексуальность (h) 2. Садизм (s)
II. Наследственный круг пароксизмальных расстройств	3. Эпилепсия (e) 4. Истерия (hy)
III. Наследственный круг шизоформных расстройств	5. Кататоническая шизофрения (k) 6. Параноидная шизофрения (p)
IV. Наследственный круг циркулярных расстройств	7. Депрессивное состояние (d) 8. Маниакальное состояние (m)

мы должны предположить в общей сложности восемь отдельных побудительных потребностей.

А теперь назовем восемь психических заболеваний, по два из которых принадлежат к одному наследственному кругу (*см. табл. 4*).

Вероятно, патологические побудительные гены являются формами изначальных физиологических генов, проявившимися вследствие мутации. Мы предполагаем восемь специфических побудительных потребностей, каждая пара которых принадлежит к одному общему побудительному кругу. Итак, судьбоаналитическая система побуждений признает восемь физиологических побудительных потребностей, которые мы называем «факторами побуждений» (*см. табл. 5*).

Методика

Для исследования восьми побудительных потребностей мы пользуемся методом выборов фотокарточек, или «*экспериментальной диагностики побуждений*» (ЭДП), сущность которого заключается в следующем.

Мы составили из 48 фотокарточек шесть серий по восемь фото, каждое из которых представляет человека с независимо наследуемым побудительным заболеванием, а именно: 1) гермафродита (h), 2) садиста, убийцу (s), 3) эпилептика (e), 4) истерика (hy), 5) кататонического шизофреника (k), 6) параноидного шизофреника (p), 7) депрессивного (d) и 8) маниакального (m) больного.

Шесть серий из восьми фотокарточек раскладываются перед клиентом поочередно, и среди них ему каждый раз предлагается выбрать по две приятные и две неприятные на его взгляд фотокарточки. Таким образом, к концу тестирования клиент выбирает двенадцать «симпатичных» и двенадцать «антипатичных» фотокарточек.

16 видов стремлений побуждений (тенденций)	8 факторов побуждений (потребностей побуждений)	4 вектора побуждений (побуждения)
1. Тенденция к чувственной нежности, направленной на одного человека: *любовь к человеку*	I. *Феминность*, материнские чувства, фактор h	I. Сексуальное побуждение S
2. Тенденция к гуманизированной нежности, направленной на все человечество: *любовь к человечеству*		
3. Тенденция к *садизму, агрессии, активности*	II. *Маскулинность*, фактор s	
4. Тенденция к общечеловеческой культуре, коллективной взаимовыручке, жертвенности, покорности, соответственно, к *пассивности и мазохизму*		
5. Тенденция к *злости*, к накоплению ярости, ненависти, гнева, мстительности, несправедливости, нетерпимости – *притязания Каина*	III. *Этика, потребности Каина и Авеля*, фактор e	II. Пароксизмальное побуждение P
6. Тенденция к *доброте*, общей справедливости, терпимости, помощи, набожности – *стремления Авеля*		
7. Тенденция к бесстыдному *выставлению самого себя напоказ перед окружающими*	IV. *Мораль*, потребность в значимости, эксгибиционизм, фактор hy	
8. Тенденция к *застенчивости* перед большими группами людей		
9. Тенденция к *аутизму, эгоизму, эгоцентризму, нарциссизму; интроекция*	V. *Сужение «Я»*, эгосистола, занимающее позицию материалистическое «Я», потребность «иметь что-либо», фактор k	III. Побуждение «Я» Sch
10. Тенденция к адаптации в коллективе; *вытеснение*		
11. Тенденция к единобытию с окружающими, к партиципации, соответственно, к *переносу вины* на других людей (*проекция*)	VI. *Расширение «Я»*, эгодиастола, идеалистическое «Я», потребность «быть кем-либо», фактор p	
12. Тенденция к *интеллектуальному распространению* гуманистических потребностей на коллектив, к *духовности*, соответственно, к расширению «Я» (*инфляция*)		
13. Тенденция к *приобретению ценностей* во вред окружающим, к *поиску* новых объектов, к *неверности*	VII. *Потребность в приобретении*, потребность в поиске, фактор d	IV. Побуждение контактов C
14. Тенденция к отказу в пользу других людей, к *верности*, к анальности, к *приключению*		
15. Тенденция к *прикреплению* к объекту (какой-либо вещи, личности), к *оральности*, к *эгоизму*	VIII. *Потребность в прикреплении*, фактор m	
16. Тенденция к *отрыву от объектов*, к *уединению*		

Таблица 5. Система побуждений экспериментальной диагностики побуждений

Разумеется, результаты выбора у наших клиентов могут сильно различаться. Во-первых, клиенты выбирают разное число фотокарточек с различными расстройствами побуждений, а во-вторых, они выбирают разные фотокарточки в качестве симпатичных и антипатичных.

Результаты заносятся на специальный график из клеточек, где «симпатичные» выборы маркируются одним цветом, а «антипатичные» – другим (*см. рис. 3*). График называется *побудительным профилем* клиента.

Каждый клиент должен пройти серию повторных тестирований, по возможности десять раз и в обозримый период времени, в результате чего мы получаем десять побудительных профилей. На основе полученных профилей с помощью простой техники расчетов определяются актуальные *побудительные классы* и *побудительная формула*, позволяющие определить индивидуальную динамику побуждений, характер и возможную *побудительную* патологию тестируемого лица.

Экспериментальное определение актуальной побудительной судьбы является эффективным методом психодиагностики, с помощью которого можно легко и надежно определять людей с нормальными и патологическими побуждениями, невротиков, психотиков, морально развитых лиц и криминальных субъектов, наконец, гуманизированных и негуманизированных индивидов.

Часть 2. Побуждения и воспитание

Мы провели тестирование побуждений у близнецов. Среди испытуемых было 36 психически здоровых моно-зиготных пар, 36 однополых и 25 разнополых дизиготных пар – школьников и взрослых (возраст от 8 до 38 лет). С помощью близнецового метода было определено «соотношение сил» между окружающей средой и наследственностью. В таблице 6 представлена ранговая последовательность восьми побудительных потребностей по степени подверженности влиянию среды.

Таблица 6. Степень воспитуемости по побудительным факторам

Ранжированный ряд внушаемости	*Легковоспитуемые*			*Средневоспитуемые*		*Труднovоспитуемые*		
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
Побудительный фактор	**e**	**s**	**d**	**hy**	**m**	**p**	**h**	**k**
Побудительная потребность	Накопление ярости, ненависти, гнева, мстительности, зависти, ревности. «Злобность»	Садизм, агрессия	Анальность. Поиск ценностных объектов	Выставлять себя напоказ	Оральность. Прилепляться	Расширение «Я», эгодистола. Желание «быть кем-то»	Нежность, бисексуальность	Желание «иметь что-то». Эгоцентризм, аутизм, эгосистола

Таким образом, на основании близнецовых исследований мы можем высказать следующее мнение относительно подверженности влиянию, внушаемости и воспитуемости представителей восьми побудительных потребностей.

I. Высокая степень подверженности влиянию и, соответственно, воспитанию следующих потребностей:

1) **e:** потребность в ярости, ненависти, гневе и мстительности, зависти и ревности, которые накапливаются до предела, а затем внезапно взрывообразно разряжаются (другими словами, «*злость*» в человеке);

2) **s:** удовольствие от садизма, стремление к *агрессии*;

3) **d:** склонность к анальности, а также удовольствие от копания в грязи и присвоения чужих *ценностей*.

Для этих трех побудительных потребностей сила экзогенных факторов является, по-видимому, большей, чем сила наследственности.

Следует отметить, что многое из отмеченного нами в качестве успехов воспитания при более внимательном анализе разоблачит себя как элементарная «*маскировка*».

II. Средняя степень подверженности влиянию, внушению и воспитанию представителей потребностей:

4) **hy:** *выставление себя напоказ*, постоянное нахождение «на сцене» (в патологическом смысле – *эксгибиционизм*).

5) **m:** оральная потребность и *желание прикрепиться*, к которым относится все называемое «гедонизмом».

III. Низкая степень подверженности влиянию, внушению и воспитанию представителей потребностей:

6) **p:** стремление к *расширению «Я»*, т.е. властное стремление «быть кем-либо» и возвышению личности; в культурном смысле – тяга к духовности.

7) **h:** стремление отдавать и получать, нежность и женственность в людях, онтогенетическая склонность к бисексуальности.

8) **k:** тяжелее всего поддается воздействию тенденция к обладанию, эгоизм, эгоцентризм, аутизм и нарциссизм, поэтому мы называем побудительный фактор **k** *«железобетонным» фактором.*

Гуманизация побуждений

Можно ли гуманизировать варварские, бесчеловечные побуждения посредством воспитания и терапии?

Прежде всего, мы должны по-новому определить для себя понятия «гуманность» и «гуманизм».

Гуманность – это поистине редкая судьба побуждений единственной в своем роде, экстремально-позитивной группы людей, которых можно характеризовать посредством двух кардинальных признаков: 1) Их «Я» выбирает из унаследованных и присущих каждому человеку противоположных пар побудительных потребностей и тенденций чаще всего их гуманные формы; 2) их дух распространяет гуманные потребности на каждого человека.

Гуманизмом называется духовное движение, которое борется за расширение любви и распространение гуманности.

Итак, *гуманность* означает судьбу побуждений; *гуманизм же* – чисто духовное движение.

Таким образом, *гуманизированные люди* – это те личности, которые выбирают из противоположных побуждений самые гуманные и распространяют их не только на самих себя, членов своей семьи, единоверцев, представителей своего социального класса, расы, нации, к которым они сами принадлежат, но и на всех без исключения людей. Пары противоположных побудительных тенденций (гуманных и негуманных) описаны в таблице 7.

В области вектора	*Реакция*	*Негуманные потребности*	*Реакция*	*Гуманные потребности*
Сексуальность S	h+	Индивидуальная нежность, объектом которой является определенное лицо, семья, религия, социальный класс, раса, нация и т.д.	h-	Коллективная нежность, объектом которой выступает все человечество
	s+	Агрессия (соответственно, садизм) по отношению к определенному лицу, семье, религии, классу, расе, нации и т.д.	s-	Рыцарское отношение к человечеству, жертвенность, смирение перед всеми людьми
Пароксизмальность (этика и мораль) P	e-	Накопление ярости, ненависти, гнева, несправедливости против определенного лица, семьи, религии, расы, класса, нации	e+	Справедливость ко всем, набожность
	hy+	Бесстыдное «выставление напоказ» самого себя	hy-	Застенчивость перед коллективом
Побуждение «Я» Sch	k+	Аутизм, эгоизм, эгоцентризм, жадность и нарциссизм	k± k-	Самоуничижение и приспособление к коллективу
	P-	Обвинение определенного лица, семьи, религии, расы, класса, нации	P+	Духовное расширение гуманистической потребности на группу людей. Идеалистическое «Я». Желание «быть кем-либо»
Побуждение контактов C	d+	Приобретение материальных ценностей во вред другим людям. Жадность	d-	Отказ в пользу других людей. Верность
	m+	Прикрепление только к определенному лицу, семье, расе, классу, нации; неспособность объединиться со всем человечеством	m-	Отделение от определенного лица, семьи, расы, класса, нации и т.д. Неверность классовой и национальной идее

Таблица 7. Негуманные и гуманные потребности и их тестовые реакции

Гуманные потребности можно разбить на две основные группы.

I. Группа *духовно-гуманистических* побудительных тенденций:
1. Распространяющее гуманизм духовное «Я» p+
2. Нежность и культурность, направленные на все человечество h–
3. Самоуничижение и адаптивность k ±; k–

II. Группа *этико-гуманистических* побудительных тенденций:
1. Справедливость ко всем людям e+
2. Сдерживание себя ради других, рыцарство, жертвенность, цивилизованность s–
3. Отказ d–

На основании полученных результатов мы пришли к следующим выводам:

1. Человека значительно легче «этически окультурить», чем духовно гуманизировать.

2. «Этическое окультуривание» и духовная гуманизация – разные аспекты очеловечивания побуждений. Обе формы являются генетически обусловленными, но их генные основания различны.

3. Формы проявления гуманности у отдельных лиц зависят от индивидуального сочетания этико-культурных и духовно-гуманизированных факторов.

4. Потребности, которые проявляются в этико-гуманистической форме, – это те самые потребности, которые с точки зрения результатов близнецовых исследований сравнительно легко подвергаются влиянию, а именно: 1) агрессия (s); 2) накопление ярости, ненависти, гнева и мстительности, зависти и ревности (e); 3) склонность к приобретению, жадность (d). Поэтому при эффективном воспитании на месте *агрессии* может

оказаться рыцарство, способность к самопожертвованию, а возможно, и покорность; на месте каинистической «*злости*» (ярости, ненависти, гнева и мстительности) – доброта, терпимость, справедливость – другими словами, благочестие Авеля; на месте *жадности* – отказ в пользу других людей.

5. Наименее поддающиеся влиянию побудительные потребности – это те, которые определяют побудительные основания духовно-гуманного поведения: 1) расширение «Я» (p); 2) эгодиастола, самоуничижение с одновременным приспособлением (k) и 3)материнскофеминная нежность, изначально женское в людях (h).

Теперь мы подошли к последней главе нашей темы: «Как можно психотерапевтически повлиять на побуждения?»

Часть 3. Лечение побуждений

С помощью экспериментальной диагностики побуждений исследовалась эффективность лечения психически больных шоковой терапией (электрошоком, инсулиновым и кардиазоловым шоком), а также искусственным сном. В ходе экспериментов было установлено, что у не слишком старых шизофреников здоровое, гуманизированное «Я» остается неповрежденным. Оно занимает выжидательную позицию на заднем плане, чтобы в определенный момент (например, в ответ на шоковое воздействие) снова выйти на сцену, с которой его вытеснило негуманизированное шизофреническое «Я».

Лечение сном, как и шоковое воздействие, вызывает изменения в проявлении постоянно борющихся друг с другом полярно противоположных побудительных структур. В ходе экспериментов подтвердилось, что и гуманность, и негуманность присутствуют в нас одно-

временно, но в одном случае «Я» выбирает *негуманность*, а в другом (например, после шокового воздействия или лечения сном при психозах) – *гуманность*. Оба способа терапии позволяют «выманить» на переднеплановую «сцену» здоровую, гуманизированную часть личности, но только на непродолжительное время.

Как же воздействовать на занимающее позицию «Я», чтобы гуманизированная часть личности «получила аккредитацию» на более длительный срок? Здесь мы стоим перед почти неразрешимой загадкой. Возможно, путь к решению вопроса показывает нам именно глубинно-психологическое лечение неврозов, при котором также необходимо решать эту проблему. Катарсическая конфронтация пациента со своими вытесненными бессознательными стремлениями воздействует почти так же, как и шок от лечения инсулином, кардиазолом или электричеством. Только в этом случае «новое» гуманизированное «Я» специально усиливается и фиксируется посрёдством новых видов идентификации[6].

Второй вопрос, требующий обсуждения: действительно ли для длительного изменения в паре противоположностей всегда достаточно осознания инфантильно вытесненного? Ведь Юнг еще много лет назад писал, что во многих случаях конфронтация может осуществляться не только с индивидуальным инфантильно-вытесненным, но и с коллективным бессознательным.

Судьбоанализ предполагает конгломерат трех функций бессознательного:

1. *Индивидуальное бессознательное* с инфантильным вытесненным содержанием, переработка которого относится к сфере фрейдовского психоанализа.

2. *Родовое бессознательное*, в котором динамически функционируют латентные родовые побудительные стремления, несущие угрозу. Конфронтация и примире-

ние личности с «латентными предками» – это уже задача судьбоаналитической терапии.

3. *Коллективное бессознательное,* содержания которого перерабатываются в юнгианской аналитической психотерапии посредством конфронтации с архетипами.

Таким образом, фрейдовский психоанализ – это *онтогенез* бессознательного, судьбоанализ – его *генетика,* а юнгианская аналитическая психология –*археология* бессознательного. Эти три направления глубинной психологии являются родственными, поскольку берут начало из эпохального открытия Фрейдом бессознательного.

Кроме того, все три направления основываются на одной и той же фундаментальной предпосылке, а именно *вытеснении и переносе.* Однако между ними есть и существенные различия. *Во-первых,* каждое направление занимается исследованием психики на разной глубине. *Во-вторых,* методы исследования у них различны.

Онтогенез, генетика и археология бессознательного вместе составляют *целостность глубинной психологии.* Исходя из самостоятельных, но взаимосвязанных исследовательских направлений, мы можем надеяться на открытие целостной психической картины глубин души.

Остается последний, пожалуй, самый сложный дискуссионный вопрос: достаточно ли человеку для гуманизации только осознания своих индивидуальных, родовых, коллективных латентных побудительных стремлений?

Судьбоанализ дает на это отрицательный ответ. Одного осознания латентных побудительных стремлений недостаточно, чтобы отреагировать их в гуманизированной форме. Человеку нужно оказать помощь в соответствующей разрядке несущих опасность и осознанных стремлений, так как осознание и разрядка – не одно и то же. Побудительная потребность только тогда является безопасной, когда она разряжена или, други-

ми словами, отреагирована. Поэтому судьбоанализ и отмечает значимость выборов в профессии, дружбе и любви.

Взаимосвязь между кругами профессий и наследственностью рассмотрена нами в книге «Судьбоанализ»[7] (1944 г.). Здесь мы хотели бы подчеркнуть еще раз, что *соответствующий родовому бессознательному выбор профессии часто представляет наиболее подходящий и длительный способ излечения патологии побуждений.* Вот только некоторые примеры, подтверждающие правильность данных выводов.

Недавно мы познакомились с двумя племянниками убийцы, один из которых стал мясником, а другой – хирургом.

Дочь одного венгерского палача ушла в монастырь.

Сестра убийцы матери стала монахиней-миссионером.

Отец морфиниста, который на терапии проявил себя как фетишист дамского нижнего белья, владел фабрикой нижнего белья в Америке и т.д.

Представленные примеры показывают нам, каким образом опасная родовая структура побуждений может быть отреагирована в социально-приемлемой форме, а именно в профессии. Это имеет значение и для выбора друзей. Роль дружбы в судьбе индивида до сих пор еще недостаточно оценена с глубинно-психологической точки зрения. Друг (подруга) призваны дополнить «биологический треугольник судьбы», состоящий из отца, матери и сына (дочери), после отделения последнего от родителей. Без подобного дополнения человек чувствует себя словно «ампутированным», лишенным чего-то... Он постоянно ищет это «что-то», чтобы дополнить себя. Если ему это не удалось, то он становится «вечным искателем» и живет в постоянной опасности приобретения какой-либо формы зависимости.

О том, как выбор в любви может защитить человека от побудительных опасностей, мы подробно писали в «Судьбоанализе» (1944).

Врач, профессиональный психолог, воспитатель должны выступать в роли повивальной бабки, помогающей произвести на свет социально-приемлемые формы манифестации побудительных потребностей, которые могут быть источником опасности и для отдельной личности, и для общества в целом.

Заключение

В процессе обсуждения была признана пригодность судьбоанализа в качестве нового терапевтического метода, а также возможность применения «экспериментальной диагностики побуждений» в психиатрии и профессиональной диагностике. Напротив, генная теория побуждений – на основе которых построены как судьбоаналитическая терапия, так и экспериментальная диагностика побуждений – подверглась довольно резкой критике. Однако судьбоаналитики придерживаются мнения, что *побуждения обусловливают выбор не только в любви, дружбе, профессии, но также и в предпочтении научной теории.* Слишком уж часто рабочая гипотеза принималась (соответственно, отвергалась) только на основании чьих-либо личных симпатий и антипатий, без предварительного проведения фундаментальных исследований. В таких случаях «выбор теории» становится крайне субъективным и зависит от индивидуальной структуры побуждений дискутирующей персоны.

Судьба генной теории побуждений схожа с судьбой фрейдовского «эдипова комплекса». Оба они вызывают шоковую реакцию. Конечно, любой будет шокирован, услышав, что выбором его решений управляет не он

сам, а его латентные, часто больные предки. И пока человек не обретет достаточно мужества, чтобы объективно проанализировать собственную судьбу в свете открытий судьбоанализа, он будет постоянно оказывать сопротивление генной теории и отвергать ее. То же самое было и с теорией психоанализа. Таким образом, мы должны спокойно подождать шоковой реакции, и только после ее окончания и преодоления последующего сопротивления постараться помочь человеку занять объективную позицию.

IV. «Я»

«Понтифекс-Я»[8].
«Я» как строитель моста между противоположностями

Понятия, как и люди, имеют свою судьбу. Если оглянуться на исторический путь, который за последние три тысячи лет проделало понятие «Я», нельзя не поразиться многообразию его вариаций. Чем только оно не было за это время!

«Я» было богом, творцом Вселенной, создателем мироздания, господином, бессмертным внутренним рулевым;

«Я» было собственным телом, принадлежностью к сословию, материальной недвижимостью, указанием на определенную окружающую среду, именем собственным, душой всех вещей, вращающихся и движущихся в мире;

«Я» было духом и метафизической субстанцией;

«Я» было совокупностью ощущений, представлений и переживаний;

«Я» было определенной оценочной позицией и памятью;

«Я» было субъектом и трансценденцией как бытие-в-мире;

«Я» было частью бессознательного, функцией защиты, нелибидозным побуждением, сексуальным объектом, изначальным резервуаром либидо, идеалом «Я»,

системой цензуры, силой, защищающей от бессилия, волей к власти;

«Я» было центром сознания и такой части психики, как Самость.

Все, что всякий раз появлялось в понятии «Я» в качестве его предмета и функции, необходимо рассматривать как реализацию и объективизацию бессознательных процессов, как проекцию из коллективного бессознательного. Следует серьезно относиться к любым новым определениям «Я», принимать их как психическую реальность. Таким образом, мы подходим к *интегральному понятию* «Я». Другими словами: «Я» действительно имеет внутреннюю связь с Богом, с творцом мира и внутренним рулевым, с Духом, а также с телесной природой побуждений, с всемогуществом и бессилием, с оценочной позицией (цензурой) и с памятью как носителем и ретранслятором прошлого.

«Я» связано с конгломератом функций и с отдельными функциями, с либидозными и нелибидозными побуждениями, с маскулинностью и феминностью, с сознанием и бессознательным, с телом и душой, с бодрствованием и сном, с посюсторонним и потусторонним. В исторических изменениях понятия «Я», т.е. в выборе содержаний и функций, которые его наполняют, судьбоанализ признает выбор из дуальных противоположностей, которые функционируют в бессознательном и находятся в динамически-диалектическом взаимоотношении.

Как современный историк, так и судьбоаналитик придерживаются мнения, что в истории – как и в судьбе индивида – выдающийся результат, действие, доминирующее мнение, способ видения и мышления никогда не могут быть делом чистого случая. В истории человечества и в судьбе индивида все имеет двойную детерминацию: судьба подчиняется *не только закону причинности*

(как предполагает исторический материализм), но синхронно с ним *закону финальности*, и все это выливается в *закон целостности*, или соответствия жизненных планов отдельного человека и всего человечества. Без определения *жизненного плана* понятие судьбы подобно яичной скорлупе без содержимого. Согласно учению судьбоанализа, история человечества и история индивида (в виде судьбы) – всегда результат действия полярно противоположных законов – законов каузальности и финальности, которые находят свое выражение в законе целостности.

Жизнь индивида, как и существование человечества, основана на *единстве противоположностей*. Противоположные полюса могут находиться по отношению друг к другу в разных позициях: 1) *комплементарных*, или дополняющих; 2) *контрадикторных*, при которых противоположности взаимоисключаются. Почти все психические противоположности имеют комплементарную природу и дополняют друг друга. Контрадикторные пары противоположностей друг друга исключают, и личность никогда не сможет их интегрировать, а потому вынуждена выбирать всегда что-то одно: например, выбирая жизнь, отказываться от самоубийства.

С этой точки зрения становится понятным различие между интеграцией и выбором. *Интеграция*, или дополнение противоположностей до целостности, – это идеальное разрешение так называемых комплементарных противоречий. Если личность устраняет комплементарные противоположности своей души (например, маскулинность – феминность, притязания Каина – притязания Авеля и т.д.) посредством выбора одного из притязаний и вытеснения другого, то этот способ разрешения противоречий является вполне благоприятным для общества, но для нее самой может оказаться весьма опасным. Инте-

грация, или взаимодополнение сосуществующих антиподов, всегда решает вопрос в пользу общества и одновременно в пользу личности. В психологии на первое место ставится вопрос о комплементарной паре противоположностей, которые не являются раздельными, независимыми, статичными. Напротив, противоположные полюса находятся в динамическом, взаимодополняющем, комплементарном сосуществовании.

В отношении этого взаимодополняющего функционирования противоположных полюсов в телесной и душевной жизни можно сделать следующие выводы:

1. Противоположные полюса находятся в *диалектическом* соотношении.

2. Между двумя полюсами пары противоположностей происходит постоянное сотрудничество, взаимодействие (кооперация).

3. Посредством этого дополняющего сосуществования и комплементарного взаимодействия (кооперации) противоположных полюсов формируются все возможные образы с их своеобразными качествами в психическом мире.

4. Если тенденция комплементарности между противоположными полюсами прерывается или нарушается, то и отдельной личности, и всему человечеству угрожает катастрофа.

Если мы рассмотрим «Я» как инстанцию с точки зрения комплементарного сосуществования и кооперации противоположных полюсов, то придем к следующим выводам. В психике человека все противоположные импульсы, стремления и представления находятся в постоянном диалектическом взаимодействии, например:

– стремление максимально расширить свое всемогущество (*эгодиастола*) и в то же время навязчивое стремление загнать себя в узкие рамки (*эгосистола*);

– стремление наполниться духовностью и освободиться от власти побудительной природы;

– желание быть одновременно и мужчиной, и женщиной, т.е. притязание на совершенство двуполого существа [3, 4];

– потребность в объективации и одновременно субъективации внутренних психических процессов;

– стремление видеть все в одном конгломерате, в комплексе, и одновременно желание представлять и воспринимать это соединение как единичное событие;

– стремление к осознанию бессознательных процессов и одновременно желание навсегда сделать это сознательное бессознательным.

Эти пары противоположностей, как и все другие, которые здесь не перечислены, встречаются у людей в разнообразном, взаимодополняющем сосуществовании и взаимодействии.

***

Но если в психической реальности все так и происходит, мы должны предположить существование более высокой душевной инстанции, некоего центрального административного органа, роль которого заключается в примирении частей («consensus partium») и разрешении противоположностей.

Другими словами, мы должны учредить *над парами противоположностей инстанцию*, которая сводит их воедино и сохраняет это взаимодействие и взаимодополнение. (Это и есть «consensus partium».) Данная *инстанция* берет на себя поистине министерскую задачу – выявить и соединить между собой противоположности, другими словами, реализовать функцию комплементарности.

Судьбоанализ видит эту руководящую инстанцию, строителя мостов между противоположностями, в «Я» и предлагает для него следующие определения:

«Я – это Pontifex oppositorum».

«Я» – это распределитель бытийной силы, организатор и администратор комплементарного сосуществования и дополняющей кооперации противоположных полюсов сознательной и бессознательной части психики.

«Я» социализирует и сублимирует, индивидуализирует и гуманизирует все противоположности человеческой природы побуждений.

«Я» – это мост, способный соединить между собой противоположные полюса души.

«Я» является сложной и комбинированной осью колеса судьбы, в качестве спиц которого выступают пары психических противоположностей.

«Я» не является ни всемогущим Богом, ни бессильным человеком; это – связующее звено между Богом и человеком.

«Я» – это не Дух и не природа; это – мост между Духом и природой побуждений.

«Я» – это не объект и не субъект; это – посредник между объектом и субъектом.

«Я» – это не конгломерат функций и не какая-либо единичная функция; это «рука», которая соединяет отдельные функции в единый функциональный узел.

«Я» – это не мужчина и не женщина; это заложенная в нас взаимосвязь между мужчиной и женщиной.

«Я» – это ни центр сознания, ни периферия бессознательного; это – ось, один из полюсов которой связан с сознанием, а другой – с бессознательным.

«Я» – это ни бодрствование, ни сон; это – мост между бодрствованием и сном.

«Я» – это ни посюстороннее, ни потустороннее; это – мост между посюсторонним и потусторонним.

Но возможно ли, чтобы одна инстанция была способна соединить между собой, интегрировать все возможные противоположности?

Для ответа на этот вопрос назовем предварительные условия функционирования «Понтифекс-Я»:

1) *трансценденция*, т.е. способность к переходу из одной реальности в другую;

2) *интеграция*, т.е. способность к восстановлению целостности из ее комплементарных частей;

3) *партиципация*, т.е. способность «снова-становиться-единым-целым», объединяться с людьми и материальными объектами, миром и Вселенной.

Следовательно, в качестве Понтифекс оппозиторум понятие «Я» должно рассматриваться как трансцендирующая, интегрирующая и партиципирующая инстанция.

Только этот путь дает «Я» возможность действовать в качестве интегрирующей инстанции.

На древний вопрос Упанишад: «Что есть твое Я?» мы можем ответить языком нашего времени:

Что распределяет силу и могущество души между властными инстанциями человеческого существования? – Твое «Я», распределитель могущества.

Что несет на своих полюсах эти пары противоположностей, подобно могучему колесу с множеством спиц? – Твое «Я», «Pontifex oppositorum», строитель моста между противоположностями.

Что движет навстречу друг другу противоположные части души и побуждает их к взаимодополнению? – Твое «Я», дополнитель и созидатель целостности.

Что подталкивает людей к совершенствованию своей природы, к соединению мужчины и женщины в со-

вершенном двуполом существе? – Твое «Я», стремящееся к полному совершенству.

Что побуждает бессознательные содержания психического становиться осознанными и снова вытесняет их в бессознательное? – Твое «Я», способное осознавать и вытеснять.

Что связывает тело с душой, бодрствование со сном, посюстороннее с потусторонним? – Твое «Я», *находящееся в непрерывном движении между ними.*

Человеческое и животное существование, телесное и духовное, мужское и женское, пребывание в сознательном и в бессознательном, в бодрствовании и во сне, посюстороннее и потустороннее – все это только варианты, выбранные «Я», позиции на «командном мостике» души, частичные и эпизодические модусы существования, возможности судьбы, экзистенции «Я».

Существование «Я» – это начало и конец человеческой жизни. Жизнь без «Я» равноценна пребыванию в царстве животных, растений или минералов. Отсюда и утверждение: рождение «Я» – словно рождение души. Более того, это рождение человеческой жизни вообще – в противоположность животному существованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wellek E.* Die Polarität im Aufbau des Charakters. Francke AG, Bern.
2. *Guardini R.* Der Gegensatz. Matthias-Grünewald-Verlag, Mainz, 1955.
3. *Szondi L.* Triebpathologie. Hans Huber, Bern u. Stuttgart. S. 368.
4. *Winthuis J.* Das Zweigeschlechterwesen. Hirschfeld, Leipzig, 1928.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ВОПРОСАХ РАСЩЕПЛЕНИЯ «Я»[9]

Общее о расщеплениях в «Я»

В 1911 г. Ф. Блейлер дал эвристичное название «расщепление» феномену, который уже фигурировал в литературе под различными именами – «диссоциация», «распад сознания» (Гросс), «сеюнкция» (Вернике). Сегодня эти термины прекратили свое существование, так же как и выражение «расщепление самосознания» (**Фойерштерлинг**), обозначавшее приступы психомоторных расстройств. Чистому определению понятия мы обязаны Блейлеру, который посредством переименования *психоза расщепления* – Dementia praecox (Крепелин) – в *шизофрению* подготовил в психиатрии твердую почву для понятия «расщепление «Я» [1].

Блейлер различал два типа расщепления: 1) *первичное*, при котором расщепляется изначально прочная ассоциативная цепочка конкретных понятий; 2) *вторичное*, при котором аффективно нагруженный комплекс все более обособляется, стремясь к постоянно возрастающей самостоятельности в психической жизни.

Под понятием «шизофрения» ученый хотел объединить оба типа расщепления, часто сплавляющихся в единое целое. Он выделяет следующие характерные признаки шизофренического расщепления: а) *отсутствие задержки;* б) *аутизм.* Вследствие отсутствия задержки вполне могут сосуществовать несовместимые идеи (например, шизофреник может видеть в одной и той же личности как своего недруга, так и врача). Вследствие аутизма больной заменяет неприятную ему реальность на ирреальный воображаемый мир.

Популяционная группа		*Кол-во случаев*
А. Представители первобытных народов		100
Б. Цивилизованные люди в возрасте от ребенка до старика		2154
1. Период упрямства	3–4 года	75
2. Возраст детского сада	5–6 лет	150
3. Возраст прихода в школу	7–8 лет	100
4. Препубертат	9–12 лет	125
5. Начало второго пубертата	13–16 лет	200
6. Конец второго пубертата	17–18 лет	175
7. Период выбора профессии	19–20 лет	100
8. Молодость	21–30 лет	300
9. Возраст создания семьи	31-40 лет	300
10. Возраст перемен	41–60 лет	250
11. Начало старения	61–70 лет	250
12. Годы старения	71–80 лет	84
13. Старость	81–90 лет	45
		2154

1. Бредовые больные	180
2. Галлюцинирующие психотики	40
3. Меланхолики	63
4. Маниакальные больные (гипоманиакальные, маниакально-депрессивные)	35
5. Эпилептики	156
6. Больные с сексуальной патологией	327
7. Психопаты	90
8. Невротики	196
	1087

Таблица 8. Анализ «Я» у различных популяционных групп

Но два других важнейших утверждения Блейлера на сегодняшний день почти забыты. *Во-первых*, то, что феномен расщепления относится не только к шизофрении; *здоровая психика также может расщеплять свое «Я»* как в состоянии бодрствования, так и во сне. Следовательно, шизофреническое расщепление должно рассматриваться только как чрезмерное усугубление физиологического феномена расщепления. *Во-вторых*, то, что физиологическое расщепление целостной структуры может привести – в зависимости от обстоятельств – к истероидному, эпилептоидному, аутическому или параноидному расщеплению. Поэтому феномен расщепления может встречаться и при других психических заболеваниях.

По Блейлеру, степень расщепления у шизофреника является очень большой, у здорового человека – средней, а у эпилептика недостаточной [5].

На основании этих двух знаменательных положений Блейлера, которые до сих пор еще не были доказаны, мы занялись вопросом расщепления «Я» у здоровых и психически больных людей, представителей диких и цивилизованных народов (1937–1967 гг.) посредством экспериментального анализа «Я» [12], клинических наблюдений, отчасти аналитической психотерапии и анализа сновидений [15]. В таблице 8 представлен достаточно полный обзор содержания этих исследований.

По результатам экспериментального анализа «Я», которые были подробно рассмотрены в «Экспериментальной диагностике побуждений» (1947) [12], мы смогли определить нормальный процесс развития функций «Я». Результаты клинических исследований («Анализ Я», 1956) [14] позволили нам установить, на какой из стадий расщепления деградирует «Я» пациентов из самых различных клинических групп.

Эти диагностические результаты (3341 случай) подтолкнули нас к созданию *функционального учения «Я»*, с помощью которого можно будет лучше ориентироваться в вопросах расщепления «Я» [15].

Расщепление «Я» в свете функционального учения «Я»

С точки зрения этого учения, «Я» является не анатомически локализованным органом, не психическим аппаратом (Фрейд [3]), а совокупностью четырех элементарных функций, которые мы называем *радикалами «Я»*. Эти четыре врожденных радикала представляют собой конгломерат функций «Я».

1. *Партиципация* – стремление к едино- и равнобытию с другими людьми. Она приводит к образованию дуального союза посредством проецирования своего могущества на другой объект. Это жизнь «Я» в других (единство ребенка с матерью, клановая солидарность). После распада такого партиципативного двуединства это же стремление функционирует в качестве *вторичной проекции* как перенос собственной бытийной силы на людей, причинивших данному человеку какой-то вред или преследующих его. Сюда относится состояние бессилия «Я» при *проективном параноиде* (бред преследования).

2. *Инфляция* – стремление «Я» к удвоению своего могущества. Это *желание быть удвоенным и «быть всем»*, амбитендентность в смысле Блейлера. Инфляцией также называется одержимость противоположными стремлениями, которые протекают синхронно, несвязанно, без взаимного исключения или сплавления. Эта функция соответствует понятию первичного расщепления (Блейлер). Следствием инфляции можно было бы назвать «аутизм в существовании», содержание которого может изменяться от личности к личности, от времени

к времени (например, стремление быть одновременно мужчиной и женщиной, духом света и духом тьмы, властелином и рабом, солдатом и генералом, человеком и животным). Мы вслед за Юнгом называем эту функцию *инфляцией*. Она доминирует при *инфлятивном параноиде* (бред величия).

3. *Интроекция* – изначальное стремление «Я» к вовнутрению, присвоению и капитализации ценных объектов, ценностных представлений, всех ценных содержаний и власти над внешним и внутренним миром. Другими словами: *стремление все иметь и все знать*. Физиологическая функция интроекции проявляется в том, чтобы выступать в качестве моста между восприятием внешнего и внутреннего мира. Клиническая форма – *аутизм в обладании*, «магическое» мышление при шизофрении (по Блейлеру).

4. *Негация* – элементарная функция «Я», которая выражается в избегании, отрицании, задержке, вытеснении. Клиническая форма – негативизм, обесценивание всех ценностей, отчаяние, личностная деструкция и самодеструкция при кататонии, мании и самоубийстве.

Названные четыре функции радикалов никогда ранее не сводились в психопатологии в конгломерат функций «Я», а рассматривались изолированно, независимо друг от друга. Но экспериментальный анализ «Я» показал, что эти четыре элементарные функции закономерно и последовательно взаимосвязаны в процессе круговорота (*см. рис. 4*).

Эти четыре элементарные функции «Я» представляют своего рода «станции» в развитии «Я» и последующей жизни индивида, через которые последовательно проходят все стремления побуждений, внутренние или внешние восприятия и представления, возникающие в психике. Мы уже доказали (1947), что физиологическое

развитие «Я» также следует путем круговорота: 1) партиципация (проекция); 2) инфляция; 3) интроекция; 4) негация, соответственно, адаптация [12].

Представленный круговорот имеет особенное значение для патологии «Я». Мы смогли показать, что каждое расщепление «Я» происходит вследствие торможения круговорота на одной какой-то элементарной функции «Я». Другими словами, *расщепление «Я» возникает не из-за раскола «содержаний», а вследствие выпадения, соответственно пребывания-вне-действия определенных элементарных функций.*

Специфическая природа оставшихся в изоляции и чрезмерно интенсивно задействованных функций «Я» определяет специфику психиатрической картины заболевания. В дальнейшем под термином «расщепление» следует понимать «откол» отдельных элементарных функций, элементарных стремлений «Я». Однако «от-

Рис. 4. Схематическое изображение круговорота в «Я»

колотые» функции «Я» исчезают только с переднего плана психической жизни. Они постоянно незримо пребывают на заднем плане и могут при случае либо снова включиться в круговорот «Я», либо посредством вращения расщепленных частей единолично занять место на переднем плане жизни «Я» [15].

К учению об унаследованном круговороте четырех элементарных функций «Я» относятся еще два известных понятия, получающие здесь весьма специфическое значение: *интеграция и дезинтеграция.*

В функциональном учении о «Я» *интеграцией* называется состояние, при котором четыре элементарные функции совершают предписанный им круговорот без длительной остановки, соответственно, выпадения отдельных функций «Я». Жизнь «Я» становится интегрированной, если все его содержания – будь то побудительные стремления, представления или идеи – совершают свой круговорот от проекции к инфляции, а затем к интроекции и к негации. При интеграции не выпадает ни одна из четырех функций – все они являются активно действующими.

Напротив, *дезинтеграция* – это состояние, при котором все четыре элементарные функции «Я» пребывают-вне-действия, в результате чего содержания психического вынужденно протекают без участия «Я», соответственно, *в сумеречном состоянии* (например, сумеречные атаки у эпилептиков).

При помощи функционального учения о «Я», которое ставит на первое место расщепление функций «Я», а не проверяет содержания «Я», как Фрейд [3], мы искали ответ на вопрос, *как расщепляются четыре элементарные функции* «Я» у представителей первобытных племен, у цивилизованных людей и у людей, страдающих различными психическими заболеваниями.

Расщепление «Я» у дикарей экваториальной Африки

Архив «Международного научно-исследовательского общества судьбопсихологов» (Цюрих) располагает сотней протоколов экспериментального анализа «Я» дикарей экваториальной Африки, сделанных при помощи теста Сонди.

Доктор Перси, старший врач Альберта Швейцера, тестировал здоровых родственников больных, лежавших в госпитале Ламбарене, – нецивилизованных выходцев из джунглей, представителей племен фанг, галоа, акеле, массанго, н'коми и эсхира. Из 100 дикарей 42 продемонстрировали тотальный проективно-партиципативный тип расщепления; 72% имели картину комбинированного расщепления «Я», в котором доминировала проекция.

Расщепление «Я» у этих дикарей было того же типа, что и у цивилизованных психически больных людей – проективных параноиков с бредом преследования, отношений, наблюдения и причинения вреда [14].

Однако обследованные здесь 100 представителей первобытных племен *были абсолютно здоровыми людьми, и не шизофрениками.* Но *у них имело место расщепление в «Я»* вследствие перегрузки проективной функции партиципации – в форме тотальной солидарности с кланом, личностного единобытия с тотемными животными и растениями, т.е. в форме примитивной религии. Пребывание-вне-действия трех других функций «Я», столь важных для цивилизованных людей: *инфляции, интроекции* и особенно *негации*, не делало их простые души больными.

Эти результаты доказали, во-первых, что Блейлер был прав, предполагая у дикарей *физиологическую* природу расщепления. Во-вторых, что тотальная проекция у

дикарей приводит к здоровой клановой солидарности и тотемной религии, в то время как точно такое же расщепление вызывает у представителей цивилизованных народов бредообразование и галлюцинации. Таким образом, следствия проекции зависят от уровня развития и цивилизованности.

Расщепление «Я» у цивилизованных людей

В целях экономии места мы вынуждены отказаться от описания возрастной динамики расщепления «Я» [12] у человека. Здесь мы представим расщепление «Я» только у двух групп взрослого населения – у среднестатистических («повседневных») и у духовно сублимированных людей.

1. *Взрослый «повседневный» человек* расщепляет свой конгломерат из четырех функций «Я» таким образом, что проживает в состоянии бодрствования только ту часть расщепления, которая состоит из проекции и негации. Эта часть расщепления проявляется как социальная адаптация. С точки зрения психологии «Я» это означает отказ от проецируемых на внешний мир желаний (негацию).

Другая часть расщепления, которая исключена «повседневным» человеком из действия, состоит из стремления *быть всем* (инфляции) и *все иметь* (интроекции). Чтобы стать социально адаптированным, нужно отказаться от желания слишком многим быть и слишком многое иметь. Этот вид адаптации часто возникает уже у 9–10-летних детей, но с максимальной частотой (54,2%) встречается в самой старшей группе среднестатистического населения. Частота адаптированности с годами постоянно повышается: между 13 и 20 она составляет 22%, между 21 и 30 годами 28,3%, между 31 и

40 годами 29%, между 41 и 60 годами 40,3%, между 61 и 70 годами 43%, между 71 и 80 годами 54,2% [12].

Таким образом, решающим эволюционным шагом в развитии от дикаря до цивилизованного человека является отреагирование *функции отрицания*, соответственно, отказа от проекции желаний. Представитель первобытного племени полностью разряжает свою проективную функцию в состоянии бодрствования в форме партиципации (единобытия) со своим тотемом и кланом, а цивилизованный человек – только в сновидении.

2. *Сублимированный* человек включает в постоянно происходящий круговорот все четыре элементарные функции «Я», которые пребывают на каждой из этих четырех «станций» довольно непродолжительное время. Группа людей без расщепления «Я» является весьма немногочисленной. Чаще мы встречаем так называемых «интеллектуальных трудоголиков», которые «откалывают» только функцию проекции и сдерживают свою увлеченность (угрозу инфляции) путем навязчивой деятельности, то есть частично ее реализуют.

Расщепление «Я» у психически больных людей

Наши исследования экспериментально подтвердили не только тезис Блейлера о существовании физиологического расщепления «Я» у дикарей и цивилизованных здоровых людей, но и его предположение о том, что феномен расщепления может встречаться не только в группе шизофреников, но и среди представителей других психических заболеваний.

На сравнительно большом массиве клинического материала (1087 случаев) из самых разных стран мы смогли выделить восемь видов расщепления «Я» и опреде-

лить их специфические отношения с клиническими картинами соответствующих заболеваний.

При последующем перечислении этих восьми форм расщепления мы будем останавливаться как на клинически активных и «отколотых» функциях «Я», так и на их клинических и физиологических проявлениях.

Формы расщепления в группе «шизофрения»

Здесь были выявлены четыре различных формы расщепления «Я».

Первая форма: проективно-параноидное расщепление «Я».

1. *Клинически активная часть* «Я» позволяет проявляться только *тотальной проекции.* Клиническая картина проявляется: а) как проективный параноид, т.е. как бред преследования, отношений, наблюдения и причинения вреда, или б) как паранойя на эпилептической основе (по Бухгольцу, 1985, [2] и Зейделю [8]).

2. *Клинически пассивная часть* «Я» на заднем плане содержит *инфляцию, интроекцию и негацию.* Эта часть обуславливает так называемое каторжно работающее «Я», которое может проявляться до и после проективно-параноидного шуба. Нередко бывает, что обе части расщепления так быстро меняются местами, что параноидная фаза почти незаметна.

Проективно-параноидная форма расщепления появляется в психическом развитии как партиципативное раннедетское «Я» в период единства матери и ребенка. Напомню, что у 42% психически здоровых представителей первобытных племен мы тоже наблюдали проективно-параноидное расщепление «Я».

Вторая форма: инфлятивно-параноидное, инфлятивно-эпилептиформное, инфлятивно-истериоформное, гебеформное расщепление «Я».

1. *Клинически активная часть* «Я» позволяет проявляться только одержимости идеями, или *инфляции*. Клиническими формами этой картины являются: а) бред величия, бред на религиозной почве, «любовный» бред (эротомания), бред кверулянтности; б) припадкообразная, эпилептиформная одержимость с бредовыми идеями убийства или религиозной подоплекой; в) истериоформная, театрально-патетическая, часто дурашливо-гебеформная приступообразная одержимость идеями величия; г) гебеформное высокомерие, лживость; д) инфлятивная мания.

2. *Клинически пассивная часть* «Я» на заднем плане включает проекцию, *интроекцию и негацию*. Она приходит на смену одержимости в клинической форме эпилептиформного бегства (фуги), патологической страсти к путешествиям (пориомания), малых ретропульсивных припадков или генуинного эпилептического припадка.

С физиологической точки зрения инфлятивная форма расщепления может проявляться как побег из дома у пяти-шестилетних детей и позднее во втором пубертате (17–18 лет).

Третья форма: Аутичное, интропроективное и интроективное расщепление «Я».

1. *Клинически активная часть* «Я» – это интропроективное «Я», которое включает в действие *проекцию и интроекцию*, которые дают картину *аутизма*. С точки зрения психологии «Я», бессознательные желания переносятся – как и при проективном параноиде – не на внешнее окружение, а на собственное «Я». Все желания вовнутряются, интроецируются, т.е. одобряются. Личность выходит за границы реальности, мыслит «магически» и ведет себя аутично-недисциплинированно (Блейлер). При развитии меланхолии также сначала происходит аутичное расщепление «Я». Но в то время

как аутичный шизофреник становится все более «всемогущим» в обладании, меланхолик теряет силы вследствие самообесценивания и самообвинения, бреда греховности и обнищания. Меланхолик аутичен, как и шизофреник, так как он продуцирует негативные бредовые представления, которые тоже выходят за границы реальности.

2. *Клинически пассивная часть* «Я» содержит *инфляцию и негацию*, которые обуславливают феномен задержки. Итак, клиническими проявлениями противоположных частей расщепления являются аутизм и задержка. Экспериментальный анализ «Я» [13] и здесь подтверждает мнение Блейлера.

С физиологической точки зрения аутичная форма расщепления проявляется у ребенка в период сопротивления.

Так как чисто интроективное расщепление – без проекции – часто приводит к аутизму, мы называем эту третью форму также интроективным типом расщепления. Противоположной (клинически пассивной) частью этой формы является отчуждение (См. пятую форму расщепления).

Четвертая форма: Кататониформное, негативистское расщепление «Я».

1. *Клинически активная часть* расщепления задействует при психозах только чрезмерную *негацию*, деструкцию, а при неврозах – вытеснение и невротическое избегание.

Тяжелый негативизм клинически проявляется у кататонических шизофреников, а также при мании и самоубийствах.

2. *Клинически пассивная часть* «Я» на заднем плане включает три функции: *интроекцию, инфляцию и проекцию* (при психозе – проективные, инфлятивные и интроективные бредовые идеи). Вероятно, кататони-

формная негация у психотиков является разновидностью попытки самоизлечения от параноида и аутизма. У невротиков вытеснение выступает в качестве протеста против принятия женственности (гомосексуальности) и покинутости.

С физиологической точки зрения негативистская форма расщепления проявляется как инфантильное вытеснение в первом пубертате (от 3 до 6 лет), а затем во втором препубертате (от 9 до 12 лет).

Итак, описанные четыре формы расщепления соответствуют четырем нозологическим формам в группе шизофрении: 1) проективный параноид; 2) инфлятивный параноид; 3) интроективная, аутичная шизофрения; 4) негативистская, кататоническая шизофрения.

Формы расщепления в группе «эпилепсия»

Предварительно заметим, что при эпилептиформных расстройствах «отколотые» части «Я» могут клинически проявляться (так же, как и в рассмотренных видах шизоформного расщепления) вследствие переворачивания частей расщепления. Поэтому две последующие формы расщепления (5-я и 6-я) имеют специфический пароксизмальный оттенок, поскольку первичным является не расстройство «Я», а эпилептиформное расстройство аффектов, содержанием которого является каинистическая, смертоносная ментальность. Этот наплыв аффектов вторично вызывает расщепление «Я».

Пятая форма: Пароксизмальное, аффективно обусловленное отчуждение.

1. *Клинически активная часть* «Я» включает в действие одновременно три функции «Я», а именно *негацию, инфляцию* (с задержкой) и *проекцию*. Таким образом, возникает эпилептиформное или истеро-эпилептиформ-

ное отчуждение. В том случае, когда негация доходит до степени самодеструкции, возникает клиническая картина отчуждения (при эпизодической, припадкообразной алкогольной зависимости, при попытках самоубийства, а также при истерии и хронических депрессиях).

2. *Клинически пассивная часть* «Я» на заднем плане содержит важную функцию, связанную с восприятием мира – *интроекцию.* С точки зрения психологии «Я» отчуждение является следствием обусловленного аффектами исключения из действия интроекции – мостика между внешними и внутренними восприятиями. С «отколом» интроекции выпадают все переведенные во внутренний план содержания психики: знания, память, картины воспоминаний, моторные и сенсорно-моторные образы. Уже в 1911 году Блейлер писал о расщеплении аффектов при шизофрении как о защите [1]. Это действительно защита, так как если интроекция будет единолично господствовать в клинической картине, возникнет аутизм.

С физиологической точки зрения отчуждение проявляется в период перехода от возраста детского сада к школьному возрасту (5–7 лет) и от юношества к взрослости.

Шестая форма: дезинтегрированное, эпилептиформное расщепление с сумеречными состояниями.

1. *Клинически активная часть* «Я» на переднем плане полностью отсутствует. Все четыре элементарные функции временно бездействуют. С клинической точки зрения может иметь место сумеречное состояние, сумеречные атаки, малые оральные припадки, иногда дезориентация или смена «Я».

2. *Клинически пассивная часть* содержит на заднем плане все четыре функции «Я» – *интроекцию, негацию, проекцию и инфляцию.* Такая картина появляется до и после сумеречного состояния как предчувствие катастрофы (фобия).

С физиологической точки зрения дезинтеграция может временно появляться – иногда как смена «Я» – в возрасте от 17 до 20 и от 60 до 70 лет.

Седьмая форма: Навязчивое, ананкастное расщепление «Я».

1. *Клинически активная часть* «Я» одновременно включает в действие *интроекцию и негацию.* Всякая интроекция (побуждение сказать «да») делается невозможной из-за негации (побуждение сказать «нет»). Так возникает клиническая картина амбивалентности, отчаяния и неспособности к действиям при неврозе или психозе навязчивых состояний.

2. *Клинически пассивная часть «Я»* на заднем плане содержит чрезвычайно опасную *инфляцию и проекцию*, другими словами, параноид. Таким образом, навязчивое расщепление выступает в качестве защиты от заднепланового параноида. (См. здесь работы Штенгеля [10] и Мюллера [6].) Но навязчивость может быть также формой протеста против собственной женственности, как, например, у латентных гомосексуалистов.

С физиологической точки зрения навязчивое расщепление достигает своего пика в возрасте от 9 до 13 лет, т.е. в препубертате.

Восьмая форма: адаптивное расщепление «Я».

Ранее уже упоминалось, что у здоровых цивилизованных взрослых доминирует «адаптивное» расщепление «Я». Для полноты картины мы напомним здесь о нем, чтобы представить целостную систему из восьми форм расщепления.

Клинически активная часть «Я» включает в действие функции *проекции и негации*, вследствие чего возникает адаптация.

Клинически пассивная часть «Я» на заднем плане содержит стремление «быть всем» (инфляция) и «все иметь» (интроекция). Эта часть расщепления называет-

ся также «тотальным нарциссизмом». (Мы наблюдали у одного психически здорового преуспевающего ученого проявление этой расщепленной части «Я» на переднем плане – в качестве нарциссического характера.)

В то время как частота физиологической адаптации постоянно повышается вплоть до глубокой старости, тотальный нарциссизм является наиболее частой картиной между 20 и 30 годами и в меньшей степени в пубертате. В допубертатный период и в более старшем возрасте это расщепление почти не встречается.

Применение учения о функциональном расщеплении «Я» в психиатрии. Изменение представлений об антагонистической картине заболеваний

Представленное здесь учение о функциональном расщеплении «Я» может помочь психиатру в понимании причин возникновения ложных антагонизмов, а также смешанных случаев в динамике заболевания.

В качестве примера напомним о часто обсуждаемой *взаимосвязи шизофрении и эпилепсии.* Некоторые психиатры (фон Медуна, Штехелин) считают, что между этими заболеваниями существует биологический антагонизм. Другие говорят о комбинированных, смешанных случаях [7], в частности, в 1895 году Бухгольц предположил паранойю на эпилептической основе [2].

Деррис и Селбах [9] придерживаются мнения, что параноидная, кататоническая и гебефреническая шизофрения могут развиваться на эпилептиформной основе.

Алажуанин писал, что эпилептическая активность исключает психотические шубы [17].

На основании чисто эмпирических, экспериментально выявленных форм расщепления шизофрении и эпилепсии четко прослеживается, что шизофрения и эпи-

лепсия могут быть формами манифестации двух частей расщепления одного и того же «Я». Но поскольку шизофрения и эпилепсия наследуются отдельно, подобная комбинация встречается довольно редко. Одна из частей обусловливает расстройство «Я» при шизофрении, другая – при эпилепсии; если на переднем плане функционирует шизоформно-параноидная часть «Я», то эпилептиформная часть расщепления остается на заднем плане. Эти две части расщепления могут меняться местами словно на «вращающейся сцене».

Клиническая интерпретация обеих частей третьей и пятой форм расщепления «Я» однозначно указывает на возможность последовательного появления двух будто бы антагонистических форм заболевания [15] при смене планов частей расщепления.

Еще один пример: первая и седьмая формы расщепления указывают на взаимосвязь навязчивости и шизофрении, обе из которых являются частями расщепления одного и того же «Я». Чаще всего навязчивость выступает в качестве защиты от параноидной шизофрении [15]. Отсюда мы переходим к вопросам терапии.

Применение учения о расщеплении в терапии

Излечение от навязчивости с помощью психотерапии противопоказано, если заднеплановая часть расщепления обуславливает параноидно-шизофреническое расстройство «Я». Напротив, параноид можно заменить на навязчивые действия посредством искусственного «переворачивания» расщепленной части. Получится ли это, можно установить только путем экспериментального анализа «Я». В книге «Судьбоаналитическая терапия» [15] мы описали несколько так называемых искусственных методов для «переворачивания» расщепленных час-

тей, и, в частности, психошоковый метод. Но прежде чем решиться на искусственное переворачивание расщепленных частей, нужно точно знать, действительно ли та «отколотая» часть «Я», которую мы хотим вывести на передний план, менее опасна, чем та, которую мы собираемся переместить на задний план. И здесь нашим путеводителем должен стать экспериментальный анализ «Я».

Учение о расщеплении «Я» играет особую роль при выборе терапии профессиональной деятельностью. Нами накоплен богатый опыт постепенного включения в действие «отколотых» частей «Я» с помощью соответствующих профессиональных занятий, хобби, увлечений.

Классическим примером является активизация интроекции у больных с отчуждением с помощью непрерывной учебы и накопления знаний (например, обучение медицине, иностранным языкам) [16]. В процессе правильно подобранной деятельности могут *социализироваться* переднеплановые, болезненно пережитые части расщепленного «Я», например: навязчивость – в картографии [15], параноид – в поисковой деятельности (детектив, шпионаж, психология) [11] и т.д. Эпилептиформную часть расщепления со смертоносной ментальностью, которая эпизодически выводит злобного Каина на переднеплановую «сцену» души, часть людей может социализировать в лечебной деятельности (медицинская сестра, хирург, священнослужитель, аналитик).

Психиатрия – это специальный раздел медицины, занимающийся расстройствами «Я». Люди с патологией побуждений и аффектов обычно просят совета психиатра, только когда их «Я» уже повреждено. В центре всех психозов находится «Я», на втором месте – побудительная и аффективная жизнь. Отсюда следует, что психиатрия нуждается в *собственной, пригодной для нее психологии и анализе «Я»* так же, как офтальмология – в оптике и очках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bleuler E.* Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien, Leipzig–Wien, 1911.

2. *Buchholz A.* Über die chron. Paranoia bei epileptischen Individuen, Leipzig, 1895.

3. *Freud S.* Ges. W. XVII. London, 1941.

4. *Meyer E.* Die Entfremdungslehre. Thieme, 1959.

5. *Minkowska F.* Arch. D. Julius Klaus St. Zürich XII. (1937), H. 1/2.

6. *Muller Ch.* Schweiz. Arch. Neurol. Psychiat. *71* (1953), 218.

7. *Schorsch U.* Psych. d. Gegenwart, II. Springer, 1960.

8. *Seidel R. Ph.* Experimentelle Existenzformenanalyse an einem Krankengut von 126 Epileptikern, Zürich, 1962.

9. *Selbach H.* Handbuch der inneren Medizin, V., Springer, 1953.

10. *Stengel E.* (a) J. ment. Sci. 91 (1945), 166; (b) J. ment. Sci 94 (1948), 650.

11. *Szondi L.* Schicksalsanalyse. Schwabe, Basel. I. Aufl. 1944, II. Aufl. 1948, III. Aufl. 1965.

12. *Szondi L.* Experimentelle Triebdiagnostik. Huber, Bern, 1947.

13. *Szondi L.* Lehrbuch der exp. Triebdiagnostik. Huber, Bern, 1960.

14. *Szondi L.* Ich-Analyse. Huber, Bern, 1956.

15. *Szondi L.* Schicksalsanalytische Therapie. Huber. Bern, 1963.

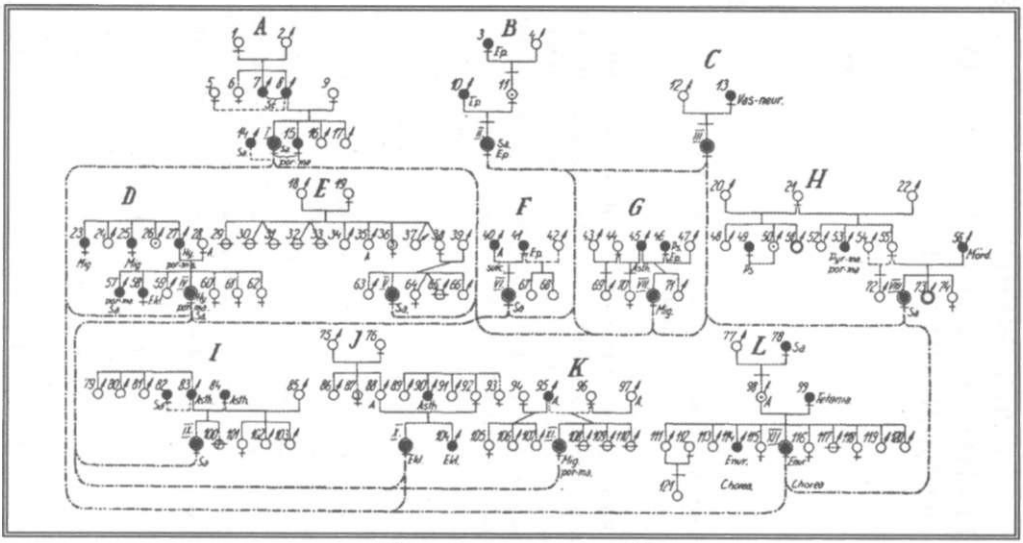
16. *Wurmser L.* Szondiana III. Huber, Bern, 1962.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ «НАВЯЗАННОСТЬ И СВОБОДА В СУДЬБЕ ИНДИВИДА»[10]

Выбор друзей как судьба, социотропизм. Случай 36

Много лет назад директриса одного исправительного учреждения направила в лабораторию, находившуюся под моим руководством, 41 воспитанницу в целях общего обследования. После окончания всевозможных физических и психологических тестов каждой девушке были предложены следующие вопросы: «С какой из своих соучениц ты поддерживаешь дружеские отношения?» Или, другими словами: «С кем из них ты хотела бы работать в одной мастерской или жить в одной комнате?» Задавались вопросы и такого характера: «С кем из воспитанниц ты можешь поговорить по душам?», «Кому ты можешь полностью доверять?», «Кто тебя понимает?» «Кого ты не стыдишься?», «На кого бы ты могла рассчитывать в трудную минуту?», «Кто помог бы тебе справиться с трудностями, утешить в горе?», «Кого ты хотела бы предостеречь от ошибки?»

На основании полученных ответов мы разбили конгломерат из 41 воспитанницы на изолированные группы, или компании, в которых имеют место дружеские отношения, следующим образом: например, девушка I чувствует симпатию к девушке II, девушка III – к девуш-

Генеалогическое дерево 36

Условные обозначения:

A. – *алкоголизм*
Asth. – *астма*
Ekl. – *эклампсия*
Enur. – *энурез*
Ep. – *эпилепсия*
Chorea – *хорея*
Hy. – *истерия*
Mord. – *убийца*
Por-ma – *пориомания*
Pyr-ma – *пиромания*
Ps. – *психоз*
Sa. – *садизм*
St. – *заикание*
Tetania – *тетания*
Vas-neur. – *вазоневроз*
Mig. – *мигрень*
Suic. – *суицид*

ке II, IV – к III или к II, или к I и т.д. Так определилась первая компания, члены которой являются подругами, затем вторая компания из других воспитанниц, которые дружили между собой, но избегали встреч и не уважали девушек из первой компании.

В общей сложности в конгломерате из 41 человека было выделено три таких компании, о которых мы хотим сообщить здесь более подробно. Замкнутость отдельной компании особенно отчетливо проявляется в том, что если две подруги из одной компании по каким-либо причинам ссорятся, то они находят себе новых подруг все равно в той же компании. Таким образом, они сохраняют верность изначальному кругу друзей. Вот к чему нас привел *первый этап* исследований.

Второй этап заключался в том, что мы приглашали в лабораторию родителей, братьев, сестер и, по возможности, бабушек и дедушек воспитанниц. После проведения обследования мы составляли генеалогическое дерево каждой воспитанницы в соответствии с принципами генотропизма. Таким образом, у нас получилось столько генеалогических деревьев, сколько было девушек в этих компаниях.

Затем последовал *третий*, возможно, самый трудный этап: из множества генеалогических деревьев было сконструировано «*дерево дружбы*» для каждой дружеской компании.

При этом мы исследовали генеалогические деревья воспитанниц, принадлежащих к одной и той же компании, в соответствии с их дружескими предпочтениями, а затем выясняли:

1) не демонстрируют ли генеалогические деревья девушек, принадлежащих к одной компании, *параллельности в отношении каких-либо специфических манифестирующих заболеваний?*

2) Имеют ли генеалогические деревья представительниц различных дружеских компаний сходство в отношении различных заболеваний?

«Дерево дружбы» № 36 включает 12 генеалогических деревьев воспитанниц I–XII (A–L). Серийные номера воспитанниц обозначаются римскими цифрами, а номера их кровных и благоприобретенных родственников – арабскими цифрами. Отдельные генеалогические деревья маркируются буквами от A до L (генеалогическое дерево воспитанницы № I – A, генеалогическое дерево воспитанницы № II – B, № III – C и т.д.).

Итак, начинаем анализ этих двенадцати генеалогических деревьев.

Воспитанница I (генеалогическое дерево A) попала в исправительное учреждение из-за бродяжничества и аморального поведения. Любовником девицы был карманный воришка (14), который в приступе гнева убил своего отца, страдавшего заиканием. Для судьбоаналитика представляет интерес то, что ее дед по отцовской линии (1) также *был убит* (2). Она (1) – «лицо без определенных занятий», пориоманка, а ее отец (8), так же как и брат (7), страдают заиканием. Таким образом, с точки зрения генеалогии воспитанница № I принадлежит к пароксизмальному наследственному кругу.

Теперь посмотрим, к каким наследственным кругам относятся девушки IV, V, VII, X, XII, которые поддерживали с ней дружеские отношения.

Воспитанница IV (генеалогическое дерево D) была направлена в исправительное учреждение из-за воровства и бродяжничества. У нее наблюдаются приступообразные состояния депрессии; кроме того, она часто устраивает истерические сцены. В семейной «почве» этой девушки также доминируют наследственные заболевания пароксизмального круга:

1. Младшая сестра (58) воспитанницы IV страдала эклампсией.

2. Кроме самой воспитанницы IV, в семье есть и другие пориоманы: брат (57), который также промышляет воровством, и отец (27), у которого наблюдались истерические припадки.

3. Тетя по отцовской линии (23) страдала частыми приступами мигрени.

О семье *воспитанницы V* (генеалогическое дерево E) мы не смогли получить достоверных сведений.

Воспитанница I является единственной подругой *воспитанницы VII* (генеалогическое дерево G), у которой наблюдались приступообразные головокружения, имевшие характер абсанса, а также состояния страха и головные боли. Мать (46) этой девушки, без сомнения, была *эпилептиком* с пароксизмальной структурой побуждений. Позднее у нее развился эпилептический психоз, и в сумеречном состоянии она хотела убить своих детей. Отец (45) длительное время страдал от приступов астмы.

Воспитанница X (генеалогическое дерево J) уже в возрасте 4 месяцев перенесла эклamптические судороги, а в 3,5 года – эпилептические припадки. Ее отец (88) был безрассудным пьяницей, который бросил свою семью. Мать (92) здорова, но имеет брата (90), страдающего астмой. Единственный брат воспитанницы № (104) также страдал эклампсией и скончался во время одного из приступов.

Воспитанница XII (генеалогическое дерево L) обнаруживает такие пароксизмальные наследственные признаки, как энурез и леворукость. Кроме того, она страдает хореей (пляска св. Витта). Аналогичные черты демонстрировал и ее брат (114), умерший в возрасте 15 лет. Пароксизмальные склонности встречаются в семье ее матери (99), которая, в свою очередь, страдала

вспышками гнева и тетанией. Необходимо отметить, что отец (98) этой юной преступницы, хотя и не демонстрировал склонности к правонарушениям, однако был рожден своей матерью (78) в *тюрьме*.

Итак, мы закончили анализ генеалогических деревьев подруг воспитанницы I. Теперь рассмотрим дружеские отношения между другими девушками.

Воспитанница XII поддерживает тесную дружбу, кроме воспитанницы IV, I, еще и с девушкой VIII.

Воспитанница VIII (генеалогическое дерево H) оказалась в исправительном учреждении из-за воровства. Сама девушка не имеет пароксизмальных заболеваний, однако в ее семье встречаются пароксизмальные характеры. Дядя по материнской линии (53), *пироман*, будучи помощником мясника, в возрасте 18 лет поджег дом своего наставника. Его сводный брат (51) стал *начальником пожарной команды* в маленьком провинциальном городке. Брат (73) девушки VIII бросил свое первое ремесло (шорник) и тоже поступил на службу в пожарную команду. На наш вопрос о причинах выбора такого жизненного пути он ответил: «*Все мои друзья – пожарные*». Отец (56) был убийцей в состоянии аффекта.

Лучшая подруга девушки VIII – *воспитанница III* (генеалогическое дерево C), о семье которой мы можем сообщить лишь то, что ее мать (13) страдала вазоневрозом (вазоневроз – судорожное расширение или сужение кровеносных сосудов, также является пароксизмальной манифестацией). Эта воспитанница дружит с девушками VII и II, о которых мы уже говорили.

Воспитанница II (генеалогическое дерево B) страдает *нарколепсией* (*одна из форм эпилепсии*), т.е. она совершенно неожиданно и припадкообразно засыпает на непродолжительное время. Ее отец (10) и дед по отцовской линии (3) были генуинными эпилептиками. Лучшая по-

друга этой эпилептиформной девушки – воспитанница VI (генеалогическое дерево F). Она демонстрирует черты пориомании и занимается воровством. Очевидно, она отреагирует таким образом свои пароксизмальные потребности, на которые указывает то обстоятельство, что ее мать (41) была генуинным эпилептиком, а отец (40), страдавший тяжелой формой алкоголизма, пытался в приступе бешенства задушить свою жену; в конце концов он направил злобу на себя и повесился.

Воспитанница VI поддерживала дружеские отношения, кроме воспитанницы II, еще с девушками IV и VII, о которых уже сообщалось. Еще двумя подругами этой девушки (VI) были воспитанницы IX и XI.

Воспитанница IX (генеалогическое дерево I) была помещена в исправительное учреждение из-за отвращения к физическому труду и воровства. С ней было очень трудно общаться из-за приступов сильной ярости, так, например, однажды она бросилась на свою хозяйку, пытаясь ее задушить. Подобными пароксизмальными вспышками ярости страдала и ее мать (84), которая в таких состояниях хотела задушить своих детей. Как мать (84), так и отец (83) страдали приступами астмы.

Воспитанница XI (генеалогическое дерево K) поддерживает дружеские отношения только с истериоформной воспитанницей IV. Она страдает частыми *мигренями,* а в исправительное учреждение попала из-за пориомании. У ее отца (95) наблюдались пароксизмальные вспышки ярости.

Итак, двенадцать воспитанниц исправительного учреждения образуют замкнутую, тесно сплоченную дружескую компанию. Генеалогическое исследование показало, что все эти девушки (кроме воспитанницы № V, о семье которой данные временно отсутствуют) являются выходцами из семей, в которых встречаются заболева-

ния одного и того же наследственного *пароксизмального* круга, к которому относятся известные болезни, симптомы и поведенческие проявления, а именно:

1. *Генуинная эпилепсия*: этим заболеванием страдали воспитанница II и кровные родственники других девушек – 3, 10, 41 и 46 (две матери, отец и бабушка по материнской линии).

2. *Детская эклампсия*: воспитанница X, ее брат (104), а также младшая сестра (58) воспитанницы IV.

3. *Абсансы*: воспитанница VII.

4. *Эпилептический психоз*: мать (46) воспитанницы VII.

5. *Мигрени*: воспитанницы VII и XI, две тетки (23 и 25) воспитанницы IV.

6. *Заикание*: индивиды 7 и 8.

7. *Истерия*: воспитанница IV и ее отец (27).

8. *Приступы астмы*: индивиды 45, 83, 84, 90.

9. *Дориомания*: воспитанницы I, IV, VI и XI и, кроме того, индивиды 15, 27, 53 и 57.

10. *Пароксизмальные приступы ярости*: воспитанницы II и IX, а также их кровные родственники 46, 84, 88 и 95.

11. *Энурез*: воспитанница XII и ее брат (114).

12. *Леворукость*: воспитанница XII и ее брат (114).

13. *Пароксизмальное убийство*: 14 и 56 (отец воспитанницы VIII).

14. Попытка *пароксизмального убийства*: воспитанница IX, кровные родственники воспитанниц VI, VII и IX (40, 46 и 84).

Итак, нами было доказано, что воспитанницы III, VI, VIII и IX являются *кондукторами эпилептоидно-пароксизмальных задатков*. Если отвлечься от воспитанниц III, V и VIII, то все остальные девушки демонстрировали в своей жизни различные проявления пароксизмальных реакций: эклампсия, мигрень, абсансы, эпилепсия, дориомания, вспышки ярости и т.д. Таким образом, все 12

девушек были геннородственны в отношении пароксизмальной структуры побуждений (если не принимать во внимание воспитанницу V). Эта дружеская компания была образована пароксизмальными генными родственниками.

Здесь можно было бы возразить: «А если исследовать семейную почву двенадцати любых не связанных дружескими отношениями индивидов, не найдем ли мы примерно такое же количество пароксизмальных (эпилептоидных) больных?»

Этот аргумент легко опровергнуть. По данным Люксембургера и Шульца, в среднестатистической популяции на 1000 индивидов примерно 3 эпилептика, т.е. 0,29%. А в группе из 130 кровных родственников 12 подруг мы встретили 5 случаев генуинной эпилепсии (3,3%), что в 10–11 раз больше, чем в среднестатистической популяции.

Здесь нам могут выдвинуть еще одно возражение: «Но ведь вы не исследовали, сколько девушек, не принадлежащих к этой дружеской компании, являются выходцами из пароксизмальных семей?» На это мы отвечаем, что кроме 12 воспитанниц, принадлежащих к вышеупомянутой компании, *в семьях остальных 29 девушек (за исключением одной) не удалось найти кровных родственников, которые манифестировали бы тяжелые эпилептиформно-пароксизмальные расстройства.*

Воспитанницы, у кровных родственников которых были выявлены заболевания других наследственных кругов (например, умственная неполноценность, шизофрения, проституция и т.д.), не имели доступа в этот закрытый дружеский союз. Они либо разделялись на дружеские пары (индивидуальная дружба), либо образовывали другую дружескую компанию, либо жили в изоляции.

Мы исследовали также семьи «дружеских пар» и пришли к выводу, что и эта дружба также однозначно основана на почве «специфического генного родства». Предлагаем вашему вниманию один из примеров образования такой дружеской пары.

Случай 37 (без генеалогического дерева)

В исправительном учреждении находилась одна слабоумная девушка еврейского происхождения, которая единственная из воспитанниц имела подобное расстройство. Одинокое, лишенное дружеских связей положение девушки приводило к тому, что зачастую она вела себя просто ужасно. Никто о ней не заботился, над ней либо издевались, либо просто сторонились. Это продолжалось довольно долго, пока в судьбе девушки не произошел неожиданный поворот. Суд по делам несовершеннолетних направил в учреждение новую воспитанницу, которая буквально с первого же дня подружилась именно с этой недружелюбной и слабоумной девушкой. Она стала ее наставницей, а впоследствии – самой лучшей подругой.

Из какой же семьи происходит эта новая воспитанница? Она не была ни еврейкой, ни слабоумной, а напротив, христианкой и с весьма хорошим интеллектом. Почему же она почувствовала симпатию к умственно неполноценной еврейской девушке? Ответ мы получили – как и предполагали в соответствии с теорией генотропизма – из генеалогического дерева новой воспитанницы: брат ее матери был *умственно неполноценным*. Таким образом, подруга одинокой слабоумной девушки сама была носителем склонности к олигофрении. Итак, разгадка этой парадоксальной дружбы заключается в генном родстве двух новых подруг.

Кроме того, мы выявили еще одну дружескую компанию, включающую довольно большое число воспитанниц учреждения, о которой здесь подробно не сообщается. Заметим только, что членов этого кружка объединяло то, что их родственники (отцы, матери, братья и сестры, а также брачные партнеры) большую часть своего времени *проводили на улице.* Среди кровных родственников этих девушек часто встречаются *дворники, грузчики, шарманщики, уличные торговцы и проститутки.*

Пока невозможно точно сказать, какова структура побуждений у представителей такой «уличной» жизни. Но вполне вероятно, что за «уличными профессиями» скрывается своя, вполне специфичная генная группа, кондукторами которой являются воспитанницы, образовавшие вышеупомянутый дружеский союз.

А теперь поговорим о дружеской компании, в которую входили четырнадцать интеллектуально высокоразвитых, практически здоровых людей.

Случай 38 (без генеалогического дерева)

Большая часть сотрудников научно-исследовательского института сплотилась вокруг своего руководителя. Речь идет о серьезной научно-исследовательской работе, требующей большого количества сотрудников, к которой они примкнули будто бы из чисто *спонтанного интереса,* а не вследствие знакомства с руководителем и не в надежде на повышение в должности. Только спустя многие годы при анализе их ближних и дальних родственников выяснилось, что все они состоят в отношениях «генного родства».

Генное родство сотрудников подтверждается уже тем фактом, что они дали свое согласие на участие в исследовательском проекте руководителя института и жертвенно посвятили этой работе многие годы жизни. Но тот

факт, что прежде чем эти сотрудники познакомились друг с другом и вообще появились на свет, члены их семей находились в дружеских или любовных отношениях, доказывает, что данная рабочая группа организовалась не случайно. Кстати, четверо сотрудников впоследствии образовали два брачных союза.

С самого начала мы предполагали, что в этом случае речь идет об удовлетворении одних и тех же генотропических тенденций. Но какие генотропические черты испытывают здесь наиболее сильное взаимное притяжение, еще предстояло уточнить. На первый взгляд, общая патологическая тенденция в этих семьях была параксизмальной, однако возможны и другие виды манифестаций.

Должен предупредить, что дружба между родственниками сотрудников не носила характера поверхностного и временного знакомства; нами рассматривались только серьезные и прочные связи. Однако ни в коем случае нельзя усматривать генное родство в любой случайно образовавшейся человеческой группе.

Маловероятно и то, чтобы все эти сотрудники вышли из такого ограниченного круга, в котором невозможно избежать брачных, дружеских или иного рода отношений. Члены этой рабочей группы были разнородны в отношении расы, религии, возраста и пола. Многие примкнули к исследовательской группе в зрелом возрасте, в первую очередь для того, чтобы расширить и усовершенствовать свои профессиональные знания. Но наибольшее внимание обратили на себя именно отношения взаимопомощи между членами группы; они морально поддерживали друг друга, помогали при болезнях или каких-либо трудностях в работе.

Перед лицом того факта, что четырнадцать человек различного вероисповедания и происхождения нашли

друг друга в научно-исследовательском институте и всеми силами отдались научному проекту, работая вместе целый день, а иногда и ночью, что все они были воодушевлены одной и той же идеей, что четверо из них вступили в брак, а многие остались хорошими друзьями, мы убеждены, что *эта рабочая группа объединена генотропическими силами.* Следует предположить, что эти же силы определяют возникновение и других рабочих и интеллектуальных сообществ. Результаты наших исследований дружбы и генотропизма мы можем резюмировать следующим образом:

1) Дружба – одна из форм манифестации генотропизма.

2) По нашему предположению, латентные гены определяют не только объект нашей любви, но и наш выбор друзей.

3) Кондукторы одних и тех же или родственных генов соединяются в одном случае в брачный союз, а в другом – в дружеский.

4) Сегодня еще нельзя однозначно утверждать, какой именно фактор отвечает за установление между генно-родственными кондукторами любовного союза, а какой – за установление дружеских отношений. Однако на основании имеющихся в нашем распоряжении данных мы можем утверждать, что *как любовники, так и друзья являются генными родственниками.* Любовь и дружба – это две формы проявления генотропизма.

Если кто-то находит подобное утверждение слишком смелым, то он мог бы обратить внимание на факт существования «кровных друзей», которые появляются в результате смешивания крови, что указывает на их стремление установить между собой такие отношения, как если бы они были членами одной семьи. По-видимому, эти «кровные друзья» и не подозревают, что они в действительности уже являются генными родственниками.

Идея генного родства друзей появляется в произведении Гёте «Родство душ». Многие поэты и писатели бессознательно предвидели, что двое друзей связаны чем-то таким, половина чего имеется у одного, а вторая половина – у другого из них. Вот цитата из произведения Плачека, в котором он скорбит о смерти друга: «Я свыкся с мыслью, что повсюду второй, что существую только как одна половинка».

И далее цитата из Монтеня: «Если слишком торопливая судьба отняла у меня половину души, для чего мне еще жить, когда мне ничто не дорого, когда я больше не являюсь целым? В тот день несчастье уничтожило нас обоих...»

Относительно вопроса о происхождении дружбы мы благодарны Платону за глубокие наблюдения, которые нашли отражение в его диалоге «Лизис». Платон вкладывает здесь в уста Сократа, ведущего разговор с двумя друзьями, Лизисом и Меноксеносом, свое представление о происхождении дружбы.

«Жаждущий жаждет того, – говорит Платон через Сократа, – чего у него нет. Таким образом, в любви, дружбе и любых потребностях, о Меноксенос и Лизис, речь идет о родстве... Вы оба, будучи друзьями, должны быть сходными по природе... Кроме того, дети мои, там, где один жаждет и любит другого, он не мог бы его ни желать, ни любить, ни быть ему другом, если бы тот не являлся ему родственным по душе, умонастроению или свойствам характера. Так как, если мы по своей природе родственны, то должны... и даже обязаны любить».

Любовь, дружба и симпатия между двумя людьми основываются на определенном природой родстве и близости. Эта мысль постоянно появляется у Платона. В двух своих диалогах «Федр» и «Пир» он указывает на подобное. В этом смысле диалог «Лизис» занимает место между «Федром» и «Пиром». Платоновскую теорию

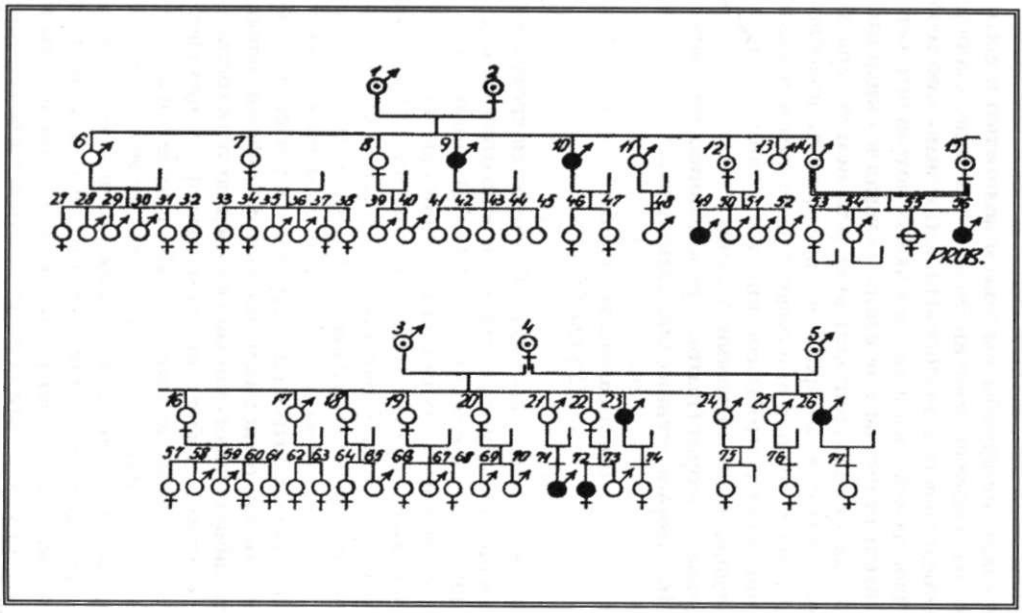
происхождения дружбы мы можем полностью понять только на основе его теории Эроса в том виде, как она была представлена в диалоге «Пир». Согласно этой теории, двое людей соединяются в любви потому, что когда-то были целостным двуединым существом-андрогином – с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами, – которое Зевс разрубил на две части, подобно плоду айвы. С тех пор они существуют порознь и ищут свои половинки, чтобы соединиться с ними и снова стать едиными «целостными людьми».

«*Друзья*, – говорит Платон, – родственники по природе». Мы говорим: «генные родственники»...

Выбор болезни как судьба. Случай 83

Родители (14 и 15) пробанда (56) являются кровными родственниками. Трое родственников по отцовской (9, 10 и 49) и двое по материнской (23 и 72) линии страдали тяжелой формой тугоухости. У одного дяди (9) тугоухость появилась после тифа, у другого дяди (10) – после травмы головы, у двоюродной сестры (72) – после менингита, у дяди (23) и двоюродного брата (49) – после малярии. Без сомнения, латентные гены тугоухости с большой пенетрантностью встречались у членов этой семьи, так как следствием различных инфекционных заболеваний и травм становилась именно тугоухость.

Этот случай служит примером связи форм манифестации, вызванных *различными* инфекционными заболеваниями или травмами, *с одной и той же генной группой.* Правильность этого определения мы можем подтвердить примерами того, как одно и то же инфекционное заболевание принимает разные клинические формы в зависимости от генотипа индивида, подвергшегося ин-

Генеалогическое дерево 83

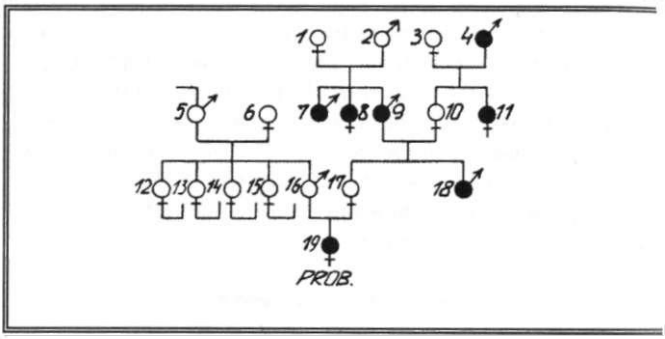
фицированию. Для ответа на этот вопрос мне кажется подходящим внимательное рассмотрение форм проявления *врожденного сифилиса.* В течение двадцати лет своей практики я сталкивался с тем, что *в одной семье врожденный сифилис проявляется в форме умственной неполноценности, в другой – в форме тугоухости, в третьей он манифестирует в преступном поведении, в четвертой – в эпилепсии, заикании или пориомании.*

Генеалогическое дерево 83

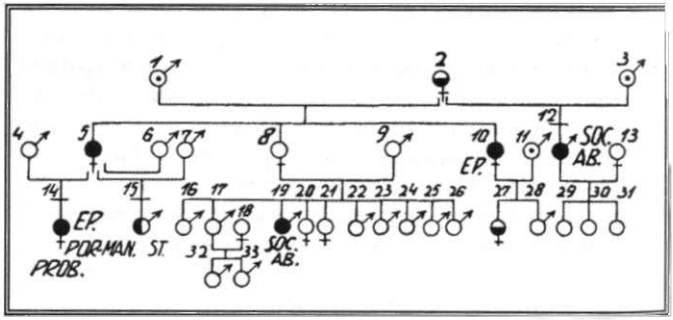
Вопрос о «выборе формы неполноценности» проясняется при систематическом исследовании ряда поколений. Наш опыт позволяет предположить, что у детей с врожденным сифилисом манифестируют те генные группы, которые в этом роду и без сифилитической инфекции бывали многократно спровоцированы внешними повреждениями, инфекциями или травмами. Мы выяснили, что врожденный сифилис вызывает умственную неполноценность именно в тех семьях, где уже имели место психические заболевания, связанные со слабоумием.

Случай 88

Моя пациентка (19), девочка десяти лет, страдает врожденным сифилисом и тугоухостью. На вопрос, какой именно фактор мог бы направить патогенное влияние сифилиса на орган и нервные пути слуха, мы можем ответить на основе анализа родовой «почвы». Кроме пациентки, в семье еще шестеро тугоухих родственников (4, 7, 8, 9, 11 и 18), из которых только двое (9 и 18) страдали сифилисом, а у четверых других тугоухость развилась просто на наследственной основе, без участия сифилитической инфекции.

Генеалогическое дерево 88

Генеалогическое дерево 89

Здесь напрашивается мысль, что у троих членов семьи (9, 18 и 19) сифилитическая инфекция именно потому привела к тугоухости, а не к другой форме патологии, что имеющиеся в семейной почве латентные гены «указали» инфекции путь к наследственно более слабому звену – органу и нервным путям слуха. Таким образом, старая точка зрения о «слабом звене» (locus minoris resistentiae) приобретает новое толкование.

Случай 89

Пациентка (14) страдает врожденным сифилисом, а также эпилепсией и пориоманией. Ее мать (5) больна сифилисом и ведет аморальный образ жизни. То, что в этом случае унаследованная родовая предрасположенность, латентно-рецессивные гены, сделали сифилитическую инфекцию возбудителем пароксизмальной манифестации – эпилепсии, становится понятно из того, что тетка пациентки по материнской линии (10) страдала *генуинной эпилепсией, не вызванной сифилитической инфекцией;* сводный брат (12) матери и двоюродный брат пациентки по материнской линии (19) являются социопатами также без участия сифилиса.

Генетическая связь этой семьи с пароксизмально-эпилептиформным кругом подтверждается тем фактом, что сводный брат пациентки (15) страдает заиканием.

Выбор смерти как судьба
Случай № 90

Эта семья наглядно демонстрирует нам следующие очевидные взаимосвязи:

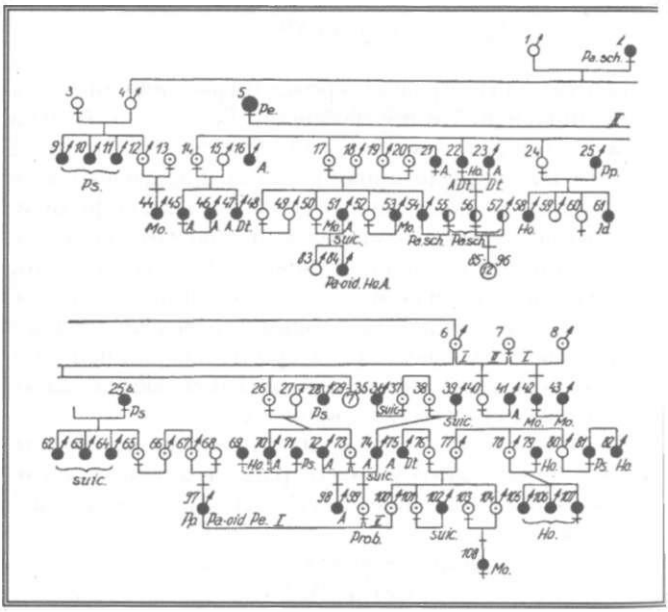
1) между гомосексуальностью и параноидно-шизоформной патологией побуждений;

2) между параноидно-гомосексуальной структурой побуждений и наркоманией (главным образом, алкоголизмом и морфинизмом);

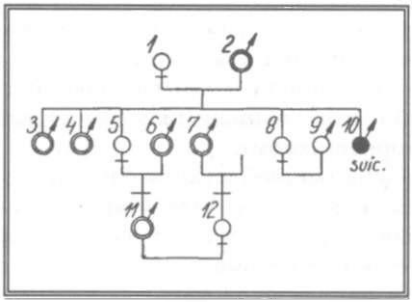
3) между наркоманией и самоубийством.

Исследованиями случая № 90 я обязан д-ру И.Тарксау [65], которая изучила родословную этой семьи на протяжении шести поколений.

В VI поколении, если считать от сегодняшних наиболее молодых потомков, мы находим параноидно-шизо-

Генеалогическое дерево 90

Генеалогическое дерево 91

идную женщину (2), страдавшую галлюцинациями и читавшую нравоучения курицам. У нее родились двое сыновей (4 и 6). У первого (4) было четверо детей, из которых трое (9, 10 и 11) были признаны *душевнобольными* и помещены в закрытую клинику. Четвертый (12) женился, но его сын (44) стал *морфинистом*, и его частенько находили в канавах в состоянии наркотического кайфа.

Второй сын (6) супругов (1 – 2) – скряга и домашний тиран, стал врачом. Вероятно, он выбрал эту профессию, чтобы вылечить от психического заболевания свою мать, с которой объехал почти полмира.

Женился он на женщине (7), первый муж (8) которой был актером. От первого брака она уже имела дочь (42), ставшую впоследствии *морфинисткой* и выскочившую замуж за музыкального критика (43), тоже *морфиниста*. От второго брака у нее также родилась дочь (40), которая вышла замуж за солдата, страдавшего *алкоголизмом* (41).

Вторая жена (5) нашего врача (6) – пианистка и перверзная *мазохистка*. В этой семье (5 – 6) было 14 детей, из которых судьба семерых заслуживает более пристального рассмотрения.

1. Дочь (14) вышла замуж и родила двоих детей. Ее дочь (45), женщина с алкогольной зависимостью, вышла замуж за моряка (46), страдавшего алкоголизмом. Сын (47), весьма одаренный в музыке, также пал жертвой *алкоголизма*: он жил в ужасной нищете и грязи, умер в состоянии *белой горячки*.

2. Сын (16) также был хроническим *алкоголиком* и умер в молодом возрасте.

3. Дочь (17), *скульптор*, вышла замуж и родила четверых детей, из которых старшая дочь (48), рукодельница, вышла замуж за коллекционера произведений искусства (49), страстного *карточного игрока*. Муж (51) второй дочери (50), *врач* по профессии, ставший *морфинистом* и

алкоголиком, позднее покончил жизнь самоубийством. Из двоих сыновей в этой семье один (83) стал *химиком*, а другой (84) – *философом*, страдавшим тяжелой формой *параноидного невроза;* в молодости он был воришкой и лгуном, за что был направлен в исправительное учреждение; позднее стал нарциссическим субъектом и *гомосексуалистом*. Он также много курил, *пил* и ненавидел свою мать. Третья дочь (52) от брака (17 – 18) вышла замуж за *карточного игрока* и *наркомана* (53). Четвертый ребенок, сын (54) был *параноидным шизофреником*, а его жена – *кверулянтной особой, страдавшей ипохондрией*.

4. Сын (19) рассматриваемой супружеской пары (5 – 6) работал *врачом*; сестра (21) его жены (20) была *алкоголичкой*.

5. Дочь (22) – весьма активная *гомосексуальная дамочка, коллекционер произведений искусства* и *тяжелая алкоголичка*, прятавшая за шторой бутылки с вином, скончалась *в белой горячке* (Delirium tremens), так же как и ее супруг (23). Их дочь (56) была психопаткой, ненавидевшей собственную мать и бродившей повсюду в крайне неряшливом виде, страдала *бредом религиозного содержания*. Ее муж был солдатом (57), у которого также наблюдался *бред религиозного содержания*. Среди их двенадцати детей многие были не вполне нормальны.

6. Дочь (24) вышла замуж за мужчину (25), позднее заболевшего *прогрессирующим параличом* (Paralysis progressiva). Их старший сын (58) был *гомосексуалистом* и *карточным игроком*. Второй сын (59) зарабатывал себе на жизнь охотой. Одна из дочерей (60) – *психопатка*, другая (61) – *идиотка*.

7. Дочь (26) была весьма расточительной особой, жившей на широкую ногу и заводившей любовные интрижки, о которых все хорошо знали. Ее муж (27), слабовольный человек, имел *душевнобольного* брата (28).

Их старший сын (70) страдал тяжелой формой *алкоголизма* и постоянно искал приключений; через всю его жизнь прошла большая любовь к разведенной *гомосексуально ориентированной актрисе* (69). Женат он был также на разведенной *психически больной* женщине (71), которая впоследствии была помещена в закрытое лечебное учреждение.

Дочь (73) из семьи (26 – 27), слабовольная женщина с расточительными замашками, первым браком была замужем за солдатом, невыносимо *ревнивым алкоголиком.* Из этой семьи и происходит наша совершенно нетерпимая к алкоголю пациентка (99). Второй муж (72) ее матери (73) тоже был *горьким пьяницей.* Сын (98) от этого второго брака, *врач* по профессии, также демонстрирует явные признаки *алкоголизма.*

Первый муж (97) нашей пациентки (99) – *параноидно-кверулянтный садист с сексуальными аберрациями* и склонностью к *азартным играм*, – страдает *прогрессирующим параличом.* Дядя (67) этого мужчины проиграл в карты огромное состояние. Жена (65) дяди тоже была страстной *картежницей*, а трое ее братьев (62, 63, 64) покончили жизнь самоубийством; их мать (25б) была *душевнобольной.*

Второй муж (100) пациентки также выказывает склонность к *азартным играм* (скачки); его мать (76) – *невротик* навязчивых состояний; ее брат (75) страдал тяжелой формой *алкоголизма* и умер в белой горячке. Брат (104) второго мужа пациентки имеет дочь-*морфинистку* (108); шурин (102) второго мужа *покончил жизнь самоубийством.* Жена (79) дяди (78) пациентки по отцовской линии имеет явные *гомосексуальные наклонности;* жена (81) другого дяди – *душевнобольная*, а ее брат (82) – *гомосексуалист.*

Теперь резюмируем все патологические признаки в этой семье:

I. Двое членов семьи (2 и 54) были *параноидными шизофрениками*; пятеро других (55, 56, 57, 84 и 97) – *параноидные невротики*;

II. Восемь членов семьи (9, 10, 11, 25. 28, 61, 71 и 81) *психически больные люди*;

III. Девять членов семьи (22, 58, 69, 79, 82, 84, 105, 106 и 107) –*гомосексуалисты*.

IV. Четырнадцать членов семьи (16, 21, 22, 23, 41, 45, 46, 47, 51, 70, 72, 74, 75 и 84) – *хронические алкоголики* (четверо – 22, 23, 47 и 75 – умерли в белой горячке).

V. Шесть членов семьи (42, 43, 44, 51, 53 и 108) – *морфинисты*.

VI. Восемь членов семьи (35, 39, 51, 62, 63, 64, 74 и 102) покончили жизнь самоубийством, правда, один из «самоубийц» (74) остался в живых.

Случай №91

Пациент (10) покончил жизнь самоубийством, повесившись. Он был известен как невероятно брутальный человек с *садистическими наклонностями*, регулярно избивавший своих детей и получавший наивысшее удовольствие, когда ему чесали спину.

Его отец (2) был *мясником* и *торговцем скотом*. *Мясником* был и его зять (6), который после смерти своей жены женился на второй сестре (5) пациента. Позднее *мясником* стал один из его племянников (11). Один брат пациента (3) был *автослесарем*, другой (4) – *агентом по продаже автомобилей*. Тесть (7) племянника-мясника был *надзирателем в тюрьме*. Все названные здесь профессии принадлежат к *садистическому* кругу.

Л. Сонди

ПУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ

В процессе развития научного знания картина человека подвергалась многочисленным изменениям. Вопрос «Что есть человек?» возник, когда в философии господствовало мнение о постоянстве человеческой природы, которая выстраивается из неизменных кирпичиков по неизменному плану.

С полным правом Карл Левит [1] утверждает, что «представление о постоянстве человеческой природы рассматривается современным, исторически сформированным и историчным мышлением как необоснованный возврат к давно преодоленному натурализму». При этом он ссылается на историзм В.Дильтея, согласно которому «тип человека переплавляется в процессе своего развития».

Но именно Мартин Хайдеггер отказался от постановки вопроса «Что есть человек?» и попытался пролить свет на человеческую сущность при помощи вопроса «*Кто есть человек?*» [2]. «Ведь человек, – пишет он, – не является «наличествующим», подобно камню, или «рядоположенным», словно вещь, или просто «живущим», как биологический организм. Поскольку «экзистенция есть то, в чем сущность человека сохраняет свою определенность», постольку он принимает участие в судьбе экзистенции» [3].

Что же собой она представляет? Хайдеггер предлагает следующее определение: «Я называю экзистенцией человека пребывание в просвете бытия» [4]. Итак, экзистенциальная философия видит сущность человека в «просвете бытия».

Над сущностной картиной человека задумались и глубинные психологи, правда, в противоположном контексте, а именно: «*Каким образом индивид становится человеком?*» Отличие данного подхода заключается в том, что человек определяется не через свое *существование*, а через *становление*.

Постановка вопроса о природе человека в экзистенциальной философии имеет онтологическую природу, а глубинная психология пытается постичь его сущность онтогенетическим путем, т.е. определить ее *посредством продвижения по ступеням человеческого становления*. Если задаться вопросом, почему за прошедшие полвека глубинно-психологические представления о сущности человека столь радикально изменились, можно дать только один ответ: вследствие *открытия* З.Фрейдом *бессознательного*. Против этого можно возразить, что со времени своего рождения личность постоянно находится под влиянием бессознательного, которое латентно управляет ее поступками и поведением. Каким же образом чисто научное открытие бессознательного помогло разработать столь фундаментально новое представление об образе человека со всеми его сущностными чертами?

Это возражение тем более справедливо, что экзистенция бессознательного была известна науке еще до Фрейда, но не вызвала тогда никаких значительных изменений в представлении о сущности человека. «Психоанализ, – пишет Зигмунд Фрейд, – не вышел из-под земли и не свалился с неба. Он берет начало из всего

предшествующего, которое продолжает, из тех импульсов, которые перерабатывает» [5].

Однако неоспоримо, что именно благодаря психоанализу З.Фрейда картина человека получила не только новый фундамент и абсолютно новую конструкцию, но и всестороннее расширение понятия его сущности. Это расширение, с одной стороны, угрожает психической жизни индивида, как еще никогда в истории человечества, а с другой – открывает силы сублимации и возможности одухотворения, которые поднимают достоинство человеческого существования и самосознание личности в процессе становления на невообразимую до сих пор высоту.

Итак, влияние психоанализа на формирование картины человека является двойственным.

Во-первых, не самопознание; а именно *внезапное осознание* «темных сил» бессознательного представляет опасность как для отдельного индивида, так и для общества в целом. Вследствие неожиданного вторжения неведомых иррациональных сил из сердцевины психики поле сознания скачкообразно расширилось до такой степени, что человечество подверглось угрозе коллективной параноидизации и всевластия принципа удовольствия. Мы должны осознать, что индивидуальное и массовое «Я» еще «не доросли» до уровня подобного расторможенного и безграничного расширения поля сознания. *«Я» не может долго находиться в состоянии удовольствия и власти – и то, и другое неминуемо ведет к катастрофе.*

Во-вторых, нужно отметить, что эта опасность была своевременно осознана самим Фрейдом. Он предупреждал человечество об опасности внезапного прорыва в сознание бессознательных сил, который может привести к психической болезни индивида и даже к массовому психозу. Несмотря на столь недвусмысленное преду-

преждение, психоанализ до сих пор подвергается большим нападкам. Слишком уж легко было забыто, что сам Фрейд, открывший принцип удовольствия, постоянно противопоставлял этой опасности *принцип реальности* и прикладывал огромные усилия к тому, чтобы человечество доросло до уровня сознательного отказа, отрицания, избегания и сознательной адаптации к реальности.

Предвидение Фрейдом опасностей, связанных с расширением поля сознания, доказывает то, что эпиграфом для «Толкования сновидений» (1900 г. – год рождения психоанализа) он выбрал классическую фразу Вергилия: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo»[1]. Автор психоанализа был глубоко убежден, что осознание иррациональных сил бессознательного может «сотрясти преисподнюю», т.е. пробудить опасные тенденции психики. В качестве контраргумента силам бессознательного он, как известно, встроил в свой «психический аппарат» *«Сверх-Я»* и *«Идеал-Я»*.

В произведении «Я и Оно» Фрейд, в частности, пишет: «Содержание глубинных тенденций психической жизни индивида приводит через формирование идеалов к самым большим высотам человеческой психики с точки зрения наших ценностей» [6].

Итак, было бы несправедливо видеть в психоанализе З. Фрейда только индикатор источников угрозы для человечества. Нельзя также впадать в ошибку, полагая единственной угрозой лишь это «сотрясение преисподних сил». Кроме того, следует более внимательно рассмотреть высшие уровни во фрейдовской картине психики, а именно *«Идеал-Я»* и *«Сверх-Я»*.

Многочисленные вопросы о картине человека в глубинной психологии мы сведем к трем самым элементарным.

Первый вопрос: «На каком фундаменте строится глубинно-психологическая картина психики?»

Второй вопрос: «Как это новое представление о сущностной картине человека структурируется в различных направлениях глубинной психологии?»

Третий вопрос: «Можно ли на основе глубинно-психологической картины человека разработать прогностическую картину homo futurus?»

Часть 1
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ГЛУБИННЫЙ ФУНДАМЕНТ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

«Мы называем *бессознательным* психический процесс, о котором ничего не знаем, но существование которого принимаем как данное на основании анализа его проявлений».

Большим достижением Фрейда является открытие им индивидуально вытесненной части бессознательного и объяснение взаимосвязи между симптомами психического заболевания (соответственно, чертами характера) и вытесненным содержанием бессознательного. Однако он понимал, что вытесненное составляет лишь незначительную часть, а не всю целостность бессознательного.

В своей «Метапсихологии» автор психоанализа пишет: «Содержание бессознательного можно уподобить коренному населению психики. Если у человека имеются унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинктам у животных, то они составляют *ядро бессознательного.* Позднее к этому добавляется то устраненное в период детского развития как ненужное, что по своей природе незначительно отличается от унаследованного. Четкое и окончательное разделение этих содержаний начинается, как правило, с пубертата» [7].

Фундаментальные исследования Фрейда относятся исключительно к «*вытесненному в бессознательное*».

Открытие унаследованного ядра бессознательного, которое – в сравнении с вытесненным – представляет еще более глубокий и широкий фундамент для сущностной картины человека, произошло значительно позднее, в двух независимых друг от друга исследованиях.

Сначала в 1911 году К.Г. Юнг в своей работе «Метаморфозы и символы либидо» [8] описал функции так называемого «*коллективного бессознательного*», представляющем безграничную сферу человеческих архетипов и их символов. Затем в 1937 году автор статьи доказал, что между индивидуально вытесненным и коллективным бессознательным функционирует еще одна до сих пор неизвестная сфера, обуславливающая судьбу, а именно «*родовое бессознательное*» [9]. Это унаследованное родовое ядро бессознательной психической жизни заполнено специфическими «*фигурами предков*», *родовыми типами*. Нам удалось выявить особую роль этих бессознательных фигур предков в выборах человека, формирующих его судьбу. В результате возникло третье направление в глубинной психологии, которое называется «*судьбоанализом*», или «*психологией судьбы*».

Согласно этому учению, судьба представляет собой совокупность всех возможностей экзистенции, которые *навязаны* индивиду наследственностью и его настоящим социальным положением. Но из этих заданных позитивных и негативных возможностей человек может – при наличии соответствующих обстоятельств – свободно выбирать свою индивидуальную форму существования. Таким образом, судьбоанализ не является генетическим детерминизмом, как его иногда неправильно понимают, а представляет собой учение о свободном выборе среди изначально заданных возможностей судьбы.

Человек, не способный к свободному выбору формы своего существования, становится жертвой *навязанной судьбы* – невротиком, психопатом или психотиком. Тот же, кто сможет преодолеть навязанность наследственности с помощью «Я» и Духа, построит *свободную судьбу*, или *судьбу Я*.

Итак, фундаментальные исследования глубинной психологии расширили представление о сущностном образе человека до таких безграничных пределов, о каких во времена психологии сознания не было ни малейшего представления. Кроме того, глубинным психологам удалось разграничить специфические основания психики и выявить своеобразный язык их манифестации. На сегодняшний день нам известно, что в бессознательном функционируют три различных инстанции в качестве его сущностных основ.

Во-первых, «индивидуально вытесненное» бессознательное с *языком симптомов*.

Во-вторых, «коллективное» бессознательное с *языком символов*.

В-третьих, «родовое» бессознательное с *языком выбора*. Хотя А.Адлер искал сущность человека не в бессознательном, а в *стремлении индивида к власти*, мы размещаем картину человека в индивидуальной психологии между концепциями Фрейда и Юнга потому, что это стремление а) играет специфическую роль в историческом процессе всеобщего человеческого становления; б) также берет свое начало в бессознательном.

После определения бессознательного в качестве глубинного фундамента представлений о человеке вашему вниманию предлагается его развитие в психоанализе З.Фрейда, индивидуальной психологии А.Адлера, аналитической психологии К.Г.Юнга и судьбоанализе автора статьи. Далее мы представим описание ступеней че-

ловеческого становления от рождения до конечного состояния *homo humanus*.

А. Человек в психоанализе З. Фрейда

С точки зрения психоанализа все, что человек несет в качестве симптомов в своем характере, невротической или психотической картине, берет свое начало в индивидуально вытесненном бессознательном. Так как вытесненное имеет побудительную природу, психоанализ представляет человека *побуждаемым*, формирующим в глубинах психики «симптомы» в качестве эрзаца для неудовлетворенных потребностей.

В психоанализе Фрейда человек – это *homo repressor (человек подавляющий)*, который характеризуется подавлением и вытеснением своей побудительной природы и превращается в «генератора симптомов» именно вследствие подобного вытеснения.

Функцией, с помощью которой homo repressor может достигнуть человеческого становления, по Фрейду, является *сублимация*.

Б. Человек в индивидуальной психологии А. Адлера

Этот человек нам известен достаточно хорошо. Однако история его возникновения начинается не с вытеснения инцестуозной любви, как у Фрейда, а с *чувства неполноценности*. «С самого начала своего развития ребенок испытывает чувство неполноценности по отношению к родителям и окружающему миру» [10], от которого он спасается уловками самообмана и формированием целевой установки, а именно *чувства превосходства*, превращающегося вследствие *иллюзии власти* в главную предпосылку жизни.

В «Теории и практике индивидуальной психологии» (1924) А.Адлер пишет: «На каждом отрезке жизненного пути человеком управляет его стремление к превосходству, мысли о богоподобии, вера в собственные сверхъестественные способности» [11], другими словами, иллюзия власти и всезнания, которой он достигает посредством «сверхкомпенсации» чувства собственной неполноценности. При помощи волшебной палочки иллюзорной власти и компенсации «его бедность превращается в богатство, рабское положение – в господство, страдание – в радость и удовольствие, незнание – во всезнание, бесталанность – в искусство» [12]. Такого человека, достигшего иллюзорного всемогущества, можно назвать «*homo potentiator*» *(человек могущественный)*. Онтогенетически он представляет вторую ступень на пути человеческого становления.

В своих последних работах [13] А.Адлер представил структурные аспекты своей картины человека:

1) цельность и целеустремленность личности;

2) роль представления о себе и мире в жизни индивида;

3) свобода в формировании мнения и жизненного стиля;

4) человек как общественное существо [14].

В. Человек в аналитической психологии К.Г. Юнга

Психическая картина человека у К.Г.Юнга строится на основе коллективного бессознательного, содержанием которого являются *инстинкты* и *архетипы*.

> «Инстинктами называются типичные формы действий, и всюду, где речь идет об одинаковых и регулярно повторяющихся формах реагирования, имеют место инстинкты, независимо от того, связаны они с сознательной мотивацией или нет» [15].

«Архетипами называются типичные формы восприятия, и всюду, где речь идет об одинаковых и регулярно повторяющихся формах восприятия, имеют место архетипы, независимо от того, признается их мифологический характер или нет» [16].

Инстинкты побуждают индивида к «специфически человеческому управлению жизнедеятельностью»; архетипы же – к «специфическим формам человеческого формирования».

По Юнгу, коллективное бессознательное является вечной первопричиной всех преобразующих функций творческой психики. Архетипы остаются функциональными, изначально заданными, вечными образами и регуляторами человеческой первоприроды, побудительных сил и Духа. Они представляют собой формообразующий и творчески-преобразующий принцип культурного и духовного существования. Таким образом, К.Г. Юнг различает две априорных структуры в психической картине человека:

1) побудительная природа;

2) архетипические символы.

«Символом» Юнг называет также вероисповедание. Символы – это то, что «позволяет людям противопоставить духовность первобытной побудительной природе, культурное мировоззрение – примитивным влечениям. Раньше эту функцию выполняли религии» [17]. Образование религии, по Юнгу, равнозначно образованию символов. Религия «преобразует энергию», «видоизменяет либидо» путем формирования соответствующих символов. Собственно, это и побудило Юнга заменить фрейдовскую сублимацию процессом *индивидуации*.

«Любое достижение в области культуры способствует расширению и становлению сознания, которое может реализоваться не иначе как через дифференциацию...»

«Поэтому прогресс, – пишет К.Г. Юнг дальше, – всегда начинается с индивидуации, т.е. с того, что индивид, осознав свою изолированность, прокладывает новый путь через еще не пройденное» [18].

Таким образом, человек в аналитической психологии – это *homo individuator (человек индивидуализированный)*, который оставляет коллективный путь человечества и в сознательном уединении направляется к своей уникальной «Самости».

Парадокс учения К.Г.Юнга заключается в том, что автор коллективного бессознательного разработал не коллективную, как можно было бы ожидать, а индивидуализированную картину человека.

Человек в судьбопсихологии

С самого рождения человек является носителем той судьбы, которая навязана ему предками, но со временем он становится способным к самостоятельному выбору свободной судьбы. Он постоянно находится на пути к свободе.

Человек приходит в мир с клубком наследственно-обусловленных противоречий побуждений и структуры Я. Его персональная задача состоит в том, чтобы распутать этот клубок, постепенно осознать и построить из противоречивых «наследственных возможностей» предков свою собственную свободную судьбу.

Как структура побуждений, так и судьба индивида – в том виде как он их проживает, преодолевает или становится их жертвой – всегда являются результатом взаимодействия разнообразных внешних и внутренних факторов, о которых мы расскажем во второй части статьи, при структурном анализе психической картины.

На основе фундаментальных принципов судьбопсихологии можно сделать следующие выводы.

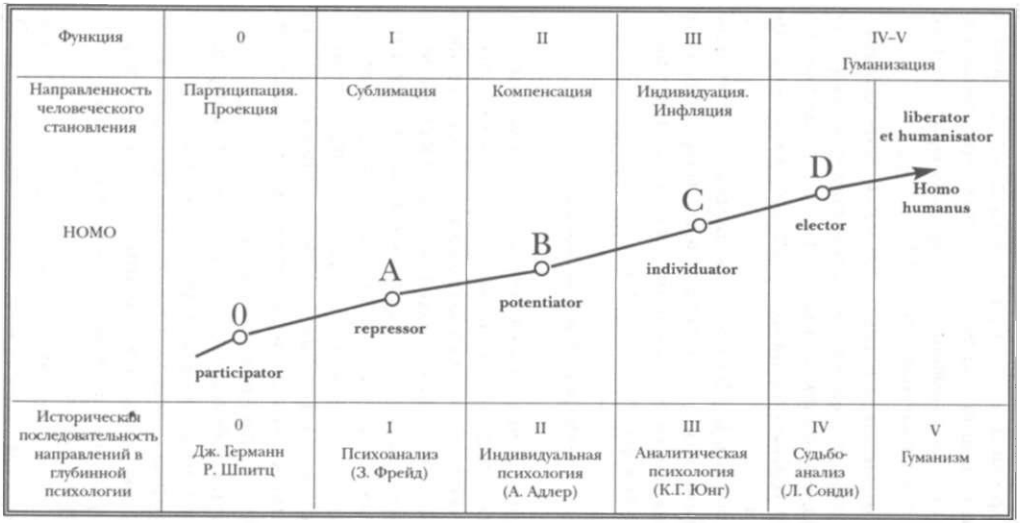

Рис. 5. Ступени человеческого становления

1. Картина человека формируется на основании фигур предков из родового бессознательного.

2. Построение судьбы индивида происходит вследствие *выборов* в любви, дружбе, профессии, форме болезни и способе смерти.

3. Родовое бессознательное с его «фигурами предков», генотипами (В.Иогансен) является наследственной основой для всех вариантов судьбы индивида. В свою очередь, эти образы предков проявляются двояко, а именно: а) если «Я» и его связь с Духом слишком слабы для свободного выбора из разнообразных форм экзистенции, то человек, попадая под влияние своих предков, бессознательно повторяет родовую навязанную судьбу; б) напротив, если «Я» является достаточно сильным и его путь к Духу свободен, то оно способно – с помощью Духа – защититься от притязаний больных предков и свободно выбирать находящиеся в родовом бессознательном здоровые, духовно высокоразвитые фигуры предков в качестве «образцов и фигур» (Рильке) для собственной экзистенции.

4. Таким образом, человек в судьбопсихологии имеет два лика, как Янус, а именно *навязанность* и *свободу выбора*. Объединить их воедино способно только так называемое «Понтифекс-Я», которое интегрирует части, партиципирует с Духом и трансцендирует в потустороннее.

5. На основе таким образом познанной сущности мы называем этих людей *homo elector (человек выбирающий)*, т.е. тех, кто в зависимости от выбора «Я» проживает либо навязанную, либо свободную судьбу.

Результаты фундаментальных исследований глубинной психологии по проблемам человеческого становления можно схематически представить в виде ряда последовательных этапов (*см. рис. 5, табл. 9*).

СТУПЕНЬ 0. *Homo partizipator (человек партиципирующий).* На нулевой фазе располагается человеческая сущность в двуединстве, или дуальном союзе, возникающем в первые годы жизни, когда мир ребенка и матери еще являются одним целым.

Мы называем *homo partizipator* человека, который «стремится к единству с матерью или лицом, ее замещающим». Бессознательная функция «Я», обуславливающая этот союз или квазиидентичность, и есть *партиципация;* бытийная сила проецируется с одного человека на другого, с которым хочется быть «единым и равным».

У психотиков и тяжелых невротиков можно наблюдать регрессию на эту начальную стадию дуального союза (Розен, Р.Шпитц, М.Бенедетти).

СТУПЕНЬ А. *Homo repressor (человек подавляющий).* Так называется человек, который вытесняет инфантильно-сексуальные содержания психического и формирует симптомы. Эта фаза развития начинается в 3–4 года, в так называемый эдипальный, или первый, пубертат. Согласно Фрейду, в этот период жизни появляются все первичные *вытеснения,* которые выступают в качестве основы для достижения состояния *homo repressor,* невротического человека, посредством дальнейших вытеснений, происходящих в более старшем возрасте. Человеческое становление homo repressor реализуется через *сублимацию.*

СТУПЕНЬ В. *Homo potentiator (человек могущественный).* Представляет человека, который *компенсирует* свой комплекс неполноценности путем властных притязаний. Эта фаза соответствует периоду пред- и постпубертата. Она является чрезвычайно распространенной точкой фиксации в развитии, в особенности в наше технократическое время.

СТУПЕНЬ С. *Homo individuator (человек индивидуализированный).* Это период самостановления, сознательной индивидуации и творческой деятельности. Первые зачатки этой фазы закладываются в конце ювенильного, или так называемого инфлятивного пубертата; особенно характерна эта картина для возрастного периода от 40 до 50 лет.

Ведущей функцией «Я» при индивидуации является *инфляция*, которая скрывает в себе опасность мегаломании, эротомании, теомании и кверулянтного бреда.

СТУПЕНЬ D. *Homo elector (человек выбирающий).* На этой ступени развития человек осознает все возможности своей экзистенции и делает *выбор* собственной судьбы в профессии и любви, мировоззрении и религии. Ведущей функцией *homo elector* является *интеграция*, т.е. объединение, перебрасывание моста между всеми комплементарными противоположностями, в результате чего человек постепенно выходит из узких рамок индивидуализации и переносит любовь со своего «Я» на окружающих людей.

Важнейшими возрастными периодами для фазы *homo elector* являются: а) 20–30 лет (выбор профессии); б) 30–40 лет (выбор брачного партнера); в) после 40 лет (выбор мировоззрения).

СТУПЕНЬ Е. *Религиозно-гуманистическое направление (см. табл. 9, ступень V)* в глубинной психологии – по мнению некоторых авторов – наиболее отчетливо представлено в *«аппелятивном методе»* А.Мэйдера (психосинтез-психагогика). На призыв о помощи («appel») страдающего больного врач отвечает с пониманием и любовью. «Источник любви к ближнему, – пишет Мэйдер, – лежит не в чувственно-эмоциональных и побудительных тенденциях человека, а является дарованием трансцендентального происхождения, следствием и подарком веры» [19].

Этапы развития	0 **Homo partizipator**	I **Homo repressor**	II **Homo potentiator**	III **Homo individuator**	IV **Homo elector**	V **liberator et humanisator**	VI **Homo repressor**
Начало в возрасте	До двух лет (И. Герман, Р. Шпитц)	3–4 года (первый эдипальный период)	а) 9–12 лет (препубертат) б) арривация	а) 17–18 лет (второй инфлятивный пубертат) б) 40–50 лет (климакс)	а) 20–30 лет (выбор профессии) б) 30–40 лет (выбор брачного партнера)	После 40 лет (выбор мировоззрения)	После 60–70 лет
Формы болезни	Партиципативные неврозы акцептации и психозы (шизофрения, циркулярный психоз)	Неврозы переноса (невроз страха, конверсивная истерия, ННС)	Интроективные аффекты: депрессия, тенденция к обладанию, фетишизм, садизм, эксгибиционизм, бегство в болезнь	Инфлятивные аффекты: стремление «быть», мегало-, эрото- и теомания, кверулянтность, инфлятивный параноид	Неврозы, связанные с выбором формы судьбы: выбор профессии, брачного партнера, вероисповедания; задержки в человеческом становлении		Регрессия на более низкие ступени человеческого становления
Направления в глубинной психологии	Питательная и партиципативная терапия (Розен, Шпитц, Бенедетти, Сехехайе)	Психоанализ З. Фрейда	Индивидуальная психология А.Адлера	Аналитическая психология К.Г.Юнга	Судьбоанализ Л.Сонди	Религиозный, аппелятивный психосинтез А.Мэйдера	

Таблица 9. **Отношение этапов развития к возрастным группам, формам заболевания и направлениям глубинной психологии**

Представленные схемы человеческого становления (*рис. 5 и табл. 9*) позволяют сделать еще два очень важных вывода.

Во-первых, перечисленные ступени являются промежуточными станциями на пути человеческого становления и *не дают повода для констатации типологии*. Мы благодарны глубинной психологии за смелое стирание границ между психотипами на основе извечного равенства человеческой природы. На место прежней типологии, разработанной психологией сознания, глубинная психология ставит общечеловеческое и всеобъемлющее учение о человеческом становлении.

По нашему мнению, homo partizipator, homo repressor, homo potentiator, homo individuator и homo elector представляют собой не человеческие типы, а только *ступени на пути человеческого становления*. В свете глубинно-психологического онтогенеза так называемые «психотипы» являются только временной или длительной фиксацией на определенной ступени человеческого становления.

Во-вторых, данная схема показывает, что историческая последовательность различных направлений глубинной психологии (*психоанализ, индивидуальная психология, аналитическая психология, аппелятивный метод, судьбоанализ*) не является ни делом капризного случая, ни следствием предпочтения из-за личного честолюбия автора, а происходит из естественной необходимости развития учения о человеческом становлении. Этот факт является серьезным аргументом в пользу необходимости *интеграции глубинной психологии*; при этом эпохальная колумбова роль З.Фрейда в объединенной глубинной психологии остается неизменной. Взаимосвязь настоящих этапов с возрастными периодами, формами заболеваний и направлениями глубинной психологии резюмирована в таблице 9.

Экзистенциальный анализ Бинсвангера не относится, по нашему мнению, к глубинной психологии. Это направление представляет экзистенциально-философское, онтологически-феноменологическое видение сущности невротического и психотического человека, поэтому и не было включено нами в рисунок 5 и таблицу 9.

Часть 1

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ ЧЕЛОВЕКА В ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. Психическая картина человека в психоанализе З.Фрейда

Фрейдовская *психика* не является особенной сущностью с вечной субстанцией, как в греческой философии, а представляет собой некий анатомически анализируемый, топографически локализуемый, эмбриологически трактуемый орган, который Фрейд с явной симпатией называет в среднем роде: «*психическое*».

Как известно, З.Фрейд с 1876 по 1882 г. изучал гистологию нервной системы одной из низших рыб (Ammocoetes petromyzon) в физиологической лаборатории Эрнста Брюке. С 1882 г. он занимался анатомическим исследованием Medulla oblongata человека в качестве ассистента в Институте анатомии мозга Мейнерта (г. Вена), где в 1885 г. получил звание доцента по невропатологии. Фрейд и в дальнейшем остался верен анатомо-топографическому подходу в рассмотрении структуры психической картины, что особенно наглядно проявляется в конструкции и локализации его «*психиче-*

ского аппарата». В одной незаконченной статье по психоанализу (1938) он пишет: «Мы предполагаем, что психическая жизнь является функцией *аппарата*, которому приписывается некая пространственная протяженность (!) и конгломерат различных элементов (!), которые можно увидеть и проанализировать» [20].

Итак, Фрейд рассматривает психическую жизнь дискретно, как будто в микроскоп, и собирает целостную психическую картину из множества разрозненных элементов. Открытые им элементы психического аппарата он назвал на языке анатомической топографии «частями», «сферами» или «инстанциями». Этими инстанциями являются «*Оно*», «*Я*» и «*Сверх-Я*», которым отведено специфическое «пространство» в пределах психического аппарата.

Первая и наиболее древняя из этих инстанций, так называемое «*Оно*», содержит все, что унаследовано, получено индивидом при рождении, конституционально заложено, другими словами, побуждения, берущие начало в телесной организации [21]. Фрейд провел множество исследований в этой части психического аппарата, которая, согласно теории психоанализа, остается наиболее важной на протяжении всей человеческой жизни.

О *второй части* психического аппарата («Я») Фрейд пишет: «Под влиянием окружающего нас мира некая часть «Оно» испытывает особенное развитие. Первоначально в качестве слоя коры головного мозга (!) с нервами, выходящими к рецепторам, и устройством для защиты от раздражителей, формируется специфическая организация, которая опосредует отношения между «Оно» и окружающим миром. Эту область нашей психической жизни мы называем «Я» [22].

В другом месте Фрейд говорит о сознании как поверхности психического аппарата «не только в смысле

функций, но и с точки зрения анатомической классификации»(!) [23].

Все эти выражения очень напоминают язык эмбриологии, которая исследует развитие какого-либо органа при помощи микроскопа.

При описании *третьей части* психического аппарата Фрейд также сохраняет эмбриологическое объяснение. Инстанция «*Сверх-Я*» понимается им как отражение длительного периода «детского» развития, когда жизнь ребенка полностью зависит от родителей, или, другими словами, как «ступень в «Я».

Наиболее полно топографическое видение Фрейда проявляется там, где он пытается представить свой «психический аппарат» графически: «Оно» – это бессознательная и неизвестная нам часть психики индивида. На его поверхности располагается «Я», из которого в качестве ядра развивается система восприятия» [24].

Такие выражения, как «анатомическая классификация», «пространственная протяженность», «поверхностный слой аппарата», «продолжение дифференциации поверхности», можно встретить скорее в справочниках по анатомии мозга или эмбриологии, а не в текстах по психологии. Впрочем, Фрейд был не только первоклассным анатомом мозга, но и интуитивным *физиологом*. Физиолог Фрейд проявляет себя при конструировании «психического аппарата», определяя так называемые «*качества психического*» – «*сознательное*, «*предсознательное*» и «*бессознательное*» – и классифицируя их как три инстанции психического аппарата.

О качествах психического Фрейд говорит: «В психике животных мы обнаруживаем сознательные процессы только на периферии «Я». Все другие процессы в «Я» являются бессознательными. У людей же внутренние процессы в «Я» могут приобретать качества сознательно-

го... Функция речи приводит содержание «Я» в тесную взаимосвязь со следами зрительных и особенно слуховых восприятий. С этого момента чувственная периферия коры головного мозга подвергается возбуждению изнутри в совершенно невероятном объеме. Такие внутренние процессы, как получение представлений и мышление, могут осознаваться. Поэтому становится необходимой специальная функция, проводящая грань между обоими процессами, – это так называемый *контроль реальности»* [25].

Внутреннее содержание «Я» и «Сверх-Я» составляет *предсознательное.* Сферой господства *бессознательного* остается «Оно».

Вот что можно сказать в общих чертах о психической картине человека в психоанализе.

Б. Психическая картина человека в индивидуальной психологии А. Адлера

О «топографическом» структурировании психической картины в индивидуальной психологии речь не идет. Адлер рассматривает человека главным образом с *социологической,* а не с глубинно-психологической точки зрения. Его подход основан не на глубинах психики, а скорее на «коллективной душе». Отсюда его амбивалентная, часто неуверенная позиция в отношении как бессознательного, так и учения о побуждениях.

Еще в своих ранних работах, говоря о «бессознательности вымысла», Адлер заменяет «бессознательное» словами «непонятный» или «неясный». В частности, он пишет: «Бессознательность вымысла, моральных переживаний или воспоминаний служит психике в качестве уловки, если их осознание угрожает чувству самоидентичности и целостности личности».

Он всегда предостерегал своих пациентов: «Не забывайте о жажде власти!» [26]. В побудительном учении Адлера, – насколько в индивидуальной психологии вообще можно говорить о побуждениях, – доминирует *притязание на власть и значимость*. Механизм вытеснения инфантильной сексуальности (Фрейд) в индивидуальной психологии заменяется *комплексом неполноценности*. Вместо защитных механизмов «Я» здесь фигурируют *компенсация, механизмы защиты и обесценивания*.

Роль А.Адлера в структурном анализе образа человека заключается в выделении властных тенденций в «Я», что подтверждает сам Фрейд. Некоторые авторы (К.Томпсон, [27]) даже считают, что учение Фрейда о «Я» было детерминировано анализом власти А.Адлера (1910).

В. Психическая картина человека в аналитической психологии К.Г. Юнга

Оптимальный подход к различению юнговской и фрейдовской картин психики видится нам в ответе на два вопроса:

– каким образом К.Г.Юнг пришел к топике психических феноменов?

– Чем обогатилась в результате его исследований физиология психики?

По вопросу топографии достаточно отметить, что К.Г.Юнг, скорее всего, тоже рассматривал психику по уровням, а уровни бессознательного и «Я» позаимствовал у Фрейда. Специфическое дополнение Юнга к «психическому аппарату» Фрейда заключалось в образовании им двух новых инстанций, одна из которых (*коллективное бессознательное*) относится к нижнему уровню, а другая (*Самость*) – к более высокому.

Вот что он пишет по этому поводу: «Известный поверхностный слой бессознательного, без сомнения, является личностным, и мы называем его *индивидуальным бессознательным.* В свою очередь, этот слой базируется на более глубинном уровне, никак не связанном с личным опытом, не приобретенном, а *унаследованном.* Этот глубинный уровень и есть так называемое «*коллективное бессознательное*».

О структурировании коллективного бессознательного в части архетипов и инстинктов мы уже упоминали.

Верхний уровень психической картины Юнг дополняет инстанцией «*Самости*», которую он попытался четко отграничить от фрейдовской инстанции «Я». Вот что он, в частности, пишет: «Под «Я» следует понимать тот комплексный фактор, к которому относятся все содержания сознания. До известной степени оно образует *центр поля сознания,* и поскольку охватывает эмпирическую личность, то является субъектом всех персональных сознательных актов» [28].

Если «Я» представляет только сознательную часть личности, то ее целостное, интегрированное состояние Юнг называет *Самостью.* Таким образом, «Самость» включает в себя совокупность сознательной и бессознательной части психики [29]. Юнг также утверждает, что понятие Самости в его психологии является смежным, поэтому его нельзя ограничивать рамками индивидуальной психики: ведь бессознательное, которое относится ко всему содержанию «Самости», является безграничным и неопределенным [30]. Согласно Юнгу, каждый индивид наделен «Самостью» с момента своего рождения, но в латентном (бессознательном) виде [31], и лишь в процессе индивидуальной жизни она становится осознанной. Путь к становлению «Самости», к *индивидуации,* считает Юнг, проходит через ассимиляцию в «Я» таких архетипических элементов, как *Тень и Анима (Анимус).*

В отношении физиологии нововведенных Юнгом инстанций отметим, что функцией *архетипов* является оформление или формирование творческого. Архетипы идентичны «образам побуждения», т.е. «паттернам поведения», поэтому каждое побуждение должно иметь образ своей изначальной ситуации, которая восстановит архаическую вечную картину. Однако наряду с формированием побудительной силы архетипы должны постоянно участвовать в оформлении духовного, нуминозного (мифология, религия) содержания психики, в определении ценностных смыслов, в некоем предзнании, т.е. в сохранении изначального знания и изначальной природы человечества в качестве имеющих решающее значение и вечно неизменных сил.

Психология «Самости», по К.Юнгу, заключается в интеграции сознательного и бессознательного. Поле сознания расширяется посредством ассимиляции архетипов и достигает уровня Духа.

* * *

Итак, мы представили естественно-научный взгляд на психическую картину З.Фрейда и духовно-идеалистическое представление о человеке К.Г.Юнга. А теперь зададимся вопросом: «Довольны ли были создатели глубинно-психологических концепций человека своими творениями?»

Давайте лучше предоставим слово им самим. В одной из своих незаконченных работ (1938) З.Фрейд пишет: «Мы решились на топическое разделение психического аппарата на «Я» и «Оно», параллельно выделив предсознательные и бессознательные свойства психики, которые признали в качестве признаков различения, а не как сущность. В чем же тогда состоит собственная при-

рода состояния, которое обнаруживается в «Оно» как бессознательное, а в «Я» – как предсознательное? И в чем заключается различие между ними?»

Ответ Фрейда являлся достаточно пессимистичным: «Об этом мы практически не имеем представления, и наши скромные познания выглядят достаточно плачевно на глубинном фоне этого незнания. Мы еще только приближаемся к нераскрытым тайнам психического» [32].

А теперь предлагаем вашему вниманию самокритичное мнение Юнга: «Проблематика комплексной психологии, которую я попытался здесь описать, привела меня к удивительным выводам. Я верил, что могу – в самом лучшем смысле – двигать вперед науку, констатировать факты, наблюдать, классифицировать, описывать каузальные и функциональные взаимосвязи, а в результате попался в сети собственных рассуждений, которые выходят далеко за рамки естественных наук *в область философии, теологии, сравнительного религиоведения и истории Духа.* Признаюсь, что это неизбежное и рискованное «превышение полномочий» доставило мне немало хлопот» [33].

Оба представленных фрагмента указывают не только на человеческое величие авторов, но и на их чрезвычайную любовь к научной истине.

В борьбе двух монистических способов мышления – «*природа против Духа*» и «*каузальность против финальности*» – представление о психической картине человека само становится противоречивым.

Глубокая пропасть разделяет обе школы глубинной психологии, не только противопоставляя друг другу их учеников и последователей, но и – что для науки еще более важно – полностью отделяя тело от души, природу от духа, объективный мир от субъективного, каузальное от финального, имманентное от трансцендентного. И через эту пропасть до сих пор не перекинут мост.

Стремление к выходу из создавшегося кризиса приводит, с одной стороны, к экзистенциальному анализу Людвига Бинсвангера, а с другой – к нашему *судьбоанализу*. Эти два направления, по нашему мнению, объединяет попытка навести мосты между объектом (миром) и субъектом («Я»). «Расщепленное» представление о человеке заменяется здесь категориями «*существование*» и «*судьба*».

Экзистенциальный анализ Л. Бинсвангера

Экзистенциальный анализ рассматривает любые клинические, психопатологические явления антропологически-онтологически, только как специфические формы *существования*, как «изменения экзистенции».

Судьбоанализ стремится увидеть в психической картине человека специфические структуры или радикалы навязанной и свободной судьбы в качестве возможностей выбора.

Оба направления утверждают, что не имеют отношения к философии и представляют собой чисто эмпирическую науку. Оба приписывают решающую роль *трансценденции*, переходу. А теперь несколько слов о различиях.

Экзистенциальный анализ выбирает в качестве своего специфического подхода «*метод эпох*» Э.Гуссерля, основанный на принципе «нахождения вне действия», «вынесения за скобки» всех наук, относящихся к природному миру. Бинсвангер предпринял попытку перенести этот философский метод мышления трансцедентальной феноменологии в психопатологию. Он полностью отказывается от устаревшей психологически ориентированной феноменологии, которая рассматривает объекты исследования в качестве «реальных», фактически происходящих «психических актов». «Природа», «реальность», «бессознательное», «Я», «Сверх-Я»

и другие понятия психоанализа здесь просто «выносятся за скобки» вместе со всеми фрейдовскими «психическими механизмами».

Л.Бинсвангер пытается достичь не психологического, а всеобщего видения, т.е. «*видения сущности существования*». Он ищет «*Что*» современной «картины мира» в психопатологии, так как ответ именно на этот вопрос представляет информацию о «*Как*» человеческого существования в мире.

Согласно Бинсвангеру, именно в языке «фиксируется», «артикулируется» и вследствие этого определяется и может быть передана наша «картина мира» [34].

Важнейший тезис экзистенциального анализа в отношении сущности человека заключается в том, что учением Хайдеггера о «бытии-в-мире» как трансценденции преодолевается «проклятие всех психологий», а именно учение о субъект-объектном расщеплении мира [35], и освобождается путь для антропологии.

Через тождество бытия-в-мире и трансценденции Хайдеггер пытается, с одной стороны, устранить пропасть между «Я» и миром, а с другой, объяснить структуру субъективности как трансценденцию. Так возникает «единство бытия и мира». Посредством трансценденции устраняется расщепление существования на субъект (=человек, личность) и объект (=предметы, окружающий мир) [36].

В заключение резюмируем вышесказанное. Экзистенциальный анализ исключает психические инстанции Фрейда («Оно», «Я», «Сверх-Я») вместе с их тремя качествами (бессознательное, предсознательное и сознательное). Вместо «психического» он говорит о «существовании», вместо «психических процессов» – о трансценденции как бытии-в-мире. И происходит чудо: «проклятие всех психологий», учение о субъект-объект-

ном расщеплении мира, исчезает навсегда! Волшебная палочка, которая совершила это чудо, называется *трансценденцией* [37]. Так экзистенциальный анализ превращается в *анализ без психического.*

Психическая картина человека в судьбопсихологии

Прежде всего, мы считаем необоснованным «вынесение за скобки» всех фрейдовских понятий, касающихся топики, качества и энергетики психического, экзистенциальным анализом. Конечно, Л.Бинсвангер попытался «сменить застоявшуюся воду» старой психологии на новую, философски-чистую, дистиллированную, но тем самым из купели психологии вместе с водой выплескивается вполне жизнеспособное детище З.Фрейда. Введение «трансценденции», которое мы считаем совершенно правильным, эти действия никак не оправдывает.

Судьбоанализ, напротив, полностью перенимает учение Фрейда о топике, качестве и энергетике психического, дополняя его еще одной инстанцией, на которую психоанализ не обращал внимания, и делая еще один шаг к сущности психического. Топика психического была дополнена в судьбоанализе на нижнем уровне *родовым бессознательным,* а на верхнем – «Понтифекс-Я», понятием, выполняющим функцию соединительного моста. О родовом бессознательном мы уже говорили. Структура навязанной и свободной судьбы обусловливается следующими факторами.

1) *Наследственные* притязания «образов и фигур» (Р.М.Рильке) тех предков, которые динамически-функционально присутствуют и проявляют себя в родовом бессознательном личности.

2) *Специфическая природа побуждений,* ядро которых имеет наследственное происхождение, но все-таки изме-

няется под воздействием бессознательной защитной деятельности «Я» (З.Фрейд) в течение жизни и выражается в качестве индивидуальных потребностей побуждений.

3) *Социальное окружение*, способствующее проявлению одних экзистенциальных возможностей и препятствующее развитию других.

4) *Ментальность*, т.е. *мировоззрение* эпохи, в которую живет личность, а также *интеллектуальные способности и таланты*, формирующие и управляющие судьбой.

5) *Сознательное «Я»* с его стремлением к реализации, с его властью, образованием идеалов и с его «Сверх-Я», которое при благоприятных обстоятельствах посредством свободы выбора преодолевает границы навязанной судьбы – наследственности, природы побуждений, социального и ментального окружения.

6) *Дух*, с помощью которого можно достигнуть свободной, самостоятельно выбранной судьбы.

При неблагоприятных обстоятельствах обессиленное «Я» попадает в ловушку навязанной судьбы и повторяет жизненный путь одного из предков.

Человек имеет не единственную судьбу, как считают даже современные последователи древней науки ананкологии (учения о судьбе), а располагает многими возможностями, часто даже с противоположной направленностью.

«Понтифекс-Я» – это восстановление взаимосвязи между навязанной наследственной и свободной духовной судьбой, мост между противоположностями. «Понтифекс-Я» соединяет все противоположности в бессознательном, в «Я», а также снимает противоречия между «Я» и окружающим миром, субъектом и объектом, психикой и соматикой.

Важнейшими функциями «Понтифекс-Я» являются трансценденция, интеграция и партиципация.

1. *Трансценденция* – свободный переход определенных психических инстанций из одного состояния (бессознательного, предсознательного, сознательного) в другое. Трансценденция является функцией «Понтифекс-Я», которая способствует переходу активных элементов из состояния навязанности в свободу и, наоборот, из состояния безграничной свободы в навязанность. Таким образом, *трансценденция «Понтифекс-Я» носит характер свободы.*

2. *Интеграция* – восстановление целостности психического из его составных частей, объединение коллективного, родового и индивидуального бессознательного в «целостном бессознательном». Интеграция бессозна-

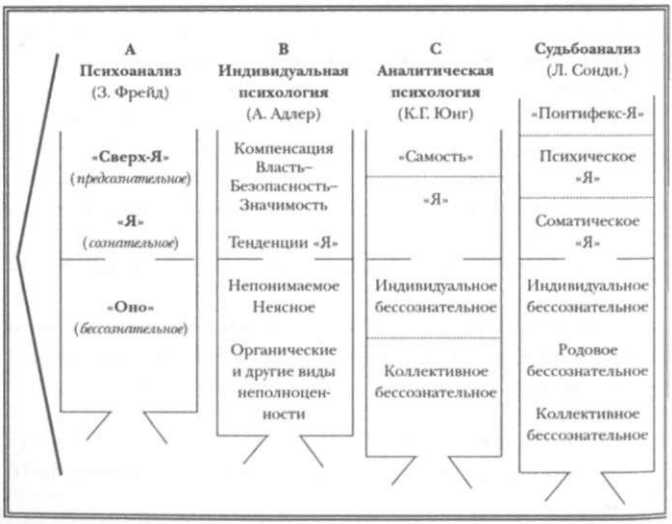

Рис. 6. Структура психической картины в судьбопсихологии

тельного, сознательного «Я» и предсознательного «Сверх-Я» в объединенное «Я».

3. *Партиципация* – единение с другими людьми (любовь к ближнему), миром (коммуникация) и Духом (функция веры).

Часть 3
ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ

Итак, мы проследовали путем человеческого становления от инфантильной стадии двуединства с матерью (дуального союза) до ступени свободно выбирающего человека, homo elector. Но здесь возникает вопрос: «Представляет ли собой фаза свободного выбора экзистенции конечный этап человеческого становления? Есть ли путь к дальнейшему развитию? Если да, то куда?

Предлагаем выслушать мнение двух выдающихся философов по этому поводу.

«Конечной целью нашего земного существования является *отвлечение воли от жизни.* Невидимая и проявляющаяся только в сомнительных призраках сила ведет нас *к смерти, этому единственному результату и, постольку, цели нашей жизни*» [38]. Так обращался к читателю сто лет назад Артур Шопенгауэр.

«Собственно *стремление к смерти*, т.е. конечность временного, является скрытой причиной историчности существования» [39]. Это говорит уже в наши дни Мартин Хайдеггер.

Мы считаем учение о поиске смерти и танатоманической цели существования и судьбы крайне опасным абсолютизированием экстремальной формы экзистенции индивида. В связи с чем у нас возникает вопрос: «Не ука-

зывает ли сама судьба человека, важнейший атрибут его бытия, на то, что основная цель каждой отдельной судьбы – это путь, на котором человек превращается из «существующего» de facto в «гуманизирующегося» (homo humanus)?»

Как же отвечают на этот вопрос глубинные психологи?

А. *Основатель психоанализа З.Фрейд* пишет: «Религия, мораль и социальные чувства являются основным содержанием наивысшего в человеке». Согласно гипотезе, изложенной в работе «Тотем и табу», религия и моральные ограничения филогенетически приобретены нами с комплексом отца, посредством преодоления комплекса Эдипа. Напротив, социальные чувства возникают в процессе преодоления соперничества между представителями молодого поколения» [40].

В этом смысле сублимация и образование культуры, с точки зрения психоанализа, являются перемещением неизменного сексуального либидо на другой объект и другую цель.

Б. *Индивидуальная психология (А.Адлер)* формулирует свой тезис: «Человечество обладает комплексом неполноценности, который требует постоянного преодоления...» [41]. «Целью человеческой души является преодоление, совершенство, безопасность, превосходство...» [42].

Конечная цель человеческого становления, по Адлеру, – это чувство социальной общности.

В. *Аналитическая психология (К.Г.Юнг)* ставит на место вынужденной сублимации Фрейда *индивидуацию*. Это направление глубинной психологии предполагает, что индивидуация не приводит человека в состояние тотального одиночества несмотря на процесс «самостановления», так как существование индивида предполагает коллективные отношения с его экзистенцией. Но индивидуация является чрезвычайно опасной целью для личности.

Процитируем мнение Г.Трюба, который достаточно компетентен в этом вопросе как один из последователей Юнга: «Индивидуация происходит за счет реальности, когда человек движется от реального мира взаимосвязей к упомянутому порядку. Его привлекает образ и желание независимости и свободы. Он видит высоту и стремится к ней. *Это восхождение – его личная задача.* Человек надеется достигнуть вершины, окончательно и бесповоротно утвердиться на ней, как вдруг... происходит неожиданный и непредусмотренный срыв, падение, отрыв от людей и связей, поворот назад. Все это надо рассматривать не как логическое завершение предшествующего развития, а как катастрофу» [43].

Мы считаем, что становление Самости является естественной потребностью всякого творческого человека. Но горе тому, кто пытается провести всю свою жизнь на вершине этой «горы». *Ведь индивидуация всегда основана на эгоизме.* И каждый нарцисс превращает «гору» Самости в ледник, в котором его душа обречена мерзнуть в полном одиночестве.

Г. Поэтому *судьбоанализ* говорит, что человек должен осознать собственные экзистенциальные возможности с вершины своего личного становления, а спуститься затем с нарциссической вершины Самости к человечеству. Таким образом, достигнув вершины своего существования, он должен сделать выбор между эгоистической любовью к себе и любовью к человечеству. В этом и состоит судьбоформирующая задача homo elector. Если он выбирает эгоистическую любовь становления Самости, то ему угрожает катастрофа одиночества. А если, напротив, он переносит любовь на все человечество, то может продолжать путь своего становления.

Через ежедневное превращение, изменение мировоззрения, преобразование разума *(метанойя),* гуманизирую-

щийся человек постоянно движется по пути своего становления. Но куда? Мы говорим: к *«идее человека»*. И эта идея состоит в *увеличении радиуса любви*. Именно в этом заключается существенное различие между *«индивидуацией»* и *«гуманизацией»*. «Идея человека» выступает против длительной разобщенности. Она требует от индивида постоянного расширения поля любви от собственного «Я» к семье, от своей семьи к другим семьям, от членов своей конфессии – к членам других конфессий, от одного социального класса – к представителям других классов, от собственной расы – к другим мировым расам. Таким образом, должно произойти увеличение радиуса любви от первоначального эгоизма до любви ко всему человечеству.

Но способен ли человек вообще к *такому* расширению любви? Не является ли homo humanus, любящий не только своих близких, но и все человечество, иллюзией, подобно homo futurus?

Если расширение поля любви как фундаментальный принцип человеческого становления – иллюзия, то все учение христианства тоже было бы иллюзией. *Но ведь мы знаем, что это не так! Идея любви к ближнему – не мираж, так как она основывается на вере в возможность собственного человеческого становления.*

Путь к человеческому становлению открыт для каждого, но сначала нужно осознать его среди множества вариантов, а затем свободно выбрать.

Что же собой представляет наиболее желательная картина человеческого становления? Мы отвечаем: homo liberator и homo humanus, выбирающий путь любви ко всему человечеству и тем самым освобождающийся от давления наследственности, природы побуждений и разобщающего эгоизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Статья в юбилейном сборнике Вернера Лейбранда, Маннгейм, 1967.

2 «Neue Zürcher Zeitung» от 29 мая и 5 июня 1966 г. В 1967 г. статья была впервые опубликована на французском языке в «Revue Philosophique de Louvain». 3 марта 1966 г. прочитан доклад на философском и медицинском факультете католического университета в Лювене.

3 За несколько дней до тестирования пациент перенес кардиазоловый шок.

4 Доклад, прочитанный на заседании швейцарского общества по психологии и ее практическому применению / «Швейцарский журнал по психологии и ее практическому применению». 1946 г. Т. V. Ч. 1.

5 *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. Собр. соч. Т. VI. С. 226.

6 Ср. здесь так называемую «психошоковую терапию» в книге «Судьбоаналитическая терапия». Изд. Губер, Берн и Штуттгарт, 1963.

7 *Сонди Л.* Судьбоанализ. Изд. Бенно Швабе. Базель, 1944.

8 Доклад, прочитанный на заседании Швейцарского общества судьбоаналитиков. 1955 г.

9 Медицинская клиника. Вып. 48, 59. 27 ноября 1964 года.

10 Все примеры представлены из работы Липота Сонди «Судьбоанализ» (1965).

11 «Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я» (*лат.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lowith K.* Natur und Humanität des Menschen. Festschrift für Helmuth Plessner: Wesen und Wirklichkeit des Menschen. Herausgeg. von Klaus Ziegler. Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen 1957. S. 58.

2. *Heidegger M.* Sein und Zeit. § 25. Der Ansatz der existenzialen Frage nach dem Wer des Daseins. M. Niemeyer, Halle a. d. S. V. Aufl. 1941. S. 114 ff.

3. *Heidegger M.* Über den Humanismus. Klostermann, Frankfurt a. M. 1947. S. 14.

4. Ebenda. S. 13.

5. *Freud S.* Abriss der Psychoanalyse. Ges. Schr. Internat. Psa.-Verlag, Leipzig, Wien, Zürich. Bd. XI. S. 183.

6. *Freud S.* Das Ich und das Es. Ges. Schr. Bd. VI. S. 381.

7. *Freud S.* Metapsychologie. Ges. Schr. Bd. V. S. 510.

8. *Jung C.G.* Jahrbuch f. psa. u. pspath. Forsch. Bd. III 1911 und Bd. IV 912.

9. *Szondi L.* Analysis of Marriages. An attempt at a theory of choice in love. Acta Psychologica. The Hague, Martinus Nijhoff, 1937. Ferner: Schicksalsanalyse. Benno Schwabe, Basel, I. Aufl. 1944, II Aufl. 1948, III Aufl. 1963.

10. *Adler A.* Praxis und Theorie der Individualpsychologie. J.F.Bergman, München und Wiesbaden, 1924. S. 9.

11. Ebenda. S. 5.

12. Ebenda. S. 10.

13. *Adler A.* Sinn des Lebens.

14. *Müller A.* Der Heilweg der Individualpsychologie Alfred Adler in der «Heilwege der Tiefenpsychologie». Hg. von L.Szondi, Huber, Bern und Stuttgart, 1956. S. 95 ff.

15. *Jung C.G.* Über psychische Energetik und das Wesen der Träume. Rascher, 1948. S. 271.

16. Ebenda. S. 275.

17. Ebenda. S. 105.

18. Ebenda. S. 105.

19. *Maeder A.* Psychosyntese, Psychagogik. Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie. Bd. III. Urban u. Schwarzenberg, München u. Berlin, 1959. S. 406.

Ferner: Der Psychotherapeut als Partner, Rascher, Zürich 1957.

20. *Freud S.* Gesammelte Werke. Bd. XVII. Imago Publ. London 1941. S. 67.

21. Ebenda. S. 68.

22. Ebenda. S. 68.

23. *Freud S.* Das Ich und das Es. Ges. Schr. Bd. VI. S. 362.

24. Ebenda. S. 367.

25. *Freud S.* Abriss der Psychoanalyse. Ges. Werke, Bd. XVII. S. 84.

26. *Adler A.* Praxis und Theorie der Individualpsychologie. J.F.Bergman, München und Wiesbaden, 1924. S. 167.

27. *Thompson Clara u. Mullahy, P.* Die Psychoanalyse. Pan-Verlag, Zürich 1952. S. 71.

28. *Jung C. G.* Action, Rascher, Zürich 1951. S. 15, 18.

29. *Jung C. G.* Psychologie und Alchemie. Rascher, Zürich 1944. S. 69, 253.

30. Siehe hierzu die Kritik des Verfassers in der «Ich-Analyse». S. 145 ff.

31. *Jung C. G.* Psychologie und Alchemie. Rascher, Zürich 1944. S. 122.

32. *Freud S.* Ges. Werke.. Bd. XVII. Imago Publ. London 1941. S. 85-86.

33. *Jung C. G.* Der Geist der Psychologie. Eranos Jhb. Bd. XIV. S. 463.

34. *Binswanger L.* Ausgewählte Vorträge und Aufsätze. Bd. I. Zur phänomenologischen Anthropologie. Francke, Bern 1947. S. 202.

35. Ebenda. S. 193.

36. Ebenda. S. 193.

37. Nächeres über unsere Kritik der Daseinsanalyse siehe: «Ich-Analyse». S. 25 ff., 126 f., 405.

38. *Schopenhauer A.* Paregra und Paralipomena. 1851. Über die anscheinende Absichtlichkeit im Schicksale des Einzelnen. Erster Band. S. 236 f. Sämtliche Werke, Bd. V. F. U. Brockhaus, Leipzig 1938.

39. *Heidegger M.* Sein und Zeit. 5. Aufl. Niemeyer, Halle a. d. S. 1941. S. 386.

40. *Freud S.* Das Ich und das Über-Ich. Ges. W. Bd. VI. S. 381.

41. *Adler A.* Sinn des Lebens. S. 48.

42. Ebenda. S. 97.

43. *Trüb H.* Eine Szene im Sprechzimmer des Arztes. Die Kreatur, Jhg. III, Heft 1, 1929. S. 56–57.

А.И. Ложкин

СУДЬБОАНАЛИЗ ЛИПОТА СОНДИ В ЦИТАТАХ И КОММЕНТАРИЯХ

Вот уже 70 лет, со дня публикации в Венгрии своей первой работы «Анализ брачных союзов» и до настоящего времени, имя Липота Сонди вызывает в научных кругах повышенный интерес и живой отклик. Вокруг его учения все время шли и продолжают идти горячие споры, а в оценках открытий, сделанных Сонди, со стороны официальной академической науки можно встретить самые разнообразные и неоднозначные мнения и суждения.

Действительно, с одной стороны, Липот Сонди хорошо известен как создатель оригинального учения «Судьбоанализ» и автор уникальной проективной методики. Он признан, как ученый с мировым именем, стоящий в одном ряду с такими мыслителями и «грандами психологической науки», как З.Фрейд, К.Юнг, К.Роджерс, К.Ясперс и т.д.

С другой стороны, его учение во многих академических кругах подается слишком примитивно или односторонне, и, как нам кажется, оно до сих пор не осмыслено во всей его полноте. Такое амбивалентное отношение к Липоту Сонди представляет его как *самого великого среди неизвестных ученых и самого неизвестного среди величайших мыслителей нашей эпохи.*

Причин, объясняющих такое положение Сонди в научной среде, скорее всего несколько. Это и Вторая мировая война, прервавшая самый продуктивный, «венгерский» период его научной работы, уничтожившая весь архив данных, разбросавшая его учеников и последователей по всему свету и вынудившая ученого искать пристанище для себя и своей семьи в чужой стране. Это и послевоенный шок, возникший в сознании общественности, когда были обнародованы факты использования политиками ряда стран научных исследований в генетике как повод для массового геноцида в форме «чистки наций» и последовавшее за этим многолетнее непроизвольное отторжение и неприятие работ, имеющих генетическую подоплеку открытий.

Однако, на наш взгляд и в первую очередь, это связано с тем, что гениальные открытия Липота Сонди намного опередили традиционную академическую мысль и существующие парадигмы в самых разных областях современной науки о человеке, которая только сейчас пытается осмыслить его энциклопедические идеи.

Наша статья не претендует на всеобъемлющий анализ многочисленных научных достижений этого разностороннего ученого. Мы рассмотрим лишь наиболее важные, где в полной мере проявился поистине неоценимый вклад Сонди в раскрытии проблем и возможностей Человека, в понимании его сущности и движущих им сил.

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В СУДЬБОАНАЛИЗЕ

В первую очередь для обоснования своего учения Липоту Сонди требовалось решить достаточно сложную методологическую проблему, которая охватывала бы, с одной стороны, целостность и единство форм человеческого существования, а с другой – учитывала все ее многообра-

зие и широкую вариативность проявлений. Необходимо было предложить такую концептуальную категорию, в которой одновременно сочетались и раскрывались следующие составляющие человеческого бытия:

– биологические и психофизиологические свойства индивида;

– социальные условия жизнедеятельности человека и его ближайшего окружения;

– сознательная и духовная сфера личности, как фактор ее развития и становления.

Каждая из этих форм человеческого бытия имеет свою самостоятельную структуру, особенности функционирования и проявления в поведении, а также, выражаясь современным языком, свою «модальность» измерения активности и потенциала личности. Поэтому Л.Сонди необходимо было учесть уникальность и самобытность каждой из этих человеческих «экзистенций» и в то же время найти всеобщий, объединяющий эти формы бытия эквивалент, некое интегрирующее понятие, которое, тем не менее, присутствует в каждой из них, имея свое собственное значение.

С этой целью он выдвигает и обосновывает центральную, базовую, многомерную категорию своего учения – «*судьба*», найдя в нем самое подходящее выражение, которое охватывает все, что касается человеческой жизни:

> «Судьба – это интеграция тела и души, наследственности и побуждений, «Я» и Духа, посюстороннего и потустороннего, всех личностных и межличностных феноменов» [1].

Следовательно, категория «*судьба*» понимается и функционирует у Л.Сонди по такому же принципу, что и понятие «*архетип*», т.е. как всеобщий, присущий всем образ поведения и мышления. Примечательно, что этимология слова «судьба» имеет в различных языковых культурах

схожий смысл, значение которого в современном лексиконе можно свести к трем основным определениям.

1. «Рок, предопределенность событий, неизбежность стечения ряда обстоятельств» – под этим понимается все то, что не зависит от воли и желания человека. Это такие события, где человек является объектом чужой воли, они проявляются в его жизни как непредсказуемые *происшествия* и направлены в *прошлое.*

2. «Доля, участь, часть целого» – здесь человек является уже полноценным участником (*участь*) происходящих с ним событий, при этом его деятельность является сознательной и зависит от принятого им выбора, однако во всем этом проявляется определенная незавершенность, незаконченность (*часть целого*) течения жизненного цикла. Действия человека в этом случае определяются как *поступки* и отражают *настоящее* в его жизни.

3. «Предназначение, подведение жизненных итогов, суд бытия» – под этим понимается все то, что скоро случится или произойдет. Здесь события начинают развиваться по собственной воле человека, однако в силу их всеобщей значимости вскоре выходят из-под его контроля, подчиняясь влиянию иррациональных, сверхличностных обстоятельств. В этом случае человек начинает испытывать воздействие, обратное влияние от тех действий, которые он когда-то предпринимал. За свой выбор и последующие за этим события человек должен нести ответственность, поэтому его действия определяются как *свершения* и направлены в *будущее.*

Принципиально новым у Л.Сонди является то, что он сумел объединить в своей концепции все эти три значения понятия *«судьбы»*, придав ей понимание объемной, целостной, диалектичной категории.

Поэтому он признает, что многое, составляющее жизнь человека, является предопределенным, неотвратимым, заданным не только самим фактом его рождения, но и целым кругом различных обстоятельств, над которыми он не властен. Человек вынужден постоянно считаться с такими факторами в его жизни, как наследственность, климат, культура, религия, политика, зарплата, семья и т.д. Пересечение всех этих зависимостей создает для человека целый водоворот случайностей, предугадать и контролировать который очень и очень сложно. Эти факторы образуют по определению Л.Сонди «*навязанную судьбу*» человека и связаны с его *прошлым*, с судьбой его предков.

«Навязанная судьба человека является генетически детерминированной. Его жизненные выборы представляют собой генные реакции и обусловлены действием, прежде всего, латентно-рецессивных генов» [5].

«Навязанная судьба является состоянием, в котором доминируют:

1) коллективная и родовая наследственность;

2) вегетативная природа побуждений;

3) социальный статус, навязанный человеку от рождения;

4) мировоззрение, передаваемое через родовые и социальные традиции» [6].

«Наряду с побуждениями значительную роль в судьбоанализе играют латентные притязания предков – их стремление полностью повториться в жизни потомка в той самой форме экзистенции, которая (возможно, уже не раз) встречалась в истории рода» [6].

Несмотря на то что слово «предки» имеет мифологический оттенок, Л.Сонди понимает его в чисто психологическом смысле и определяет как специфические,

присущие определенной кровно-родственной категории людей доминирующие потребности в системе их семейных ценностей и мотивации поведения. В жизни конкретного индивида влияние его родовых доминирующих потребностей проявляется в направлении генетически обусловленного им выбора супруга, друзей, профессии, однако также может навязать ему выбор болезни или способа смерти. Такое «взаимное притяжение родственников» в сфере социальных отношений, когда, заключая браки и вступая в дружбу, люди предпочитают генетически сходных индивидов, – Л.Сонди назвал *генотропизмом*.

> «Индивидуальный генотропизм человека – это его судьба. А судьба может сделаться видимой через те генотропические выборы, которые человек совершает. Отсюда аксиома судьбоанализа: «Посмотри на побудительные выборы человека, и ты узнаешь, что собой представляют его родственники и он сам, а также какая судьба его ожидает» [7].

В своем исследовании «Анализ брачных союзов» (1937) Л.Сонди экспериментально доказал предположение о том, что предпочтения здоровых и больных людей обусловлены их генетическими, унаследованными чертами:

> «Зачем здоровому мужчине жениться на девушке с глубокой депрессией в будущем и произвести с ней четверых детей, страдающих такими же симптомами? Л.Сонди объясняет это тем, что две сестры, мать и бабушка молодого человека также страдали депрессией, и рецессивный ген этого заболевания вызвал у него генотропическое притяжение. В другом примере он описывает коммивояжера, вступавшего в любовную связь с несколькими дамами, проживавшими в городах, куда он ездил. Среди них была одна женщина, к которой он возвращался регулярно. Впоследствии она забеременела, и у нее

родился глухонемой ребенок, хотя оба родителя имели нормальный слух. Анализ их родословных древ показал, что среди его и ее родственников в предыдущих поколениях и «по горизонтали» было немало глухонемых людей. Л.Сонди утверждает, что этих людей притягивали друг к другу гены, «стремившиеся» манифестировать себя путем зачатия родителями глухонемого ребенка» [8].

Концепция *генотропизма* Л.Сонди самым коренным образом изменило наше представление в сфере объяснения взаимосвязи нашего поведения с прошлым опытом наших близких и дальних родственников и стало результатом смелого и выдающегося духовного прорыва, намного опередившего свой век.

Несмотря на то что факторы навязанной судьбы никогда нельзя полностью преодолеть, ведущим потенциалом личности, как считает Л.Сонди, является ее стремление к свободе, а проявляется она в сущности психических функций человека. Благодаря личностно обусловленным способностям решать и выбирать, человек не является ни рабом своей природы, ни игрушкой окружающего его мира.

«Сущностью психического является стремление жизненных функций к свободе» [5].

По мнению Л.Сонди, человек постепенно, по мере возрастания своей зрелости, постигая закономерности бытия, получает наконец шанс выбирать, исходя из своих возможностей. Действительно, осознавая свою глубинную специфичность, человек начинает понимать, что ни один из факторов, обуславливающих его жизнь, не предопределяет ее строго и однозначно.

«После осознания человеком навязанности судьбы его "Я" может свободно выбирать иную форму экзистенции» [5].

Следовательно, при осознании этих факторов *«навязанной судьбы»* ведущее положение начинает играть не предопределение, а самоопределение человеком своей жизни, в ситуации выбора из имеющихся у него возможностей.

> «Судьба связана с поэтапным восхождением по ступеням человеческого становления и свободным выбором среди осознанных возможностей экзистенции» [5].

Такое осознание человеком своих возможностей, которые открывают ему подлинный способ и смысл его бытия, при реализации наиболее предпочитаемого выбора у Л.Сонди принимает значение *«свободной судьбы»*.

> «Мы говорим: судьба – это выбор, и различаем два типа действий, связанных с выбором. Во-первых, это бессознательные действия, управляемые наследственными задатками. На данном этапе бессознательные притязания предков направляют личность в выборе любви, дружбы, профессии, различных форм заболевания и способа смерти. Часть судьбы, которая бессознательно реализуется через латентный образ предков, мы называем родовой навязанной судьбой. Во-вторых, это сознательные действия, которые направляются персональным «Я» личности. Эта часть судьбы является нашей персональной, самостоятельно выбранной судьбой. Родовая навязанная судьба и персональная самостоятельно выбранная (или – «Я») судьба составляют целостность судьбы» [1].

Таким образом, по мнению Л.Сонди, судьбу индивида определяют динамическое взаимодействие таких ее диалектических составляющих, как существование навязанного влияния предков и свободного выбора личностью того или иного варианта своего развития.

Для Л.Сонди человеческая жизнь проявляется именно в диалектическом единстве и целостности «*судьбы*» и представляется прежде всего как постоянное изменение, становление, круговорот и динамика. Динамика изменений является результатом диалектического перехода комплементарных противоположностей, из которых состоит психическое, а полярные полюса находятся друг с другом в неразрывной связи и образуют, единство человеческой души.

> «Душевной диалектикой мы называем в общем и целом такое взаимодействие противоположно направленных психических функций, которое обуславливает и сохраняет единство души» [1].

Такое диалектическое единство психических функций и создает для человека, по мнению Л.Сонди, возможность реализации «*свободного выбора*». Одна и та же психическая функция уже содержит в себе противоположно направленные тенденции, выбирая из которых, человек выбирает свою «*судьбу*».

> «Человек является носителем многих экзистенциональных возможностей, поэтому он может сменить свою наследственно обусловленную социально-негативную навязанную судьбу на свободно выбранную социально-позитивную. Например, человек с эпилептоидной или эпилептоидно-параноидной наследственностью вовсе не обязательно должен заболеть эпилепсией или параноей. В зависимости от обстоятельств он может при помощи «Я» – управляемого выбора сменить «больную» судьбу на здоровую. Разные экзистенциональные формы могут быть экстремальной манифестацией одних и тех же, но полярно направленных психических функций в ряду сложных аллелей, например: эпилепсия – выбор профессии пожарного, шизофрения – выбор профес-

сии психиатра. Причем речь здесь идет не о сублимации, т.к. меняются не цель и объект побуждения, а две экстремальные формы экзистенции одной и той же наследственной структуры. В таком случае не эпилептик становится пожарным и не шизофреник – психиатром, а обладатель соответствующей кондукторной природы сам несет в себе биполярную структуру всего комплекса психических функций. На одном его полюсе располагается патологический (эпилептический или шизофренический), а на другом – социально-позитивный вариант экзистенции, связанный с профессиями педагога или психиатра (психолога). Оба варианта являются только функциональными возможностями экзистенции и никогда – необходимостью болезни или профессиональной деятельности. Способностью делать выбор между этими экстремальными возможностями экзистенциальных форм обладает сознательное «Я» человека.

Таким образом, судьбоанализ не говорит о предначертанности. Его теория выбора в отношении унаследованных и осознанных экзистенциальных возможностей признает за индивидом единственно человеческую способность: «Свободу «Я» делать выбор» [1; 7].

Однако возможность «свободного выбора» для конкретного индивида всегда жестко ограничена временными рамками его жизненного пути. Человек в силу своей природы постоянно вынужден испытывать чувство незавершенности оттого, что он осознает конечность своего жизненного пути и поэтому вынужден находиться в настоящем, не имея возможности проверить или подтвердить правильность своего выбора в будущем.

Поэтому в одиночку совершить «*свободный выбор*» и выполнить миссию гуманизации своих социально-негативных форм экзистенции «*судьбы*» человек не в состоянии. По мнению Л.Сонди, это было бы самообманом,

и человек превратился бы в сумасшедшего с манией величия. Реализовать свои возможности человек может только через передачу *«бытийной мощи»* Богу, когда он действительно в состоянии выйти за любые временные рамки и границы своего «Я». Ведь только трансперсональная всеобъемлемость в качестве самостоятельной величины бытия способна «выдержать» всю полноту *«бытийной мощи»*, передаваемой ей человеком. Часть же перенесенного на Бога могущества бытия человек получает обратно в виде своеобразных «жизненных задач» или «жизненных смыслов», которые он теперь оказывается способен решить, поскольку уже не одинок. Он соединился с Богом в Духе, а поэтому обрел возможность заглянуть в будущее. Для этого современный человек должен восстановить в себе утраченную с приходом цивилизации и сопутствующей ей «разделяющего» мышления потребность в объединении с *Божественным Духом* или потребность в *Вере*.

Следовательно, под *«Верой»* Л.Сонди понимает биологически врожденную способность человека к самотрансценденции, т.е. к переходу от самого себя к Божественному Духу. *«Вера»* означает у Л.Сонди такую способность человека к *партиципации* с полнотой Божественного Бытия, которая позволяет ему испытать особое чувство единения с Богом и освободиться от имманентно присущего ему страха смерти. Перенося всю свою *«бытийную мощь»* на Бога, человек получает от него могущество бытия обратно, освобождая себя от непереносимого чувства одиночества и наделяя свою жизнь гуманизированными ценностями.

«Чем более интегрированным является «Я» человека, тем более интегрированным будет выбранный им объект Веры, и тогда больше будет вероятность того, что ве-

рующий благодаря этой Высшей Инстанции сможет достичь истинной и положительной «вечной партиципации». Вера в подлинном смысле означает передачу своей бытийной мощи Богу с одновременной концентрацией внимания на других областях существования и сферах взаимоотношений. Под Верой подразумевается решение нелегкой задачи «правильного» и «пропорционального» распределения бытийной мощи» [1].

Если человек не сумел правильно оценить и равномерно распределить прошлое, настоящее и будущее в своей судьбе, то он со временем начинает ощущать внутреннюю опустошенность, которая вынуждает его либо предаваться безудержным, безмерным удовольствиям, либо впадать в отчаяние. Но ни то и ни другое не может дать чувства внутреннего покоя, умиротворенности, гармоничности своего существования.

Соответственно для того, чтобы человек осознал и почувствовал себя целостным, ему, по мнению Л.Сонди, необходимо объединить и интегрировать в качестве личностного жизненного смысла разрозненные частички своей *судьбы*, связанные с его прошлым, настоящим и будущим.

Если же человек оказывается связанным только со своим прошлым, то он полностью оказывается под влиянием *навязанной формы судьбы*, что довольно часто проявляется в формах расизма и национализма, с их подробными экскурсами в прошлое предков.

«Такое доминирование наследственно-навязанной судьбы заставляет человека слепо, без лишних вопросов, принимать на веру заветы предков и следовать примеру их жизни, в результате чего он оказывается неспособным организовать жизнь в соответствии со своими возможностями» [2].

Когда человек остается только в настоящем, он, с одной стороны, вынужден постоянно отрицать свое прошлое и находится в постоянной борьбе со своими предками, родителями, близкими родственниками. Он как бы вычеркивает из своей судьбы свою многовековую родословную и проживает жизнь «Иваном, не помнящим родства».

С другой стороны, он не принимает и свое будущее в виде отрицания *Веры* и *Божественного Духа*. Такое отчуждение от Божественной сущности приводит в дальнейшем к отчуждению от самого себя, своего окружения, своей работы и природы.

> «В том случае, если Я уступает свою власть рассудку и интеллекту, человек деградирует до уровня холодного рационалиста, сомневающегося во всем, что находится за границей разума и чувственного опыта. Такой человек теряет, по Л.Сонди, высшую возможность человеческого бытия к трансценденции. В своем сугубо рациональном мире, где учитывается только то, что можно измерить и поместить в каталог, он усыхает подобно сухофрукту» [2].

Когда же человек, отрицая свое прошлое и настоящее, старается перенести себя в будущее, то он теряет связь с реальным миром. В этом случае он может деградировать до мании величия, становясь «одержимым» и фанатичным в своей сектантской вере. В этом случае мы получаем лишь жалкую пародию на духовность взамен подлинной *Веры*.

> «Если все могущество бытия отходит к миру идей, человек лишается почвы под ногами. Он становится напыщенным от псевдобогоподобия и часто является жертвой магии и чародеев» [2].

В этом смысле подлинная «*Вера*» означает базовую потребность личности в целостности и одновременно опору человека на пути к духовности, как наиболее приемлемой для него формы реализации своего предназначения, своей персональной и целостной *судьбы*. При этом возникает ощущение *свободы* и полной открытости человека трансперсональной инстанции – Богу, однако без потери связи прошлого, настоящего и будущего, а также своей персональной идентичности.

> «Вера – это особенная судьба, построенная на коллективных общечеловеческих склонностях, могучий импульс которой придают специфические наследственные задатки во всей своей мощи и величии, а воспитательные и социальные факторы окружающей среды оказывают помощь или же создают препятствия. Она подвергается нападкам интеллекта, вооруженного логикой. Она получает свой объект в Духе, но существует только в "Я". Со смертью "Я" теряет свою силу и функцию Веры. Таким образом, духовная инстанция, которая верит или не верит, есть "Я"» [2; 3] .

Следовательно, чтобы «*свободный выбор*» мог реализоваться в полной мере, как считает Л.Сонди, человеку необходимо установить связь с Высшей Инстанцией, с Духом. В этом, по мнению Л.Сонди, заключается смысл религиозности с позиций судьбоанализа, т.к. реализация человеческой свободы здесь рассматривается в качестве подчиненного смыслообразующего принципа бытия, признающего Дух, стоящий над личностью. Помогать в осознании самобытности жизненной *судьбы* человека, расчищать «заносы» на пути к *Вере* – в этом и состоит основная задача судьбоаналитического психотерапевта.

«Устранение нарушения функции Веры находится в компетенции врача, но не как специалиста по лечению заболевания органов, а прежде всего как человека, т.к. он должен быть не только «доктором медицины», но еще и стать «доктором человека». Почему? Да просто потому, что на больничной койке лежат не только больные органы, но и хозяин этих органов – человек, обращаться с которым должно как с человеком. Недостаточно лечить только больные органы. Человеку необходимо все время помогать в его становлении, т.к. только в этом случае он может вылечиться в целом, а также примириться со своими больными органами. Стать человеком – значит открыть в себе функцию Веры, Веры в то, что человек заброшен в этот мир неслучайно, а для того, чтобы взять на себя персональную, раз и навсегда данную задачу, за которую он должен нести личную ответственность. Этой задачей является становление человека, его гуманизация» [2] .

В ответ на упреки со стороны официальных академических кругов, что с введением в свой категориальный аппарат понимания человеческой сущности таких феноменов, как *Дух* и *Вера*, в его учении проявляется уже не научная позиция, а мировоззренческая, Л.Сонди отвечал:

«Горе науке, которая не имеет достаточно мужества для того, чтобы стать мировоззрением» [2, с. 122].

Действительно, именно понятия «Судьба», «Высшая Инстанция», «Дух», «Вера» создают в концепции человека Л.Сонди олицетворение интегрированной личности, достигшей своей полноты и целостности. В противном же случае возникает провокационный вопрос Булгаковского Воланда из «Мастера и Маргариты»: «Ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет

Таблица 2. Структура психической картины в судьбоанализе

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ СТРУКТУРУ НАВЯЗАННОЙ И СВОБОДНОЙ СУДЬБЫ

I. ***Наследственные притязания*** «образов и фигур» (Р.М. Рильке) тех предков, которые динамически-функционально действуют в родовом бессознательном личности.

II. ***Специфическая природа побуждений***, ядро которой имеет наследственное происхождение, но все-таки изменяется под воздействием бессознательной защитной деятельности «Я» (З.Фрейд) в течение жизни и выражается в качестве индивидуальных потребностей побуждений.

III. ***Социальное окружение***, способствующее манифестации одних экзистенциальных возможностей, но препятствующее развитию других.

IV. ***Ментальное окружение***, т.е. мировоззрение времени, в которое живет личность, а также интеллектуальные способности и таланты, формирующие и управляющие его судьбой.

V. ***Сознательное «Я»*** с его стремлением к реализации, властью, образованием идеалов и «Сверх-Я», которое при благоприятных обстоятельствах посредством свободного выбора преодолевает границы навязанной судьбы (наследственности, природы побуждений, социального и ментального окружения).

VI. ***Дух***, с помощью которого можно достигнуть свободной судьбы.

жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»

Поэтому для Л.Сонди «*судьба*» – это в первую очередь развертывание сущности человека в Духе и неповторимый жизненный путь человека в его целостности, завершенности и единстве. Понимать свое глубинное измерение, помнить о нем – путь к гармоничной и целостной личности, которая постигла *судьбу*.

«Понятие судьбы является диалектичным. Это значит, что судьба находится в постоянном движении между противоречиями и противоположностями, но никогда не бывает в статическом состоянии. Шесть жизненно-важных функций, которые обуславливают и формируют судьбу, все время меняют направление своего движения. Таким образом, в ходе времени судьба меняется в формах своего проявления. Так же как меняются декорации в театре и игра на вращающейся сцене, так и судьба вращается на сцене жизни отдельной личности...

Если судьба застынет на этой сцене в определенном положении, то она превратится в навязанную. Если же, напротив, «Я» с помощью Духа способно оказать энергичное сопротивление окаменелому действию функций, определяющих навязанность судьбы, и снова привести в движение вращающуюся сцену, то – при благоприятных обстоятельствах – может реализоваться свободный выбор судьбы» [3].

ТЕОРИЯ БОЛЕЗНЕЙ И ЗДОРОВЬЯ В СУДЬБОАНАЛИЗЕ

Понятие «*судьбы*» является у Л.Сонди также тесно связанной с его теорий болезней, где она рассматривается в качестве интегрирующего понятия, стоящего над здо-

ровьем и расстройством психики. Здесь термин «*судьба*» окончательно теряет свой мифологический смысл и приобретает вполне реальное отражение человеческой сущности.

> «Судьба связана с поэтапным восхождением по ступеням человеческого становления и свободным выбором среди осознанных возможностей экзистенции. Отсюда следует, что психическая судьба человека точно так же может подвергнуться заболеванию, как и тело. Мы называем выбор болезни индивидом «болезнью судьбы» и в качестве ее терапии предлагаем судьботерапию» [3, с. 197; 5].

Болезнь может проявиться, по мнению Л.Сонди, если индивид выбирает экзистенцию или способ существования, не соответствующий его возрастному, социальному, интеллектуальному уровню развития или отождествляется с наследственно-навязанной фигурой своего больного предка. При этом любое расстройство психики имеет тесную связь со своей здоровой судьбой, поэтому между здоровьем и болезнью в психической сфере проявляется не качественное, а только лишь количественное различие.

> «Психическое здоровье и болезнь являются следствием выбора индивида. Оба они связаны с понятием судьбы, свободная судьба означает выбор человеческого становления. Навязанная судьба возникает в случае задержки на промежуточных ступенях человеческого становления и при выборе судьбы больных предков» [3, с. 197; 5].

Выдвигая в *судьбоанализе* такое понимание болезни, Л.Сонди должен был учесть в своей теории уже существующие в психиатрии подходы и предложить собственную концепцию терапии личности.

Классическим подходом в психиатрии является *нозологическое* направление, одним из родоначальников которого был сам Э.Крепелин. Основным достоинством данного направления считается его приверженность к строгим методам естественно-научного анализа, в основе которого лежит объективный подход и причинная обусловленность в определении психического заболевания.

Для этого к любой психической патологии необходимо подходить с точки зрения ее *клиники* (определение сущности наблюдаемого симптома психического расстройства), *динамики* (как со временем меняются проявления этого расстройства) и *нозологии* (к какой группе расстройств относится заболевание). Однако оказалось, что естественно-научные методы, хорошо зарекомендовавшие себя в «соматической» медицине, не всегда срабатывают при анализе психической сферы, отсюда могут возникать сложности при постановке диагноза и эффективности лечения.

К примеру, синдром бреда может встречаться при любых заболеваниях, из-за чего выделение психической болезни начинает принимать сугубо формальный, схематический характер. Более того, в большинстве случаев психиатр вынужден лечить не саму психическую болезнь, вызвавшую бредообразование, а только лишь ее симптом. В результате доминирования *нозологического* направления психиатрия неизбежно скатывалась в русло *психофармакологии, психохирургии* и *шоковой терапии.*

Другим направлением в психопатологии является *феноменологическое,* разработанное К.Ясперсом. Он первым заявил об ограниченности *нозологического* подхода, при котором *психика* исследуется главным образом физиологическими способами и, стало быть, лечению подвергается *тело,* а не *душа.* Поэтому основным достоинством *феноменологического* направления

является преодоление в психической сфере противоречия между объектом и предметом исследования, когда лечится только больной орган, а не человек. К.Ясперс призывал восстановить целостность психической реальности через переселение в душу другого, проникновение в его внутренний мир, через *понимание*, что действительно происходит в больном, и *сопереживания* с ним.

Несмотря на свой гуманистический подход, *феноменологическое* направление неминуемо должно было столкнуться с проблемой *бесконечного описания индивидуального*, т.е. к постоянному поиску и раскрытию все новых и новых феноменов болезни и, наконец, скатиться к «дурной бесконечности».

Общим же недостатком, по мнению Л.Сонди, в *нозологическом* и *феноменологическом* направлениях было то, что здесь рассматривалась преимущественно сфера сознания больного, а все, что относилось к бессознательному, игнорировалось или отвергалось.

Прекрасно понимая достоинства и недостатки каждого из этих направлений, Л.Сонди решает не создавать свое новое направление в психопатологии, а дополнить существующие подходы, чтобы образовать единую психиатрию.

> «Психиатрия побуждений стремится «восстановить целостность психической реальности» и подразумевает одновременное сосуществование психиатрии синдромов и психиатрии феноменов. На основании современной психиатрии мы попытаемся разработать концепцию глубинной психиатрии побуждений, чтобы подготовить надежную почву для дальнейших исследований в этой области. Мы надеемся навести мосты над пропастью, которая разделяет психиатрию сознательного и бессознательного» [3, с. 98].

Для этого он приступает к разработке и раскрытию глубинных обоснований большой группы психических расстройств, психозов, психопатий и неврозов и выделению их синдроматики с помощью экспериментальной диагностики побуждений. В дальнейшем с помощью этих специфических экспериментальных синдромов можно достаточно легко определять и дифференцировать тип психического расстройства, а также понимать глубинную сущность каждого заболевания.

«Постоянная побудительная опасность (повторяющиеся картины с одной или тремя тенденциями вектора «Я» на переднем плане, особенно при сверхдавлении) указывает на возможность шизоформного заболевания: опасность «-k» предупреждает о возможности развития в направлении кататониформного заболевания, а «-p» – параноидного заболевания.

Параноид обнаруживает себя в тесте специфическим многовекторным типом деления – диагональным расщеплением, особенно в сфере «Я».

Для кататонии наряду с побудительным классом Sch k-, диагностическим критерием является блокирование контактов (C – –).

Депрессивная фаза выявляется через опасности d+, а маниакальная – через опасность m-.

В соответствии с экспериментальными исследованиями в пользу концепции единства заболевания свидетельствует тот факт, что каждый человек обладает специфической конструкцией побуждений, которая определяет, где – в зависимости от обстоятельств – могла бы возникнуть наибольшая побудительная опасность. Только в этом смысле можно поддерживать идею единства заболевания.

С точки зрения психологии побуждений, сущность кататонии составляет негативная эгосистола, т.е. безу-

держное стремление к девальвации и категорическому отрицанию всех ценностей, к негации. Сущность параноида заключается в безграничной эгодиастоле, проективных или инфлятивных тенденциях. В депрессии самое главное – непрекращающийся поиск; в мании – неукротимое стремление к разрыву всех связей с окружающим миром» [3, с. 109].

В комплексе проведенных Л.Сонди исследований *нозологическое* направление обогатилось синдроматикой, т.е. подробным описанием и раскрытием патологии побуждений у всех выделенных видов психических расстройств, которые были получены экспериментальным путем.

Для обогащения *феноменологического* подхода, чтобы избежать хаоса бесчисленно существующих и вновь появляющихся феноменов психического, требовалось провести их *систематизацию* с целью планомерного осознания всего многообразия душевного и *периодизацию*, чтобы сделать их реально обозримым в рамках определенных границ.

Для этого Л.Сонди создает свою *систему* глубинных побуждений, опираясь на четыре хорошо известных в психиатрии круга наследственных заболеваний (сексуальные отклонения, пароксизмальные заболевания, шизоформные и маниакально-депрессивные расстройства).

«Система побуждений должна конструироваться из пар противоположных потребностей, которые, во-первых, имеются у каждого индивида, а во-вторых, точно согласуются с патологическими, т.е. психиатрическими, наследственными кругами»[7].

Таким образом, по мнению Л.Сонди, каждый человек несет в себе склонность ко всем четырем группам психических расстройств, отличаясь только степенью их выраженности. Каждая личность несет в себе одни и те

же человеческие побуждения, однако люди, страдающие психическими нарушениями, несут в себе их большую «дозу».

«Важнейший результат исследования глубинных побуждений гласит, что каждый человек несет в своем родовом бессознательном склонность к циркулярным (C), шизоформным (Sch), пароксизмальным (P) и сексуальным (S) заболеваниям. Таким образом, существует четыре группы (или круга) психических заболеваний.

Индивидуальные различия выражаются только в соотношении степеней предрасположенности к этим четырем группам психических расстройств. Предрасположенность к психозам, которая обнаруживает себя в пропорциях латентностей, всегда обуславливается наследственностью.

Глубинная психиатрия отличается от академической преимущественно тем, что занимается поиском биологических радикалов единства заболевания в побудительной сфере и видит причины психических болезней в соотношении силы различных побудительных опасностей.

По пропорциям предрасположенности к заболеванию можно судить о направлении развития заболевания» [3, с. 109].

Каждое из четырех побуждений образовано двумя потребностями, т.е. в общей сложности получается восемь побудительных потребностей, каждая из которых в соответствии с принципами диалектики также делится на противоположные тенденции.

В итоге получается, что система побуждений, предложенная Л. Сонди, состоит из четырех побуждений, восьми потребностей и шестнадцати мотивационных тенденций, которые по замыслу автора охватывают все возможные формы существования побуждений человека.

– Сексуальный круг побуждений заключается во взаимодействии потребностей в персональной любви и сублимированной нежности, а также в активности, мужественности и самоотверженности.

– Пароксизмальный (аффективный) круг побуждений образуется из двух потребностей, выражающих такие реакции, как импульсивность, ярость, страх и чувство справедливости, а также стыд и стремление к значимости.

– Побуждения «Я» определяются такими потребностями личности, как «быть» и «иметь». Направленность тенденций этих потребностей носит названия: проекция (партиципация), инфляция, интроекция и негация.

– Круг побуждений контактов охватывает потребности в соединении и разъединении с объектом, а также стремление к изменению или сохранению в прежнем состоянии.

Картины проявления побудительных факторов чрезвычайно разнообразны, а их вариации Л.Сонди называл «возможностями судьбы», поэтому каждый человек обладает большим количеством подобных возможностей.

Используя данную *систему* побуждений Л.Сонди, психиатры могут получить информацию не только о психических заболеваниях, но и о чертах личности, а также признаках поведения, проявляющихся в реализации той или иной потребности.

В результате использования предложенной Л.Сонди *системы* побуждений, *феноменологическая* и *экзистенциональная* психиатрия получили новый импульс в своих исследованиях. В настоящее время во Франции и Бельгии существует целая школа психиатрии, целиком и полностью следующая в русле учения Л.Сонди и развивающая его идеи в данном направлении (J. Schotte, J. Melon, P. Lekeuche, J. Kinable, J. Poellaer, H. Vanderschelde и др.).

Создав предпосылки для объединения психиатрических школ, Л.Сонди сосредоточил свое внимание на разработке учения о болезнях. С одной стороны, здесь необходимо было учесть влияние внешних факторов на развитие заболевания, имеющих в первую очередь психологические причины и обусловленные взаимодействием личности с неприемлемой для нее ситуацией.

> «Судьбоанализ не исключает, что любое потрясение души может выступить в роли «стрелочника», способного придать нашей судьбе решающий поворот. Так, например, психическая травма способна привести к разрядке болезненных потребностей побуждения в виде манифестирующего заболевания, невроза, психоза или преступления. Если же психические потрясения отсутствуют, то человек остается здоровым и перерабатывает их в социально-приемлемой форме путем выбора супруга, друзей, профессии» [9].

Однако в ходе многочисленных исследований выяснилось, что внешние факторы вызывают у конкретного индивида строго определенное для него заболевание, причем только теми неврозами или психозами, которые заданы его унаследованной конституцией, т.е. латентно-рецессивными генами.

> «Почему результатом влияния внешних физических или психических агентов становится определенная, а не какая-либо другая болезнь? Потому что клиническая форма заболевания во многих случаях определяется не просто внешним воздействием, а родовым генотипом, прежде всего влиянием латентно-рецессивных генов» [3, с. 101].

Следовательно, у каждого человека можно выявить предрасположенность к соответствующему кругу побуди-

тельных опасностей, связанную с «локусом наименьшей сопротивляемости» именно в той сфере, которая определяется его родовыми предпосылками. В этом случае внешние и внутренние факторы действуют согласованно и могут привести к болезни, однако тип заболевания, которое «выбирает» человек, будет зависеть от его родовой наследственности.

Может ли человек как-то избежать «болезни судьбы», связанной с его побудительно-динамическими опасностями, или он уже заранее обречен своей патологией рода?

На этот вопрос Л.Сонди отвечает, что болезненные потребности побуждений не всегда вызывают заболевание. Они могут перерабатываться генотропически путем выбора супруга, друзей и профессии, т.е. социально-приемлемым образом. Чтобы избежать «болезни судьбы», каждый человек должен найти наиболее оптимальную для себя форму разрядки напряжения противоположностей своих побуждений.

«Выбор способа разрядки противоположных тенденций побуждения определяет динамику психических процессов индивида. Если индивид не сможет правильно разрядить напряжение противоположных побудительных тенденций, у него будет патология судьбы, в основе которой лежат не раннедетские расстройства, а доличностные, привнесенные, глубоко заложенные в родовом бессознательном конфликты побуждений. Напряжение противоположных тенденций в родовом бессознательном человека с патологией судьбы становится непереносимым, и он вынужден его разряжать любым способом» [3, с. 102].

Таким образом, психическая болезнь не является фатальной неизбежностью для индивида, но может проявить себя в виде специфического, обусловленного побудительно-динамическими опасностями рода, симптоматически образованного «аварийного выхода».

Однако, по мнению Л.Сонди, на динамику побуждений могут оказывать влияние не только родовые компоненты, но и индивидуальные, связанные с психическими особенностями человека. Здесь Л.Сонди развивает учение о защитных механизмах личности, которые связаны, в первую очередь, с кругом побуждений его «Я».

С одной стороны, эффективность механизма защиты зависит от бессознательной части «Я» индивида, которая, занимая определенную позицию по отношению к родовой диалектике побуждений, может оказывать влияние на способ деления противоположных тенденций побуждения. Л.Сонди выделял пять типов родового деления в сфере «Я», которое указывает либо на психическое здоровье, либо на наличие психоза или невроза (*см. табл. 3*).

С другой стороны, по мнению Л.Сонди, эффективность психологической защиты может зависеть от сознательного занимания позиции при помощи идеалов личности, которые формируются благодаря религии, воспитанию и идентификации.

Таблица 3. Позиции побуждений «Я»

Психическое здоровье	**+ + или − −**	***Сплавление противоположностей***
Невроз навязчивости	±	Изоляция
Шизофрения	+ − или − +	Расщепление
Фобический невроз	± ±	Интеграция
Сумеречное состояние, потеря «Я»	0 0	Дезинтеграция

«Хотя способ деления противоположных тенденций побуждения обусловлен родовым влиянием, идеалы и контридеалы, сформированные индивидом, могут через занимание «Я» индивидуальной позиции привести к иному типу деления, чем предписанный родовыми факторами. Если бы это было не так, можно было бы прекратить всякие разговоры о воспитании и психотерапии» [3, с. 103–104; 9].

Следовательно, в результате напряжения противоположных тенденций и последующего определенного способа деления и разрядки побуждения возникает не психическое заболевание, а только побудительная опасность, которой можно избежать путем защиты или сознательного занимания социально-позитивной позиции.

«Любой психопатологический синдром неразрывно связан с определенным типом деления побуждений и способом защиты бессознательного «Я» [3, с. 103–104].

Таким образом, судьбоанализ понимает психические расстройства прежде всего как «болезни судьбы», связанные с влиянием наследственно заданных побудительно-динамических опасностей, применяемыми «Я» формами психологических защит и получаемыми в результате этого взаимодействия специфических, симптоматически образованных «аварийных выходов» разрядки побуждений. Человек будет больным, если вынужден раскалывать и дуализировать противоположно направленные тенденции побуждений, а также переживать и страдать от них как от непримиримых противоречий.

Особое внимание Л.Сонди уделял в своей теории болезней такой проблеме современности, как неприятие индивидом Божественной Сущности, атеизм, следствием которого является расстройство Веры, одной из форм которого может являться бред. Бред про-

является, согласно Л.Сонди, потому, что верующий и атеист относятся по-разному к окружающей их действительности.

Например, верующий человек способен принимать жизнь такой, какая она есть, целостно воспринимая окружающий мир вместе с его трагическими противоречиями, многозначностью, неясностью и экзистенциальными вопросами бытия, потому что он чувствует себя не одиноким в этом мире.

> «Только Вера, как переживание единобытия и мистической партиципации с Духом, выбор Бога в качестве объекта Веры и перенос бытийной мощи на Бога, могут дать эти желанные спасение и защиту от смерти» [5].

Атеист с глубоким расстройством Веры неспособен выдержать экзистенциональные, индивидуальные и общественные противоречия, осознать сложность окружающего его мира. Более того, он отвергает и отрицает эти противоречия, одновременно создавая свой иной, бредовый мир, который появляется вследствие патологического распределения бытийной мощи. Этот мир иллюзии служит ему защитой от реального мира, в котором он не смог найти объект партиципации или единого существования и который поэтому его пугает и не принимает.

> «Бред – это продукт функции «Я», характеризующийся патологическим распределением бытийной мощи и ирреальным способом партиципации. Ошибочные оценки в бредовом состоянии являются следствием патологического распределения бытийной мощи. Причиной этого является неудавшаяся партиципация, которая не могла состояться из-за количественного превышения реально допустимой нормы» [4].

Построение атеистом мира бредовых идей ведет к глубоким нарушениям в восприятии пространственно-временных и в сфере межличностных отношений. У человека с расстройством Веры постепенно исчезает различие между своим и врагом, личная и общественная жизнь переходят одна в другое, границы «Я» и «Ты» у него размываются, им овладевает что-то «чудовищное» и безумное.

> «Ошибочное распределение бытийной мощи при бреде искажает оценки и представления. Следствием ложного перераспределения бытийной мощи является искаженная партиципация в бредовой реальности больного.
>
> При бредообразовании возникает рассогласование между стремлением к партиципации и распределением бытийной мощи через «Я». Бредообразующее «Я» стремится любым путем удовлетворить свою возросшую потребность в единобытии, но выбор объекта партиципации, на который переносится бытийная мощь, оказывается ложным» [4].

Если атеист, охваченный бредом, односторонне переносит всю свою бытийную мощь на других лиц, то эти лица получают все могущество его врагов и преследователей, а он превращается в беспомощную жертву. Перемещение им всей мощи бытия на собственное «Я» может привести к тому, что он становится сумасшедшим с манией величия.

Предлагаем вашему вниманию наиболее важные выводы из учения Л.Сонди о болезнях и здоровье в его собственном изложении.

> 1. «Человек психически заболевает из-за неспособности разрешить противоречия в сфере побуждений. Поэтому в судьбоанализе принято говорить не о психически больных, а о людях с расстройством в побудительной сфере или в сфере «Я».

2. Форма заболевания обуславливается способом деления целостного побуждения и типом защитных механизмов.

3. Между типом побудительной опасности и способом защиты «Я» существует неразрывная взаимосвязь, которая и определяет клиническую картину заболевания.

4. Параноидные, кататонические, маниакальные и депрессивные картины болезни являются следствием специфических способов защиты от побудительных опасностей, которые возникают в результате деления побуждений (так же как клинические синдромы невроза навязчивых состояний, ипохондрии, фобий и конверсивной истерии).

5. При психозах Дух не заболевает. К. Ясперс писал: «Дух не может болеть. Но он связан с экзистенцией, заболевание которой может создавать препятствия, приводить к расстройствам, а также стимулировать развитие».

То, что К.Ясперс понимал под «заболеванием экзистенции», в судьбоанализе расширяется до расстройства побудительной судьбы и судьбы «Я». Мы же говорим о заболеваниях, выборе, защите, кризисах и диалектике противоположностей в сфере побуждений.

6. В свете экспериментальных исследований побуждений перестройка и создание новой реальности при психозах происходит, прежде всего, потому, что психотик не может переносить «соперника» в своей побудительной сфере и пытается как можно скорее с ним покончить.

7. Психически больной разрушает реально заданную конструкцию противоположностей своей души; причем бунт направлен именно против ее наследственно-обусловленной биполярной структуры. Пути освобождения от противоречий биологической структуры могут выражаться в самых разнообразных клинических формах» [3, с. 105; 9].

Здоровым, по мнению Л.Сонди, является человек, который удерживает в определенном равновесии свои душевные противоположности в их динамической и диалектической последовательности. Он также способен выравнивать и интегрировать их в целостность, которая, подобно мосту, соединяет их между собой.

8. «Психически здоровым является человек, который:

а) чаще всего бессознательно способен ограничить динамику противоположных тенденций, являющуюся следствием реальной биологически детерминированной диалектики, путем синтеза противоположных тенденций;

б) имеет достаточно мужества для удовлетворения обеих противоположных потребностей побуждения в соответствии с их биологической конституцией. При этом он может быть эротической (или этической, социальной), а также инвертированной (или перверзированной) личностью» [3, с. 104; 9].

СУДЬБОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРАПИЯ

В результате своего теоретического осмысления и понимания сущности человека и раскрытия нового содержания в теории болезней Липот Сонди существенно расширяет границы психотерапевтической деятельности. По его мнению, если судьбоанализ раскрывает человека во всей его целостности на трех экзистенциональных уровнях – биопсихологическом, личностном и духовном, то, соответственно, судьбоаналитический терапевтический процесс должен охватывать все представленные варианты судьбы:

1. наследственная судьба;

2. побудительная и аффективная судьба;

3. социальная судьба;
4. ментальная судьба;
5. судьба «Я»;
6. духовная судьба.

«Понятие судьбы как суммы скрытых возможностей экзистенции является значительно более широким, чем понятие соматического и психического. Оно охватывает не только соматическую (как структуру наследственности и побуждений) и психическую (как судьбу «Я»), но также социальную, ментальную (мировоззренческую) и духовную судьбу личности» [3, с. 211].

На этой основе появляется возможность преодолеть существующий кризис в глубинной психологии между психоанализом З.Фрейда и аналитической психологией К.Юнга в учении о бессознательном.

Фрейд в своих работах описывал *индивидуальное бессознательное*, которое проявляет себя в симптомах болезни или ошибочных действиях здорового человека. Юнг, напротив, развивал теорию *коллективного бессознательного*, которое можно обнаружить в единстве символов, образов, мифах, фантазиях, а также иллюзиях и галлюцинациях людей, страдающих психическими расстройствами.

Если содержание индивидуального бессознательного составляли *эмоциональные комплексы*, устранить которые можно было только через осознание этих нереализованных желаний, то содержанием коллективного бессознательного являлись архаичные и разрозненные психические функции – *архетипы*, которые необходимо было объединить в целостную структуру личности как совокупность бессознательного и сознательного. Отсюда возникало серьезное разногласие в стратегии и тактике психотерапевтической деятельности этих школ.

Понимая *индивидуальное* и *коллективное бессознательное* как две взаимодополняющие стороны, Сонди дополняет свое понимание глубинных процессов психики понятием *родовое бессознательное,* проявляющееся в наследственности человека, «*откуда подавленные притязания предков определяют судьбу индивида через выбор профессии, болезни и способ смерти*» и где одновременно могут присутствовать как *комплексы,* так и *архетипы.*

> «В качестве активных элементов архетипы являются извечно заданными, вневременными образами и регуляторами изначальной человеческой природы, энергии побуждений и Духа. В психике они олицетворяют принцип оформления человеческого существования, являясь регуляторами побудительной сферы» [3, с. 188; 5].

Следовательно, судьбоанализ Сонди выступает как интегрирующий процесс для всех направлений глубинной психологии. В то же время он существенно обогащает понимание бессознательного, куда, по его мнению, необходимо включить наследственную природу человека. Действительно, в родовом «багаже» любого индивида уже изначально присутствуют различные варианты развития его психики. Если индивид в силу каких-либо причин фиксируется на несоответствующих его реальному положению формах развития, которые были взяты из его наследственного «фонда», то он может повторить навязанную судьбу своего предка, вызвав уже в своей жизни эти неблагоприятные картины, которые когда-то проявили себя в родовой болезни, преступности или трагическом смертельном исходе. В этом случае вместе с *индивидуальным* и *коллективным* свое собственное содержание приобретает и *родовое бессознательное* в виде *выбора судьбы.*

«Выбор – это универсальный язык родового бессознательного или, другими словами, выбор делает судьбу» [1].

Таким образом, даже если фигура предка оказывает влияние на судьбу индивида в виде наследственно сложившейся предрасположенности, в том числе и к определенным заболеваниям рода, человек всегда имеет возможность выбора. Например, если он знает об этой опасности, то может сознательно, хотя чаще это происходит бессознательно, выбрать себе такой вид профессиональной деятельности, в которой он социализирует притязания предков вместо того, чтобы заработать себе болезнь.

«Для Фрейда цель является достигнутой, если влечение включается в гармоническую структуру "Я" и если "Я" способно регулировать потребности побуждений. Судьбоаналитическая терапия, в которой речь также идет о наследственных расстройствах побуждений и "Я", может считаться законченной, если удается принять и социализировать болезнетворные притязания предков» [3, с. 206; 9].

Исходя из таких предпосылок, Сонди считает необходимым включить в глубинно-психологический терапевтический процесс процедуру анализа родовых и наследственно-навязанных форм судьбы, а психоаналитикам рекомендует *«получить дополнительное судьбопсихологическое образование»*.

«Судьбоанализ разрабатывает новые терапевтические методы для тех конституциональных, наследственно обусловленных изменений побуждений и "Я", терапия которых при помощи теории и техники классического психоанализа осталась бы незавершенной.

В судьбоанализе считается доказанным, что группу невротиков и предпсихотиков, которых мы называем

"людьми с патологической формой судьбы", можно вылечить, если предоставить им возможность, лежа на кушетке, в искусственной или шоковой форме отреагировать переживания психически больных предков и выбрать социально приемлемую форму экзистенции» [3, с. 201; 9].

Провозглашая принцип единства глубинной психологии, Л.Сонди не собирался принижать своеобразие отдельных направлений, а стремился к их соединению через взаимодополнение и комплементарность.

Если психоанализ развивал *механистически-каузальный* подход и принцип *неизменяемости* психической субстанции, аналитическая психология с ее *энергетически-финальным* подходом придерживалась принципа *изменчивости и заменимости* психической субстанции, то судьбоанализ, по мнению Л.Сонди, выбирает своим специфическим мето́дом *диалектику,* делая акцент, главным образом, на принципе *человеческого становления.* Тем самым он подразумевал, что через сознательное занимание позиции личность может достигнуть значительных изменений в наследственной диалектике побуждений.

«Единство глубинной психологии зависит от решения вопроса о единстве бессознательного. Причем необходимо учитывать, что в бессознательном действуют три различные, абсолютно гетерогенные функциональные группы, которые никогда не сводятся к общему знаменателю. Однако это не исключает возможности объединения трех отдельных функций бессознательного в единой целостности. Инстанцией, которая их интегрирует, является «Я».

В качестве центральной оси психики «Я» является инстанцией, которая устанавливает единство индивиду-

ального, родового и коллективного бессознательного на сознательном и бессознательном уровне» [3, с. 137; 9].

В связи с новым пониманием инстанции «Я» терапевтическая цель Фрейда («на месте «Оно» поставить «Я») уже не устраивает Сонди, поэтому он развивает свое видение психотерапевтической стратегии.

«Там, где в психике господствует подавление, должна управлять свобода; все инстанции бессознательного: «Оно», «Я» и «Сверх-Я» должны стать относительно свободными. Психотерапевт должен помочь пациенту гармонично распределить свободу между тремя инстанциями психики («Оно», «Я», «Сверх-Я»), чтобы ни одна из них не осталась обделенной.

«Оно», «Я» и «Сверх-Я» – не «топические пространства» психического аппарата, а группы психических функций родового и индивидуального прошлого. Вследствие действия защитных механизмов и тенденций к специфическому делению «Я» является не только представителем унаследованного поведения предков, заложенного в родовом бессознательном, но и носителем собственного опыта индивида» [3, с. 191].

Следовательно, ответственность за возможный свободный выбор судьбы, по мнению Сонди, берет на себя инстанция «Я», которая реализует его в процессе «*волевого направления побудительных тенденций в социальную и духовную сферу*» личности. В этом случае целью судьбоаналитической терапии и воспитания он считал становление человека и гуманизацию его побуждений.

Соответственно, следующим важным этапом в судьбоаналитической терапии является анализ «Я». Необходимость поставить анализ «Я» в центр терапевтического процесса объясняется Сонди тем, что ведущей и в то же время неудовлетворенной потребностью челове-

ка является его стремление к единобытию с другими. Однако преодолеть чувство одиночества и почувствовать себя защищенным человек может только тогда, когда ему удается объединить свои противоположности и восстановить целостность своей личности. В противном случае он обречен на то, чтобы испытывать страдания от чувства неудовлетворенности или совершать неблагоприятный выбор развития своей судьбы как своеобразный экзистенциальный выход из ситуации личностной неопределенности.

> «Только анализ «Я», который строится на трансцендирующем, интегрирующем «Я», может соединить между собой субъект («Я») и объект (мир), сознательное и бессознательное, бодрствование и сон, унаследованные побуждения и Дух, тело и душу, посюстороннее и потустороннее» [4].

Преодоление этих противоречий в психике человека Сонди связывал со становлением и развитием его «Я».

> «Я» – это распределитель бытийной мощи, организатор и соединитель противоположных полюсов сознательной и бессознательной части психики.
>
> «Я» социализирует и сублимирует, индивидуализирует и гуманизирует все противоположности человеческой побудительной природы. «Я» – это мост, который соединяет между собой противоположные полюсы души. «Я» является осью колеса судьбы, в качестве спиц которого выступают пары психических противоположностей.

Помогает человеку достичь такого уровня зрелости особое интегрированное «Я», которое Сонди обозначает как *Понтифекс-Я*. Именно в результате деятельности таких функций *Понтифекс-Я*, как *партиципация, трансценденция* и *интеграция* стремление человека к своей цело-

стности приобретает активную целеустремленность, логическую завершенность и направленность к свободной судьбе.

«Условиями функционирования «Понтифекс-Я» являются:

Трансценденция – как способность к переходу из одной реальности в другую.

Интеграция – как способность к восстановлению целостности из отдельных частей.

Партиципация – в виде способности «становиться единым целым», объединяться с людьми, материальными объектами, миром и Вселенной.

Следовательно, в качестве «Понтифекс оппозиториум» понятие «Я» должно рассматриваться как трансцендирующая, интегрирующая и партиципирующая инстанция. Только этот путь дает «Я» возможности интеграции. В этом случае целью любой формы психотерапии является достижение «станции» «Понтифекс-Я», т.к. только эта экзистенция имеет прямую связь с Духом» [3, с. 140–192; 9].

Завершающей стадией судьбоаналитической терапии Сонди считает «анализ функции Веры», или «вероанализ». Необходимость проведения такой формы анализа Сонди объяснял влиянием на судьбу человека его духовной составляющей или «духовной судьбы». Современный человек, по мнению Сонди, в результате доминирования в его сознании рационального (в буквальном смысле «расчленяющего») мышления постепенно теряет способность к мистической партиципации, что приводит к расстройству его Веры и расстройству «Я». В то же время проведение этой стадии анализа он считал настолько важным, что обозначил ее как дорожный указатель на пути к гуманизации людей, на пути к Духу.

«Мы говорим, что расстройство Веры – это расстройство «Я». Поэтому каждый врач и каждый психолог должен исследовать функцию Веры своих пациентов, а в случае ее нарушения из-за ошибочного распределения мощи попытаться расчистить завалы на пути к Духу. Только в этом случае аналитику удастся заполнить Духом индивидуальное и коллективное, управляемое и безопасное существование своих пациентов – по аналогии с аналитическим дуальным союзом. Совершение «аналитического переноса» на вечный объект Веры должен стать последним этапом аналитической терапии. Только этот объект Веры в состоянии вынести перенос Всемогущества, так как Он и без людей является Всемогущим. Игнорирование этой задачи мы считаем величайшей ошибкой, которую только можно совершить в анализе» [1; 2, с. 80].

Сонди в своих исследованиях доказал, что с помощью *Духа* или *Веры* человек способен задержать и даже остановить манифестацию наследственных заболеваний. Если подразумевать под *Верой* в чистом виде такую функцию «Я», как *партиципацию,* то становится понятным ее значение для совершения человеком правильного выбора. Это требует от индивида ответственного отношения к целостности в целях пропорционального, а не одностороннего распределения бытийной мощи.

«Действительно пропорциональное распределение бытийной мощи удается только интегрированному в Вере и партиципирующему с Духом «Я»...

Вера – это условие внешней и внутренней интеграции. Правильно партиципировать, т.е. стать единым с внешними объектами природного мира и надприродным Духом, может только «Я», способное достичь единства со своими внутренними экзистенциональными возможностями. Это может сделать только человек, который верит» [1; 2].

В этом случае реальную партиципацию с другими людьми, окружающим миром и Богом, которую способен установить верующий человек, Л.Сонди называет, соответственно, *любовью к ближнему, коммуникацией* и *функцией Веры.*

Действительно, в противовес разрозненным и эклектичным подходам, доминирующим в современной психотерапевтической практике, судьбоаналитическая терапия, напротив, выглядит как упорядоченная, целостная, завершенная концепция становления человека. Поэтому, представляя ее в таком виде, Сонди отмечает:

> «Судьбоаналитическая терапия является самой интегрированной из всех терапевтических форм. Ее цель – освобождение психически больного человека от судьбы, навязанной ему наследственностью, инфантильно-фиксированной природой побуждений, патогенным социальным и ментальным окружением.
>
> Такое освобождение от унаследованного и приобретенного экзистенциального прошлого может произойти только в результате построения «Понтифекс-Я», т.к. только это «Я» способно – через прямую связь с Духом – снять все противоречия между несвободой и свободой и предоставить человеку (относительную) свободу» [3, с. 192; 9].

СУДЬБОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА

Основным методом исследования Л.Сонди, на основе которого была выстроена его *система* побуждений, является проективный портретный тест. Сам автор был убежден, что не существует другого научного метода, который проникал бы в сферу бессознательного так глубоко, и предпочитал называть свой метод «эксперимен-

тальной диагностикой побуждений», где подчеркивалась его основная цель:

> «Тест предназначен для выявления экспериментальным путем всех экзистенциальных возможностей индивида, а не для постановки психиатрического диагноза. Во-первых, потому, что диагноз может измениться, а во-вторых, потому, что он является только одним из возможных «вариантов судьбы» индивида» [10].

Следовательно, Л.Сонди создал свой тест с целью экспериментального доказательства теоретически уже установленной судьбоанализом роли побуждений в обуславливании поведения и характера личности.

Поскольку психические болезни считаются отчасти наследственными и могут проявляться в чертах лица больного человека, Л.Сонди предположил, что между побудительной структурой пациента, запечатленного на фотографии, и структурой потребностей человека, реагирующего на эту фотографию, имеется большое сходство.

> «Выбор фотопортретов основывается на бессознательных и предсознательных (реже сознательных) воспоминаниях личности о семье или о круге близких знакомых. Позиция индивида по отношению к этим людям связана с симпатией или антипатией. Поэтому выбор фотопортретов теста ассоциативно обусловлен их «специфическим императивным характером» и занимающим позицию «Я» тестируемого» [10].

Учитывая, что каждая личность несет в себе одни и те же человеческие побуждения, а те, кто страдает психическими нарушениями, несут в себе большую «дозу» напряжения потребностей, мы в ходе экспериментальной диагностики можем выявить некоторые экстремальные варианты побудительных тенденций, проявляющиеся в

процедуре выбора фотографий определенной группы больных людей.

> «Количественный выбор фотопортретов связан с актуальным состоянием напряженности тенденций. Чем выше напряженность в отдельном факторе, тем большим будет число фотопортретов, выбранных по этому фактору» [10].

В соответствии с этим стимульный материал теста Сонди состоит из 48 фотографий, на каждой из которых представлен психически больной человек. Карточки делятся на шесть серий, по восемь в каждой, в соответствии с основными потребностями побуждений, которые представляют: *гомосексуалист, садист, эпилептик, истерик, кататоник, параноик, циркулярный психопат в депрессивной* и в *маниакальной* стадии.

Психологическое исследование проективным тестом Сонди состоит в предъявлении испытуемому шесть раз поочередно восьми фотопортретов психически больных людей. Во всех случаях от испытуемого требуется выбрать по два приятных и по два неприятных портрета. Эксперт фиксирует реакции выбора в специальном протоколе, называемом «профиль побуждений», и, анализируя его, делает заключение о состоянии актуальных потребностей личности. Считается, что необходимо провести не менее 10 тестирований с интервалом в 2-3 дня, но в ряде случаев допускается проведение 10-кратного тестирования в течение недели.

> «Судьба – это совокупность всех экзистенциональных возможностей индивида, которые реализуются через факторы навязанности (наследственность, природа побуждений, социальное и ментальное окружение) и свободы («Я» и Дух).

Мы должны выявить наибольшее количество этих возможностей, скрытых в тестовых профилях индивида, и сложить из них, как из кирпичиков, план его судьбы» (58).

Обработка протокола заключается в оценке произведенного испытуемым выбора фотопортретов по каждой потребности в отдельности.

«Фактор h (портреты гомосексуалистов) – выражает потребность субъекта в побуждениях любви, нежности, а также в подчинении и уступчивости.

Фактор s (портреты садистов) – отражает потребность к физической активности, насилию и агрессивной манипуляции объектом.

Фактор e (портреты эпилептиков) – раскрывает особенность субъекта выражать сильные агрессивные или враждебные эмоции.

Фактор hy (портреты истериков) – показывает особенность личности выражать более тонкие, чувствительные эмоции.

Фактор k (портреты кататоников) – потребность в сохранении индивидуальности и целостности субъекта и тенденция отделения от окружающих объектов.

Фактор p (портреты параноиков) – потребность в экспансии субъекта, желание раствориться в окружающем мире.

Фактор d (портреты депрессивных больных) – потребность в поиске объекта, а также сохранении достигнутого.

Фактор m (портреты маниакальных больных) – потребность в прикреплении к объекту, неустанной активности и предприимчивости» [10].

При этом необходимо учитывать, что одна и та же потребность может быть реализована на различных уровнях, в разных формах, в зависимости от развития индивида и достигнутого им уровня зрелости.

«Нам необходимо различать в практической деятельности пять уровней реализации потребности:

1) Животный, инстинктивный уровень.

2) Детский, инфантильный или догенитальный уровень.

3) Зрелый, генитальный, социализированный уровень.

4) Гуманизированный, или уровень сублимации.

5) Патологический уровень, связанный с неспособностью интеграции потребностей» [10].

Например, потребность к физической активности, насилию, агрессивной манипуляции объектом может проявляться на следующих уровнях:

– желание уничтожить реализуется у животного на инстинктивном уровне, когда оно преследует свою добычу или врага.

– На инфантильном уровне она проявляется в виде детских игр в войну, спортивных единоборств и состязаний.

– На зрелом, социализированном уровне она реализуется в таких видах профессиональной деятельности, как мясник или лесоруб.

– На гуманизированном уровне – в форме яростной полемики или критики других.

– Наконец, на патологическом уровне это проявляется в совершении извращенных, жестоких или серийных убийств.

Если испытуемый, например, в каждой серии выбирает в качестве симпатичных фотопортреты гомосексуалистов и эпилептиков (положительная реакция), то соответствующие этому выбору факторы (h, e) оказываются позитивно напряженными. Это означает, что неосознанные потребности индивида в этой области совпадают с его сознательными целями, одобряются побуждениями «Я» и показывают потенциальную готовность личности к реализации данных потребностей.

Если индивид выбирает фотопортреты в качестве неприятных (отрицательная реакция), то соответствующие этому выбору факторы считаются негативно напряженными. Это означает, что реализация этих тенденций отклоняется личностью или что эти тенденции несовместимы с сознательными устремлениями личности, хотя и являются динамически очень сильными.

> «Если клиент выражает наибольшую симпатию (или антипатию) к фотопортретам того фактора, в побудительном пространстве которого господствует потребность, то эта потребность является у него наиболее выраженной» [10].

Факторы, постоянно напряженные позитивно или негативно, носят название *коренных*. Они указывают на критическую неудовлетворенность данной потребности.

> «Фигурирующие так называемые коренные факторы, т.е. постоянно напряженные позитивные или негативные тенденции, которые личность не может разрядить, – должны указывать на фигуры больных предков в генеалогическом дереве» [10].

Если испытуемый выбирает фотографии одного и того же фактора *одновременно* и как приятные и неприятные, то можно говорить об *амбивалентной реакции* выбора. Это означает, что обе тенденции (+ и -) в борьбе между собой являются по своей силе примерно одинаковыми, создавая внутриличностный конфликт *(субъективный симптом)*.

> «Эта борьба стремлений, действующих по двум противоположным направлениям, и вызывает напряженность тенденций в соответствующей потребности. Наиболее зримо напряженность тенденций проявляется в

случае противоположно направленных амбивалентных реакций. Мы полагаем, что амбивалентная форма реакций является изначальной формой всех потребностей» [3, с. 243].

Если испытуемый не выбирает фотопортреты ни в качестве приятных, ни в качестве неприятных, то можно говорить о *нулевой реакции*.

Это говорит о том, что данные потребности не являются для испытуемого значимыми, т.к. он смог ее реализовать в той или иной форме *(объективный симптом)* или эта потребность по какой-то причине стала для него несущественной.

«Если клиент не выбирает вообще или выбирает минимальное количество фотопортретов по фактору, то мы отмечаем, что в побудительном пространстве господствует потребность, наименее выраженная у него» [10].

Факторы нулевых и амбивалентных реакций называются *симптоматические факторы*.

«Сумма амбивалентных и нулевых реакций дает нам уровень напряженности тенденций (У.Н.Т.) соответствующего фактора, которая возникает в результате генетически двойственной природы тенденций.

Симптоматические факторы имеют наивысший уровень напряженности тенденций, а коренные, напротив, самый низкий уровень» [10].

Факторы	*m*	*k*	*d*	*e*	*p*	*h*	*hy*	*s*
Степень напряженности тенденций (сумма 0 и ±)	8	5	5	4	4	2	2	1

Следовательно, восемь побудительных факторов образуют между собой ранжированный ряд по степени напряженности тенденций (сумме амбивалентных и нулевых реакций). Последовательность уровней напряженности тенденций позволяет нам составить формулу побуждений испытуемого на данный момент.

Пример: женщина 30 лет (аптекарь).

«Формула побуждений представляет собой дробь, в числителе которой мы ставим заглавные буквы симптоматических, а в знаменателе – коренных факторов» (243).

В нашем примере:

$$\frac{\mathbf{m\,8}}{\mathbf{s1}}$$

«Интерпретация полученной формулы: испытуемая имеет гипоманиакальные черты характера или симптомы маниакального заболевания (m) из-за неудовлетворенности своих агрессивных или садистических (s) потребностей, за которыми могут скрываться бессознательные притязания: быть мужчиной» [3, с. 245].

Побудительные факторы у Л.Сонди в соответствии с принципами комплементарности (взаимодополнения) объединены по парам в целостное побуждение. Их взаимодействие и частные взаимосвязи формируют так называемые *пространства побуждений*, или «*векторы*».

«Сексуальное побуждение, или вектор S, образовано двумя диаметрально противоположными факторами h и s. Его конечной целью является соединение с другими людьми в сексуальной области или любовь к человечеству.

Пароксизмальное побуждение, или вектор P, образовано факторами e и hy. Его конечной целью являются аффективные действия по защите и сохранению себя.

Побуждение контакта, или вектор С, образован факторами d и m. Его конечная цель – выйти на поиск и прикрепиться.

Четвертое побуждение Я, или вектор Sch, состоит из двух факторов – k и p. Побуждения Я относятся к тенденциям, которые проявляются исключительно у человека и полностью отсутствуют у животных. Он определяет следующие человеческие особенности: делать свои побуждения осознанными (p) и занимать по отношению к ним определенную позицию (k)» [10].

В этом случае поведение человека можно представить в виде взаимодействия трех животных побуждений и инстанции «Я». Инстанция «Я» показывает способность личности разрешать конфликты, возникающие в результате столкновения стремлений индивида реализовать свои желания, и тех ограничений, которые накладывает на них общество и окружение. В данном взаимодействии отражается специфика психологической структуры личности в построении собственной судьбы. Следовательно, развитие вектора «Я» выражает постепенное становление структуры личности и степень ее зрелости.

«Выбор уровня, на котором побуждения будут реализованы, то есть выбор судьбы, проявляется в результате взаимодействия побуждений с Я, инстанции сугубо человеческой (в отличие от побуждений S, P и C, аналоги которых можно обнаружить у животных)» [10].

Взяв за основу фрейдовское понятие *механизма защиты*, Сонди обозначил все тенденции двух факторов «Я» («k» – *иметь* и «p» – *существовать*) как реакции защиты против опасностей, исходящих от побуждений.

Тенденция (p -) представляет такую реакцию защиты, как партиципация или проекция:

«Стремление всех людей сохранять единобытие с матерью, существовать в защищенном пространстве дуальной экзистенции (дуальный союз). Стремление перенести свое бытийное могущество в качестве всемогущества – на свою мать, т.е. реально партиципировать.

Изпачальное стремление, побуждающее представителей первобытных народов навечно воссоединиться с тотемным животным, растением или предками, а «цивилизованных» людей – с Богом.

Стремление передавать или спроецировать экзистенциональную силу, после выхода из состояния райского единобытия с матерью, на объекты внешнего мира и, таким образом, умножить власть окружающего мира, а собственную силу, напротив, свести к бессилию (комплекс неполноценности). Все это проявляется через внешнее расширение своего «Я» и обуславливается функцией партиципацией или проекции (р-)» [10].

Тенденция (р +) представляет реакцию защиты в виде инфляции:

«Стремление осознать (после отделения от матери) одиночество и покинутость, понять имеющиеся в сознании желания, убедиться в раздельном существовании своего «Я» и другого мира и затем пожелать самому «стать всем» через расширение существования собственного «Я».

Это глубинная потребность, которая стремится к расширению сознания и проявляется в том, чтобы любым доступным способом восстановить райское ощущение первичного дуального существования индивида. Так же как младенец, который желает одновременно быть самим собой и своей матерью, мы испытываем желание быть другой личностью, отцом или еще более древним предком, чтобы извлекать из их жизненного опыта выгоду (родовая инфляция), считая, что имеем доступ или

владеем всеобщим разумом, духом (коллективная инфляция). Мы постоянно стремимся к противоречивым вещам: одновременно быть мужчиной и женщиной, человеком и животным, агрессивным и гуманистичным и т.д. Следующий шаг в этом направлении – это желание быть Богом, т.е. мания величия.

Все это проявляется благодаря внутреннему расширению своего «Я» и осуществляется через функцию инфляции (p+)» [10].

Тенденция (k +) представляет реакцию защиты – интроекция:

«Интроекция – это изначальное и бессознательное элементарное стремление «Я» к овладению, вовнутрению и присвоению значимых объектов, ценностных представлений и содержаний внешнего и внутреннего мира. Целью интроекции является капитализация, или желание «все иметь». Эта тенденция «Я» связана с захватом материальных благ, собственности, а также с овладением знаниями и умениями. Она стремится к уравниванию объекта субъекту, превращению идеалов бытия в идеалы обладания.

Формирование чувственно-эмоциональной сферы не обходится без участия функции интроекции, т.е. тенденции k+. Она участвует в построении объективного и субъективного образа мира, утверждении в «Я» идеалов собственности и обладания, в накоплении капитала, эгоизме и эгоцентризме, материальном нарциссизме и аутизме, идентификации с другими людьми и имущественными объектами с целью захвата в собственность, в образовании характера, профессиональной и должностной роли, «Персоны» (К.Юнг), и, конечно же, формировании реакций и симптомов (З.Фрейд) в больном «Я» [10].

Тенденция (k -) представляет реакцию защиты в форме отрицания или негации:

«Негация (k-), или способность говорить «нет», является отчасти бессознательным, а отчасти сознательным элементарным стремлением «Я» к избеганию, отказу, торможению, отчуждению и вытеснению определенных притязаний побуждения, представлений и идеалов, угрожающих самосохранению личности. Крайней формой негации является негативизм и личностная (»Я»-центрированная) деструкция.

Она служит для сужения Я (эгосистола), являясь защитой от опасностей побуждений. Ее задача состоит в том, чтобы, обращаясь к внешнему миру, проверять, тестировать реальность. Благодаря этому Я принимает или отклоняет реализацию тех или иных побуждений.

Функция k– позволяет человеку приспособиться к требованиям окружающей среды, морали или «Сверх-Я». Она определяет степень социализированности и социальной безопасности индивида. Под негацией подразумевается не интеллектуальная операция, а одна из участвующих в строительстве «Я» элементарных функций, которая может манифестировать как адаптация и задержка, вплоть до самодеструкции. Судьба индивида и судьба общества во многом зависят от степени развития способности говорить «нет» [10].

Затем Л.Сонди переходит к основной цели и задаче судьбоаналитической диагностики: исследованию индивидуальных планов судьбы, которые можно выявить различного рода методами толкования. В данном случае цель составления интерпретации заключается в следующем:

1. Раскрытие как скрытых намерений, так и уже манифестировавших планов судьбы индивида.

2. Установление важнейших возможностей его экзистенций.

3. Составление прогноза его судьбы.
4. Определение плана судьботерапии.

«Экспериментальная диагностика побуждений направлена прежде всего на выявление планов судьбы, возможностей судьбы, а не, как ошибочно считают многие, на постановку диагноза. Понятие «судьбы» заключает в себе нечто большее, чем то, что вкладывается в психиатрический диагноз, которым пытаются установить лишь одну из возможных форм существования личности. В то же время человек обладает множеством возможностей судьбы. В таком случае нам следует знать все возможности его судьбы, имеющие как скрытые, так и явные намерения» [3, с. 187].

От пользователей теста Сонди требуется гораздо больше интуиции и знаний, чем при работе с другими методами, т.к. это диагностический инструмент, который:

– раскрывает глубинные механизмы человеческих поступков и поведения;

– позволяет увидеть трехмерную сущность личности, выявляет прошлые, настоящие и будущие возможности ее судьбы;

– функционирует на самых различных уровнях развития личности, независимо от ее пола, возраста, культуры, расовой и религиозной принадлежности;

– исследует психическую жизнь человека как нечто постоянно изменяющееся, находящееся в борьбе противоположностей, динамическое, становящееся и преходящее.

Следует различать два основных метода толкования.

I. Качественные, диалектические методы:

– метод «края и середины»;

– метод комплементарности, переднего и заднего плана личности.

II. Количественные методы:
– метод Линнеевских таблиц.

МЕТОД «КРАЯ И СЕРЕДИНЫ»

Здесь речь идет о толковании взаимодействия сексуального побуждения и побуждения к контактам как целостности «края» по отношению к целостности «середины» (пароксизмальное побуждение и побуждение «Я»).

> «Побуждения края сигнализируют всегда о тех опасностях побуждений, которые возникают благодаря отношениям между людьми, складывающимися в контакте и в сексуальной жизни. Середина, напротив, указывает на те действия защиты в психике, благодаря которым личность пытается спастись от опасностей края.
>
> Таким образом, метод «края и середины» выявляет в нативной форме индивидуальную диалектику и личностный план существования» [10].

Что именно делает «середину» сильной или слабой, Сонди объясняет при помощи понятий *социально-позитивные* и *социально-негативные* тенденции.

I. Сильные тенденции «середины» для защиты от опасностей «края»:
1. внутренняя, этическая цензура, или цензура совести (e +);
2. внешняя, моральная цензура стыда (hy –);
3. реалистическая, вследствие отказа, позиция «Я» (k –);
4. идеальная, духовная цензура «Я» (p +).

II. Слабые тенденции «середины» для защиты от опасностей «края»:
1. накопление злости, ярости, ненависти, гнева, мстительности, зависти и ревности, смертоносная ментальность (e –);

2. бесстыдное выставление себя на показ, стремление выделиться (hy +);
3. страсть к обладанию, корыстолюбие и жадность (k +);
4. стремление переносить вину на окружающих, проекция (p −).

«Естественно, что правильное применение метода «края и середины» требует знания психологии всех факторов и векторов побуждений и 64 векторных картин» [3, с. 193].

Далее следует подробный разбор и рекомендации по применению метода «края и середины». Сначала Сонди рекомендует получить 10 тестовых профилей индивида, затем обратить внимание на отдельные патологические реакции и на количественное напряжение тенденций на «краях» и в «середине» тестового профиля.

Частота появления банальных профилей может говорить об адаптивных возможностях личности.

Одинаковые профили свидетельствуют о закостенелости психической жизни, сужении возможностей судьбы и отсутствии психической динамики.

Скачкообразные повороты указывают на опасный рост диалектической динамики, которая может привести к психическому или соматическому заболеванию.

КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ МЕТОД

Анализ переднего и заднего планов личности

Если методом «края и середины» исследуются психические стремления на одном и том же уровне, то комплементарный метод, наоборот, проникает в глубину души и показывает внутреннюю пространственную борьбу психических противоположностей. При этом «передний и задний план» личности образуют ее психическую целостность.

Переднеплановый профиль (ППП) дополняется теоретическим комплементарным профилем (ТКП) до целостного профиля (ЦП). Подлинного «заднепланового человека» представляет ТКП, а не экспериментальный комплементарный профиль (ЭКП), получаемый в результате второго захода тестирования, т.е. выбора из оставшихся 24 фотопортретов. Интерпретация результатов проходит в три этапа:

1) сначала методом «края и середины» интерпретируется ППП;

2) затем интерпретируется ТКП (оба профиля функционируют в психике одновременно и потому должны рассматриваться синоптически);

3) в конце исследуется только согласованность ЭКП с ППП и ТКП.

> «Прогноз судьбы по отношению к какому-либо виду терапии – лечению сном, шокотерапии или глубиннопсихологическому анализу – строится на соотношении согласованности ППП : ТКП : ЭКП. Именно в области психологического прогноза комплементарный метод вооружает психиатра или глубинного психолога инструментом, с помощью которого можно с большой вероятностью предсказывать, чего в конкретном случае следует ожидать от какого-то терапевтического вмешательства в возможности судьбы и вообще имеет ли его применение смысл» [3, с. 216].

Классификация личности по Линнеевским таблицам

Сначала нужно получить 10 тестовых профилей клиента. Затем определяется внутривекторная *разница напряженности тенденций* (РНТ) путем вычитания наименьшей величины напряженности из наибольшей.

«Например, если напряженность фактора h равна 2, а фактора s – 9, то разница напряженности тенденций сексуального побуждения (9 минус 2) равна 7» [10].

Пропорции латентности записываются в ряд, от большей РНТ к меньшей. Вектор с наибольшей РНТ, или с наибольшей степенью латентности, скрывает в себе самую высокую опасность побуждения, или *класс опасностей.*

Вектор с наименьшей РНТ, или с наименьшей степенью латентности, указывает на наиболее адекватный, привычный, или «аварийный выход», и называется *вентиль.*

На основании ранжированного ряда *степеней латентности* выделяем актуальный побудительный класс и составляем формулу побуждений личности.

«Наибольшая степень латентности, характеризующая побудительный класс, точно указывает место наибольшей побудительной опасности. На этом этапе развития личности необходимо обратить внимание на профилактику, психогигиену, перевоспитание и психотерапию» [10].

На основании полученных результатов можно достаточно точно классифицировать личность и «поставить вероятный диагноз» по Линнеевским таблицам. Однако Л.Сонди считает, что этот диагноз является только одной из возможных форм судьбы.

Следовательно, в основном Линневский метод служит для архивации материала в табличной форме.

«Нам часто задают вопрос, можно ли классифицировать человека как какое-то растение или животное, в духе Линнея? Многолетнее пользование линнеевскими таблицами позволяет нам ответить на этот вопрос утвердительно.

Жизнь отдельного человека слишком коротка, чтобы можно было успеть охватить все возможности судьбы как нормальных, так и болезненных структур побуждений в их неповторимой специфичности. Это основная причи-

на, по которой линнеевские таблицы побуждений до сих пор практически полупустые. Пока что мы смогли внести в них лишь наиболее часто встречающиеся заболевания побуждений (неврозы, психозы, преступления) и возрастные группы. В результате дальнейших кропотливых исследований постепенно, шаг за шагом, имеющиеся в таблицах пробелы будут заполняться. Я жду от исследователей, которые будут работать в будущем, именно такого серьезного завершения моего труда» [3, с. 269].

В свое время еще Ф.Шиллер подметил сходство в судьбах разных людей и даже наметил в своем произведении «Преступник из-за потерянной чести» основные подходы к построению классификации личности:

«Сердце человеческое – сколь оно просто и в то же время сколь сложно! Казалось бы, одна и та же способность или страсть может проявляться в тысячах формах и устремлений, может вызвать тысячи противоречивых явлений, может в тысячах характеров проявляться по-разному, и тысячи разных характеров и действий могут быть порождены одинаковой склонностью, пусть даже человек, о котором идет речь, меньше всего подозревает о своем сходстве с другими. Ах, если бы для рода человеческого, как и для других областей природы, нашелся когда-нибудь свой Линней, который сумел бы дать ему классификацию по поступкам и склонностям, как удивился бы мир, обнаружив в одном ряду с чудовищем Борджиа того или иного из людей, чьи преступные склонности разряжаются ныне в узкой мещанской сфере и тесных рамках закона».

Несомненная заслуга Л.Сонди проявляется в том, что благодаря его разработкам такая Линнеевская таблица создана и успешно функционирует.

Методика Сонди успешно и действенно используется в различных областях и сферах человеческой деятель-

ности. Мы перечислим лишь основные из них, где была многократно и документально подтверждена эффективность ее использования:

1. Психология развития, детская психология и психиатрия, детская игротерапия.
2. Педагогика и воспитание.
3. Характерология.
4. Криминология, криминалистическая и юридическая психология, судебная психиатрия.
5. Общая психиатрия и учение о неврозах.
6. Фармакология.
7. Профконсультирование.
8. Генетика и семейно-брачное консультирование.
9. Этнология и этнопсихология.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть тот факт, что становление Липота Сонди как ученого произошло прежде всего в Венгрии. Именно там он получил мировое признание и известность, сделал свои основные открытия. Можно предположить, выражаясь современным языком, что «нераскрученность» работ Л.Сонди в академических кругах связана с тем, что вдали от родины, на чужбине он чувствовал себя «своим, но среди чужих». Возвращение памяти Липота Сонди на его историческую родину – Венгрию, по нашему мнению, несомненно, будет способствовать духовному возрождению его учения, широкому распространению и популяризации работ, а также дальнейшему заслуженному мировому признанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтенвергер А., Бюрги-Майер К., Крамер М., Берне-Хюрбин А., Юттнер Ф.* Судьбоанализ Леопольда Зонди. // «Психология судьбы» / Сборник статей по глубинной психологии. / 2-е изд., исправленное и дополненное./ Под общ. ред. д. ф. н. проф. *Куликова В.Б.* – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1994. № 1.

2. *Бюрги-Майер К.* Вера как судьба: Религиозная глубинная психология по Леопольду Зонди// «Психология судьбы» / Сборник статей по глубинной психологии. / 2-е изд., исправленное и дополненное./ Под общ. ред. д. ф. н. проф. *Куликова В.Б.* – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 1994. № 1.

3. *Юттнер Ф.* Судьбоанализ в выводах. Обзор пяти основных книг Леопольда Зонди / Пер. с нем. А.В. Тихомиров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. – 2002.

4. *Szondi L.* Ich-Analyse. Die Grundlage zur Vereinigung der Tiefenpsychologie. Triebpathologie, Bd. II. Bern: Hans Huber.

5. *Szondi L.* Schicksalsanalytische Therapie. Ein Lehrbuch der passiven und aktiven analytischen Psychotherapie. Bern: Hans Huber.

6. *Szondi L.* Heilwege der Tiefenpsychologie. Bern: Hans Huber.

7. *Szondi L.* Schicksalsanalyse: Wahl in Liebe, Freundschaft, Beruf, Krankheit und Tod. – Basel: Benno & Schwabe. – 1944.

8. *Szondi L.* Contributions to Fate-Analysis of Marriage. An Attempt at Theory of choice in Love. – Acta Psichologica. Vol. 3 (1) The Hague, Martius Nijhoff, 1937.

9. *Szondi L.* Triebpathologie. Bd. I. Bern: Hans Huber.

10. *Szondi L.* Lehrbuch der experimentellen Triebdiagnostik. Bd. I, Text-Band. 3. Erweiterte Auflage. Bern: Hans Huber.

ГЛОССАРИЙ

Абсанс – кратковременная потеря сознания с последующей амнезией.

Авеля притязание – символическое обозначение этических устремлений, набожности, благочестия, стремления к справедливости и милосердию.

Акцептация – *букв.:* принятие.

Акцептации невроз – травматически приобретенные формы невроза, при которых раннедетское неприятие или резкое отвержение одним из родителей (чаще матерью) обуславливает длительное расстройство контактов (неудовлетворенность стремления к прикреплению), лабильность настроения и склонность к каинистическим реакциям мести.

Аллельные гены – пара материнских и отцовских генов, лежащая в основе любого признака. Согласно предположению Менделя, аллелями являются антагонистические или аллеломорфные единицы наследственности.

Амбивалентная тестовая реакция – одновременное проявление противоположных тенденций.

Ананке (Ананка) – (*в греч. мифологии*) богиня Необходимости, мать сестер – Мойр.

Болезни судьбы – название группы заболеваний в судьбоанализе. Судьбоанализ заменяет понятия психосоматики более обширным понятием «болезни судьбы», понимая под судьбой сумму возможностей экзистенции индивида. В целом, о болезни судьбы можно говорить тогда, когда «Я» совершает патологический выбор.

Бред – продукт функции «Я», характеризующийся патологическим распределением бытийной мощи и ирреальным способом партиципации.

Гаметы – половые клетки.

Гены – единицы наследственности.

Генная среда – совокупность генов, которые совместно с «основными» генами, будучи их «окружением», проявляются генотипически и генотропически.

Генотипическая манифестация гена – проявление обусловленного им признака в заданной форме (в соответствии с изначальной картиной наследственности).

Генотипическое различие – разница индивидов по генотипу.

Генотип – наследственный образ; индивидуальная генная структура, образуемая при зачатии в результате сплавления материнского и отцовского генофонда.

Генотропизм – основное понятие судьбоанализа, характеризующее явление взаимного притяжения людей, в генофонде которых содержатся идентичные или сходные латентные гены.

Генотропическая манифестация генов – определение латентными (рецессивными) генами выборов личности.

Генная пара – (см. Аллельные гены).

Генетическое родство – присутствие в генотипах людей сходных латентных (рецессивных) генов.

Генуинный – врожденный, истинный. (См. Эпилепсия генуинная).

Гетерозиготность (по какому-либо признаку) – «смешанная» наследственность; аллельную генную пару образуют неодинаковые гены.

Глубинная психология – общее название для направления, которое занимается исследованием различных уровней бессознательного в психической жизни индивида (*психоанализ, аналитическая психология, судьбоанализ*).

Гомозиготность (по какому-либо признаку) – сходная наследственность; аллельная пара образована одинаковыми генами.

Дезимажинация – обесценивание всех ценностей и ценностных образов.

Дизиготные близнецы – близнецы, происходящие из двух разных яйцеклеток (зигот).

Дипсомания – периодический запой.

Доминантные гены – единицы наследственности, проявляющиеся при гетерозиготности (доминирование).

Зигота – продукт объединения двух участвующих в оплодотворении гамет.

Инверсия – искажение, изменение. **И.** цели побуждения – мужская картина в сексуальном побуждении у женщин, женская – у мужчин.

Индивидуация – самореализация, процесс становления Самости индивида.

Индикация – назначение.

Интеграция – *здесь:* восстановление целостности психического из комплементарных частей. **И.** бессознательного – объединение коллективного, родового и индивидуального бессознательного в «целостном бессознательном».

Интроекция – изначальное бессознательное элементарное стремление «Я» к включению и вовнутрению ценностных объектов, представлений и всевозможных содержаний внешнего и внутреннего мира.

Инфляция – изначальное элементарное стремление «Я» к двойственности и всемогуществу.

Каина притязание – накопление грубых аффектов (гнев, ярость, мстительность) с последующей взрывообразной (пароксизмальной) разрядкой.

Кверулянт – носитель параноидных черт характера, выражающихся в стремлении обвинять других людей, писать жалобы и доносы.

Комплементарный – взаимодополняющий.

Контрадикторный – противоречивый.

Кондуктор – носитель латентного гена какого-либо признака, передающий его потомкам в том случае, если не произошла «генотипическая манифестация».

Конфронтация – сталкивать, противопоставлять, противодействовать; *здесь:* провокационная психотерапевтическая техника, при которой клиенту предлагаются амбивалентные варианты установок или решений для их последующего осознания и переработки.

Латентный – скрытый; *здесь:* не удовлетворенный в побудительном действии.

Латентно-рецессивные гены – не проявляющиеся при гетерозиготности, подавляемые доминирующими генами, скрытые единицы наследственности (рецессивность).

Летальные гены – гены, приводящие индивида к смерти (летальный исход).

Либидо – энергия Эроса. Сила, при помощи которой сексуальное побуждение достигает своего удовлетворения.

Либидотропизм – выбор эротического или сексуального партнера на основе генетического родства.

Логос – *здесь:* человеческий разум (по Фрейду).

Манифестировать – проявляться; *здесь* – удовлетворяться в побудительном действии.

Минусовая тестовая реакция – выбор по отдельному фактору не менее 2-х фотопортретов в качестве несимпатичных.

Мойра – доля, участь. В греческих мифах упоминаются три сестры Мойры, а именно Лахесис, предопределяющая жизненный жребий человека до момента его рождения, Клото, прядущая нить его жизни, и Антропос, обрезающая эту нить в свое время. Мойры были дочерями богини Ананке (Необходимость).

Монозиготные близнецы – близнецы, происходящие из одной яйцеклетки (зиготы).

Морботропизм – «выбор» болезни, определяемый латентными генами.

Мортидо – энергия Танатоса. Деструктивное побуждение или, другими словами, влечение к смерти.

Мутация – наследуемое изменение генотипа.

Нарколепсия – комплексное заболевание, для которого характерны внезапные приступы сонливости и каталепсии.

Негация – отчасти бессознательное, а отчасти сознательное стремление «Я» к избеганию, отказу, торможению, отчуждению и вытеснению определенных побудительных притязаний, представлений и идеалов, угрожающих самосохранению личности.

Невроза выбор (З.Фрейд) – тенденция индивида отвечать на различные психические травмы одинаковой формой невроза, который как бы «выбирается» им независимо от природы травмы.

Невроз переноса (= трансфертный невроз) – невроз, детерминированный отношениями между аналитиком и клиентом, объединяющий различные проявления переноса.

Невроз судьбы – форма невроза, который, в отличие от травматически обусловленных неврозов индивидуального бессознательного, детерминирован *родовым бессознательным*, или наследственностью. Если навязчивость связана не с индивидуальным бессознательным, а с наследственными факторами, то судьбоанализ говорит о *неврозе судьбы*.

Нецесситас (*лат.*) – *здесь*: неизбежная и тяжелая необходимость.

Нулевая тестовая реакция – выбор по отдельному фактору менее 2-х фотопортретов как симпатичных и /или менее 2-х портретов как несимпатичных.

Нуминозное – таинственное, невыразимое, «ощущение скрытого в себе Бога» (по Юнгу).

Овариоэктомия – операция по удалению яичника.

Оперотропизм – определенный генами выбор профессии.

Пароксизм – припадкообразное повышение патологических симптомов до своего пика. В этом смысле говорят о пароксизмальных проявлениях, взрывообразных припадках и т.д.

Партиципация – *букв.*: участие; *здесь:* единое, равное и родственное существование с другим объектом.

Патогенез – механизм развития заболевания.

Пенетрантность – способность того или иного наследственного признака проявляться в каждом поколении. **П.** связана с генотипом или с влиянием окружающей среды.

Перверзия – извращение (чаще, половое).

Переднеплановый профиль (ППП) – тестовый профиль индивида, получаемый в результате разделения им предъявленных фотопортретов на симпатичные и несимпатичные в первом «заходе».

Пикнолепсия – болезнь, для которой характерны множественные и кратковременные абсансы.

Плюсовая тестовая реакция – выбор по одному фактору не менее 2-х фотопортретов в качестве симпатичных.

Побуждение (= вектор побуждения, радикал) – союз двух потребностей (побудительных факторов), которые преследуют одну цель и действуют в одном направлении.

Побудительная тенденция – компонент потребности, который определяется (по Л.Сонди) одним унаследованным задатком, полученным либо от отца, либо от матери.

Побудительная болезнь (= побудительное заболевание) – болезнь, в основе которой находятся патологические изменения какого-либо побудительного фактора.

Побудительный больной – индивид, побудительные потребности которого функционируют таким образом, что он становится больным. Например, если он имеет слишком активный потенциал (s+), то может стать садистом. Через соответствующий выбор профессии, предполагающий социально-позитивное применение агрессивной деятельности, это заболевание превращается в побудительную судьбу.

Побудительный фактор (= побудительная потребность) – союз двух взаимосвязанных (аллельных) побудительных тенденций полярно-противоположного действия.

Полная тестовая реакция – выбор по одному фактору более 3-х портретов как симпатичных или более 3-х фотопортретов как несимпатичных.

Понтифекс-Я – Первосвященное Я; *здесь*: понятие, являющееся олицетворением интегрированной личности, достигшей полноты и целостности посредством мистической связи с Духом.

Понтифекс оппозиторум – *здесь*: поднявшийся над противоположностями.

Пориомания (= дромомания) – патологическая страсть к бродяжничеству, путешествиям, перемене мест.

Пиромания – патологическая страсть к поджогам.

Пробанд – наш пациент.

Проекция – перенесение индивидуальных вытесненных образов, латентных родовых фигур предков (*генотипы*) и коллективных первообразов (*архетипы*) на внешний мир.

Психагогика – воспитывающая психология.

Психиатрия сознания – направление в психиатрии, занимающееся исключительно вопросами сознания. Судьбоанализ может дополнить психиатрию сознания своей психиатрией побуждений, которая включает бессознательное.

Расщепление «Я» – это явление выпадения определенных элементарных функций (*интроекция, негация, инфляция, проекция*) из физиологического круговорота «Я».

Реакция со сверхдавлением – (см. Полная тестовая реакция).

Родовое бессознательное – та часть «ядра бессознательного», в которой притязания предков, фигуры предков, т.е. родовые (а не индивидуальные или коллективные) генотипы, находясь в латентном состоянии, оказывают генотропическое действие, стремясь к повторному проявлению в жизни потомков.

Самость – архетип целостности и регулирующий центр жизнедеятельности индивида.

Сновидение – судьбопсихология различает побудительные сновидения, происходящие из индивидуального бессознательного, и сновидения предков, которые находятся в связи с родовым бессознательным. Сновидения «Я» могут быть взаимосвязаны с двумя сферами бессознательного. Они могут иметь побудительную природу, если в них делается акцент на какой-либо функции побуждения «Я» (например, желание иметь: +k). Но они могут также прояснить потребности «больных предков» из сферы «Я» (например, параноидные притязания: –p; +p).

Сновидения предков – сновидения, содержание которых находится в тесной связи с родовым бессознательным. В них появляются фигуры, имеющие отношение к сновидцу. Сновидения предков отличаются от *побудительных сновидений*, содержание которых берет начало из индивидуального бессознательного.

Социализация – процесс интеграции индивида в социальную среду, в ходе которого происходит усвоение социальных знаний, социальных навыков и социальных ценностей.

Социотропизм – выбор друзей на основе генетического родства.

Судьба – это совокупность всех унаследованных и свободно выбранных экзистенциальных возможностей индивида.

Судьбу человека обуславливают шесть различных факторов. Первые четыре (наследственность, побудительная и аффективная природа, социальное окружение и ментальная среда) образуют навязанную судьбу, а следующие два («Я» и Дух) способствуют формированию свободной судьбы.

Судьба аффективная относится к *побудительной судьбе*. Судьба человека в значительной степени определяется аффектами, т.е. пароксизмальным кругом заболеваний (вектор Р): яростью, гневом, страхом, фобиями и др.

С. навязанная заключается в повторении ранее существовавшей патологической формы экзистенции предков.

С. побудительная включает влияние всех четырех побуждений на существование и становление человека.

С. свободная заключается в выборе свободного человеческого становления через «Я» индивида.

С. предков – та часть судьбы человека, которая определяется фигурами предков, т.е. наследственностью. Синоним: *наследственная судьба*.

С. целостная – совокупность шести факторов, определяющих судьбу индивида (см. Приложение V).

Судьба «Я» – существование и становление индивида, определяемое побуждением «Я» (как правило, отдельными функциями этого «Я», например, негацией или инфляцией). Но судьба «Я» может также пониматься в смысле высшего «Я», которое может давать свободу, устранять противоречия. Если противоречия не будут сняты, судьба «Я» будет больной. Это значит, что если отдельные потребности или тенденции побуждения «Я» не будут находиться в равновесии, то это приведет к односторонней фиксации или выпадению функций «Я».

Судьбоанализ – это разработанное Л. Сонди глубинно-психологическое направление, которое располагается между психоанализом Фрейда («индивидуальное бессознательное») и аналитической психологией Юнга («коллективное бессознательное»). Основной сферой исследования судьбоанализа является родовое бессознательное. В широком смысле С. как высшее понятие объединяет три сферы:

а) *судьбопсихология* (концепция или теория человека);

б) *патология судьбы* (учение о болезнях);

в) *судьбоанализ* (в узком смысле, как реализация пунктов «а» и «б», т.е. как практическая терапия диагностиков).

Судьботерапия (в узком смысле) – клинический метод лечения болезней судьбы.

Танатотропизм – определяемый латентными генами «выбор» смерти (болезнь, суицид, насильственная смерть).

Теоретический комплементарный профиль (ТКП) (= заднеплановый профиль) представляет собой совокупность заднеплановых тенденций личности, которые в сумме с переднеплановым профилем, получаемым при первом тестировании, составляет целостный профиль индивида. Прямо противоположен переднеплановому профилю.

Тихе (*греч.*) – *здесь*: добрая и счастливая судьба; девица, которая принесла счастье и богатство бездольному и бездомному юноше. Т. противопоставляется понятию «фатум» (= злая судьба).

Трансценденция – функция Понтифекс «Я», которая способствует выходу за пределы бытия здесь и теперь, переходу из посюстороннего в потустороннее и обратно.

Триолизм – сексуальное отклонение, при котором удовлетворение достигается только при участии (или присутствии) в половом акте третьего лица.

Фатум (*лат.*) – злая судьба; если он приносит счастье, то обязательно что-нибудь заберет.

Фенотип – внешнее проявление (манифестация) генотипа индивида под воздействием жизненных условий.

Функция веры – способность воспринимать и переживать Дух в качестве Высшей Инстанции.

Эгодиастолическая побудительная потребность – бессознательная потребность «Я» в расширении пространства существования посредством партиципации, вторичной проекции или инфляции.

Эгосистолическая побудительная потребность – бессознательная потребность в занимании «Я» определенной позиции: позитивной (= подтверждение, интроекция) или негативной (= от-

рицание, негация) по отношению к стремлениям, расширяющим «Я». Способствует сохранению психического здоровья индивида.

Эймармена (*греч.*) – *здесь:* жестокая, навязанная и неизбежная судьба; синоним латинского понятия «фатум» и антоним греческого «тихе».

Экзегет – богослов, толковавший библейские тексты.

Экзистенция – существование.

Экспериментальный комплементарный профиль (ЭКП) – тестовый профиль индивида, получаемый в результате разделения оставшихся после первого «захода» фотопортретов на симпатичные и несимпатичные во втором «заходе».

Эпилепсия генуинная – общее название для всех форм эпилепсии, не связанных с поражением головного мозга или нарушением обмена веществ.

Эпилептиформная триада (по Сонди) – три генетически взаимосвязанных заболевания: *эпилепсия, мигрень, заикание.*

Этиология – происхождение (причина) заболевания, патологического процесса.

Ad hoc (*лат.*) – *букв.:* к этому; для данного случая, для этой цели. Здесь: ad hoc интроекция – см. Интроекция.

Deo concedente – с соизволения Бога.

Morbus sacer (*лат.*) – священная болезнь: название эпилепсии в античном мире.

Via regia – «Царский путь».

BIBLIOTHECA HUNGARICA

[1]

Имре Кертес

Язык в изгнании

СТАТЬИ И ЭССЕ

[2]

Бела Хамваш

Scientia sacra

[СВЯЩЕННОЕ ЗНАНИЕ]

[3]

Иштван Бибо

О смысле европейского общественного развития

и другие статьи

[4]

Петер Надаш

Тренинги свободы

ИЗБРАННЫЕ ЭССЕ

BIBLIOTHECA HUNGARICA

[5]

Аттила Йожеф

Край заброшенных наделов

ИЗБРАННЫЕ ЭССЕ И СТАТЬИ

[6]

Иштван Бибо

Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года

[7]

Дёрдь Лукач

Политические тексты

ИЗБРАННЫЕ ЭССЕ

[8]

Липот Сонди

Судьбоанализ

СТАТЬИ ПО ПСИХОЛОГИИ

Dear reader!

The book lying before you has appeared due to the joint efforts of a number scholars whose main aim was to make accessible and renowned the intellectual heritage of the Hungarian thinker, founder of Schicksalsanalyse Lipot Szondi.

Along with a selection of articles of Lipot Szondi itself, this edition includes papers of his colleagues and materials prepared by a group of Ural scholars that became the nucleus of the Russian school of Schicksalsanalyse.

*The paper of A.V. Smirnov "*Lipot Szondi: the biographic sketch*" describing life and intellectual career of Lipot Szondi is not limited to enumeration of dates and bare listing of facts and events. All Szondi's deeds and actions are interpreted in a wider context of his personal contradictions, doubts, strong-willed decisions and behavioral models. The author maintains the idea that it was the wish to resolve his own intrapersonal conflicts that stimulated Szondi's scientific activity and led him to the creation of the Schicksalsanalyse.*

*The contribution of Swiss Schicksalsanalytiker Friedjung Juettner "*Six questions to Lipot Szondi*" is shaped as interview that exposes Szondi's arguments on the main aspects of his Fate-Analytical doctrines.*

The actual interview with Szondi made by Kornelius Van Reen adds a lot to our understanding of the founder of the Schicksalsanalyse as a living person. In this conversation that took place in 1971 in Szondi-Institute, also some aspects of the Fate-analytical diagnostics of fate were considered, in particular the problems of alcoholism and aggressions by men and women.

*The following article is "*Faith as the Destiny*" written by Lipot Szondi. Here he stresses the importance of religious experience in treating mental illnesses, and claims atheism to be one of the principal causes of a neurosis. A number of real-life examples taken from Szondi's clinical practice are included within this publication. They concern, in particular, students and people with higher education, and drive the author to a number of conclusions regarding the infringement of function of Faith.*

*In another work published in this volume, "*About conscience and Faith*" Szondi describes four existential forms and argues on problems of conscience within the framework of depth psychology.*

Three more papers, "Cain and fire", "Incendiary had been becoming the nurse" *and* "Cain behind writing-table", *are taken from Szondi's fundamental treatise* "Cain: Formation of the Malice" *(1969). They analyze different versions of a person with Cain's mentality.*

Six other Szondi's articles "Cain – the murderer of father", "Cain – the murderer of mother", "Cain – the military criminal", "The former murderer – now the prison preacher", "The "Black devil" becomes sacred *(Hagiography of St. Moses Murin)*", "Murderer becomes almost a saint in prison", *reveal the opportunity of transformation and revolutionary change from Cain's to Moses' mentality. This transformation is made possible when a person truly converts to the Faith in God. These contributions are taken from another influential L.Sondi's* "Moses: answer for Cain" *(1973).*

In his paper "Fate-Analysis of Lipot Szondi" *A.I. Lozhkin's gives a survey of the main ideas, arguments and conclusions of a new scientific school, Schicksalsanalyse, of which Lipot Szondi was the founder. His contribution is the more valuable is he managed to treat difficult scientific topics in a way both comprehensive and entertaining for a broader audience.*

"Freedom and enforcement in the destiny of an individual" *is the title of another L. Szondi's work in which he explores the emergence of the concept of Fate in philosophy, psychology, and cultural studies, especially focusing upon the comparison drawn between three fundamental basic schools engaged in the investigation of the Unconscious, namely Psychoanalysis of Siegmund Freud, Individual Psychology of Karl Jung and Schicksalsanalyse. Henceforth, he elaborates and maintains the scientific doctrine of Fate that is dealing with the genetics of destiny and, first and foremost, with all the choices made by a given person in love, friendship, career, illness or death.*

The volume is crowned by one more contribution of L. Szondi, "The way of human becoming" *demonstrating how all various directions of depth psychology can be incorporated into one, general and unified, depth psychology.*

«РУССКОЕ СУДЬБОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО», учрежденное в Екатеринбурге 23 ноября 1993 года, объединило в своих рядах специалистов, занимающихся развитием и обогащением концепции Судьбоанализа, создателем которой был ученый с мировым именем, психолог, психиатр и философ Липот Сонди.

Деятельностью общества охвачены многие социальные и научные сферы, этому способствует то обстоятельство, что каждый из его представителей ведет работу в своей определенной сфере деятельности.

Принцип открытости распространился и на внешние связи общества. Установлены научные контакты со специалистами Перми, Тюмени, Новосибирска, Северобайкальска, Хабаровска, Норильска, института психиатрии им. Бехтерева в Петербурге, кафедрой психологии Петербургского Государственного Университета, Московским психологическим институтом им. Л.Г.Щукиной, музеем Ф.М.Достоевского (Петербург) и домом-музеем Достоевского (Москва). Возникло тесное и плодотворное сотрудничество с Институтом психологии и права Уральского отделения Российской Академии Наук.

Представители общества осуществляют прямые международные научные связи с судьбоаналитиками других стран и, конечно, плодотворно сотрудничают с институтом Сонди (Цюрих).

Деятельность сотрудников Русского судьбоаналитического общества является существенным вкладом российских ученых в развитие мировой психологической науки. Предлагаемая Вашему вниманию книга, является очередным изданием, которое появилось в результате научного творчества рабочей группы РСО:

ЕРМОЛАЕВ Виктор Александрович (*Екатеринбург*)
foc@olympus.ru
ЛОЖКИН Александр Иванович (*Екатеринбург*)
Lozhkin_Alex@2-u.ru
СМИРНОВ Александр Васильевич (*Екатеринбург*)
Alexsmir@2-u.ru
ТИХОМИРОВ Андрей Васильевич (*Екатеринбург*)
sudba62@rambler.ru

Более подробную информацию об обществе и его деятельности можно получить на сайте www.szondi.info

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5

1. Личность и жизненный путь Липота Сонди

А.В. Смирнов. Липот Сонди: биографический очерк 9
Фридьюнг Юттнер. Шесть вопросов Липоту Сонди (*интервью*) 69
Корнелис ван Рин. Разговор с Липотом Сонди (*интервью*) 90

2. Вера как судьба

Карл Бюрги-Майер. Вера как судьба 125
Л. Сонди. Вера как судьба 157
Л. Сонди. О совести и вере 163

3. Л. Сонди ***«Каин: формирование злости»***

Каин и огонь 167
Поджигательница, ставшая медсестрой 169
Каин – военный преступник 188
Каин за письменным столом 191

4. Л. Сонди ***«Моисей: ответ Каину»***

Каин – убийца отца 206
Каин – убийца матери 207
Бывший убийца – тюремный проповедник 209
«Черный дьявол» становится святым (Житие Св. Моисея Мурина) 211
Убийца, ставший в тюрьме почти святым 213

5. Судьбоанализ Липота Сонди

Л. Сонди. Навязанность и свобода в судьбе индивида 231
Приложение к статье Л. Сонди «Навязанность и свобода в судьбе индивида». *Примеры из книги «Судьбоанализ»* (1965) 231
Л. Сонди. Путь человеческого становления 365
А.И. Ложкин. Судьбоанализ Липота Сонди в цитатах и комментариях 402

Глоссарий *462*
Summary 474

Липот Сонди

Судьбоанализ

ISBN 978-5-94607-080-5

Издательство «ТРИ КВАДРАТА», Москва 2007

Издатель и арт-директор: Сергей Митурич
Исполнительный директор: Савва Митурич
Редактор: Татьяна Ершова
Верстка: Татьяна Боголюбова
Корректура: Ада Мартынова
Производство: Елена Кострикина

Издательство «ТРИ КВАДРАТА»
Москва 125319, Усиевича д. 9, *тел.* (495)151-6781, *факс* 151-0272
e-mail: info@triquadrata.ru

Подписано в печать 19.11.2007. Формат 70x100/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 15. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии АКО-Принт